

Врата между мирами распахнулись...

Аманда
Хемингуэй

Аманда Хемингуэй

Нефрито-
вый
Грааль

Бел
Дракона

Нефритовый Грааль

AMANDA HEMINGWAY

«The Greenstone Grail»

Аманда
ХЕМИНГУЭЙ

НЕФРИТОВЫЙ ГРААЛЬ

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
Х37

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Amanda Hemingway

THE GREENSTONE GRAIL

Originally published in English by HarperCollins Publishers Ltd.

Перевод с английского О. Гавриковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А. Дубовик

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать 20.03.08. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 3000 экз. Заказ № 4824085

Хемингуэй, А.

Х37 Нефритовый Грааль : [фантаст. роман] / Аманда Хемингуэй; пер. с англ. О. Гавриковой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 443, [5] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-038593-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-7991-1 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Врата между мирами распахнулись — и древняя, чуждая магия стала проникать в мир людей... Миф?... Суеверия? Нет.

Юноша Натан, выросший в доме загадочного мудреца и обладающий колдовским даром странствовать между реальностями, уверен — мир магический столь же достоверен, сколь и мир наш. И теперь его «второй родине» грозит смертельная опасность. Опасность, отвести которую сможет лишь тот, кто соберет воедино три артефакта немыслимой магической силы.

Первый из них именуется Нефритовым Граалем...

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© Amanda Hemingway, 2004

✎ Школа перевода В. Баканова, 2008

© Перевод. О. Гаврикова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Грааль

*Та чаша дьяволом ваялась,
Чтоб бога кровь в себе хранить;
Рожден ей сонм созданий бледных
И заплетен в сказанья нить.*

*Ее точили в Преисподней —
В начале дней, до Рождества;
Творенье ангелы, похитив,
Сокрыли, как гласит молва, —*

*И даровали вечность жизни,
Бессмертье смерти, сон без снов,
Над призрачными власть Вратами
Из яви — в вымысел миров.*

*Сосуд сей душу отравляет,
А кровь — легенд вздымает рой,
И пусть мы вечности коснемся,
Дерзнув испить из чаши той.*

ПРОЛОГ

Часовня

В тот вечер сквозь лесную чащу двигались трое: мальчик, пес и солнце. Тень тучи отступила, и солнечные лучи, пробившись сквозь сеть деревьев, протянулись вдоль северо-западного склона холма навстречу двум путешественникам, что шли по тропинке наискосок к свету. Мальчик был смугл — чересчур смугл для народа англосаксов; кожа его имела золотисто-оливковый оттенок, а черные волосы отливали синевой и зеленью; синие и зеленые искорки плясали и в темноте его глаз. Худощавое лицо казалось необычным, серьезным, слишком взрослым для ребенка двенадцати лет. Пес — лохматая дворняга с длинными ногами и своенравным хвостом — трусил рядом с другом, свесив одно ухо и глядя из-под косматых бровей умными карими глазами. Зверя окрестили Гувером, по известной марке пылесоса — из-за его привычки вечно подбирать с пола крошки; впрочем, на самом деле имя у него было другое. А мальчика звали Натан — и это было его истинное имя, по крайней мере тогда. Большую часть своей недолгой жизни он провел, скитаясь по лесам, и потому знал каждое дерево в окрестностях поместья Торнхилл; а еще здесь, в извилистой долине, раскинулся Темный лес. Через него не вела ни одна

тропинка, и каждый раз, оказавшись там, мальчик искал дорогу заново. Порой ему чудилось, что деревья движутся, шелестя корнями по прелой листве, и даже ручеек, журчащий по дну долины, то и дело играет с ним забавные шутки, меняя русло, как, впрочем, иногда случается с ручьями после внезапного дождя. Здесь стояла удивительная тишина: редкая птица обитала в Темном лесу.

Все окрестные земли когда-то принадлежали роду Торнов (в древних дядиных книжках фамилия писалась как «Тоун»); хозяева построили на дне ложбины часовню — в давно минувшие дни рыцарства и легенд, прежде чем история расставила все по местам. Когда отступник Торн продал душу дьяволу (во всяком случае, ходили такие слухи), часовню разрушила не то молния, не то еще какая сила; развалины же наверняка сохранились и по сей день — в потаенной ложбине под ворохом листвы. Натан с друзьями не раз отправлялся на поиски, правда, неизменно безуспешные. В одной из старых книг утверждалось, что в часовне хранится то ли чаша, то ли потир — некая священная реликвия; вот только Хейзл, лучший друг Натана, утверждала, что ему никогда ее не отыскать, потому что это может сделать лишь тот, кто чист сердцем. (Другие мальчишки говорили, что девчонка не может быть лучшим другом; Натан же не мог взять в толк почему и поступал по собственному разумению.)

Вообще-то в тот вечер он не искал часовню, а просто гуливал дядиного пса, в компании которого предпочитал пускаться в приключения. Деревья стояли, окутанные легкой дымкой — скорее тенью, нежели туманом; по мере того как друзья спускались глубже в лощину, ветви становились все более узловатыми и сплетались в сети — или же торчали, оцетинившись, во все стороны, норовя зацепить одежду и мех. Натану приходилось тщательно выбирать дорогу, но он

редко спотыкался и ни разу не упал; да и пес, при всей кажущейся небрежности движений, вышагивал скоро и уверенно.

Туча над головами миновала, ударил луч солнца, скользнув по голым ветвям и затмевая взор золотистой дымкой. Несколько мгновений Натан шел ослепленный, не разбирая дороги. Затем вдруг лесная подстилка под ногами провалилась — и он упал куда-то в темноту, в дожде из обломков веток и комьев земли, облетевшей древесной коры и сухих листьев.

Пролетев футов десять, мальчик рухнул на подушку из хвороста, смягчившую удар. Похоже, он угодил в какое-то пустое помещение вроде пещеры. Резкие переходы от сумрака к слепящему свету, от света к полутьме сбили Натана с толку; прошло время, прежде чем глаза привыкли. Он поднял голову и увидел дыру с рваными краями, а сквозь нее — залитые солнцем деревья и голову пса, заглядывающего вниз. Натан попытался сказать, что с ним все в порядке, но лишь захрипел. Руки и ноги были все в синяках, зато вроде бы обошлось без переломов; внутренности, пережившие основательную встряску, постепенно возвращались на свои места; чувство тошноты исчезло.

Сверху послышалось царапанье, потом звук скольжения — и вот уже Гувер присоединился к товарищу. Глаза Натана привыкли к темноте; теперь он разглядел прямоугольное помещение длиной примерно в двадцать футов неправдоподобно правильной для естественной пещеры формы. Потолок образовывали спутанные корни деревьев, удерживающие от падения землю; под ним мальчик увидел короткие толстые колонны, сходящиеся вверху в арки, и по обе стороны — смутные очертания стен, возведенных руками человека, со стрельчатыми оконными нишами, забитыми гнилой листвой и спутанными клубнями.

Натан порылся в кармане и извлек фонарик, полученный в подарок на Рождество. Луч был слаб, а тьма — недостаточно густа, чтобы сделать его заметнее; и все же кружок бледно мерцающего света принялся блуждать по массивным колоннам и разломам в стене. Камень выглядел холодным и рыхлым, точно черствый хлеб. Натан встал и пошел вслед за лучом фонарика в темноту; Гувер не отставал ни на шаг.

Слой земли под ногами сделался тонким; сквозь него виднелись каменные плиты — одни растрескавшиеся, другие вздыбленные рвущимися к свету ростками. Луч выхватил фрагменты высеченной на полу надписи и странное маленькое личико, глядящее с наличника: черты были полустерты, выделялись лишь пухлые щеки с ямочками под злобными щелками глаз и пара обломанных рогов.

— Это она, — прошептал Натан. Говорить шепотом не было никакой необходимости, но в подобном месте иначе не получалось. — Потерянная часовня Торнов. А то лицо не очень-то похоже на христианское, верно?

В знак согласия Гувер засопел и принялся молотить хвостом по ноге мальчика.

В дальнем конце помещения друзья набрали на что-то вроде кафедры. («Здесь находился алтарь».) Выше, над алтарем, обнаружилась ниша, занавешенная бахромой корней и припорошенная земельной пылью.

— Наверное, она стояла вот там, — проговорил Натан, — святая реликвия...

Он ощупал нишу, однако та оказалась пуста. Не успел Натан вытащить руку, как раздался звук столь потусторонний, что по коже у мальчика побежали мурашки. Низкое, тихое, утробное рычание. Никогда прежде Натану не приходилось слышать, чтобы Гувер рычал; теперь же пес, оскалив-

шись и не сводя глаз с ниши, принялся медленно, шаг за шагом, отступать. Шерсть на загривке встала дыбом.

— Что случилось? — спросил Натан.

Пес даже не взглянул в его сторону.

Натан не стал успокаивать товарища словами вроде «все в порядке». Он знал: если Гувер что-то чувствует, значит, на то есть причина. Сколько мальчик себя помнил, они были друзьями, и никогда никто не слышал, чтобы пес рычал на человека или зверя. Свою враждебность он неизменно выражал лаем. Казалось, пес был прирожденной нянькой для детей, из тех, что не станут кусать почтальона, а повстречаясь ему в доме грабитель — он вылижет тому лицо, да и дело с концом. Зато Гувер понимал каждое слово — в этом Натан был уверен, как и в том, что пес пустится вслед за ним в любое приключение. Гувер был стар. «Старше меня», — подумал мальчик и впервые в жизни задался вопросом, насколько старше, ведь обычно собаки живут лет одиннадцать.

Незаметно для себя Натан и сам начал отступать, стараясь держаться поближе к Гуверу. Тоже не сводя глаз с ниши.

Впоследствии он никак не мог вспомнить, что возникло первым: свет или голоса. А может, то были и не голоса вовсе, а лишь звуки — тихие нашептывающие звуки, похожие на слова, которых не разобрать, нитевидные призраки давно отзвучавшего шума. Гувер перестал рычать и замер; пасть его была в пене, зубы оскалены. Натан положил руку псу на шею и почувствовал его дрожь.

Мальчик выключил фонарь; теперь друзья неотрывно смотрели на свет — крошечное зеленое пятнышко, что появилось в нише. Либо ниша была на самом деле гораздо глубже, чем думалось Натану, либо свет шел откуда-то извне, из далекой-далекой тьмы. Он медленно разрастался, словно

приближаясь, поднимаясь из черной пропасти, и наконец стало ясно, что это ореол, окружающий небольшой предмет.

Шепот усилился, превратившись в хор шипящих бормочущих голосов. Теперь Натан уже смог разобрать слова — вернее, одно-единственное слово, повторяющееся снова и снова. Ему почудилось, что слово это — *сангре*; правда, голоса звучали невнятно. Бухающие удары сердца отдавались в ребрах. Натан и думать забыл о набитых недавно синяках.

Зеленое сияние заполнило нишу и выплеснулось наружу. Предмет, заключенный в нем, будто парил, а не стоял внутри алькова: чаша или кубок на короткой ножке. Казалось, сосуд был высечен из какого-то зеленоватого камня, отполированного до металлического блеска, или даже из непрозрачного стекла. На поверхности были выгравированы узоры, которые, вероятно, имели некий смысл, хотя каков он, Натан не мог даже предположить. То тут, то там поблескивали драгоценные камни — все до единого зеленые. Мальчик почувствовал, что тянется к чаше — или его к ней тянет; тело будто перестало его слушаться. Теперь Натан смог заглянуть внутрь чаши. Он ожидал, что сосуд пуст, однако тот был наполнен чуть не до краев. В неверном свете жидкость казалась черной, на самом же деле она была красная.

Позади в знак протеста жалобно заскулил пес. Натан потянулся — и чаша медленно поплыла навстречу; невесть откуда возникшее знание говорило ему, что он должен испытать из нее. (*Лишь тот, кто чист сердцем...*) Сосуд был полон крови, и он должен испытать... Подобно клубку шепчущих раздвоенными языками змей, раздавались голоса. *Сангре, сангре, санграаль.*

Колоссальным усилием воли пес заставил себя сбросить чары, прыгнул и впился зубами в куртку Натана. Мальчик попятился. Змееподобные голоса распались на трескучие зву-

ки, похожие на радиопомехи в эфире, и наконец затихли, с ворчанием улетучившись. Зеленое свечение погасло.

— Где она? — вскричал Натан.

Едва пес отпустил мальчика, как тот бросился на четвереньки и принялся шарить по полу в поисках чаши. Потом остановился; пелена замешательства слетела с его разума. Мальчик повернулся к Гуверу, который с крайней озабоченностью наблюдал за другом, позабыв махать хвостом.

— Давай-ка выбираться отсюда.

Легче сказать, чем сделать. Неподалеку от дыры, куда провалился Натан, осыпавшаяся земля и лесная подстилка образовали холм; но он был слишком крут, и скользкая почва никак не желала покоряться. Минуло не меньше получаса, прежде чем друзьям удалось вскарабкаться вверх, расширить отверстие и выбраться на свежий воздух.

Натан понятия не имел, сколько времени они провели внизу; последние отблески заката погасли, и лес погрузился в объятия ночи. Мальчик включил фонарик, но тьма не позволяла определить, верна ли выбранная дорога; так что он доверил поиск обратного пути Гуверу. Лишь спустя некоторое время Натан вспомнил, что не заметил никаких ориентиров: сюда он пришел вслепую, когда в глаза било солнце, и провалился во тьму; он даже не понял, каким образом поблизости вдруг оказались деревья. Мальчик повернул было вспять, однако Гувер не последовал: настойчивым отрывистым лаем пес дал понять, что нужно идти с ним. «Я знаю, откуда мы пришли, — размышлял Натан, — а теперь еще в земле осталась эта яма. Ее ни за что не пропустишь. Ладно, идем домой». И они стали взбираться на холм.

На опушке Темного леса, где земля выравнивалась, а деревья становились выше и дружелюбнее, уступая место тропинкам и лужайкам, Гувер резко остановился. Шерсть у него

встала дыбом, хотя не ощущалось ни дуновения ветерка. Во взгляде словно промелькнула тень — и вновь он сделался ясным и беззаботным. Пес пустился в путь своей привычной подсакивающей походкой, без той осторожности и целеустремленности, которую выказывал с тех пор, как они выбрались из часовни. Натану было невдомек, что происшествие начисто стерлось из памяти его товарища.

Сам мальчик помнил все — каждую мелочь; но стоило ему попытаться рассказать кому-нибудь о случившемся — будь то Хейзл, мать или Барти, которого он звал дядей, — как язык переставал ворочаться, запирая часовню и ее содержимое внутри его головы, словно тайный проступок, который он не желал скрывать. Иногда они снились Натану; мальчик просыпался под зовущий змеиный шепот, что не смолкал еще несколько секунд, доносясь из углов комнаты: *сангре, санграаль...* Однажды во сне Натан поднял чашу и сделал глоток; рот его наполнился кровью, и струящийся по телу пот был красным... а когда он открыл глаза, с облегчением обнаружил, что влага на нем — самый обычный пот.

Он снова и снова уходил на поиски того места, каждый раз с кем-то из друзей, и никому не говорил, что ищет, в глубине души боясь найти. Но казалось, исчезла даже яма, в которую он тогда провалился; и с тех пор солнце ни разу не ослепляло его своим светом; и часовня растворилась в таинственной глубине леса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Беглецы

В сумерках зимнего вечера в начале 1991 года на дороге, что шла через леса в окрестностях Торнхилла, остановился грузовик; из него выбралась молодая женщина.

— Вы уверены? — спросил водитель. — Могу подкинуть вас до Иде.

— Уверена.

Он позволил себе положить руку ей на колено. Не следовало с ним оставаться.

— Здесь редко кто ездит, — объяснял водитель, спуская сумки из кабины — слишком неторопливо, на ее взгляд.

Женщина дотянулась и выхватила чемодан из рук водителя; покачнулась от внезапно навалившейся тяжести. От толчка проснулся малыш, подвешенный в перевязи у нее на шее, — но не заплакал, а уставился на окружающий мир широко раскрытыми глазами. Глаза эти были темными-темными, с такими огромными радужными оболочками, что казалось, белков почти нет, как у ночного зверька. Водитель грузовика не смотрел на ребенка. Он размышлял о том, что женщина выглядит слишком уж молодо для матери: почти девочка, без капли макияжа на круглом беззащитном лице, обрамленном мягким облаком волос; ее кожа была значительно

светлее, чем у младенца. Водителю хотелось, чтобы она осталась в машине — по многим причинам, причем некоторые были благородными, а некоторые — не вполне.

— Я думал, вам надо в Кроули.

— Я знаю, куда мне надо. — Хлопнув дверью, женщина перекинула лямку рюкзака через плечо; за собой она тащила чемодан на непомерно маленьких колесиках. Несколько минут спустя грузовик уехал.

Теперь они остались одни. От того, что грузовик уехал, на душе полегчало, хотя прежний страх сменился новыми опасениями. Женщина в самом деле ехала в Кроули — там у нее была знакомая няня, подруга подруги, и светила возможность устроиться на работу. Вместо этого она очутилась здесь, в милях пути от всех и вся, почти без надежды на то, что кто-нибудь ее подвезет, даже если она осмелится сесть в машину. Малыш сидел тихо — плакал он так редко, что мать это даже пугало, но она знала, что он вот-вот проголодается; уже темнело, а дорога в самом деле была совершенно пуста. Чемодан с грохотом катился сзади, раскачиваясь из стороны в сторону и то и дело ударяя ее по ноге, а лес обступал все плотнее, сжимая дорогу в узенькую щелку между толщами теней.

Женщина выросла в деревне и не умела по-настоящему бояться ночи, однако в безветренном воздухе ей чудились то шепот, то хруст ломаемой рядом ветки, то странные движения и шелест в прелой листве. С тех пор, как родился ребенок, у нее на нервной почве начались грезы; женщина боялась рассказывать о них, чтобы окружающие не сочли ее сумасшедшей. Всюду на пустынных улицах ей мерещился звук шагов, сами собой открывались и закрывались двери, слышалось тихое, едва уловимое бормотание. А теперь ее присутствие будто разбудило лес; казалось, ветки шарят, стараясь

схватить ее, а лоскутки мрака скользят с дерева на дерево. Они были там — всегда шли по следу, подбираясь все ближе, но не настигая...

Увидев огни, женщина решила, что это, должно быть, тоже ей мерещится. Два желтых проблеска, мигающих сквозь деревья желтизной огня в очаге — или свечи, или электрический свет. Подходя ближе, она боялась, как бы огоньки не погасли; но они разгорались все ярче, и наконец она рассмотрела источник света: окна — окна дома, и желтые лучи, просачивающиеся меж полузадернутых занавесок. Вероятно, дом стоял на полянке среди деревьев: различались коньки крыши на фоне неба и смутно выступающий деревянный каркас, крест-накрест перечеркивающий фасад. Даже в темноте дом выглядел гостеприимным; и все же сомнения оставались. «А ты как думаешь? — шепнула она малышу. — Стоит попросить у них помощи? Может, нам предложат чаю...» А вдруг это пряничный домик колдуньи, и сейчас дверь откроет крючконосая карга, которая укажет им кратчайший путь в печку?

Шаги. Звук шагов по пустой дороге. Обернувшись, она ничего не заметила. И все же на мгновение они стали слышны — тихие и отчетливые, словно ступали ноги в туфлях на мягкой подошве или подушечки лап. В сумраке возникла тьма, еще более глубокая, словно рябь пробежала по лесу, и раздалось дыхание — очень близко, будто сам ветер мог дышать и дышал ей прямо в шею... Чемодан подпрыгивал и раскачивался, пока она тащила его по тропинке к двери. Здесь был и дверной молоток, и старомодный звонок-колокольчик. Женщина воспользовалась и тем, и другим.

Дверь распахнулась; вместо старой крючконосой карги на пороге стоял крупный мужчина, всем своим видом вселяющий спокойствие: с объемным животом, плечами под стать — и невероятно изящными руками. У него были блеклые воло-

сы и бледно-розовый оттенок кожи; в выражении лица читалась некая благожелательность — а быть может, она присутствовала в самом сочетании черт, поскольку поначалу хозяин дома держался осторожно, если не сказать настороженно. Изпод опухших век смотрели васильково-голубые глаза.

— Мы заблудились, — неловко начала молодая женщина, — и подумали...

Он смотрел куда-то ей за спину, в ночь, где остались шаги и дыхание ветра. На одно мимолетное мгновение женщине почудилось, будто и он что-то слышал или видел. Затем мужчина снова перевел взгляд на нее; губы тронула улыбка.

— Не хотите ли войти? Время уже позднее, а я как раз заваривал чай. И если вам нужно покормить маленького...

— Огромное спасибо!

Она ступила в прихожую, и дверь закрылась, отгораживая от тьмы с призраками. Много позже она поняла, что доверилась ему тогда бездумно, инстинктивно. Быть может, потому, что он был толстый и благожелательный на вид, а она — отчаявшаяся и одинокая, или же потому, что голубые искорки в глазах ее зачаровали. В конце концов она осознала истинную причину: тогда он посмотрел через ее плечо и что-то увидел — увидел их.

Хозяин проводил женщину в комнату со стенами, сложенными из дубовых бревен. В камине горел огонь, на коврик перед ним растянулся огромный пес — с всклокоченной шерстью и вечно виляющим хвостом, совершеннейшая дворняга. Когда они вошли, зверь поднялся, потягиваясь.

— Можете оставить малыша у камина, — предложил мужчина. — Гувер приглядит за ним. Я зову его так по очевидной причине: он подбирает с пола крошки. А я Бартелми Гудман.

— Анни Вард. — Гостья вытащила ребенка из перевязи и посадила на коврик, такой же лохматый и до того похожий

на пса, что скорее всего они приходились друг другу родственниками. — А это Натан.

Малыш и пес изучали друг друга; мокрый черный и маленький смуглый носы едва не соприкасались. И вдруг Натан рассмеялся — что делал так же редко, как и плакал, — и женщина подумала, что эти двое установили между собой связь выше биологических различий и речи.

— Я бы хотела согреть для него молока, — сказала она. — Вы... не могли бы пока присмотреть за ним?

— Этим займется Гувер. Он просто вылитая Нана из «Питера Пэна». Кухня вот там.

Выходя из комнаты, она с сомнением оглянулась и обнаружила, что пес нежно отталкивает малыша носом подальше от огня.

— Наверное, Гувер здорово выдрессирован, — заметила женщина.

— Он очень умен, — отозвался хозяин. Гораздо позднее она поняла, что в его словах тогда не было напыщенности или тщеславия.

Стены кухни были сложены из тяжелых брусьев, пол, вполне ожидаемо, из каменных плит; на старомодной плите в сосуде, напоминающем небольшой котелок, что-то попыхивало. Из-под крышки вырывалась струйка пара, донося такой насыщенный мясной аромат, что у гости потекли слюнки. За весь день она съела лишь бутерброд на обед и вдруг осознала, что ужасно голодна; но прежде всего — ребенок.

Пока она подогревала молоко в позаимствованной у Бартелми кастрюльке, сам он заваривал чай и расставлял на подносе керамические кружки, чайник, кувшин и блюдо с фруктовым пирогом. Анни едва сдерживалась, чтобы не интересоваться, что там, в котелке, боясь показаться слишком жадной или доведенной до отчаяния. Комната имела

неправильную форму, стены и уголки были увешаны множеством полочек; те, в свою очередь, были заставлены подписанными от руки бутылочками и баночками с консервированными фруктами и странного вида овощами в масле. Пряные травы росли в горшках и сушились в пучках. В одной вазе лежали луковицы — красные и белые, в другой — яблоки и клементины. Немытая посуда не громоздилась горой в раковине, а сушильная доска блистала чистотой.

Вернувшись в гостиную, Анни протянула Натану детскую бутылочку и несколько кусочков хлеба с маслом — Бартелми предусмотрительно срезал с них корочку.

— Вы так добры к нам, — сказала она, — должно быть, вы думаете...

— На улице темно и холодно, а вы, по-видимому, оказались в затруднительном положении. Когда освоитесь, можете рассказать мне больше. Если пожелаете.

Она выпила чай с ароматом бергамота, наверное «Эрл грей», и съела большой кусок пирога. Быть может, оттого, что она была голодна, угощение показалось ей самым вкусным на свете.

— Еще не надумали рассказать мне, куда направляетесь? — поинтересовался Бартелми.

— Я ехала в Кроули, — отозвалась женщина. — Там можно устроиться на работу — по крайней мере я на это надеюсь, — и одна моя подруга знает хорошую няню. Раньше мы... мы жили у двоюродной сестры, но потом стало неудобно — я почувствовала себя лишней, да и ей не очень-то нравилось жить с ребенком. Вот я и решила, что пора уезжать. Самой становиться на ноги.

Она не упомянула ни о преследующих тенях, ни о шепоте в ночи. В этой теплой, безопасной гавани они легко забылись.

Если здесь впрямь безопасно. И если это впрямь гавань. Анни боялась собственной слабости, трусости — она страшилась возвращаться во тьму.

— А ваши родители?

— Они живут на западе страны. Мы нечасто видимся с тех пор, как... умер мой муж.

— Мне жаль.

Больше Бартелми ни о чем не расспрашивал, да ей и не хотелось рассказывать. Они молча наблюдали, как малыш возится на коврике с собакой, таская ее за висячие уши.

— Собираетесь продолжить путь ночью? — спросил Бартелми. — Если хотите, оставайтесь здесь: у меня вдоволь места. Дверь в спальне запирается на засов — так вам будет спокойнее.

Она открыла рот, чтобы сказать, что не может, никак не может... а произнесла лишь «спасибо» и «я и не беспокоюсь».

На ужин Бартелми зачерпнул из котелка и налил в кружку что-то вроде мясного бульона с таким смешением ароматов, что Анни не могла узнать их; тепло и легкость разлились по телу. Спала она бок о бок с сыном на плотном и мягком матрасе, предварительно заперев дверь на засов: то была разумная мера предосторожности, хотя она и казалась молодой женщине излишней. И как-то так вышло, что они задержались на следующую ночь, и еще на одну, когда Анни забыла запереть дверь, а наутро их разбудил Гувер, плюхнувшийся лапами на одеяло, чтобы лизнуть Натана в лицо.

Гудманы жили в Торнхилле с незапамятных времен. Кое-кто из почтеннейших старожил деревушки Иде в двух с половиной милях дальше по дороге уверял, что помнят деда или даже прадеда Бартелми, однако люди с трудом припоминали, как сменялись поколения: всех в семействе звали Бартел-

ми или вроде того, и все походили друг на друга — толстые, миролюбивые и любезные. Никто из Гудманов никогда не был слишком молод или слишком стар. Похоже, они женились и обзаводились детьми где-то еще, а в среднем возрасте их тянуло к родному Торнхиллу. Откуда-то у них брались деньги, и здесь они вроде как уходили от дел, обитая уединенно, в ладу с соседями, почти не вмешиваясь в местную жизнь. Их считали слегка и вполне терпимо эксцентричными, эдакой частью окружающей действительности, не вызывающей любопытства, не подающей поводов к излишним вопросам. Поговаривали, что и собаки сменяли друг друга — все как одна дворняги, наверняка бродячие псы, взятые из приютов. По мнению соседей, один пес был помесью с ретривером, другой — с волкодавом, в третьем проскальзывало что-то от немецкой овчарки или бобтейла. У Гувера были отражающие душу карие глаза ретривера, длинные ноги гончей, жесткий, лохматый мех с густым подшерстком, как у множества пород от афганца до лайки. Время от времени он гонял кошек — чтобы доказать свою принадлежность к собачьему братству — и с одинаковой готовностью обслуживал с ног до головы и старого друга, и незнакомца. Люди полагали, что нынешнее поколение — и хозяин, и собака — обитали в Торнхилле уже лет двадцать, мало чем занимаясь, солидные и респектабельные, как хоббиты в своей норке, вдалеке от повседневной жизни. И даже если двадцать лет — необычно долгий век для пса, то никто на этот счет не задумывался.

Когда-то Торнхилл принадлежал Торнам — семейству не столько аристократическому, сколько древнему, восходящему аж ко временам до норманнского завоевания. Местные историки утверждали, что на склоне холма, где теперь вырос Темный лес, когда-то стояли дом, построенный еще при сак-

сах, и часовня, ныне провалившаяся под землю; там-то Джозевий Гримлинг Торн, прозванный Лютым Торном, якобы и заключил сделку с Дьяволом — впрочем, причина и предмет ее по сей день оставались тайной. Рассказы об этом человеке путаны сами и запутают любого слушателя: утверждали, будто бы он жил почти две тысячи лет назад — и притом умер около 650 года нашей эры; дом снесли, часовня исчезла, а сам Джозевий превратился в легенду, и все поросло Темным лесом.

Во времена Тюдоров более поздние представители рода Торнов построили дом, что сохранился и поныне, — на том месте, где лес редее, становясь светлее и зеленее, а по весне землю устилают колокольчики, и слышится стук дятла, и звенят трели певчих птиц. Дом был каркасный, с проглядывающими тут и там шпаклевкой и кирпичом, оплетенный вьюнком, что вспыхивал красным огнем осенью; к островерхим крышам как попало лепились высокие каминные трубы. Там семейство обитало несколько веков, оберегая свои тайны, пока старший сын не погиб в Первой мировой, а его брат не умер во время эпидемии гриппа, прокатившейся следом; местные жители полагали, что тогда-то и пришли в здешние места Гудманы, хотя на поверку выходило, что припомнить точный момент их появления никто не мог. В деревне и окрестностях все еще жили отпрыски рода: все знали, что Карлоу были потомками Торнов — от внебрачной связи с неким отщепенцем-якобитом; а овдовевшую миссис Ванстоун, ныне почти достигшую шестидесятилетнего возраста, называли не иначе как Ровена Торн — в знак почтения к ее предкам. Время от времени она заглядывала к Бартелми, чтобы посидеть и потолковать о минувшем, и всегда поражалась тому, как много он знает о ее наиболее отдаленных пращурах. Раз или два ей на ум приходило

любопытное сравнение: образ жизни Бартелми напоминал службу хранителя, однако что и от кого оберегал он, она не имела ни малейшего представления и потому приписывала подобные мысли разыгравшемуся воображению.

Нечасто — весьма нечасто — Бартелми навещали гости вовсе не из деревни или окрестностей — гости, что являлись поздно ночью, жили в доме, скрываясь от взглядов местного люда, по одному или помногу дней и исчезали в предрассветный час незаметно для чужих глаз. Случалось, кто-нибудь из местных жителей, вставших спозаранку, или гуляка, припозднившийся из пивнушки в Чизэлдауне, примечал кутающегося в плащ с капюшоном чужака, что бредет лесной дорогой, или ловил взглядом незнакомую фигуру, прошмыгнувшую по извилистой тропинке к дому Бартелми. Только подобные слухи вызывали мало интереса, поскольку тут не было ни любовной интриги, ни скандала, да и происшествия эти были слишком редки, чтобы счесть их значимыми. Теперь в окрестностях стали появляться выходцы из Лондона — довольно преуспевающие и довольно расточительные приезжие из Вест-Энда, как правило, из средних слоев общества; они платили деньги и обустраивали для себя деревенский стиль жизни, воспетый в глянцевых журналах; они устанавливали на кухнях новомодную технику, забивали холодильники шардоне и летом приглашали друзей из города на вечеринки, что устраивали в своих тщательно выстриженных садах. Некоторые из них пытались наводить справки о Гудманах и Торнхилле, однако же вопросы их оставались без ответа. Кажется, ничего не происходило в тех местах долгое-долгое время — пока Анни Вард и ее ребенок не появились на пороге дома Бартелми темным вечером 1991 года и не обрели там пристанище.

* * *

У Бартелми имелась плохонькая машинка — тупоносый «джовит джевелин» пятидесятых годов. Несмотря на неряшливый и потрепанный вид, она каким-то образом всегда заводилась; на ней Бартелми отвез Анни в Кроули и ждал, пока она заходила к няне и в центр трудоустройства, а потом вышла, расстроенная.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовался он.

— Я программист, — ответила Анни; выяснилось, что недостатка в программистах не было, и здесь она оказалась лишь одной из множества.

— Я собираюсь открыть в деревне букинистическую лавку, — сообщил ей Бартелми позднее тем же вечером. — Мне нужен управляющий. Я уже и подходящее здание присмотрел: на втором этаже есть маленькая квартирка. Нужен управляющий, который знаком с компьютером, — чтобы вести каталоги товара и бухгалтерию; боюсь, высокие технологии мне не по плечу.

А как же *они*, подумала она. Ведь *они* всегда там, снаружи... Но когда Анни выглядывала в окно, деревья стояли недвижно, ни дверь, не занавески не шевелились, и никакой шепот больше не тревожил ее сон.

— Не могу, — наконец ответила она. — Вы и так уже столько для нас сделали.

— Вот именно. Так что теперь и вы сможете кое-что сделать для меня.

Она понимала, что Бартелми лукавит, — и все же он говорил совершенно будничным тоном, и великодушие его было таким скромным, почти невидимым... Как-то сама собой материализовалась нужная собственность: узкое зданьице между антикварным магазином и гастрономом для лондонцев, с комнатушками, уходящими вглубь, и удивительными маленьки-

ми лестницами, ведущими в никуда, и спальнками размером с буфет, и буфетами размером со спальню — словом, в лучших традициях букинистических магазинов. Анни въехала в квартирку, за которую не нужно было платить, так что ее скудной зарплаты хватало на все. Деревенские жители решили, что она приходится родственницей Бартелми — племянницей или еще какой водой на киселе; и в конце концов она почти поверила в себя, почти позабыла под чарами его заботы, что когда-то бездомной скитальцей постучала в его дверь по чистой случайности, если и впрямь то была случайность. Натан рос и привык называть Бартелми дядей, а Анни летними ночами гуляла по лесу, откуда исчезли — улетучились они, словно дурной сон в миг пробуждения; и она уже едва помнила, что они когда-то существовали.

И все же, несмотря на все ее доверие, минуло много месяцев, прежде чем она могла полностью положиться на Бартелми. Снова пришла зима, и вечерами, согретыми пламенем камина, Анни наблюдала, как подрастает Натан.

— Он похож на отца? — однажды поинтересовался Бартелми.

— Нет. — В комнате повисло ожидание. — Он похож на себя. Даниэль...

— Ваш муж?

— Он не был мне мужем. Мы просто... жили вместе. Когда он погиб, я взяла его фамилию — наверно, ради Натана. Я хотела, чтобы у моего сына было что-то, чего держаться, некое напоминание об отце. А может, так вышло, потому что моя семья... они были недовольны, что мы с Даниэлем не поженились, а когда родился Натан, они... не обрадовались ему.

— Почему? — спросил Бартелми. — Ведь он красивый умный ребенок. Я бы сказал, исключительно красивый и умный.

— Правда, да? — На минуту ее лицо озарилось радостью; и снова его омрачили воспоминания. — Беда в том, что... — Внезапно Анни посмотрела ему прямо в глаза; в ее взгляде читалась невысказанная мольба. — Даниэль был светлокожим. Натан гораздо смуглее — как будто он наполовину индеец или вроде того. Мы прожили вместе восемь лет, и я никогда ему не изменяла. Мне не хотелось быть вертихвосткой. Когда уже после смерти Даниэля я узнала, что беременна, я была очень счастлива. А потом родился ребенок — чудесный, такой чудесный... но с тех пор, кажется, я все бежала и бежала. Пока не очутилась здесь.

Спустя несколько минут она снова заговорила:

— Пожалуйста, верьте мне. Я не могу объяснить, почему Натан так выглядит. Я вообще ничего не могу объяснить.

— Как это все захватывающе, — наконец произнес Бартелми. — Не переживайте: я знаю, что вы бы не стали придумывать подобное. Вы совсем другой человек. Да и зачем?.. Можете рассказать, как погиб Даниэль?

— В автомобильной аварии. Он работал допоздна — так часто бывало; в полиции сказали, что он уснул за рулем. Я не верю. Расследование показало, что, по-видимому, на него налетела другая машина — фургон или грузовик — и скрылась. Маленький «рено» вышибло с дороги и ударило о дерево...

Она мысленно вернулась в бесцветную больничную палату — бесцветную, словно склеп, к лежащей на кровати неподвижной фигуре — с изувеченным лицом, почти неузнаваемым из-за бинтов; только она узнала бы его, как бы он ни выглядел, как бы ни был изувечен. Она держала Даниэля за руку — крепко-крепко, и по лицу ее катились неосушенные слезы; и она умоляла его жить — умоляла торопливым шепотом, который (она знала и боялась) он не услышит. Сей-

час, вспоминая, она думала, что просидела там целую вечность и что часть ее до сих пор остается в той комнате, запутавшаяся в ловушке времени, и держит его за руку, тщетно умоляя: «Не уходи, не сдавайся, живи. *Живи*».

И тогда он открыл глаза.

Ему вкололи обезболивающее, морфий; медсестры думали, что он уже не проснется. Но каким-то образом тело его отвергло наркотик, и он очнулся; взглянул на нее с любовью — такой любовью, что ей показалось, ее сердце вот-вот разорвется; и тут нахлынула боль — цена за тот миг, за ту любовь, за то, что он стряхнул с себя действие морфия. Лицо Даниэля исказила судорога, искривив черты в предсмертной агонии. Всем, что в ней было, всем своим существом, всем разумом, сердцем и душой Анни потянулась и проникла в его боль, его смерть; и в тот миг она все бы отдала, лишь бы спасти его, избавить хотя бы от толики страданий... Боль отступила, унося с собой жизнь; и когда она наконец отпустила его, вокруг был другой век, другой мир.

— Натан родился ровно через девять месяцев. Я почему-то думаю, что...

— Что вы забеременели в тот момент, когда умер Даниэль. Понимаю.

— В тот миг что-то случилось — то, чего я не помню. Я не имею в виду какие-то провалы в сознании: все было иначе. Словно появился шов — шов в самой ткани времени, и внутри него зашито воспоминание, какая-то забытая вещь. Потом я сделалась *другой*. Я знала, что меня стало... *больше*. Я поняла, что беременна, поняла сразу же. Я даже не могла скорбеть, как положено. Недоставало Даниэля — и всегда будет недоставать, — однако меня переполняла иность, сознание того, что меня вдруг сделалось больше.

— Жизнь из смерти, — проговорил Бартелми. — Да. Умирая, мы ступаем сквозь Врата, — она буквально услышала заглавную «В», — Врата, ведущие прочь из этого мира. Что лежит за ними, неведомо. Религия измышляет, философы рассуждают, а нам, всем прочим, приходится лишь надеяться. Если существуют иные вселенные, иные формы бытия, значит, таков единственный путь их достичь — единственный известный нам путь. Никому не дано переступить Врата живым или когда-либо вернуться. Так говорят. Но ведь даже Высшие Законы могут нарушить самые злые, или самые отчаянные, или те, чья любовь заставляет превозмочь страх, — или же сами Силы.

— Такова ваша философия? — спросила она. — Врата, проход между мирами, и неземные силы, созидающие законы, по которым мы живем?

— Я не так уж оригинален. Давным-давно за меня все придумали другие. Я лишь следую проторенной дорогой.

— Мне нравится, как это звучит, — заметила Анни. — Люди говорят, что видят туннель, но мне больше по вкусу Врата. Дверь открывается в обе стороны. Быть может, я прошла сквозь нее и вернулась... Почему же тогда Натан не похож на Даниэля? Для этого у вас есть какое-нибудь объяснение?

— Нет, — ответил Бартелми. — Пока нет. Возможно множество объяснений. Мне нужно поразмыслить.

Детские годы Натана напоминали идиллию. Разумеется, недостаток счастливого детства в том, что ты слишком юн, чтобы оценить его. Натан с бездумным восприятием юности полагал, что счастье — доля большинства людей: несчастные среди них встречались мало и редко, и, пройдя через полосу страданий, они также обретут свою радость в жизни.

Отца у него никогда не было, так что он не тосковал по нему, но мамины рассказы о Даниэле вселяли в Натана чувство защищенности, уверенности в том, что за ним присматривает добрый дух, хотя — удивительное дело — у нее не сохранилось ни одной фотографии, чтобы показать сыну. Что до остального, то дядя Барті заполнял собой все возможное пространство — заполнял и переполнял; за ним, с его надежностью, тихой силой, скрытой за мягкими манерами, мальчик чувствовал себя как за каменной стеной. Анни, изо всех сил стараясь быть твердой и справедливой, поставила перед собой цель ни за что не выходить из себя ни при каких потрясениях и переживаниях, сопутствующих материнству; и это далось ей неожиданно легко. Денег всегда хватало, хотя не оставалось излишков, а мелкие дрязги и распри деревенской жизни не нарушали ее покой. Натан ходил в местную школу и отлично учился, играл в футбол зимой и в крикет летом. Другие дети восхищались им, правда, относились к мальчику с некоторой настороженностью, слегка обижаясь на его врожденный интеллект и нечто в нем самом, отличающее от остальных, — какое-то спокойствие, внутреннюю уверенность. Те немногие, что стали действительно близкими его друзьями, чувствовали себя отличными от других, обособленными, хотя Натан относился ко всем одинаково дружелюбно и вроде бы никого не выделял. Чаще всего он общался с Джорджем Фавном и Хейзл Бэгот, к искреннему недоумению одноклассников — ведь он мог выбрать себе в приятели самых популярных парней в школе. Джордж, застенчивый пухлячок, служил объектом насмешек других учеников и даже некоторых учителей; разволновавшись (что случалось с ним частенько), он начинал заикаться. Однажды его припер к стенке школьный громила Джейсон Викс; Натан заступился за друга:

— Оставь его в покое. Он не сделал тебе ничего плохого. Зачем обижаешь?

По толпе Джейсоновых дружков прокатился гогот.

— Да ведь он жиртрест и з-з-заика, а мамаша его...

— Не говорите так, — произнес Натан без злобы, но с решительным выражением на лице. — Я просил вас оставить его в покое.

— Хочешь вступиться, а? — Джейсон показал большой кулак.

— Попробую.

Взметнулся кулак, отшвыривая Натана к стене. Джордж бросился было на помощь своему заступнику, однако замер, побоявшись ввязываться в драку.

Натан распрямился; губа его кровоточила.

— А теперь пошел на... — приказал Джейсон. Хорошим манерам поведения и речи его обучали старшие члены семьи.

— Нет.

На сей раз Натан увернулся от удара, перехватил летящую руку и направил мимо себя в стену, добавив сверху вес собственного тела и навалившегося сзади Джейсона. Костяшки врезались в стену — Джейсон заорал, когда острая каменная крошка поранила руку до кости.

— Извини, — сказал Натан, — только на будущее оставь Джорджа в покое.

Дружки из шайки Джейсона могли бы наброситься на него, но не набросились. Быть может, они прочли достаточно подходящих книг или посмотрели достаточно фильмов, чтобы понять, что так поступают герои. А Джордж не задумываясь, по собственной воле, стал бы с той минуты рабом Натана — если бы только тот захотел.

Что же до Хейзл, то они с Натаном жили совсем близко друг от друга и дружили с пеленок — ссорились и мирились,

вместе пускались в приключения, будь то вымышленные или настоящие. Миссис Бэгот работала в гастрономии, так что Хейзл частенько оставляли в книжной лавке, как бы под присмотром Анни; дети носились друг за другом вверх-вниз по лестницам, играя в шумные игры, или таинственно затихали, разглядывая чудесные книги, которые показывал своей госте Натан: в тканевых переплетах, с желтеющими страницами и иллюстрациями. Если бы не он, Хейзл мало что прочла бы в своей жизни: в их семье чтение считалось занятием чуждым; мать предпочитала смотреть телевизор, а отец — посещать паб. Единственный ребенок, она часто замыкалась в себе и могла не разговаривать ни с кем часами; или же залезала на дерево и отказывалась спускаться — «наблюдала» или «думала», отвечала Хейзл, когда ее спрашивали о причинах подобных поступков. А вот с Натаном она разговаривала всегда. Порой у нее случались вспышки ярости, отпугивающие других детей; впрочем, такое происходило нечасто. Хейзл была чуть ниже своих сверстников, крепкая, с копной непокорных каштановых волос, которые мать вечно пыталась собрать в косичку, хвостик или пучок, но более короткие пряди упрямо выбивались, и девочка смахивала их на лицо, прячась за этой завесой. Мальчишки из класса не признавали ее лучшим другом Натана, потому что она была девчонкой, однако его это не трогало. И товарищи, и мать мальчика знали: если он что-то решил, его ничто не поколеблет.

А до Джорджа и даже до Хейзл существовал некий Лесовичок. «Твой воображаемый друг» — называла его Анни; Натан не возражал, хотя и не без тени сомнения, ибо считал, что «воображаемый» значит «ненастоящий», а Лесовичок был самым что ни на есть настоящим. Они виделись в саду Торнхилла; сад казался гораздо больше своих истинных размеров: с решетками, увитыми плетью фасоли, с клумбами, целиком

засаженными пряными травами, беспорядочно разросшимся кустарником, статуями, причудливо замаскированными под хитросплетениями листвы, и вовсе дикими уголками, где лес и сад смешивались воедино, — так что детская площадка маленького Натана не имела границ. Анни привыкла не беспокоиться о нем: если мальчик забирался куда-нибудь далеко, с ним рядом неизменно был пес. Но даже Гуверу никогда не доводилось видеть Лесовичка: тот был очень-очень пугливый — странное маленькое существо с удлинненным лицом, на котором доминировал огромный нос, и раскосыми глазами, глядящими в разные стороны от головы, как у животных. Тело его, худенькое, словно тростинка, было обтянуто коричневатой кожей, слегка пятнистой, меняющей тон в зависимости от окружения. Волоски топорщились на голове и спускались вниз по спине. Если Лесовичок и носил одежду, то Натан никогда этого не замечал — так, должно быть, она напоминала цветом кожу. Существо пояснило, что оно — житель леса, и если даже у него когда-то было имя, он его не помнит; так что мальчик и прозвал его Лесовичком.

— Ты давно здесь живешь? — как-то спросил Натан.

— Я жил тут всегда.

— А всегда — это сколько?

— Точно не знаю. Наверное, не очень долго. Но я не помню, чтобы жил где-нибудь еще.

— А родители у тебя есть?

— Родители?..

— Мама и папа. У меня есть мама, а папа умер. И еще есть дядя Барт и Гувер. А у тебя?

Похоже, у Лесовичка никого не было.

— Тогда у тебя могу быть я, — предложил Натан.

С тех пор они вместе пробирались через просветы в густом подлеске в глубь леса, где вымышленный друг открывал

Натану тайные миры в дуплах деревьев или под слоем прошлогодней опавшей листвы; вместе следили за тем, как тянутся вверх побеги, и наблюдали за крошечными насекомыми. Порой неожиданно налетали птицы: они садились на пальцы Лесовичка, длинные, коричневые и узловатые, или на плечо — словно он был всего лишь ростком, пробивающимся меж корней деревьев.

Узнав о приключениях сына, Анни пришла в ужас.

— Ему ни в коем случае нельзя разгуливать вот так одному! Ведь может стрястись что угодно!

— Похоже, за ним приглядывают, — заметил Бартелми. — Не стоит так волноваться. Здесь с Натаном ничего не случится.

И она ему отчего-то верила.

Когда дружба Натана с Хейзл окрепла, он рассказал ей о Лесовичке — но и ей не довелось встретиться с ним. Постепенно, уделяя все больше внимания школе и прочим занятиям, сам Натан стал все реже и реже видаться со своим удивительным товарищем; и Лесовичок начал растворяться в прошлом, в раннем детстве, пока наконец Натан не поверил в справедливость маминого определения: леший — плод воображения, не имеющий собственной сущности.

Когда Натану сравнялось одиннадцать, он поступил в частную школу при аббатстве Ффилде, находящемся примерно в часе езды от Иде. Преподавали там монахи. Анни откопала где-то давно забытый католический катехизис времен своей юности, чтобы Натан мог подать документы. Одна из лучших школ в округе, она славилась тем, что обучала детишек богатых и привилегированных, но также давала превосходное образование тем, кто желал его получить, и отличные возможности для занятий спортом — всем остальным. На-

тан жил в пансионе: добираться домой каждый вечер было слишком далеко. Ребята из шайки Джейсона Вика сперва поддевали его, называя зубрилой, потом устали от собственной шутки: Натан, похоже, не замечал их издевок и не поддавался на провокации.

В новой школе мальчик обзавелся новыми друзьями и все реже виделся с ребятами из деревни; только дружба с Хейзл и Джорджем оставалась нерушимой. По выходным они по-прежнему собирались в книжной лавке, в особом месте встреч, именуемом Логовом. В магазине между двумя рядами полок имелось что-то вроде кладовки, похожей на высокий узкий шкаф, и дети обнаружили, что если пробраться внутрь и вскарабкаться по стремянке наверх, то очутишься на малюсеньком, придавленном крышей чердачке, откуда через окошко можно выбраться наружу. Здесь была их тайная штаб-квартира, где они придумывали игры и приключения — или же просто сидели и болтали о том о сем, недостижимые для взрослых. В Логове у них была припрятана металлическая коробка из-под печенья с провизией, три кружки для «колы» или лимонада и фонарик с цветными стеклами по бокам — чтобы зажигать его темными зимними вечерами. Натан даже соорудил из картонки специальный заслон для чердачного окошка, дабы никто из случайных прохожих не заметил наверху свет. Время от времени Анни, убедившись, что детей поблизости нет, тайком пробиралась в Логово и протирала там пыль — чтобы не слишком пачкались. Она справедливо полагала, что родители Хейзл или Джорджа вряд ли обрадуются, если каждый раз после общения с Натаном дети будут возвращаться домой в грязной одежде.

Иногда безоблачными ночами ребята тушили огонь в фонарике и открывали окошко, чтобы смотреть на звезды.

— Вот если бы у нас был телескоп, — говорил Натан, — тогда мы разглядели бы их гораздо ближе и лучше. — Он изучал основы астрономии в Ффилде. — Смотрите, вон там — Большая Медведица.

— Она никогда не казалась мне похожей на медведицу, — заметила Хейзл. — Скорее уж на кастрюлю с погнутой ручкой.

— А может, мы увидели бы комету, — с надеждой произнес Джордж. — Дэвид (так звали его старшего брата) однажды показывал мне ее в бинокль, но я так ничего и не разглядел. Я думал, она будет яркой-яркой, с хвостом, как фейерверк, а увидел просто клочок тумана.

— А где Орион? — Хейзл назвала единственное созвездие, о котором где-то слышала.

— Я покажу. — Забравшись вместе с ней на ящик и прислонившись к косяку окошка, Натан указал пальцем вверх. — Там. Вот та цепочка звезд — его пояс.

— А где все остальное?

— Точно не знаю... — Указательный палец дрогнул. Никто из друзей не заметил, как Натан нахмурился. — Любопытно.

— Что любопытно? — спросил Джордж. На ящике места уже не осталось, потому он безуспешно пытался разглядеть созвездие, всунув голову между друзьями.

— Там, чуть ниже Ориона, — еще одна звезда. Раньше ее не было, я совершенно уверен. Я поднимался сюда только вчера вечером.

— Покажи мне, — попросила Хейзл. — Может, ты неверно запомнил? Или ее заслонило какое-нибудь облако?

— Небо было ясное.

— А может, там комета! — взволнованно воскликнул Джордж.

— Если бы это была комета, о ней сообщили бы в новостях, — отозвался Натан. — К тому же она выглядит именно как звезда.

— Она не очень сверкает, — пояснила Хейзл.

Натан спустился, включил фонарик и раскрыл карту звездного неба.

— Здесь ничего нет. Не должно быть никакой звезды.

— Наверное, это НЛО! — провозгласил Джордж. — Иногда они выглядят как звезды. Дайте-ка мне посмотреть. — Остальные слезли, так что он взгромоздился на ящик. — Сейчас инопланетный корабль пронесется по небу за одну минуту и исчезнет!

Но звезда не исчезала.

— Это может быть совершенно новая звезда, — предположила Хейзл. — Я слышала, в космосе происходят сильные взрывы, и появляются новые звезды.

— Сверхновая, — со знанием дела сообщил Натан. — Если так, то о ней точно будет рассказывать Патрик Мур*.

Однако ни по одной программе не говорили ни о какой звезде. Следующим вечером Натан взглянул на небо — звезда исчезла. Он не обсуждал случившееся с друзьями, хотя про себя не переставал удивляться; а порой поздно ночью тайком взбирался по стремянке, чтобы взглянуть на небо — на всякий случай. И только следующей весной, когда Натан почти забыл историю со звездой, он увидел ее вновь.

В ту зиму из Лондона приехала новая пара, вызвав некоторое оживление среди наименее гламурных местных жителей. Обоим было за тридцать: он преподавал историю в

* Патрик Мур — известный английский астроном-любитель, ведущий передачи «Ночное небо» по телеканалу Би-би-си. — *Примеч. пер.*

университете Восточного Суссекса и писал романы для избранных — достаточно популярные, чтобы их продавали в большинстве магазинов; она была актрисой интеллектуального типа, довольно регулярно появлялась на сцене по телевидению. Его звали Майкл Аддисон, ее — Рианна (предположительно сокращенно от «Марианна») Сарду; их считали мужем и женой, хотя ее часто не бывало дома: она то выезжала на гастроли, то отправлялась на съемки очередной телевизионной мелодрамы или эпизодической роли в кинофильме. Майкл же большую часть времени проводил здесь; деревенские жители сошлись во мнении, что человек он приятный и дружелюбный, и стали звать его Майком. Случалось, он пропускать вечером пинту пива в пабе или заходил поболтать с Лили Бэгот в гастрономии и с Анни в книжной лавке. С виду Майкл был мужчина довольно привлекательный, с небрежным видом и кривоватой улыбкой, которая могла бы быть неотразима, если бы того пожелал ее хозяин. Носил он подходящую для загородной жизни одежду: вошьенные куртки, высокие сапоги, кроссовки — и очки для чтения и вождения. Его супруга, напротив, при ближайшем рассмотрении скорее разочаровывала. Помятый, неухоженный вид, что так шел Майклу, — вовсе не то, чего ждали в деревне от актрисы, в особенности с именем Рианна; кроме того, здешнее общество нашло ее надменной и неприветливой. Что до ее внешности, то правильной формы скулы казались скорее резкими, нежели красивыми; волосы, длинные и темные, обычно были зачесаны назад и собраны в тугой пучок, а свободные концы торчали во все стороны от макушки. Ходили слухи, что Рианна пренебрегала Майклом, и его появление среди местного населения неизменно вызывало некое невысказанное сочувствие.

Пара купила хмелесушильню на краю деревни: две круглые башни под остроконечными крышами-колпаками и между ними — длинное строение, обитое деревянными панелями и обставленное старомодной мебелью, задорого отремонтированное. Мимо дома, извиваясь, несла свои воды через заливные луга река Глайд; сад спускался к самому берегу, где был пристроен небольшой причал для пары лодок; хотя у четы имелась лишь маленькая моторка, да и та осталась от прежнего хозяина. До приезда Майкла и Рианны дом некоторое время стоял пустой; Натан, Джордж и Хейзл однажды позволили себе «позаимствовать» лодку и едва не пожалели о своей проделке, угодив в водоворот, с которым не смогли справиться. Пришлось направить лодку в берег, чтобы ее не утащило течением или вовсе не затопило, так как выяснилось, что обшивка отнюдь не герметична. Однажды, встретив Майкла в магазине, Натан решил, что нужно предупредить его об опасности, хотя, несомненно, мальчик предпочел бы, чтобы мать не слышала их разговора.

— Ты взял лодку без разрешения?! — Анни едва не задохнулась от гнева и тревоги.

— Мы не крали! — запротестовал Натан. — Ведь мы потом вернули ее — и к тому же тогда мы думали, что она ничья.

— На лодках *опасно*, — сказала Анни, оставив пока в стороне вопрос кражи. — Вы могли утонуть. И о чем только вы думали?

— Мы ведь умеем плавать. Мы бы не утонули, честное слово!

— Под водой есть водоросли, которые могли утащить вас в глубину...

— Ничего страшного, — вмешался Майкл. — Спасибо за предупреждение, Натан. Очень заботливо с твоей сторо-

ны. Вообще-то я подумывал купить другую лодку, небольшую, может, даже надувную, с мотором. Если мама не будет возражать, как-нибудь прокатимся вместе.

— Конечно, я не против, когда он под присмотром. Вы очень любезны... То есть зачем утруждать себя...

— Мне будет приятно, — заверил ее Майкл, приподнимая в улыбке один уголок рта.

— А можно мне позвать друзей? — попросил Натан.

— Натан!

— Ничего, — успокоил Анни Майкл. — Пусть берет друзей — если лодка достаточно большая, а их не слишком много.

— Только Хейзл и Джордж. А когда вы купите лодку?

— О... Полагаю, весной. Сейчас на воде слишком холодно. Не переживай, Нат: обещаю, что не забуду прокатить тебя. Я не из забывчивых.

— Да я и не переживал, — отозвался Натан. — А меня никто Натом не называет — это звучит несколько по-американски.

— И я не буду, если тебе не нравится.

Натан немного поразмыслил.

— Я не против, — наконец решил он, — но только для вас. И если мама не против.

— Твое имя, тебе и решать, — улыбнулась Анни.

На следующей неделе, в выходные, он все рассказал друзьям в Логове. Джордж обрадовался, но и порядком испугался перспективы опять отправиться в путешествие на лодке; а Хейзл задумалась.

— В чем дело? — спросил у нее Натан.

— Как ты считаешь, ему нравится твоя мама? — поинтересовалась Хейзл, пряча взгляд за занавеской волос, как будто закрываясь от ответа.

— А почему она не должна ему нравиться?

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Он ведь уже женат...

— Не говори глупостей. Женатым людям часто начинают нравиться другие люди; они разводятся; потом женятся на ком-нибудь другом. — Глухим голосом девочка добавила: — Иногда мне хочется, чтобы мама с папой развелись. Он не очень-то ее любит. Прабабушка Эффи говорит, что всегда был дрянь, а не человек.

Последовала неловкая пауза. Упоминание об Эффи Карлоу, прабабке Хейзл, всегда вызывало уважение: мало кому посчастливилось застать прабабушку, а с возрастом ее суждения приобрели ауру мудрости — пусть даже не вполне заслуженно. Никто не знал, сколько в точности ей лет: заколотые в пучок волосы по-прежнему оставались густыми, походка — энергичной, а лицо — хоть и морщинистым, но не потерявшим цвет. У Эффи был острый нос и еще более острый язык, а глаза из-под тяжелых век смотрели по-ястребиному зорко.

— Даже если так, — сказал Натан, — не думаю, что тебе стоит презирать отца.

— Это только между нами. — Хейзл не стала бы делиться секретами с Джорджем, но Натан ввел его в их компанию, так что она относилась к нему как к любимому домашнему животному. С Джорджем считались не больше, чем с Гувейром. Может, даже меньше.

— Как бы там ни было, — вернулся к изначальному вопросу Натан, — маме... маме не нужен чужой муж.

— А вот моя мама говорит, что Майкл очень привлекательный, — сообщила Хейзл, — и Анни красивая. У нее должны быть поклонники.

Натан не ответил. Он сам время от времени с беспокойством задумывался об этом. У многих его приятелей и в деревенской школе, и в Ффилде были только матери — иногда даже отцы-одиночки, чьи новые пассии являлись вечной проблемой. Детям приходилось отбирать и поощрять хороших, отпугивать нежелательных. Пассии были склонны покупать детям роскошные подарки на Рождество, пичкать их гамбургерами, а потом шикать и выгонять из комнаты, чтобы приступить к поцелуям и тисканью, пока отпрыски давились за дверью беззвучным смехом. Некоторые новоявленные родственники прихватывали с собой неожиданных братьев и сестер. Таковы были опасности современной жизни. Натан понимал, что тут ему повезло, но... но...

— Хочешь, чтобы у тебя был отец? — спросила у него однажды Анни.

— У меня *есть* отец, — ответил Натан. — Он мертв, и все равно он мой отец. И другой мне не нужен. Только... в общем... если у тебя появился поклонник, все в порядке. Если он приятный человек и любит тебя. У тебя есть... есть кто-нибудь?

— Когда он появится, — сказала Анни, — ты узнаешь об этом первым.

И вот теперь появился Майкл Аддисон. Приятный. И по утверждению Лили Бэгот — привлекательный. Жена его была актрисой, а всем известно, что актрисы вечно крутят романы и часто разводятся: такова уж их профессия. И все же... быть может, он любил жену и тосковал, когда она уезжала, а к Анни обращался лишь за сочувствием. Натан решил, что ситуация ему не нравится, с какой стороны ни посмотри. «Если он начнет дарить мне подарки и водить есть гамбургеры, тогда я узнаю наверняка».

Годы, прожитые в Иде, превратили Анни из девочки в женщину. Время укрепило ее мягкость и отточило грани лица; пушистые волосы, теперь коротко постриженные, падали на лоб витыми каштановыми перышками. Она по-прежнему почти не пользовалась косметикой, а бледная кожа на деревенском воздухе засияла здоровьем. Изредка какой-нибудь мужчина начинал вести себя чересчур дружелюбно; она же лишь вежливо улыбалась в ответ, давая понять — если не с помощью слов, то своим поведением, — что желает сохранить дистанцию, мысленно уверяя себя, что делает это ради сына, и зная — на уровне более глубокого изучения самой себя, — что Натан лишь отговорка. Быть может, сердце ее по-прежнему целиком принадлежало Даниэлю; быть может, в той складке времени затерялось еще что-то, что отделяло и отдаляло ее от всех, делало безразличной к любому мужчине. Когда Майкл Аддисон стал заглядывать к Анни — взглянуть на новые книги на полках и поболтать, он сразу пришелся ей по душе, однако она пребывала в полной уверенности, что дальше искренней симпатии дело не пойдет. Она не была холодна — просто как бы отсутствовала, словно монахиня, повенчанная с божественной идеей и не ищущая себе смертного супруга. Правда, Анни всегда с сомнением относилась к Богу — католическому Богу ее детства: требовательному, слегка надменному, погрязшему в церковных обрядах. Ей скорее импонировала теория Бартелми о Высших Силах, сохраняющая некое равновесие всех миров, но не взыскующая ни слепого поклонения, ни бесконечного покаяния. С того самого мгновения, как умер Даниэль, Анни не испытывала ни малейшего сомнения в том, что там, за гранью обычного человеческого знания, существует нечто еще: другие измерения, вселенные, существа; и часть этой уверенности прочно опиралась на ее память.

На Рождество Майкл и Рианна отправились в гости к друзьям в Глостершир, а потом уехали кататься на лыжах; отец Хейзл напился и избил Лили, после чего впервые в жизни та отправилась на консультацию с адвокатом; Джорджу подарили бинокль, почти такой же мощный, как телескоп. Анни и Натан провели праздничный день так же, как всегда, — с Бартелми и Гувером, наслаждаясь лучшим рождественским ужином, равного которому не было во всей деревне. Бартелми умел проделывать с едой таинственные и удивительные вещи: стоило ему приготовить овощи — и дети едва не вырывали тарелки друг у друга из рук; индейку он запекал так, что она покрывалась хрустящей корочкой, внутри оставаясь мягкой, источающей золотисто-коричневый сок; картошка всегда была тщательно взбитой и пушистой, а в сливовом пудинге волшебным образом сочетались воздушная легкость и насыщенный фруктовый вкус. Натан вспоминал то Рождество как самое замечательное. Пусть не было снега, и на улице шел дождь — он ведь остался там, снаружи, а они сидели дома, и огонь камина наполнял комнату теплом и радостью, и обширный обед без следа исчез в эластичном желудке и растворился в стройном теле. Телевизор Бартелми принимал каналы, которых не было больше ни у кого; смотрели сказку на иностранном языке о горделивом короле, который был вынужден скитаться среди своего народа в обличье нищего и так познал унижение и мудрость; потом играли в шахматы, и Натан почти выиграл; а Анни смотрела на них с любовью и думала про себя: «Я так счастлива. Так счастлива». И внезапно она испугалась — впервые за все время, — что удача вдруг отвернется от нее.

А в новом году Натан нашел провалившуюся под землю часовню и увидел шепчущую чашу, и тогда все изменилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шепот и сны

В феврале Майкл Аддисон купил компьютер и попросил Анни зайти помочь ему с установкой.

— Слышал, вы местный эксперт, — заметил он.

— Только в масштабах Иде, — парировала Анни, — не так уж это много.

— Я заплачу...

— Глупости. Я согласилась бы, чтобы просто взглянуть на ваш дом. Вся деревня сгорает от любопытства: переделали его на манер тех, что показывают в модных телешоу, или нет.

— Деревня, — рассмеялся Майк, — будет очень разочарована.

Анни закрыла лавку пораньше: Бартелми всегда настаивал, чтобы она выбирала удобные для себя часы. С тех пор, как Натан стал учиться в пансионе, она старалась работать с десяти до пяти. Анни прошла по Хай-стрит и свернула в переулок, ведущий к Дому-на-Реке. Дорожка, окаймленная двумя рядами бурого и съезжившегося в своей зимней наготе кустарника, вела через луга. Анни знала, что где-то поблизости находится заповедная территория: не то там водилась какая-то особенная бабочка, не то росли орхидеи редкого вида. Дом стоял чуть поодаль: на некотором расстоянии виднелись островерхие, как колпак звездочета, крыши. Со стороны он казался воплощением мечты о деревенской жизни; когда же Майкл открыл дверь и проводил Анни через холл в главную гостиную, женщине подумалось, что у комнаты на диво нежилкой вид: мебель слишком идеально расставлена, на коврах ни пятнышка; все чисто, безупречно, нетронуто.

— Я редко бываю в этой комнате. — Майкл будто прочел ее мысли. — Мои владения — в одной башне, Рианны — в другой. Изредка встречаемся в спальне.

Анни решила, что Майкл, наверно, шутит, хотя была не до конца уверена. Она спустилась вслед за хозяином дома по небольшой лесенке в круглую комнату — очевидно, его кабинет. Вся мебель была специально спроектирована, чтобы вписаться в изгибы стен; на письменном столе натурального дерева красовалось последнее достижение компьютерной техники.

— Ну, вот и он, — объявил Майкл. — Что сначала: чай или работа?

— Работа, — ответила Анни.

В результате она провозилась гораздо дольше, чем ожидала.

— Для меня этот агрегат — всего лишь разрекламированная печатная машинка, — сказал Майкл. Так что Анни навела кое-какой порядок в его файлах, научила пользоваться поисковыми системами и бродить по сети.

Когда они закончили с компьютером, уже стемнело; Майкл объявил, что для чая слишком поздно, и предложил выпить чего-нибудь покрепче и мельком пробежаться по дому, если Анни интересно.

— Тогда сможете рассказать деревенским сплетницам обо всех неосуществленных изменениях в нашем интерьере.

Как показалось Анни, даже хозяйская спальня выглядела необитаемой: у Майкла стоял диванчик в комнате наверху его башни. В доме имелось несколько комнат для гостей, хотя, похоже, чета никогда никого не приглашала. На кухне стояла плита «Ага» последней модели, но, по всей видимости, микроволновкой пользовались значительно чаще. Повсюду, не считая комнат Майкла, царили безликая роскошь и странная

холодность — будто целый дом был музейным экспонатом, а не жилищем. Башню Рианны посмотреть не удалось: там было заперто.

— Рианна очень ревностно оберегает свое личное пространство, — объяснил Майкл. — Даже у меня нет ключа.

— Прямо комната Синей Бороды. — Анни не смогла удержаться от ассоциации.

— Набитая трупами бывших мужей? — рассмеялся Майкл. — У нее был только один. Продюсер, мы как-то встречались. Теперь ему около шестидесяти, и он женат на двадцатитрехлетней блондинке.

— Извините, — смутилась Анни, — я не хотела показаться грубой или... чересчур любопытной.

— Все в порядке, — ответил Майкл. — Полагаю, людям, которые не знают Рианну, это и впрямь покажется странным. Она... наверное, ее можно назвать темпераментной. У нас чудесная уборщица — иммигрантка из Югославии, приезжает из Кроуфорда; так вот Рианна даже ее не пускает к себе — предпочитает убираться сама. А теперь что желаете выпить? Есть виски, джин, пиво... виски и снова виски.

— Тогда мне виски, — с улыбкой проговорила Анни.

Они сидели, потягивая виски, в гостиной, что находилась над кабинетом Майкла: там имелся диванчик — «чтобы передохнуть и вздремнуть между периодами безделья» — и два потертых кожаных кресла. По одну сторону окна башни выходили на заповедник, по другую — на спуск к реке. Поскольку было уже слишком темно, чтобы рассмотреть что-либо в отдалении, Майклу пришлось приложить некоторые усилия, описывая гостье прелести открывающегося из комнаты вида. Он приглушил свет, и Анни увидела сияющий юный месяц в небе, полном колючих звезд, и сумрачные поля, простирающиеся до самой деревни, и мерцание огоньков в

окнах ближайших домов. Она повернулась — и совсем рядом увидела кривоватую улыбку Майкла, смягченную полумраком, и очки, скрывающие выражение глаз. Он включил свет, и вот уже Анни смотрела на портрет Рианны, что стояла на буфете, — довольно эффектную черно-белую фотографию: актерские скулы в обрамлении копны темных волос, глубоко посаженные, подведенные черным глаза под бровями вразлет.

— Она очень красива, — вежливо заметила Анни.

— Да, я знаю, — отозвался Майкл. В его словах послышалась нотка грусти.

Когда бокалы опустели, он предложил:

— Давайте я провожу вас домой. — Потом добавил: — Черт. Времени уже больше, чем я думал. Мне вот-вот должны звонить из Штатов.

— Я отлично доберусь сама, — заверила Анни.

«Он мне нравится, — подумала она, — а вот дом — нет. Не считая комнат Майкла. Здесь что-то неправильно, что-то...»

Что-то не так с Рианной Сарду.

Анни шла по тропинке, закутавшись от холода в пальто и погружившись в размышления. Понимание пришло не внезапно: скорее то было нарастающее осознание — перемена, подкрадываясь в ночи; по спине медленно расползались мурашки. Один раз она остановилась и оглянулась; ничего не увидев, женщина скорее почувствовала, что неправильность, которую она ощутила в доме, следует за ней по пятам, словно тень, словно слух на самой грани человеческого восприятия. Пугающе знакомо. А потом будто рябь пробежала по кустарнику, будто темнота скользнула меж голых ветвей, и Анни уловила шепот неразличимых слов, шепот тише самой тиши-

ны — так близко над ухом, что казалось, холодное дыхание вот-вот обожжет ей щеку.

Они.

Анни не побежала: это было бессмысленно. Она шла очень быстро, стараясь не оглядываться, считая удары сердца между шагами. Дорожка, ведущая сквозь луга, нырнула, на несколько минут скрыв от взгляда огоньки ближайших домов и оставив Анни в одиночестве — или нет? Она знала: шаркающей старушечьей походкой по пятам следуют тени, а шепот раздавался так близко, что она уже представляла, как бесплотные губы кривятся в дюйме от лица. Анни почудилось холодное прикосновение к затылку, словно жадная рука тянулась к ней в попытке схватить, — но вот впереди возникли огни в окнах дома, и видения отступили. А она побежала, словно высвободившись из-под власти заклятия. Мимо садов и задних ворот, на деревенскую улицу, назад, в книжную лавку. Анни захлопнула дверь и заперлась, понимая, что это все равно не поможет: ни одна дверь, кроме двери Торнхилла, не защитит от них. Спотыкаясь, она бросилась к телефону, дрожащими пальцами набрала номер.

Спустя десять минут Бартелми сидел у Анни в задней комнатке лавки, заняв собой большую часть пространства, вселяя в нее своим присутствием спокойствие и уверенность.

— После рождения Натана, — рассказывала Анни, — мне казалось, что я немного не в себе. Они были частью моего безумия — так я сама себе объясняла тогда. И по сей день. Но ведь вы их видели, правда? Той ночью, когда мы пришли в Торнхилл. Вы видели, как они следовали за мной.

— О да, — спокойно отозвался Бартелми, — я видел их.

— Что они такое? Кто они? Почему теперь вернулись?

— Если бы я знал ответы на такие вопросы, — сказал Бартелми, — я был бы мудрецом, если не счастливец. Я

знаю лишь то, что видел сам или о чем догадался. Похоже, у них нет реальной плоти — и все же они вполне реальны. Они сотканы из тени и страха. Их всегда много, они существуют скорее как стая, нежели по одному. Мне никогда не приходилось встречать ничего подобного, а я повидал немало странного. Мне удалось удержать их за пределами Торнхилла — мое влияние там сильно, и я надеялся, что они ушли насовсем; теперь ясно, что это не так. И все же с чего бы вдруг им появляться вновь? Где они пропадали? Быть может, впали в спячку, пока чей-то приказ или нужда не потревожили их? Ты ходила в Дом-на-Реке?

— Да. Я вот думаю... а вдруг они поджидали меня там? В том месте что-то неладно. В доме ощущается нечто если не устрашающее, то достаточно необычное. По-моему, все это как-то связано с женой Майкла.

— Рианной Сарду... Подходящее имя для ведьмы. Уверен, она и похожа на ведьму, во всяком случае, на экране: вся такая загадочная и сверкающая. Классическая ведьма из книжек. Правда, и книги могут лгать.

— Думаете, существует связь между Рианной и... ими?

— Не знаю. Я не знаю, почему они преследовали тебя в прошлом и почему их охота возобновилась сегодня. Как я уже сказал, я не имею ни одного ответа, зато у меня возник очередной вопрос.

— Какой же? — У самой Анни их накопилось уже несколько.

— Почему они никогда не настигают?

Анни поежилась.

— Как это — *не настигают!* Мне показалось, что там, в переулке, меня что-то *коснулось*...

— Тем не менее они тебя не схватили. Много лет назад они следовали за вами месяцами и не схватили. Почему? Они

намного ловчее людей. Они гнали вас темнотой и страхом, но вам всегда удавалось ускользнуть от них. Они охотятся за тобой или просто наблюдают — шпионят? Или же...

— Может, не будем больше об этом? — взмолилась Анни. — По крайней мере пока. Мне бы хотелось уснуть сегодня.

— Можешь переночевать в Торнхилле.

— Спасибо, не стоит, — отозвалась Анни. — Я останусь. Мой дом здесь.

Она долго лежала в постели, не в силах уснуть; однако занавески ни разу не шелохнулись, и ночь была пуста и неподвижна.

Натану снился сон. Не привычный уже кошмар о чаше с шипящими змеинными голосами и привкусом крови; на сей раз перед ним простирался фантастический ландшафт из раннего детства, с тех пор сделавшийся смутным и нереальным, а ныне стремительно оживающий.

Город. Город на краю Времени. Башни, устремляющиеся вверх на милую и выше, с фасеточными глазами окон, увенчанные стеклянными минаретами и шпилями, что сверкали на солнце. Земли, оставшейся далеко внизу, почти не видно. Между мостов, эстакад, переходов, висячих садов сновали воздушные суда, оставляя за собой светящиеся и быстро исчезающие следы. Иногда мимо проносились существа, похожие на гигантских птиц, с перепончатыми, громадного размаха крыльями и костяными клювами; ими управляли похожие на обычных людей существа в масках и защитных очках. Натану нравились эти сны: в них он часто оказывался в одном из подобных судов, носился по воздуху, огибая башни и ныряя под арки, пока в конце концов не проваливался сквозь сотни вращающихся измерений и не падал в собственную постель;

и всякий раз просыпался в радостном возбуждении от захватывающего чувства полета.

Теперь все было иначе. Огромное, тусклое, едва появившееся из-за горизонта солнце с трудом выбиралось на открытое небо, мелькая в проемах между зданиями. Самые высокие из башен и минаретов уже ожили, залившись сиянием, и парили, подобно островкам света, над сумрачными ущельями, куда пока не проникли утренние лучи. Натан скользил по воздуху, все видящий и ощущающий, хотя бестелесный и бесплотный; он заглядывал сквозь овальные окна в сплетающиеся лабиринты комнат — пустых, словно муравейники без муравьев. Несмотря на всю необъятность города, людей, похоже, здесь обитало немного, да и те вечно были где-то слишком далеко, чтобы разглядеть их как следует; они передвигались по одному или по двое, никогда — толпами.

На сей раз Натан парил рядом с одной из птиц; впрочем, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что она скорее напоминает рептилию: заостренная морда, когти на стгбах крыльев, острый шип на конце длинного хвоста. Кожа животного казалась жесткой и слегка поблескивала, будто вся состояла из крохотных, плотно подогнанных друг к другу чешуек; на серо-голубом туловище играли блики утреннего солнца. Наездник тоже был в синем — с головы до ног одет во что-то вроде металлической кольчуги; в плотно сидящем шлеме имелась ротовая щель; нос прикрывала защитная пластина, а глаза скрывались под темными очками. Седло было снабжено высокой лукой, поводья тянулись не ото рта животного, а от железных колец, продетых сквозь кожу возле уголков клюва. Натан подумал, что, наверное, это очень больно; наезднику требовалось лишь малейшее, едва заметное усилие, чтобы править. У существа было удивительно зас-

тившее, даже по звериным меркам, выражение морды — с некоторым опозданием Натан догадался почему: кроваво-красные от уголка до уголка глаза, без век, зрачков и радужных оболочек, неподвижно смотрели из-под костяных дуг.

Летели очень быстро — быстрее, чем воздушные корабли, хотя крылья зверей вздымались и опускались лишь изредка; короткие мелкие движения хвоста заменяли повороты руля. Внезапно они резко снизились и опустились на платформу на крыше; другая фигура, тоже в шлеме, только в обшитом пластиком костюме и тяжелых рукавицах, взяла животное под уздцы, чтобы наездник мог спуститься. Мужчина в перчатках — по крайней мере он походил на мужчину — привязал зверя и накормил его из ведра чем-то извивающимся. Натан последовал за наездником к подобию круглой кабины и сквозь стеклянные раздвижные двери вошел в лифт. Спустившись немного, они попали в длинную галерею с высоким сводчатым потолком; по обе стороны тянулись ряды колонн — не прямых, а витых и изогнутых, вроде искореженных деревьев. Окон здесь не было, зато от потолка исходило тусклое свечение, словно отголосок дневного света. Пройдя всю галерею, они вошли в полукруглую комнату в дальнем ее конце; в противоположность предыдущему помещению изогнутая стена здесь была целиком из стекла, кое-где ее заслоняли просвечивающие щиты. Из всей мебели имелось лишь некое подобие письменного стола и пара стульев. Дверь автоматически закрылась.

Спиной к вошедшим и лицом к окну стояла фигура. Человек оказался на голову выше наездника, хотя и того Натан считал поразительно высоким. Судя по очертаниям, он был широкоплеч и стоял, слегка расставив ноги, по-видимому, скрестив руки, окруженный аурой власти и величественного спокойствия. Много позже этот момент во сне вспоминался

Натану гораздо отчетливее, чем любой другой из прежней жизни; однако тогда он не осознавал всей его значимости.

Наездник молча ждал. Наконец человек обернулся.

На нем был черный шлем, лицо скрывала маска из какого-то материала, похожего на оргстекло: белая, как гипс, с вылепленными чертами. В искусственных губах открывалось ротовое отверстие, в крючковатом носе были прорезаны ноздри; увеличенные, листовидной формы глаза защищали полшария черных очков. Как у наездника и фигуры на крыше, ни один сантиметр кожи, ни даже волосок не виднелись из-под одежд. Когда человек заговорил, Натан понял его; лишь потом мальчик осознал, что это не английский.

— Ну и что? — произнес человек в маске.

— Хуже, — отозвался наездник. — Дрю не хотел, чтобы вы знали. Он опасается, что Суза будет отрезана.

— Придется. Выбора нет. — Человек говорил спокойно, не допуская в своем тоне ни намека на эмоции. — Мы отрежем весь Маали, от Ингорута до Хадеша.

— Целый континент? — Наездник не смог скрыть ужаса.

— Да. — Белая маска не выражала ни стремления оправдаться, ни печали. — Заражение распространится за пределы Сузы в течение каких-нибудь месяцев, а может, и недель. Мы должны действовать без промедления. Наше Время истекает. — И еще раз, с особым нажимом: — Все Время истекает.

— Есть какая-то надежда? — спросил наездник.

Натану почудилось, что человек под маской улыбнулся.

— Надежда — лишь химера, — сказал он. — Я не хватаюсь за химеры. Я составил свой план давным-давно. Надежды нет, зато *есть* план. Будем его придерживаться. Теперь поешь и отдохни. Ты проделал большой путь. Твой крылоящер устал?

— Нет, сэр. Он силен.

— Хорошо. Я вызову тебя позже. Отправишься в Маали с пятой фалангой. Ты знаешь побережье.

Коротко поклонившись, наездник удалился.

Человек в белой маске сделал странное движение рукой и тихо произнес какое-то слово — Натан не разобрал. Перед ним — очевидно, созданное с помощью света, — появилось изображение: трехмерное, в натуральную величину. Фигура была облачена в лиловую рясу и маску, разукрашенную узором из завитков и линий.

— Суза заражена, — коротко сообщил Белая Маска. — Начинайте изоляцию Маали.

— Всего Маали? — Голос Лиловой Рясы потрескивал, словно звучал по плохой телефонной связи.

— Разумеется. Пошли пятую фалангу и одного из старших практоров. Реймор отправится с ними. Он хорошо знает местность.

Лиловая Ряса заколебался, словно желая что-то возразить, потом тоже поклонился и исчез по мановению руки хозяина.

Человек в белой маске вновь погрузился в созерцание города. Натан смотрел на него с близкого расстояния, снизу вверх: проваленный подбородок, вылепленные черты белого лица, поблескивающие в дневном свете, черные, ничего не выражающие бугры защитных очков. Но он чувствовал, что под маской идет напряженная работа мысли, необъятного ума — обширного и сложного, сосредоточенного на единственном предмете, плане, цели, какова бы та ни была. Никогда прежде Натан представить себе не мог, чтобы существовал подобный разум: разум, столь могущественный, что мальчик *ощущал* его работу, вспышки и угасания подав-

ляемых эмоций, чувство устрашающей безысходности под спокойствием абсолютного контроля.

Испугавшись этой близости, Натан попытался отдалиться; он принялся отталкивать сон, пока тот не начал разваливаться; и вот мальчик уже летел по длинному темному туннелю исчезающих ощущений. Он словно потерялся во сне, а когда проснулся, видение продолжало преследовать его, яркое, словно наяву, и воспоминание об увиденном долго не желало тускнеть.

Прошло недели две, и Натан вернулся. Он знал, что это тот же мир, тот же сон, — хотя обстановка изменилась. Натан снова очутился рядом с наездником, быть может, опять Реймором; впрочем, теперь их было множество: люди верхом на крылоящерах летели косяками по тринадцать, крылья взмахивали редко и почти синхронно. Внизу через громадный простор моря, растянувшись от края до края, плыл тусклый отблеск солнечного света. Натан видел, как колышутся бесконечные волны, как там и тут возникает белая рябь и как буруны, сталкивались, поднимают вулканы водяной пыли. Вскоре вдали возникла и понеслась на них, стремительно увеличиваясь, полоска земли. Натан видел серые утесы, отвесно уходящие в море, и за ними неровное плато, голое и неуютное.

Фаланга забрала влево и полетела вдоль береговой линии. Натан заметил, что на первом крылоящере за наездником сидит еще одна фигура, облаченная в красное. Человек делал нечто непонятное: рука его совершала замысловатые движения — и воздух между летящими и берегом мутнел: и вот уже словно пелена отделяла их от земли. Едва различные утесы нависали над широким проливом, перекрещенным мостами и окруженным обширным портом. На воде вроде бы различались корабли, изредка попадались гидросамолеты,

парящие над поверхностью моря подобно насекомым. Один из них заложил вираж и стал приближаться к летящему отряду, однако с каждым метром пелена становилась все плотнее; наконец самолет ударился о барьер, бока его заискрились, превращаясь в пламя; закружившись, судно рухнуло в океан догорающим фейерверком.

Красная фигура продолжала свой ритуал; теперь Натан оказался достаточно близко, чтобы расслышать: человек что-то напевает. Взглянув в сторону моря, он заметил еще одно судно — далеко за пределами барьера. Отделившись от внешнего крыла фаланги, два крылощера полетели в его сторону. Натан не очень хорошо разглядел, что именно там произошло; только корабль вдруг вспыхнул и бесследно исчез, не потревожив движения волн.

Сон утратил свое очарование. Мальчику начало казаться, что даже просто наблюдая, находясь там, он стал действующим лицом, молчаливым соучастником какого-то ужасающего злодеяния. Он попытался оторваться от фаланги и почувствовал, как разум его падает, камнем обрушивается в океан. Потом падение замедлилось и перешло в скольжение: Натан коснулся вершушек волн как раз над тем местом, где затонул корабль. В воде кто-то был — по-видимому, последний член экипажа: вздымался над поверхностью и снова погружался серый шлем. На человеке не было ни спасательного пояса, ни жилета; долго ему не протянуть. Зная это, хозяева крылощеров бросили несчастного на произвол судьбы. Хотя лица тонущего видно не было, Натан ощущал его ужас, и внутри мальчика разрасталась, угрожая взорваться, необходимость помочь — мощная, как гнев. Он спустился еще немного и, протянув руку, почувствовал удар холодной воды о кожу; крепко схватил барахтающегося человека за руку. Потом их выбросило из сна с такой силой, что у Натана скрутило

внутренности, и швырнуло на каменистый берег. На ночной пляж, где буруны разбивались о гальку и простынями вздымалась морская пена, светящаяся в темноте. Натан разжал сцепившиеся руки и почувствовал, как отдаляется, соскальзывает обратно в забытье. Разбудил его звонок в школьной спальне. Натан сел в кровати, ощущая дискомфорт: рукава пижамы были мокрыми.

В ту субботу они играли в регби против другой школы. Натан внес свою лепту в победу команды аббатства Ффилде, забив дважды, и вернулся домой поздно, зато в приподнятом настроении. Он собирался рассказать Бартелми о своих снах, но, когда дело дошло до разговора, почему-то разуверился в правдивости собственных видений и оказался не готов подвергнуть их скептическому анализу. Правда, в воскресенье они встретились с Хейзл — необходимость поделиться с ней не ставилась под сомнение. («Не с Джорджем, — решил он, не спрашивая себя почему, — именно с Хейзл».) Следующим утром они с Анни завтракали поздно, заодно слушая по радио местные новости. Планируется жилищная реформа, существует риск затопления в окрестностях деревни. «Предположительно человек, обнаруженный несколько дней назад на пляже залива Певенси, — незаконный иммигрант. На нем был водонепроницаемый костюм, закрывающий тело с головы до ног; он мог добраться до берега вплавь, прыгнув с корабля. Человек не владеет английским языком, и пока его национальность не установлена. Полиция считает маловероятным, что он действовал в одиночку, и просит местных жителей проявлять бдительность».

Анни заметила, что Натан забыл про свои хлопья.

— У тебя все нормально? — поинтересовалась она.

— Да. Да, конечно. — Натан вернулся к завтраку. Минуту спустя он спросил: — А что с ним сделают? Его могут... посадить в тюрьму?

— Незаконного иммигранта? Наверное. Пока не выяснят, кто он такой, и предоставят ему убежище.

— Но... это же неправильно. Он один. И в отчаянии. Мы должны ему помочь.

Анни тронула заботливость сына.

— Да, должны. Беда в том, что люди боятся. Боятся чужаков — всех посторонних. Они думают, что иммигранты отберут работу и дом, хотя их не так уж и много; ведь приезжие не только занимают, но и *создают* рабочие места. Но страх отупляет людей, а иногда даже делает жестокими.

— А можно мне взглянуть на него? — неожиданно попросил Натан. — На человека с пляжа?

Анни была явно ошеломлена.

— Думаю, не стоит, — ответила она. — Тебя не пустят. Быть может, лучше ему написать.

— Он ведь не знает английского, — напомнил ей Натан.

Есть совсем расхотелось, и мальчик попросил разрешения выйти из-за стола. Ему нужно было прогуляться на свежем воздухе, чтобы поразмыслить.

— Это невозможно, — заявила, хотя и не вполне уверенно, Хейзл, когда они с Натаном забрались вечером в Логово.

— Считается, что существует куча других вселенных, — продолжал настаивать Натан. — И это не только написано в книгах; отец Клемент рассказывал нам о других вселенных на уроке физики. Их миллионы: некоторые похожи на наши, другие нет. Это называется многомирьем. А вдруг во сне я на

самом деле побывал в одной из таких вселенных и каким-то образом вытащил того человека с собой в нашу?

— Просто смешно, — проговорила Хейзл отчего-то испуганно.

Когда-то в раннем детстве они оба проводили массу времени, исследуя шкафы в надежде найти путь в иные миры; а теперь Хейзл переросла подобные мечты — или старалась убедить себя в этом, одновременно испытывая сожаление, сомнения — и страх перед подобной возможностью. Она понимала, что Натан никогда не солжет ей.

— Ты имеешь в виду *магию*, — наконец произнесла девочка. Физику она недолюбливала.

— Может быть, — задумчиво проговорил Натан. — А что вообще такое магия? Многие говорят, что это еще одна наука, о которой мы просто не имеем понятия.

— А как же нам выяснить о ней побольше?

— Понятия не имею. Можно спросить дядю Барти, он много чего знает. История, археология, все точные и естественные науки. А еще мама говорит, что готовит он и вправду волшебю.

Хейзл фыркнула.

— Приготовление пищи — вовсе не магия. Хотя на твой прошлый день рождения он испек и впрямь потрясающий шоколадный торт... А бывают специальные книги? Я имею в виду по магии, а не по кулинарии.

Натан кивнул.

— Они называются колдовскими. Однажды кое-что подобное оказалось в маминой лавке. Я думал, они интересные, а они оказались жутко нудные: о начертании рун и символов, сборе растений в полнолуние и скучных ритуалах вызова демонов. Там даже нет ничего о жертвоприношениях, не говоря уже о других мирах. Они нам не помогут.

Воцарилось долгое молчание, наполненное грустными раздумьями.

— Ведьма — вот кто нам нужен, — наконец сказал Натан. — Сотни лет назад здесь сжигали ведьм — на пустыре возле церкви. Дядя Барти мне рассказывал. Я спросил, были ли там настоящие ведьмы, и он ответил, что в основном нет. Но ведь «в основном» — не значит «все»! Я прочел фамилии: там встречались Карлоу — как твоя прабабушка. Она Карлоу по рождению или по мужу?

— Кажется, и то, и другое, — нахмурилась Хейзл. — Папа вечно твердит маме, что их семья выродилась. Он говорил, что прабабушка рехнулась и вышла замуж за двоюродного брата, от чего дети обычно рождаются ненормальными, или недоумками, или еще какими-нибудь... Папа утверждает, что она тоже ведьма, — думаю, лишь для того, чтобы ее обидеть.

— Мы могли бы пойти прямо к ней и спросить, — робко предложил Натан. — Ведь она не будет возражать, если мы только зададим вопрос. В наши дни ведьм уже не сжигают.

— Она как раз таки будет возражать, — убежденно заявила Хейзл. — Она... ну, понимаешь...

Натан понимал. Ядовитый язык и орлиный взор Эффи Карлоу не располагали к излишнему любопытству. И все же...

— Если больше поговорить не с кем, — решил он, — придется спросить у нее. Должны же мы кого-нибудь спросить!

Находясь в школе, Натан старался не пропускать новостей по радио в общей гостиной. Однако о человеке, найденном на пляже, больше ничего не сообщали. Он попытался выведать у отца Клемента побольше о далеких вселенных, но монах ответил, что, насколько ему известно, никому не доводилось там бывать, хотя он полагает, что это возможно. Тео-

ретически. К вечеру пятницы, когда мать забирала его из Иде, Натан уже принял решение. В субботу приходил Джордж, так что разговор с Хейзл пришлось отложить до воскресенья.

— Нам придется навестить твою прабабушку. Больше спросить не у кого.

Эффи Карлоу жила в домике, что стоял на дороге в Чизлдаун в полумиле от Иде. Непогода выветрила и смягчила краски фасада, а вьюнок заплел безликие его части, придав викторианской постройке вид милый, если не живописный. Приезжих из Лондона дом не интересовал — с крошечными окошками, через которые почти не просачивался свет в убогие комнатухи, и крышей, спускающейся почти к самой земле. Зато пристройку, выходящую во внутренний двор, Эффи сдавала под студию местному художнику. Сад за забором представлял собой кусочек нетронутой природы, где преобладали в основном дикие цветы и травы.

— Пожалуй, стоит сначала ей позвонить, — предположил Натан, прежде чем они с Хейзл пустились в путь.

— У нее нет телефона, — отозвалась девочка.

Они добрались до места около четырех дня, в удачное для случайного визита время — по крайней мере Натан на это надеялся. Нервно переглянувшись с Хейзл, он дважды постучал в дверь молотком, запоздало заметив, что под плетью вьюнка прячется кнопка звонка. Другим пришлось долго ждать, напрягая слух в бесплотной попытке уловить звук приближающихся шагов. И вот наконец дверь приоткрылась на несколько дюймов.

— Ну? — спросила Эффи Карлоу.

— Привет, прабабушка, — пробормотала Хейзл.

— Извините, что побеспокоили, — выдавил из себя Натан, — нам просто необходимо кое о чем спросить именно вас.

Старуха окинула его с головы до ног хищным взглядом:

— Ну так спрашивайте.

— Мы насчет ведьм, — сказал Натан, все больше и больше смущаясь. — В книге по истории края я прочел, что когда-то давным-давно здесь заживо сжигали ведьм; и некоторых из них звали Карлоу. Мы хотели бы узнать... о колдовстве, и об иных мирах, и о многом другом, и подумали: вдруг вы нам поможете.

В лице старухи произошли неуловимые, легчайшие перемены — черты как бы заострились, хотя взгляд и прежде был пронзительным. Она приоткрыла дверь шире.

— Заходите.

Они сразу оказались в гостиной, битком набитой мебелью и всяким барахлом. Стены были сплошь увешаны картинами и книжными полками, стулья стояли вплотную друг к другу, на маленьких столиках громоздились лампы, чашки, украшения — и древний радиоприемник. Ни один из светильников не горел, так что во мраке трудно было различить подробности, но в целом комната напоминала телефонную кабинку, в которой проходит беспорядочная распродажа.

— Садитесь, — сказала Эффи.

Натан и Хейзл сидели на соседних стульях, едва удерживаясь от того, чтобы схватиться за руки, а тем временем старуха заваривала им крепкий черный чай, долив в него чуть-чуть молока; затем, поразмыслив немного, добавила к угощению блюдо несвежего печенья.

— Храню для почетных гостей, — объяснила она. — Берите.

Повинуясь настоятельному приглашению хозяйки, Натан взял одно печенье. Хейзл последовала его примеру. Она до сих пор не могла поверить, что их пригласили в дом, и погрузилась в испуганное молчание, предоставив Натану вести бе-

седу. Он попытался сформулировать вопрос, но отвлекся на печенье, твердость которого требовала усиленного разжевывания.

— А зачем вам знать о ведьмах? — спросила Эффи. — О ведьмах... и об иных мирах, и о многом другом. Ведь ведьмы Карлоу жили в *этом* мире, пока их не сожгли. А что происходит в других мирах, не дано знать ни одному человеку.

— А вот Натан знает, — прошептала Хейзл. Ее печенье оказалось более податливым.

— И что же знает Натан?

— У меня бывают... особенные сны, — выдавил он между попытками проглотить печенье. — Некое место... я вижу разные его уголки — город, побережье — и все равно осознаю, что это одно и то же место. Там есть летающие машины, похожие на наши, только без колес; а люди путешествуют верхом на птицах, которые на самом деле вовсе не птицы, а ящеры вроде птеродактилей. И я попытался спасти человека, который тонул, а несколько дней спустя услышал в новостях по радио что-то о незаконном иммигранте, и... понял, что речь идет о том человеке.

— Откуда ты знаешь? — жестко спросила Эффи.

— Описывалась его одежда. Он был в комбинезоне, закрывающем все тело, и в шлеме. Сказали, что он не говорит по-английски и национальность установить не удастся.

— Неубедительно, — заключила Эффи. — Незаконный иммигрант вполне мог быть в цельном комбинезоне — водолазном скафандре или вроде того, если он добирался до берега вплавь. Я слышала: именно так в новостях и сказали. Что же до твоих снов — не стану отрицать, ведьмы умеют толковать их, однако скорее всего ты просто насмотрелся фантас-

тических фильмов. Чем сидеть у телевизора, лучше бы уделял больше внимания домашнему заданию.

— Натан хорошо учится, — набралась храбрости Хейзл.

— Неужели? Откуда тогда взялась вся эта бессмыслица про иные миры?

— Потому что она не бессмыслица, — ответил Натан, — по крайней мере в моем сне. Если вы мне не поверили, зачем пригласили войти?

Старуха подалась вперед и обхватила его лицо руками, больно впившись ногтями в щеки; затем притянула к себе. Пальцы ее, на вид сплошные шишки и косточки, оказались невероятно сильными. Свирепые глаза смотрели в упор. В полумраке Натан не мог различить их цвет — видел лишь, что они темные, с каким-то нечеловеческим блеском. Ему показалось, что Эффи Карлоу пытается заглянуть прямо в его разум, проникнуть в мысли и даже в подсознание. Он встретил взгляд — упрямо, но без вызова, стараясь не отводить глаз.

Наконец она отпустила его, опустившись обратно на стул.

— Значит, ты у нас сновидец, путешественник по иным мирам. Ну, посмотрим, посмотрим. Моих прабабок топили на позорном стуле и жгли живьем; быть может, в наследство мне досталась частица их Дара. Я вижу будущее, иногда даже настоящее, так что лишь дурак осмелится сыграть со мной в карты. Если есть что-то, что можно увидеть, я увижу это, Натан Вард. А пока что будь осторожнее со снами. Броски из мира в мир плохо влияют на желудок и еще хуже на мозги. Постарайся не потерять головы.

— Ты и впрямь ему веришь, — произнесла Хейзл, — да, прабабушка?

— Ты совсем обнаглела, — огрызнулась Эффи. — Я сама решу, кому и чему верить.

Она встала; дети последовали ее примеру, чувствуя, что злоупотребляют гостеприимством — если оно вообще было им оказано. Внезапно Эффи развернулась к Хейзл и схватила ее за волосы, рывком откинув с лица растрепавшиеся пряди. В отличие от Натана девочка не смогла выдержать взгляда прабабки: она часто-часто заморгала, едва не впад в панику в цепких руках старухи.

— Не забывай, — произнесла прабабка Хейзл спустя пару минут, — ты тоже Карлоу.

Неприятный скрип в ее голосе, казалось, чуть смягчился — если нечто подобное могло произойти с Эффи. В ту же секунду Хейзл рванулась прочь, дернув головой и спрятав взгляд. Эффи отпустила правнучку и выставила детей на улицу. Тучи, громоздящиеся друг на друга, затмили последний дневной свет, мрак дома словно преследовал путешественников по дороге. Услышав, как закрылась входная дверь — не с грохотом, а с тихим щелчком, — они отправились в обратный путь, держась обочины дороги.

— Она действительно обладает какой-то силой, — спросил Натан, — или лишь *считает*, что так? В ней определенно есть что-то злое.

Хейзл поежилась.

— Мама говорит, что она обладает Зрением, что бы это ни значило. Помню, как-то раз она за неделю предсказала смерть дяди Гэвина.

— Когда это случилось?

— Давным-давно. Почти год назад. Ты тогда был в школе.

— Твой дядя болел? — скептически уточнил Натан. — В конце концов, когда человек серьезно болен, нетрудно предположить время его смерти.

— Нет, он не болел. Он умер от нервизмы — или как ее там. Совершенно неожиданно.

Некоторое время они шли молча. Натан хмурился.

— Что она имела в виду, говоря, что ты тоже Карлоу? Хейзл не ответила.

— Она считает, что и у тебя есть сила, да? Что ты унаследовала что-то вроде гена колдовства?

— Я нормальная, — оборвала друга Хейзл. — Я такая же нормальная, как все. Не хочу быть похожей на нее. Да и у мамы не заметно никаких сверхъестественных способностей. Если бы она ими обладала, то могла бы справиться с папой.

— Иногда гены проявляются через поколение, — авторитетно заявил Натан. — Как рецессивный признак. Мы проходили это по биологии.

— Слушай, никакая я не ведьма, ясно? — разозлилась Хейзл. Когда она была расстроена, голос ее звучал глухо. — Я не верю в ведьм — даже в прабабушку Эффи. Я обычная девочка.

— Жаль, — проронил Натан. — Было бы здорово, если бы ты оказалась ведьмой. Ведь мы так и не продвинулись в вопросе других миров, правда?

Хейзл шла, снова погрузившись в молчание и шаркая ногами. Похоже, она все еще не могла пережить обвинения в колдовстве.

«Придется спросить дядю Барты, — решил Натан, — только попозже. Когда я увижу новые сны».

Время шло, Натану снилась чаша, он просыпался под чей-то шепот; но еще долго ему не доводилось попасть в чужой мир.

Анни тоже давно не слышала и не ощущала своих преследователей, хотя по мере того, как весна плавно перетекала в лето, часто гуляла одна по лесам и по лугам, как бы подза-

доривая тени, призывая следовать за собой. Оставаясь в дружеских отношениях с Майклом, она тем не менее больше не заходила к нему, с беспокойством вспоминая единственный вечер, проведенный в том доме, и его последствия. Рианна бывала в деревне в промежутках между съемками и однажды даже заглянула в лавку. За две недели до того Анни видела ее в старой мелодраме по телевизору — тем острее ощутила она контраст между шикарной дамой на экране и тем, что представляла она собой в обыденной жизни. Лицо Рианны было измождено, почти уродливо; вокруг глаз залегли тени, ненакрашенные губы оказались бледными и бесформенными. Она не носила украшений — даже обручального кольца. Неужели людская молва донесла до Рианны слухи о якобы существующей между Майклом и Анни связи? Однако Анни была твердо уверена, что это не так; да и как Рианна могла услышать, о чем сплетничают деревенские жители, когда она избегала местных пересудов и почти всегда пребывала в разъездах?

— Слышала, у вас есть сын, — сказала Рианна. — Двенадцати или тринадцати лет?

— Ему двенадцать.

— Говорят, он очень необычный для своего возраста.

— Для меня он особенный, — с нежностью отозвалась о сыне Анни.

— Полагаю, в нем есть восточная кровь?

В словах Рианны Анни послышался легкий намек, и она изо всех сил постаралась скрыть вспыхнувшую искорку раздражения.

— В самом деле?

Если это и прозвучало недружелюбно, Рианна сделала вид, что не заметила.

— Кем был его отец? — спросила она. В ее голосе чувствовалась нотка усталости, словно вопрос был скорее обыденным, нежели намеренным; однако сузившиеся глаза смотрели внимательно — или Анни лишь так казалось: в полумраке магазина нельзя было судить наверняка.

— Он был моим мужем, — ответила она.

На миг Рианна застыла, возможно, почувствовав пренебрежение Анни; затем отвернулась и, больше ни о чем не спросив, вышла из лавки.

«Ее больше интересует Натан, чем моя дружба с Майклом», — подумала Анни. Данный факт показался ей столь необъяснимым, что она решила при удобной возможности рассказать обо всем Бартелми.

На кухне Торнхилла Бартелми выслушал ее рассказ с обычным невозмутимым видом. Как всегда, на плите по-пыхивал котелок с отваром; Анни не могла припомнить ни единого случая, чтобы его там не было. И вдруг ей подумалось, что это тот же самый котелок, что и в вечер ее прихода сюда, — содержимое его перемешивали, пробовали на вкус, добавляли, но никогда не меняли; с годами оно лишь становилось богаче и ароматнее. От запаха, вырывающегося из-под крышки, у Анни по-прежнему бежали слюнки, и кружка бульона — которым Бартелми угощал исключительно редко и нехотя — утоляла голод и грела душу, как ничто другое.

— Вы когда-нибудь меняете бульон в той кастрюльке? — спросила она.

— Хороший отвар должен настояться, — ответил Бартелми. — Чем дольше, тем лучше.

— И как долго? — поинтересовалась Анни.

Он не ответил.

— Не переживай из-за Рианны Сарду, — наконец произнес Бартелми. — Возможно, она спрашивала из любопытства.

— С чего ей любопытствовать по поводу Натана? — настаивала Анни. — Должно быть, Майкл рассказывал ей о нем, но... какое ей дело до его отца?

— Может, просто попала пальцем в небо? Вдруг Рианна из тех, что любят расспрашивать обо всем подряд. Она когда-нибудь видела Натана?

— Сомневаюсь. Натану нравится Майкл, так что, думаю, он обязательно рассказал бы мне, если бы встретился с его женой.

— М-м... Ну, несомненно, правда откроется — в свое время. События — как отвар в котле — должны вызреть. Ты молода и нетерпелива.

— Не так уж и молода, — возразила Анни, — мне тридцать шесть.

— А сколько лет Рианне Сарду, как по-твоему?

— Под сорок... Думаю, она старше Майкла. А что?

— Да просто так, интересно, — отозвался Бартелми.

После ухода Анни Бартелми сидел в гостиной с Гувером, попивая сладкий чай и не сводя взгляда с огня в камине.

— Зачем я сюда пришел? — спросил он, в общем-то не обращая ни к кому конкретно, однако пес приподнял одно ухо. — Я умею читать знаки, но никогда в жизни не следовал им. За все эти годы мне явилось только несколько знамений. А я всегда мечтал лишь исцелять недуги и готовить. Понимаешь, Рукуш: это две стороны одной медали. Лекарства и зелья исцеляют болезнь, хорошая пища делает сильным тело, а великолепная еда... о, великолепная еда питает

душу. Я могу приготовить десерт, который превратит крестянина в поэта, могу усмирить гнев тирана при помощи супов и соусов; могу так поджарить вырезку, что от ее нежности гордец сделается кроток, а атеист поверит в Бога. Только о такой силе я всегда мечтал. Но когда мне в дыму явилось видение, я пришел сюда и стал ждать. И в день, когда Анни постучала в мою дверь, я знал, что ждал именно этого. Анни с ребенком. И все же я до сих пор не знаю зачем. Вопросов всегда больше, чем ответов. Думаю, пора поплотнее задернуть шторы и разжечь другое пламя.

Когда последние дрова догорели, он вычистил очаг и сколол края штор — от любопытных взглядов. Настала уже глубокая ночь, когда Бартелми наконец разжег новый огонь, подбрасывая в него не дерево или уголь, а синеватые кристаллы, которые плевались и трещали после слишком долгого хранения. Наполняя комнату бледным ледяным светом, они разгорались синеватым, холодным огнем. Тогда Бартелми швырнул в пламя немного порошка, мокрого на вид, и оно обратилось в дым; в комнате снова потемнело, хозяин перекрыл дымоход: теперь дым не мог вырваться наружу и так щипал человеку и собаке глаза, что те сделались красными. Бартелми взмахнул рукой — будто человек из Натанова сна, — и дым собрался в облачко. Оно зависло на месте, в самом сердце его что-то клубилось, зажигались и гасли размытые цвета. Потом вихрь замер, цвета сгустились, и посреди дыма явилось изображение.

Чаша. На вид средневековая, быть может, даже старше; широкая и вместительная, на короткой толстой ножке, оплетенная витыми узорами, которые, похоже, образовывали некие руны и иероглифы. Чаша была сделана из непрозрачного стекла или полированного камня, но сияла, будто наделенная тайной жизнью, и словно плыла в зеленом ореоле собствен-

ного света. Неизвестно откуда в комнате раздался шепот. Потом свет исчез, чаша стала падать; ударившись о пол где-то вдалеке, закачалась на круглой кромке. Сверху медленно опустилась человеческая рука и подняла сосуд. «Грааль Лютого Торна, — пробормотал Бартелми. — Однако он был продан за границу и утерян в смуте войны, а Торнов, что не смогли сберечь его, давно уже нет на свете...»

Видение чаши сменилось смешением мутных, неясных форм; и все же Бартелми казалось, что он различает бегущую на него фигуру. Изображение было слишком темно, чтобы разглядеть его как следует, но он ощутил чувство хватающего за душу страха и тени, роящиеся за ней по пятам; и в тишине ночи — шепчущие звуки, доносящиеся из глубины дыма. Ему подумалось, что он уже слышал этот шепот несколько минут раньше, только теперь тот раздавался громче и произносил иные слова, с иной целью. Впрочем, речь была неразборчива, а цель непонятна. Картинка поблекла и исчезла, сменившись другими — стремительно мелькающими, то отчетливыми, то размытыми. Небольшая часовня, человек в плаще, переходящий от свечи к свече; узкий язычок пламени выхватил профиль, когда он склонил голову: выдающийся, похожий на сломанную балку нос, безгубый изгиб рта, глаза, провалившиеся в толщу морщинистых век. В отсветах коптящих свечей вырисовывались очертания головы горгульи, глядящей с каменной арки, и низенького алтаря без креста. Потом картинка сменилась: лесная чаща — крячковые, сплетающиеся между собой деревья, возможно, Темный лес — сверкание реки на солнце, то ли клетка, то ли решетка, и руки, трясущие перекладки; потом лес весной и коричневое, с сучковатыми ножками существо, юркнувшее в дупло дерева; потом снова река: под водой виднелось лицо, а по поверхнос-

ти над ним бежала солнечная рябь, причем Бартелми знал, что это не утопленник. И снова вернулось изображение человека в плаще, воздевшего руку, — внезапная вспышка, пламя, охватившее часовню; и наконец Бартелми увидел галечный пляж в унылом свете занимающегося зимнего утра, накатывающие и отступающие серые волны и человека, видимо, вышедшего из воды, в шлеме, полностью закрывающем голову.

Бартелми поднялся: он сжег лишь немного кристаллов и потому решил, что видения закончились.

— Существует какая-то связь, — сообщил он Гуверу, — жаль, что я пока ее не улавливаю. Быть может, тени, что преследовали Анни, связаны с Граалем Лютого Торна; но ведь они гнали ее сюда, а не отсюда. А самого Грааля здесь нет уже более века. Если они посланы кем-то, то кем? И как? Подобное действие отняло бы много силы. Джозевий Лютый Торн давно в могиле; жива ли до сих пор его сила?

Гувер издал тихий утробный звук — почти рычание, и Бартелми, нагнувшийся было, чтобы открыть дымоход, обернулся. В рассеивающемся дыме он на секунду уловил еще одно изображение: расплывчатый, неузнаваемый силуэт женщины с собранными в пучок седыми волосами, что согнулась над неглубокой плошкой, полной клубящейся жидкости, и промелькнувшее отражение его собственного лица, взирающего на женщину из сосуда.

На мгновение обычное спокойствие изменило Бартелми: он произнес какое-то слово, и дым завитками расплылся по углам комнаты. «Вопиющая неосмотрительность! — упрекнул он себя. — Да, я редко этим занимаюсь — мне никогда не нравились заклинания, — но подобные ошибки непростибельны». Он отодвинул перегородку дымохода, и дым заструился прочь. Потом из буфета Бартелми извлек бутылку —

припорошенную скорее временем, нежели пылью, напоминающую трофей с утонувшего корабля, — откупорил ее и налил себе крохотную стопку, не более глоточка. Ликер оказался почти черным, с богатым фруктовым букетом и неимоверно крепким. Бартелми опустил в кресло, смакуя напиток.

Гувер с надеждой поднял голову.

— Тебе нельзя, — заявил хозяин. — Ты же знаешь, он плохо на тебя действует. Так-так. Стало быть, Юфимия Карлоу... Интересно, она-то тут при чем? В прежние времена подобные ей довольствовались тем, что взглядом заставляли сворачиваться молоко или лечили бородавки за медный грош. И все же она наверняка всегда знала или по крайней мере догадывалась, кто я и что я. Она вовсе не глупа, даже если и не столь мудра, как хочет казаться. Будем надеяться, что увиденное послужит ей предостережением. Любопытство губительно не только для кошек, но и для ведьм.

В апреле Натану исполнилось тринадцать лет.

— Ты родился весной, явился на свет с прилетом ласточек.

— А я думал, этим промышляют аисты... — Натан изобразил искреннее удивление.

Анни рассмеялась.

Майкл купил лодку — не надувную с мотором, а парусную шлюпку длиной в двадцать шесть футов. Он сказал, что иногда будет отправляться на ней в плавание до самого моря, пояснив, что в молодые годы довольно часто ходил под парусом и может управлять таким судном в одиночку. На день рождения Натана Майкл предложил прокатить именинника, Хейзл и Джорджа вниз по реке, если выдастся хорошая погода. Мальчик не мог скрыть взволнованного нетерпения в ожидании прогулки, а Анни изо всех сил старалась побороть

легкую обиду за то, что Натан предпочел путешествовать без нее, — обиду недостойную и несправедливую, она прекрасно это понимала.

— Почему бы и тебе не присоединиться? — как-то предложил Майкл.

Она отказалась.

— Меня укачивает.

— На реке?

— Меня укачивает даже в надувном зámке.

В последнюю минуту Натан заявил, что откажется от развлечения, в конце концов, он собирался провести этот день с семьей; однако Анни, не поддавшись на уловку, решила вопрос кардинально. Около полудня она проводила облаченную в свитера и спасательные жилеты команду в путешествие к морю и вернулась в Торнхилл в сопровождении Бартелми. Соответствующий случаю именинный пирог был испечен, частично разобран моряками, завернут в фольгу и взят в путь в качестве провианта; и все же порядочный кусок еще оставался, так что Анни, Бартелми и Гувер собрались на чай у камина и почти расправились с имеющимся лакомством. Анни, как обычно, в основном говорила о Натане: о том, как она гордится его успехами в учебе, и о том, что еще больше счастлива от того, каким человеком он становится.

— Ну вот, снова я докучаю вам разговорами о сыне, — вдруг спохватилась она.

— А какая мать поступает иначе? — улыбнулся Бартелми. — Ты же знаешь, что мне не скучно.

— В такие дни, — продолжала Анни несколько минут спустя, — как день рождения или когда мы собираемся семейным кружком, я особенно часто задумываюсь о его отце. Нет, не о Даниэле. Глупо пытаться убедить себя, что Натан

на него похож. Возможно, характером, еще какими-то чертами — только не внешне.

— В нем могли проявиться биологические атавизмы, — беспечно предположил Бартелми. — Нашла о чем переживать.

— Какие еще атавизмы? Да и не переживаю я. Просто чувствую, что должна *знать*. Не за горами день, когда он задаст вопрос, и придется отвечать. А я понятия не имею что. Вы... когда-нибудь размышляли об этом?

— Я очень много размышлял, — отозвался Бартелми.

— Поделитесь со мной своими выводами? — спросила Анни, испытывая некоторую неловкость.

Бартелми отодвинул тарелку с остатками пирога.

— Хорошо, — согласился он, — только учти: это лишь мои размышления. Быть может, нам не суждено узнать правду.

— Я понимаю.

— Врата Смерти называют именно так, потому что всегда считалось, что лишь смерть способна открыть их. Но говорят, что любовь сильнее смерти; вдруг твоя любовь смогла распахнуть Врата, и в миг, утерянный в памяти, ты прошла сквозь них и вернулась с ребенком под сердцем. Подобное случалось прежде. Нет надобности упоминать самый известный в истории случай.

Анни недоуменно взглянула на Бартелми; потом ее лицо прояснилось.

— Я вовсе не считаю, что Натан — новый Мессия. Боже мой, надеюсь, что это не так!

— Я тоже... но он и впрямь необычен. Его отличает зрелость, сила характера. Он уже подросток. Интересно понаблюдать, будет ли он вести себя неуправляемо, что обычно соответствует возрасту.

— А если нет? — спросила Анни. — Если Натан не начнет грубить мне, у него не будет резких перепадов настроения и он не станет включать в своей комнате музыку на полную мощность, курить травку или глотать таблетки — и относиться ко мне как к досадной помехе? Тогда я должна волноваться?

Ее слова не очень-то походили на шутку, и Бартелми улыбнулся лишь уголками рта.

— Если хочешь. Переживаниями ничего не добьешься, и все равно нам свойственно волноваться. Если хочешь переживать из-за того, что Натан не дает тебе повода для волнений... Да. Так о чем мы говорили? Ты прошла сквозь Врата — или могла пройти — и, по твоему собственному убеждению, именно тогда забеременела. Не от своего молодого человека: это совершенно очевидно. За Вратами существуют миры, коим нет числа, и Силы, что редко затрагивают нашу жизнь. Однако один раз за долгое время Силы эти озаботились нашими непосредственными делами. Ни я, ни кто-либо, кого я знаю, о таком не слышал. Но это случилось. Возможно, существует какая-то миссия, которую нужно исполнить, судьба, которой нужно следовать, — помни, я всегда скептически относился к Судьбе, она дама своенравная. Я чувствую, что в рождении Натана есть предназначение, хотя не знаю, каково оно. Быть может, лишь ему дано отвести какой-то злой рок. Время покажет. Какова бы ни была истина, очевидно: отец Натана — сущность из иного мира, превосходящая нас умом и иными свойствами, если не духом; возможно, одна из самих Сил — даже этого нельзя исключать. И у вас обоих есть враги, что нам тоже известно, — враги на уровне сверхъестественного. Столь уникальное дитя не могло не привлечь внимания с самого момента рождения. Обстоятельства его зачатия — когда Врата открылись, про-

пуская живущего, — создало волнение, осязаемое для чувствительных. Безусловно, к Натану проявляют интерес — с разных сторон.

— Вот теперь вы на самом деле меня напугали, — сказала Анни. — Существа из иных миров... Натан... мифическое предназначение... Неужели все это правда?

— Кто-то послал по твоему следу тех тварей, — возразил Бартелми. — Возможно даже, они последовали за тобой сквозь Врата — подобные тени вполне способны проникнуть оттуда. Об одном можешь не волноваться. Кто бы ни приходился отцом Натану, он обладает некой силой, которой мы себе и не представляем, — силой нарушать законы. Он не оставит сына без покровительства. Такой отец найдет способ приглядывать за Натаном. Уж поверь мне.

«А хочу ли я, чтобы за моим сыном приглядывали потусторонние силы?» — спросила себя Анни. Она доела пирог и потрепала Гувера по лохматой голове, стараясь избавиться от ощущения того, что будущее уже накрыло ее своей тенью.

Путешественники вышли в море через маленькую гавань Гримстоун и с удовольствием учились маневрировать в заливе, где резкий ветер взбивал верхушки волн в водяную пыль. Обратное путешествие по реке заняло больше двух часов: русло Глайда было извилистым, и Майкл соблюдал ограничения по скорости; когда они наконец причалили у Дома-на-Реке, уже стемнело. Бриз остался позади, в заливе; стояла тихая ясная ночь, и юный месяц не мог затмить сияния звезд.

— Вон кастрюля, — показала Хейзл. — И Пояс Ориона.

— Вы разбираетесь в звездах? — спросил Майкл.

— Только Натан.

— Не очень здорово, — добавил мальчик.

— По звездам можно находить путь, — принялся объяснять Майкл, — если вы путешествуете по морю. Смотрите: вот там Полярная звезда — и Вечерняя. Они указывают, в каком направлении вы движетесь. Что-то вроде небесной дорожной карты.

— Я думал, у вас есть радар, — заметил Джордж.

— Конечно, есть. Только хорошему моряку он не нужен. Не то чтобы я считал себя хорошищим моряком — я не настолько знаю звезды.

— А что там за звезда? — спросил Натан, указывая на небо. — Прямо под Орионом?

— Не имею ни малейшего понятия. Я же сказал, что астроном из меня никакой.

— Это новая звезда, что мы открыли в прошлом году? — спросил Джордж. — Та, которой не было на карте звездного неба?

— Вы нашли новую звезду? — заинтересовался Майкл. — Ну, в той части неба много всего. Быть может, она вовсе даже не новая, просто, когда составляли карту, она на минутку отлучилась со своего места?

Натан исхитрился и наступил Джорджу на ногу.

— У меня довольно приблизительная карта звездного неба, — пояснил мальчик.

Неизвестная звезда вернулась и снова повисла над деревней; Натан был уверен, что ниже по течению реки ее видно не было. Сам не зная почему, он оказался не готов обсуждать эту тему со взрослым — даже таким приятным, как Майкл. То была их звезда, они ее нашли — собственную звезду, сияющую над Иде.

— Словно Вифлеемская звезда, — заметила Хейзл, когда они остались втроем.

— Глупости, — отрезал Джордж. — В Иде нет ничего примечательного. Будь то даже второе пришествие, Иисус родился бы в госпитале Кроуфорда, как моя двоюродная сестра Элеанора. Там есть родовое отделение. К тому же Вифлеемская звезда была большая и сияющая: она указывала путь трем царям из других земель. А наша совсем непримечательная. Я все-таки думаю, что это НЛО.

— И что же привлекло НЛО в Иде? — насмешливо поинтересовалась Хейзл. Она решила, что Джордж чересчур уверен в собственной правоте.

— А звезду?

— Да хватит вам спорить, — остановил их Натан.

Майкл догнал ребят (он привязывал и закрывал яхту). Они срезали путь через сады, принадлежащие Дому-на-Реке, и переулком отправились в деревню. Натан старался не смотреть на небо, но иногда ничего не мог с собой поделать; ему казалось, что и звезда, словно недреманное око, глядит на него со своего наблюдательного пункта в вышине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Удача Торнов

Анни много размышляла о той беседе с Бартелми и его гипотезе относительно зачатия Натана. С одной стороны, она отнеслась к ним как к чудачеству, вроде теорий мистицизма Нового века, силы кристаллов, геомантии или рассказов о переселении душ. С другой стороны, Бартелми был человеком совсем иного склада, а шов в своей памяти — недоступное мгновение вне времени — ощущала она *сама*: быть может, теперь не так живо, и все же совершенно реально, даже по

прошествии тринадцати лет. Анни отчетливо помнила глубокое потрясение, которое испытала, — не столько от смерти Даниэля, сколько от степени собственной вовлеченности, от путешествия в иное место, забытого, но до сих пор ощущаемого, навсегда ставшего ее частью, изменившего ее самое. Оно было самым ярким событием в ее жизни, основанной... на чем? На фантазии — заблуждении — игре собственного воображения, переутомленного в попытках затянуть зияющую рану той утраты? Нет, решила Анни. В конце концов, придется поверить себе, иначе кому еще остается верить? К тому же она видела их, слышала их шепот. Тихим вечером Анни сидела за компьютером в книжной лавке, пальцы порхали над клавиатурой, и в сознании оживали воспоминания, неизменно возвращающие ее к одному и тому же: к тайне Натанова отцовства. Удивительно, как она научилась принимать его много лет спустя — не утруждая себя напряженными раздумьями. И вот снова...

Анни впервые поймала себя на том, что норовит вернуться в глубины памяти, в прошлое, в запертые комнаты подсознания. Она подумала, что прежде, наверное, боялась вспомнить, даже попробовать; теперь это стало необходимостью, неотложным делом... Она мысленно нарисовала себе больничную палату, лежащего на кровати Даниэля, кровоподтек на его лице — темный, резко контрастирующий с белой кожей, белыми бинтами, белой подушкой... Даниэля, ускользающего от нее... и вдруг — открывшего глаза; и ту любовь, что читалась в них, пронзающую ее даже теперь, вновь и вновь, бередящую старую рану. Анни цеплялась за тот миг и одновременно отталкивала его, ибо в сравнении с ним остальные моменты ее жизни казались размытыми и бесцветными. Только теперь она знала, что должна пойти дальше, вскрыть боль, дотянуться до самой смерти. Пальцы

соскользнули с клавиатуры; лицо потеряло всякое выражение. Вернулись ощущения: цвета, чувство кружения и полета, падение во что-то мягкое, теплое прикосновение... Ее объяла любовь, подчинив разум и тело, наполнив собою все до последней поры, затмив и душу, и мысли, охватывая своей страстью и мощью. Любовь Даниэля — наверняка Даниэля! Но Даниэль многое отдал и мало взял; а эта любовь брала все — все, чем она была, и все, что у нее было, и отдавала лишь на собственных условиях, по своему усмотрению. Великий дар — дар, стоящий заплаченной за него цены, хотя платить пришлось собственной жизнью и душой...

Вдруг все содрогнулось: в забытьи Анни уронила голову на руки; теперь мир медленно возвращался на круги своя. Она подняла взгляд и увидела книжную лавку, и рыбок, плавающих сквозь коралловые заросли, — заставку на мониторе, и пылинки, кружившиеся в луче солнечного света, что лился из маленького бокового окошка. Постепенно пульс пришел в норму, но Анни по-прежнему сидела неподвижно. Минул час или больше, прежде чем она наконец встала и пошла заваривать чай.

С чашкой она вернулась к столу и села за компьютер; нажала несколько клавиш и набрала электронное сообщение о том, что разыскивает по заказу клиента редкое первое издание одной книги. Мыслями Анни была далеко отсюда. Она выслушала теорию Бартелми, но внутренне никак не могла принять ее скрытого смысла. Некто — нечто — овладел ею в миг смерти Даниэля, и она забеременела. В нее вторглись и изнасиловали, когда она была открыта и уязвима, когда предлагала всю себя Даниэлю, для Даниэля, — но не Даниэль принял ее. Некая посторонняя сила схватила и использовала ее, воздвигнув плотный барьер в сознании и оставив ей... Натана. В Анни медленно нарастал гнев, которого она не

ощущала прежде, — белый огонь, способный спалить стены между мирами и позволить ей пронестись по многомирию в поисках обидчика. Тот осенил ее печатью своего духа — Анни вырвет из себя этот дух и вернет отобранную жизнь, и отравленную любовь, и душу, которую он оставил надломленной или оцепенелой...

Пока в сердце бушевала ярость, чай совсем остыл; а потом пламя внутри погасло, и слезы градом покатались по лицу.

В таком состоянии ее застала Хейзл Бэгот, заглянувшая в лавку за учебником.

— Что случилось? — перепугалась она. — Анни, Анни, что не так?

— Ничего, — всхлипывала Анни, изо всех сил стараясь взять себя в руки.

Хейзл неловко обняла ее; девочка никогда не видела, чтобы взрослые так рыдали, хотя ее мать плакала довольно часто. Детский браслет запутался у Анни в волосах и сильно дернул, так что Анни вздрогнула от боли. Хейзл попятилась к двери, бормоча извинения, и вылетела на улицу. Навстречу шел Майкл, и девочка почти без борьбы затолкала его в лавку, чтобы он как-нибудь успокоил Анни. Сама же Хейзл отправилась домой: ей нужно было поразмыслить над этой тайной; на браслете так и осталась зацепившаяся прядь волос.

Уткнувшись лицом в плечо Майклу, Анни долго плакала, пока наконец не затихла.

— В чем дело? — спросил он. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет. Спасибо. Просто... вспомнилось кое-что давно забытое, чего я никогда не понимала... не могла осознать.

— Поделишься со мной?

— Нет. Извини, это слишком...

— Личное?

— Слишком запутано. — Она подняла на него красные заплаканные глаза, по-детски вытирая ладонью нос. — Прости, мне бы не помешала салфетка. Даже не одна.

— Я принесу. — Майкл поднялся. — А где?..

— Туалетная бумага. В ванной. По лестнице вверх и налево. Не стоит беспокоиться...

Он взбежал по лестнице и вернулся с рулоном туалетной бумаги.

— Спасибо, — еще раз поблагодарила Анни, чувствуя себя беспомощной и угодившей в глупое положение. Она энергично высморкалась, думая, как объясниться: не хотелось лгать человеку, который к ней так добр.

Но Майкл ни о чем не спрашивал.

— Если я могу что-то сделать...

— Нет, в самом деле теперь все в порядке. Просто мне надо побыть одной.

Он стоял и смотрел на нее — впервые без привычной кривоватой улыбки на губах.

— Хорошо. Если что-то понадобится — только попроси. Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

«Я ему действительно нравлюсь», — подумала Анни, и мысль эта согрела ей душу и взволновала больше, чем она могла предположить, унеся с собой последние остатки спокойствия.

Анни едва не спросила его: а как Рианна отнеслась бы ко всему этому? И, разумеется, промолчала.

Вскоре после дня рождения Натан гулял по лесу в окрестностях Торнхилла. Мальчик не стал брать с собой Гувера — якобы потому, что хотел понаблюдать за птицами и белками; на самом деле ему нужно было побыть наедине с самим собой

и подумать. Хейзл поведала, как застала Анни всю в слезах, и Натан спросил мать, что ее так расстроило; она ответила лишь, что теперь это уже не имеет значения. «Я плакала о прошлом — и напрасно. Все знают: сделанного не воротишь. Не беспокойся». Он не хотел давить на Анни, но инстинктивно чувствовал: что-то пошло не так — что-то очень важное; похоже, стряслась какая-то беда, угрожающая привычному укладу жизни. Видение чаши... сны об ином мире... незаконный иммигрант... Эффи Карлоу... Майкл Аддисон... звезда... Натан выбрал уединенное местечко вдали от людских тропинок и опустился на поваленное бревно. Отсутствующий взгляд его скользил по дрожащей игре теней, что бросала на лесную подстилку листва деревьев, по россыпям первоцветов вокруг пня, по голубой дымке колокольчиков, сливающейся вдали с зеленью. Сюда не доносился дорожный шум, повсюду звучало лишь пение невидимых птиц. Красота пейзажа успокаивала душу — только не беспокойную душу тринадцатилетнего Натана. Ему столько всего хотелось знать...

Из щелки между веткой и стволом дерева на него кто-то смотрел: Натан довольно долго сидел, уставившись прямо в это лицо: так смотришь на картинку-головоломку, пока не проявится узнаваемое изображение. Сначала Натан решил было, что это какой-то зверек вроде куницы, которую ему всегда хотелось повстречать; однако лицо, хотя тоже заостренное, было безволосым, цвета древесной коры с белесыми крапинками; существо косилось на мальчика темным глазом. Наконец Натан разглядел тоненькие конечности, которыми удивительное создание цеплялось за ствол, и одежду из лиственных лохмотьев. Миновало несколько минут, прежде чем он тихо позвал:

— Лесовичок?

Лесной обитатель отшатнулся, укрывшись в тени дерева.

— Пожалуйста, не уходи! Это я, Натан. Лесовичок, прошу тебя...

— Натан? — донесся из-за ствола дуба едва различимый шепот.

— Да, это я. Честное слово...

— Натан... был маленьким. Не больше меня.

— Я вырос, — объяснил Натан. — Я тут ни при чем. Так всегда происходит с людьми. Теперь я подросток.

— Ты ушел. — Лесовик по-прежнему не показывался; лишь голос доносился из густи листвы.

— Я знаю. Прости меня. Мне твердили, что ты вымышленный, и... я постепенно поверил.

— Твердили? Кто? — Возник кончик длинного носа, за ним сверкнул глаз, потом показалось настороженное ухо.

— Люди. Моя мама. Друзья. Их вины тут нет: они просто не были с тобой знакомы.

— Ты слишком сильно вырос, — с сомнением в голосе произнес Лесовичок. — Ты слишком большой, чтобы с тобой разговаривать.

— Я остался прежним, — переубеждал его Натан. — Взгляни же на меня, Лесовичок!

Тот внимательно изучил мальчика: сначала одним глазом, потом другим.

— Ты Натан, — наконец заключил он, — но ты изменился. Тебя стало... *больше*. Даже, наверное, чересчур много...

— Иногда мне тоже так кажется, — кивнул Натан. — И все же ты можешь со мной общаться. Честно-честно. Пожалуйста, выходи, Лесовичок! Прошу тебя.

Медленно и неуверенно лесной обитатель показался целиком, стараясь держаться поближе к дереву; из беззаботно-

го друга, каким Лесовичок был Натану в детстве, он превратился в нервное, недоверчивое существо, готовое в любой миг если не кинуться наутек, то раствориться в спасительном лесу.

— А у тебя не осталось конфеток «Смартиз»? Я помню, как ты однажды приносил их — в трубке с крышкой. Они были маленькие и цветные, все разных цветов и очень вкусные.

— Обязательно принесу в следующий раз, — пообещал Натан. — Я скоро приду снова. А что... что делал ты все эти годы?

— Был здесь, — ответил лесовик. — Ждал.

— Меня?

— Я... да. Ты — единственный, кто у меня есть. Ты сам так сказал. Мои родители и мой друг. — Немного помолчав, Лесовичок продолжил: — А что значит «воображаемый»?

— Это значит, что я тебя выдумал. Ты родился в моем сознании. А откуда ты взялся на самом деле, Лесовичок?

— Наверное, из твоего сознания.

Натан вспомнил, как вытащил человека из моря другой вселенной на пляж залива Певенси. Может быть, он просто не помнит, как нашел Лесовичка — тоже во сне, в лесах некоего иного мира? Подобная возможность почему-то причиняла беспокойство, хотя пока Натан не успел разобраться в причинах. Некоторое время двое старых друзей сидели, почти как в прежние времена, наблюдая за ползущим по опавшей листве жуком, и танцующими на стволе дерева солнечными зайчиками, и крохотной пичугой, издающей попискивающие звуки, — Натан никогда бы ее не заметил, если бы Лесовичок не указал ему, где она сидит.

— Постарайся быть осторожным с тем, что кажется... непонятным, — наконец проговорил Натан. — Сейчас происходят странные вещи. Я не могу объяснить как следует,

потому что сам их не понимаю. И все же, думаю, тебе стоит быть настороже. Если увидишь — не знаю, что именно, — что-нибудь необычное, потустороннее...

— Потустороннее? — не понял Лесовичок. Ему не доставало словарного запаса.

— Странное, особенное. Неправильное. — Натан на минуту замолчал, ошеломленный внезапно пришедшей мыслью. — А почему ты говоришь на моем языке, Лесовичок? Ведь он тебе не родной?

— Видать, у тебя научился, — ответил лесной житель. — Ведь больше я ни с кем никогда не разговаривал.

На этом Натан распрощался с другом и пошел к Бартелми. В душе поднималась волна ужаса — оттого, что он через собственный сон привел Лесовичка сюда, в свой мир, а потом бросил на произвол судьбы; и вот теперь у Лесовичка нет ни друзей, ни прежнего дома, ни языка. Тяжесть свалившейся ответственности пугала Натана, но еще страшнее были возможные последствия. Он не контролировал собственные сновидения. (О чем предупреждала Эффи Карлоу? *Будь осторожнее со снами.*) Вдруг, если Натан впрямь обладает подобной силой, он так и будет приводить сюда других людей или существ — несчастных изгоев, которым не суждено вернуться домой, пока он не придумает, как с помощью сна отправить их назад? Подобная мысль была столь ужасна, что голова у мальчика пошла крутом. Он заставил себя мыслить рационально и постарался проанализировать, что именно позволило ему во сне перенести тонущего человека из одного мира в другой, если так и произошло на самом деле. Порыв помочь, спасти — огромный волевой порыв. В конце концов, ведь он перенес в свой мир лишь одного человека — не крылоящеров с их наездниками и не человека в белой маске. Быть может, и Лесовичок оказался в Торнхил-

ле в силу подобного импульса — чтобы стать Натану товарищем? Импульса по-детски эгоистичного: желания найти тайного друга. «И я не смогу отправить его назад, — размышлял он, терзаемый раскаянием, — даже если бы у меня и была нужная сила. Я не помню, откуда он». Натан твердо решил, что впредь будет осторожнее со снами, станет подавлять подобные порывы, не позволит чувствам управлять его поступками.

Он хотел рассказать обо всем Бартелми — поделиться с кем-нибудь, но боялся, что к нему отнесутся как к ребенку со слишком богатым воображением, что взрослые с их скептицизмом не оценят всей важности его слов. Эффи Карлоу — другое дело, она так стара и эксцентрична, что он смог пережить ее насмешку, если то впрямь была насмешка. А Бартелми, знающего и мудрого, Натан уважал больше всех на свете, и при одной мысли, что тот ему не поверит, сердце у мальчика сжималось в комок.

И все же необходимость поделиться возобладала бы, застань он Бартелми одного по возвращении в Торнхилл. Однако в гостиной оказалась еще и Ровена Торн — вернее, миссис Ванстоун. Они с Бартелми пили чай и говорили о чем-то серьезном. Миссис Ванстоун была длинной, худой, неприятного вида дамой шестидесяти с лишним лет; лицо ее, когда-то простенькое, преобразилось благодаря твердости характера и чувству юмора, наложившим на него отпечаток. Большую часть времени она посвящала заседанию во всевозможных комитетах, организации благотворительных мероприятий и верховым прогулкам на лошадях друзей, поскольку собственных держать перестала. В промежутках между этими занятиями миссис Ванстоун отпирала двери своего антикварного магазинчика в Чизлдауне. Рассеянно поздоровавшись с Натаном — хотя обычно она не забывала поинтересовать-

ся, как у него дела в школе, — она вернулась к прежнему предмету разговора.

— Происхождение несомненно: у них есть все необходимые документы. Вещь подлинная, я совершенно уверена. Ты знаком с нашими архивами. Тот несносный мелкий прыщ Роуланд продал ее Бирнбауму перед самой войной (он тоже был немцем, по мне — так с отвратительными манерами); а потом отправился на фронт, и его убили — ужасно глупо, ей-богу: пережил Сомму, а за неделю до окончания войны его переехал танк или что-то вроде того. Генри умер от эпидемии гриппа — приблизительно в то время семейная линия пресеклась. Мой отец был тогда еще ребенком, да к тому же приходился им двоюродным братом; в наследство ему достались только долги. Моя прабабка всегда говорила, что, утратив чашу, мы потеряли удачу. Лично я никогда в это особо не верила. Помню, как двоюродная бабка Верити утверждала, что чаша — наше проклятие, бремя зла, которое суждено нести нашей семье. Может быть, все это глупости, почему знать? Главное — чаша принадлежит нам, и если она действительно снова всплыла, я, черт побери, ее верну.

Заинтересовавшись темой разговора, Натан сбегал на кухню, налил себе настойки из бузины (собственного приготовления Бартелми) и незаметно устроился рядом с Гувером.

— Но если, как ты утверждаешь, Роуланд Торн ее продал, — тем временем рассуждал Бартелми, — то я не вполне понимаю, каким образом ты собираешься заявить свое право, — разве что удастся выкупить ее у нынешнего владельца?

— Господи, нет! Ведь она практически бесценна. Насколько я знаю, за ней охотится Британский музей, только их бюджета вряд ли хватит. Конечно, исход будет зависеть от остальных участников торгов: может уйти за бесценок, а мо-

жет — за миллионы. Нет, я намерена доказать, что продажа была на самом деле изначально незаконна.

— И как же образом?

— Как тебе известно, старик Джозевий обрел чашу в далеком средневековье. По одной версии, ее даровал ему Дьявол, по другой — ангел.

— Я где-то читал, что она считается священной реликвией, — вступил в разговор Натан. Говорить о чаше оказалось удивительно тяжело, будто к языку подвесили груз. И все же ему хотелось высказаться. Он силился произнести: «Я нашел часовню, и я видел чашу», — и не мог. Натан заметил, что Гувер смотрит на него слегка вопросительно.

— Смотри какой гипотезы ты предпочитаешь придерживаться. Не знала, что тебя интересует история моей семьи, Натан. Молодец. Насколько мне известно, подавляющее большинство твоих сверстников только и делают, что играют в компьютерные игры и слушают поп-музыку. История очень важна. Прошлое принадлежит всем нам. Так на чем я осталась?

— Джозевий, — подсказал Бартелми.

— Верно. Итак, тем или иным способом он заполучил чашу. Согласно некоторым источникам, он сам изваял ее, — только я в это не верю. В нашей семье никогда не рождались ремесленники: у нас нет способностей. Как бы то ни было, история гласит, что Джозевий наказал потомкам хранить чашу во имя веры — одному богу известно, веры в кого и во что, — и никогда не продавать, не одалживать и не отдавать, или же мы все потеряем. Ее надлежало хранить в древней часовне; когда та обрушилась, сосуд перенесли сюда и укрыли в потайном шкафу в дымоходе — ты наверняка нашел его...

Глаза у Натана округлились от удивления.

— Я не подозревал, что там...

— Да, — кивнул Бартелми. — Да, я нашел его. Никогда не мог понять, зачем он нужен.

— Я сама его никогда не видела, но двоюродная бабка о нем упоминала. Обязательно покажи мне то место — как-нибудь. Там и хранили веками чашу; чужакам не дозволялось даже взглянуть на нее. Она обросла множеством удивительных легенд, большинство из которых родились внутри самой семьи. Кто-то в роду окрестил ее Санграалем: парочка историков, уцепившись за эту версию, заявили, что «Санграаль» значит «Saint Grail», то есть «Святой Грааль», хотя этимология слова совсем иная: оно произошло от «sang» — «кровь». Это по-французски, Натан, хотя звучит похоже и на десятке других языков. Молва гласит, что человек, которому грозила неминуемая смерть или иное бедствие, заглянув в чашу, видел ее полной крови. В этом нет ничего святого. Время от времени в семье велись обрывочные записи — теми из моих предков, кто умел читать и писать. Боюсь, Торны никогда не блистали умом. На каком-то этапе в пятнадцатом веке поднялся вопрос о продаже, и тогда один из предков наложил на нее запрет. У меня нет соответствующего документа, зато есть две независимые ссылки на него: одна — в дневнике современника, другая — в оценочном отчете, что составляли при попытке купить чашу в викторианскую эпоху. В том, что бумага действительно существовала, нет никаких сомнений. Надеюсь, существует и до сих пор. Я подумала, не разрешишь ли ты поискать ее здесь?

— Разумеется. Тем не менее я совершенно уверен, что просматривал все хранящиеся в доме документы и ничего подобного не встречал.

— А я не смогу вам помочь? — спросил Натан. — Возможно, она спрятана в каком-то тайнике, вроде того шкафа, что вы упомянули?

— Возможно, — отозвалась Ровена. — Буду благодарна за любую помощь. Думаешь, это как в приключенческом романе? Вроде «Гарри Поттера и Кубка крови»?

В ответ Натан лишь улыбнулся, добавив про себя: «Гарри Поттер умеет колдовать. Его друзья тоже. А мне... мне надо быть осторожным со снами». Он умирал от желания рассказать о часовне и явившемся ему видении — если то было лишь видение; однако язык не повиновался. Настоящие приключения — не те, где борются плохие и хорошие, думал Натан. Настоящие приключения — те, где присутствуют полутона, замешательство и сомнения и еще пугающая личная ответственность.

«Быть может, существует запрет и на то, чтобы я говорил о чаше? Только не юридический, а магический? Или своего рода гипноз...»

— А у кого она сейчас — чаша? — поинтересовался Натан. — Прошу прощения, если вы уже говорили об этом дяде Барти, я пропустил ту часть разговора. Или это секрет?

— Секрет? Боже упаси! Чаша хранится у какого-то австрийца; отец его был дворянин, граф, а прадед служил в «СС». Бирнбаумы были очень богатой еврейской семьей, крупными коллекционерами живописи и антиквариата. Естественно, нацисты с ними разделились, и прадед — граф фон Хольстен-Пилс или как там его — прикарманил большую часть добычи. После его смерти следующий отпрыск графского рода старался сидеть тише воды ниже травы, надеясь, что украденное останется незамеченным в общем потоке семейных ценностей предков. В прошлом году графа разбил паралич, что сильно ударило по благосостоянию семейства, и его сын решил пустить часть богатств с молотка. Связался с «Сотбис» — не знаю, почему он выбрал именно Лондон; быть может, в Германии о наследстве вынюхивает

какой-то потомок Бирнбаумов или здесь он надеется продать товар подороже. Очевидно, большинство предметов, выставляемых на аукцион, английского производства. В общем, граф предъявил «Сотбис» некую чашу с родословной — возможно, он считает, что прадед приобрел ее законно. Один мой знакомый, который там работает, обратился ко мне. Он понятия не имел, что я могу заявить на чашу права, просто хотел навести справки. Само собой, я ему ничего не сказала. Я намерена добраться до того запрещающего документа первой. Как говаривал мой отец, никогда не стреляй, пока не увидишь белков глаз. Прошу заметить, он имел в виду охоту на оленей, а не ведение военных действий.

— Так, значит, война, да, Ровена? — вкрадчиво спросил Бартелми. — Ты впрямь веришь, что эта чаша — удача Торнов?

— Я торгую антиквариатом, — ответила она. — Этот предмет принадлежал моей семье. Его необходимо вернуть. Не знаю насчет удачи. Мой отец в нее верил, и дед тоже. Я ко всему отношусь скептически, и все же эта вера есть: она у меня в крови. Когда говоришь о чаше, обязательно встает вопрос крови. Если предположить, что она и впрямь Грааль и подобная вещь вообще существует...

— В том-то и вопрос, — согласился Бартелми. — Кровь Христова, кем бы он ни был...

Голос его доносился до мальчика словно бы издалека.

Натан сидел, будто кол проглотил, не в силах пошевелиться. Казалось, язык прилип к небу. Мальчик хотел произнести хоть что-нибудь — закричать и нарушить чары или транс, которые его сковали; но чем усерднее он старался, тем труднее становилась борьба.

— Ты скептик, как и я, — продолжала Ровена Торн. — Ни единого доказательства существования Грааля — ниче-

го, кроме легенд. Двоюродная прабабка Верити говорила, что Джозевий вполне мог быть Иосифом Аримафейским — тем самым, что якобы отыскал черепки Грааля и вывез их в Англию. «Откуда ты это взяла?» — спросил ее мой отец. Мы знаем, что Джозевий умер около 660 года нашей эры — точная дата не так важна, хотя где-то она зафиксирована. Если он причастен к событиям, связанным с Распятием, то, значит, он порядочно задержался на земле.

— И как же сей факт объясняет семейная легенда? — поинтересовался Бартелми.

— Якобы он жил несколько веков, продав душу Дьяволу, — я же говорила, что где-то тут вмешался черт. Даже рассказы звучат нелепо. То ему доверены святыне останки, а то вдруг он заключает сделку с Сатаной. Ни то, ни другое не правдоподобно.

— И что же пришлось ответить твоей прабабке? — любопытствовал Бартелми. — Ты не помнишь?

— Она сказала, что Грааль — зло, а не святыня. Король Артур со товарищи все не так поняли. Прабабушка была убежденной христианкой: считала чашу языческой вещью, неким сувениром с места преступления — самого страшного преступления в истории мира. Она считала, что мы должны беречь сосуд, чтобы он больше не причинил никому вреда. В старости прабабка немного тронулась рассудком. И все же ей это казалось логичным.

— Чашу когда-нибудь датировали по углероду? — задумчиво проговорил Бартелми.

— Не думаю. Если только графы этого не сделали. Забавно, о том же мне твердил приятель из «Сотбис». Ведь если чаще две тысячи лет, она вполне достойный претендент на легенду о Граале. С другой стороны, если она изготовлена в средние века...

— Именно.

— В любом случае для меня ничего не меняется. Так или иначе, чаша принадлежит Торнам. — Упрямая складка залегла вокруг рта, потеснив ироничное выражение лица. — Я должна вернуть ее.

Натан, почувствовав, что снова способен двигаться, заерзал на стуле и потянулся, чтобы потрепать Гувера за загривок.

— Еще не пропало желание помогать? — спросила у мальчика Ровена Торн. — Конечно, искать клочок бумаги — это тебе не клад выкапывать; но для меня он может оказаться истинным сокровищем. За него ждет достойная награда, обещаю...

— Все в порядке, — отозвался Натан. — Вознаграждение меня не интересует. Я и так буду искать.

— Молодец парень. Видно, вас правильно учат в Ффилде, а? Лучше, чем в школе Кроуфорда. Похоже, там ученики только и делают, что колются и избивают учителей.

Поскольку и Хейзл, и Джордж ходили в ту самую школу, Натан знал, что Ровена несколько преувеличивает, но решил не возражать.

— Он унаследовал принципы поведения от матери, — вежливо вступил в разговор Бартелми.

Ровена Торн поставила чашку.

— Пожалуй, мне пора. Спасибо тебе за все, Бартелми. Ты настоящий друг.

— Надеюсь, ты не возражаешь, чтобы я жил тут? — полюбопытствовал он. — В доме твоих предков...

— О небо, конечно, нет! Его ведь не назовешь именем. На такое у Торнов никогда не хватило бы денег. Всего лишь неудобный дом, который чертовски трудно поддерживать в порядке. Кстати, никак не могла набраться храбрости и спро-

сильно тебя о состоянии канализации. Не то чтобы я когда-то сама тут жила. Так что никаких особых чувств он у меня не вызывает.

— Но ведь и чаша тебе никогда не принадлежала, — заметил Бартелми.

— Это совсем другое, — ответила Ровена. — Я уже сказала: тут вопрос крови.

В тот вечер за ужином Натан рассказал Анни о чаше Торнов — похоже, то, что он поведал, без упоминания собственного видения чаши и снов о крови, не составляло особую тайну. Хейзл ужинала с ними; позже заглянул Джордж. Оба с жадностью выслушали рассказ Натана и твердо решили заняться поисками пропавшего запрета.

— Интересно, как он выглядит? Вроде свертка пергамента? — спросил Джордж. — Что-то такое желтое, испи-санное угловатым почерком?

— Он пятнадцатого века, — объяснил Натан. — Думаю, в то время уже существовала бумага. Когда этот, как его там, изобрел печатный пресс?

— Кэкстон, — подсказала Анни, — как раз в пятнадцатом веке. Тогда много чего развивалось. Кто-нибудь хочет мороженого?

Как и ожидалось, все ответили утвердительно.

— А у вас здесь когда-нибудь была книга той эпохи? — спросила Хейзл, обеспечив всех мороженым.

— Нет. Лишь однажды попался двухтомник истории семнадцатого века — самое старое, что сюда поступало. Наверно, образцы пятнадцатого века можно найти лишь в музее. А Ровена хотя бы примерно представляет, как выглядит тот документ?

— Сомневаюсь, — сказал Натан. — Нам придется просто-напросто перерыть весь Торнхилл.

— Ну, если дядя Барт не возражает...

— Может быть, он спрятан в какой-то книге, — продолжал рассуждать Натан. — Туда часто прячут тайные бумаги.

— В Торнхилле горы книг! — в ужасе воскликнула Хейзл. — Мы будем искать всю жизнь. — Внезапно идея поиска документа перестала казаться ей столь уж заманчивой. — Возможно, мистер Гудман будет возражать против того, чтобы мы там копались, и предпочтет заняться этим сам...

— А нашедшему будет вознаграждение? — спросил Джордж.

— Да, — ответил Натан; потом смущенно добавил: — Только я сказал миссис Торн, что оно нам не нужно.

— А мы такого не говорили, — в один голос пропели Джордж и Хейзл.

— Сначала найдите бумагу, — напомнила друзьям Анни, — а уж потом думайте о вознаграждении. Вы уверены, что документ вообще в Торнхилле?

— Он должен быть там, — заявил Натан. — Пожалуй-ста, не усложняй все еще больше! По крайней мере так предполагает миссис Торн.

Забравшись в Логово, друзья обсуждали вопрос поисков до тех пор, пока Хейзл наконец не сменила тему разговора: она хотела, чтобы Натан пошел с ней на предстоящую вечеринку.

— Там будет дискотека, — сообщила она.

— Я не люблю дискотеки, — поделился своим мнением Джордж, — они тупые.

— Ты просто до смерти боишься пригласить кого-нибудь на танец, — с убийственной пронизательностью объявила Хейзл. — Натан, ну пожалуйста, пойдем со мной. Не как... мой парень, а для моральной поддержки.

— Ты — с парнем! — Джордж покатывался со смеху.

— Не вижу причин, почему бы Хейзл не завести себе молодого человека, если ей хочется, — заметил Натан. — Только дело в том, что в следующую субботу я собирался начать поиски...

— Не вечером же, — возразила Хейзл. — Можем поискать этот запрет днем, после обеда, а потом отправимся на вечеринку.

— Ладно, — сдался Натан. Дискотеки его не вдохновляли. Он надеялся, что, хотя они и стали подростками, Хейзл не будет вести себя слишком уж по-девчачьи. — А наркотики и драки? Послушать миссис Торн, так в кроуфордской школе ничем иным и не занимаются. Вот облом, если нас ждут одни лишь танцы, — пошутил он.

Хейзл хихикнула.

— В прошлом полугодии Джейсона Вика застукали при попытке продать «экстази», — сообщила она. — А потом выяснилось, что это таблетки для чистки контактных линз.

«Может, мне что-нибудь принимать, чтобы контролировать сновидения о другом мире?» — задумался Натан. — Например, снотворное...»

Правда, какое-то время странные сны не беспокоили его.

Друзья ушли около одиннадцати. Забравшись на чердачное окошко и усевшись на подоконнике, Натан принялся разглядывать неизвестную звезду. Он так и не нашел ее ни на одной карте, а пару недель назад все его одноклассники по курсу астрономии провели целую ночь на башне Ффилде,

внимательно изучая небо, — и ничего! Звезда была здесь из-за него: следила единственным бледным глазом, легко тережащимся среди созвездий. Натан осознавал, что должен испытывать страх, но бояться в такую чудесную, исполненную волшебного звездного блеска ночь оказалось нелегко: он почти убедил себя, что там — заботливый глаз какого-то тайного стража или доброго ангела, не просто наблюдающий, а наблюдающий за ним, охраняющий его. Только зачем его охранять — и от кого или чего? И почему Натан чувствовал, что все взаимосвязано: звезда, сны о другом мире и чаша Торнов — шепчущая чаша, Санграаль?

— Натан, — донесся снизу мамин голос, — пора спать!

— Мне тринадцать лет, — запротестовал Натан, прыгивая с подоконника. — Я уже большой.

— Ты ужасно дряхлый, — согласилась Анни, — и тебе необходимо спать, особенно в период учебы. Спускайся немедленно.

— Иду.

Улегшись в постель, Натан легко погрузился в сон, не смотря на все проблемы, маячащие где-то на границах помыслов. А потом, в какой-то момент, туман сна расступился — и мальчик перенесся в свет. В свет другого мира, в пылающий закат с прожилками цикламенового облака над озером расплавленного золота, что разлилось по краю неба. Натан смотрел с вершины башни — наверное, самой высокой в городе; другие шпили и верхушки посверкивали далеко внизу, отражая пылающее солнце. На площадке соседнего здания он заметил двух привязанных крылоящеров — издали они казались маленькими; еще один взмыл в воздух между ними. Один за другим, по мере того как сгущалась тьма, в окнах зажигались огни, карабкаясь по домам все выше и выше вслед

за тенью; и вот уже каждое здание было опоясано сияющими цепочками, и подвижные маячки далеких кораблей перемигивались зеленым, синим или розовым. Потом незаметно для себя Натан перенесся внутрь башни и опустился в некоем подобии лифта. Проплыв сквозь закрытые двери и через знакомую уже галерею с изогнутыми колоннами, Натан попал в полукруглую комнату. Только теперь за окнами стояла непроницаемо-черная ночь; щиты закрывали почти весь полукруг стекла. Человек в белой маске — правитель, диктатор, президент, кем бы он ни был, — сидел за столом спиной к двери. Вошла женщина. Что-то в ее внешности потрясло Натана, и лишь минуту спустя он осознал причину.

На женщине не было маски.

— Возможно, дневной свет еще не совсем померк, — не оборачиваясь, предостерег ее человек. — Не стоит ходить с незащищенным лицом.

— Свет уже погас. — Ее голос звучал спокойно и отличался от голосов наездника и голографического изображения в лиловой сутане единственной, но существенной деталью: в нем не было покорности.

Теперь Натан видел гостью в профиль и невольно подумал, что она удивительно красива. Волосы ее скрывал белый головной убор наподобие мантильи; женщина была облачена в белую тунику и брюки, а кожа имела бледно-золотистый оттенок, в нашем мире присущий людям Востока. Линии подбородка напомнили Натану очертания головы Нефертити, что он видел на репродукциях; однако шея женщины была длиннее, а когда она повернулась в его сторону, пропорции лица показались ему немного другими, хотя мальчик не мог объяснить себе, в чем состояло отличие. Миллиметр здесь, миллиметр там слегка искажали черты, хотя не умаляли их красоты.

— Да и вообще, — продолжала женщина, — какая разница? Я почти не боюсь смерти — даже солнечной смерти, иссушающей все живое. Медлительность времени утомляет меня. Если бы я могла найти смерть, я распахнула бы ей свои объятия.

— Не надо так торопиться разрушить свою красоту, — сказал человек, оборачиваясь, чтобы взглянуть на женщину. — Я по-прежнему испытываю наслаждение, любуюсь ею, а в нынешней жизни осталось мало наслаждений.

— Чтобы быть красивой, нужен мир, *в котором быть красивой. Однажды, в далекие дни юности и надежд, ты писал мне в письме о том, что само мироздание существует ради меня. Земля, луны, солнце, море были созданы лишь для того, чтобы обрамлять твою прелесть. А теперь земля заражена, и солнце отравляет море, а три луны Эоса наливаются красным. Без мироздания, без места для существования — я ничто. Грандир, ты так умен: сотвори для меня мир, в котором я могла бы жить.*

— Я не способен творить миры, но возможно... какой-нибудь удастся взять. Наберись терпения, Халме, и еще какое-то время прячь лицо от дневного света. Я обещаю, что найду для тебя мир.

Женщина по имени Халме подошла к окну и сдвинула щит; тот скользнул в сторону, и Натан убедился в правдивости ее слов: там, в небе, висела громадная луна, почти полная — и красная; а с восточной стороны от нее, также будто залитый кровью, маячил месяц.

— Задвинь щит! — приказал человек. — Луна слишком яркая. Возможно, она опасна.

Гостья неохотно подчинилась. Чем дольше Натан смотрел на нее, тем прекраснее она ему казалась — как будто глаз постепенно привыкал к необычным пропорциям лица; с

этих пор женщины его мира всегда будут казаться ему малопривлекательными. Он наблюдал за ее уходом: Халме двигалась стремительно и вместе с тем удивительно грациозно; белые края мантильи развевались за ее спиной. Натан был совершенно уверен, что Халме — ее имя; однако, решил он, Грандир — скорее обращение, как «господин» или «превосходительство». Пока он размышлял об этом, мир вокруг переменялся.

Правитель в маске шел вверх по лестнице. Лестница двигалась, как эскалатор, но по спирали, кружа и кружа внутри цилиндрической шахты, и человек поспешно шагал по ней, словно раздраженный малой скоростью подъема. Наверху оказалась круглая комната без окон: в этом мире архитекторы явно предпочитали изогнутые формы. Единственным источником света служили прозрачные сферы — одни гладкие, другие состоящие из сегментов, — как бы подвешенные в воздухе. Однако, приблизившись, Натан не заметил никаких нитей или проволоки, которые бы их удерживали: шары просто парили, недвижимые или кружащие по орбите.

Правитель прошел в середину помещения — туда, где на одном месте медленно вращался шар немного больших размеров, чем прочие, и состоящий из множества сегментов. Лучи света вырывались из него и таяли в темноте, не достигая стен. Человек протянул к шару руку и произнес единственное слово: «Фиа!» Белая вспышка озарила комнату — так ярко, что Натан на миг ослеп, хотя то был всего лишь сон; потом сияние вернулось внутрь сферы, а над ней, будто проекция на потолке, возникло изображение.

Поначалу Натану оказалось нелегко разобрать, что оно показывает, тем более что мальчик смотрел снизу вверх; наконец он понял, что видит крышу (и даже может различить черепицу) с квадратной дырой — открытым чердачным окош-

ком; затем появились мальчик и девочка; они смотрели и указывали пальцами куда-то за пределы изображения, вниз, на шар. Прошла минута или больше, прежде чем Натана озарило. Ведь это он сам — они с Хейзл, глядящие на звезду, которой не должно быть...

Натан проснулся глубокой ночью; сон, отпечатавшийся в сознании, не спешил терять яркость. Мальчик тихо-тихо встал и, прокравшись вниз, к кладовке между полками, забрался по лесенке в Логово. Распахнув окошко, он увидел звезду — только теперь он знал, что это вовсе не звезда, а шар, светящийся и в этом, и в ином мире, зоркое око человека, всегда прячущего лицо. Ангел-хранитель или страшная угроза? Единственный способ все выяснить — продолжать видеть сны. А вдруг это лишь фантазия, плод подсознания, объясняющий то, чего он не в силах постичь? Ведь если сон — правда, тогда почему правителя, столь могущественного и явно стоящего на пороге космической катастрофы, из жизни всего множества миров вдруг заинтересовал он, Натан?

Закрыв окно, мальчик вернулся в кровать. Но вопрос неотступно следовал за ним, вгрызаясь в разум, не давая уснуть: невообразимое, не имеющее ответа почему.

Целых две недели Натан никак не мог найти времени, чтобы обо всем рассказать Хейзл.

— Когда начнутся летние каникулы, будет проще, — уверял он. — Мы сможем проводить больше времени вместе — чтобы найти пропавшую запрещающую бумагу и разобраться в этом вопросе.

— А разве в нем можно разобраться? — с сомнением спросила Хейзл. Днем звезды не было видно, однако друзья терялись в догадках: означает ли это, что и она их не видит. — Что ты намерен делать?

— Я кое-что придумал. Надо разыскать человека с пляжа. Раз его считают незаконным иммигрантом, значит, наверняка где-то удерживают. Я сделаю вид, что готовлю внеклассное задание по просителям убежища в Англии: в таких случаях люди всегда готовы помочь. Как только мы его найдем, он сможет ответить на некоторые из наших вопросов.

От внимания Хейзл не ускользнуло, что мальчик заменил «я» на «мы».

— А как ты собираешься с ним общаться? Ведь он не знает английского.

— Во сне я говорю на его языке, — пояснил Натан. — Быть может, услышав его речь, я пойму ее. Мы как-нибудь найдем способ поговорить. Обязаны найти.

Уяснив задачу, ребята отправились за советом к Анни. Она была искренне рада, что подростков так волнуют насущные проблемы современности, но мало чем могла помочь.

— У меня внеклассное задание, — объяснил Натан. Ему не хотелось врать матери, но и открыть правду он не решался.

— Наверняка существует иммиграционная служба, — предположила Анни. — Загляните в телефонный справочник.

Ничего похожего в справочнике не оказалось. Поразмыслив еще, Анни предложила поискать среди подразделений министерства внутренних дел. Там значилось некое управление по вопросам иммиграции и гражданства; правда, дойти до него так и не удалось.

— Разумеется, в выходные оно закрыто, — сказал Натан, обращаясь к Хейзл. — Придется тебе попробовать на неделе. Я не могу много звонить со школьного телефона.

Сомнения одолевали Хейзл сильнее обычного. Она нервным движением закрыла лицо занавеской волос — по детской привычке, от которой до сих пор не избавилась.

— И что я им скажу? Ведь это государственное учреждение!..

В конце концов Натан решил попросить Анни.

— Ну, если это школьное задание, — предположила она, — то ты вполне можешь позвонить из Ффиладе.

— Предполагается, что мы должны выполнять его в свободное от занятий время, — объяснил Натан, чувствуя себя ужасно неловко. — Мне просто хотелось бы выяснить, как связаться с тем человеком...

— Я постараюсь помочь, — пообещала сыну Анни.

В понедельник утром она отвезла Натана в школу и сразу по возвращении домой взялась за телефон. К трем часам дня она начала ощущать растерянность, озабоченность и не свойственный ее натуре гнев. Министерство внутренних дел — «строящее надежное, справедливое и терпимое общество», согласно его собственной саморекламе, — оказалось совершенно бесполезным. Когда наконец после множества длинных гудков, долгих минут ожидания, заполненных классической музыкой, и автоматических сообщений, в управлении по вопросам иммиграции и гражданства все же взяли трубку, ей отказались предоставить какую бы то ни было информацию.

— Моему сыну дали внеклассное задание в школе! — возмутилась Анни. — Он хочет знать, как функционирует наше государство, чем мы помогаем беженцам и людям, попавшим в беду.

Служащая сдалась под напором Анни и удалилась на десять минут — советоваться с начальством; вернувшись, она сообщила, что надлежит письменно обратиться в другой департамент — управление по связям.

— Могу я поговорить с вашим начальником? — спросила Анни.

Оказалось, что нет.

— А могу я узнать номер телефона, по которому надо звонить в то управление, что вы назвали?

Его нельзя дать, это конфиденциальная информация.

— Я добросовестный налогоплательщик, — заговорила Анни избитыми фразами (хотя она платила очень немного, исходя из маленькой зарплаты), — я плачу вам зарплату. Вы работаете на меня. И вы не имеете права отказывать мне в ответе.

Тоном человека, давно привыкшего к подобного рода тирадам, служащая ответила, что ее винить бесполезно, она ни в чем не виновата.

Анни положила трубку, затем подняла снова и набрала телефонную справочную, где ей без всяких проблем дали «конфиденциальный» номер. В управлении по связям, однако, заявили, что нужно написать в иммиграционное управление. Потом она попыталась действовать через члена палаты общин от своего округа и даже через Скотленд-Ярд — и никто не мог разъяснить ей процедуру обращения с незаконными иммигрантами, не говоря уже о том, чтобы помочь найти конкретного человека. В конце концов Анни оставила телефон в покое, сварила себе кофе и вошла в Интернет. Там она обнаружила названия различных организаций по поддержке просителей убежища, действующих на юго-востоке Британии. Записав очередную порцию номеров, Анни решила продолжить телефонную атаку завтра.

Во вторник ей повезло больше. Группы поддержки в отличие от бюрократов отнеслись к ее вопросам с энтузиазмом и охотно поделились имеющимися данными. Беседуя с представителем благотворительной организации в Гастингсе, Анни наткнулась на истинное сокровище.

— Человек на пляже? — переспросила Джиллиан Сквайерс — женщина, взявшая трубку. — Человек-загадка? А чем он заинтересовал вашего сына?

— Натан слышал о нем по радио, — объяснила Анни. — Конечно, я как мать необъективна, и все же у моего сына действительно сильно развито чувство социальной ответственности. Когда я ему рассказала, как обращаются у нас в стране с иммигрантами, он очень расстроился. — Потом лукаво добавила: — Подозреваю, что Натан сам выбрал тему для своего школьного исследования. Понимаете, он всегда размышляет о тех или иных вещах, а не просто выбрасывает их из головы.

— В какой школе он учится?

— При аббатстве Филде. Я не так много зарабатываю, он учится по бесплатной стипендии.

— Я знаю эту школу. У нее достойная репутация. — Кажется, Джиллиан Сквайерс заколебалась. — Давайте поступим вот как. Безусловно, я не имею права давать подробную информацию о ком-то без его разрешения. Я поговорю с этим человеком. Я имела с ним дело. У него потрясающие умственные способности: прибыв сюда, он не знал ни слова по-английски, но стал запоминать язык с удивительной быстротой. Если он захочет, я дам ему ваш номер телефона и попрошу связаться.

— Это было бы великолепно! — воскликнула благодарная Анни. — Вообще-то... я думала, что он сидит где-нибудь в тюрьме.

— Нет. Просителей убежища сажают в тюрьму, лишь если они совершают преступление. Тюрьма дорого обходится: государство вынуждено кормить и содержать заключенных. Дешевле выбросить человека на улицу. Им всего лишь нужно сразу по прибытии зарегистрироваться как просите-

лям убежища — предполагается, что они знают, как функционирует система.

— Если даже я не могла это выяснить, — возмутилась Анни, — то как могут они?

— В том-то и дело.

Закончив разговор, Анни твердо решила каждую неделю откладывать чуть-чуть денег с еженедельных хозяйственных трат — для пожертвований. Ведь не только Натану нужно учиться, подумала она.

В выходные Анни обо всем рассказала сыну.

— Твой человек с пляжа еще не звонил, — сообщила она, — но, возможно, позвонит. Нужно просто ждать. Если он не захочет с тобой разговаривать, мы его не заставим: даже если бы и могли, это было бы нечестно.

Заручившись разрешением Бартелми, Натан, Джордж и Хейз всю субботу прочесывали Торнхилл в поисках пропавшего документа. Двое последних не то чтобы горели энтузиазмом, однако перспектива отведать стряпни хозяина дома перевесила нежелание трудиться. Ко второму завтраку Бартелми сам испек печенье с корицей и шоколадной стружкой, а на обед пожарил рыбу; за ней последовали его собственного приготовления земляничное мороженое и глазированные сдобные булочки к чаю. В промежутках между приемами пищи дети простучали панельную обшивку в надежде, что в ней найдутся полости, перерыли антресоли и некоторые из наиболее темных кладовок.

Бартелми не стал показывать им тайник в дымоходе, а Натан не стал о нем упоминать, сообразив, что сама информация о его существовании — не для всех; зато они нашли другой шкаф, спрятанный под лестницей, достаточно просторный даже для того, чтобы туда поместился человек. А на чердаке друзья раскопали неполный комплект ржавых доспехов,

сундук старомодного тряпья, потемневшее столовое серебро и набор фарфоровых супниц, которые в свое время, должно быть, составляли часть гораздо более обширного сервиза. Хейзл пришла в неописуемый восторг от муфты из серого меха — шиншиллы, как определил Бартелми, — хотя прекрасно понимала, что носить меха аморально. («Такая разновидность крысы», — пояснил он, чем, с одной стороны, умерил ее муки совести, а с другой — привлекательность самой муфты.) Еще исследователи обнаружили предмет, называемый астролябией, — некое наподобие старинного телескопа, и модель планетной системы — по идее, Солнечной, однако Бартелми заметил, что либо она весьма неточна, либо изображает вообще другую систему. И повсюду были бумаги: в коробках — больших и маленьких, в комодах, в давно не открывавшихся ящиках письменных столов. Натан нашел пачку любовных писем столетней давности, перевязанных выцветшей лентой, коричневые фотокарточки жеманных викторианских девиц, открытки с обнаженной натурой времен какого-то из Эдуардов, меню, списки покупок и одежды, сданной в прачечную. И нигде ни намека на запрещающую бумагу!

— На прошлой неделе Ровена перерыла все внизу, — сообщил Бартелми. — Она наверняка просмотрела книги, так что в них можете не заглядывать.

— Если бумага не в Торнхилле, — нахмурился Натан, — у вас есть предположения, где еще она может храниться?

— Ровена тоже меня об этом спрашивала, — ответил Бартелми. — Я предложил ей навести справки о семейном адвокате, при котором в последний раз применялся запрет, — она сказала, что такое было в конце девятнадцатого века. Конечно, вам все это покажется ужасной тягомотиной. Быть

может, есть какой-нибудь тайник в лесах, например, на месте прежнего дома.

— Но ведь никто не знает, где оно! — возмущенно воскликнула Хейзл.

— А кто сказал, что будет легко, — спокойно отозвался Бартелми.

Поиски в лесу они решили оставить на завтра и разошлись по домам. Хейзл несла подаренную Бартелми муфту.

— Ничего страшного, если ты будешь носить *старые* меха, — успокаивал подругу Натан. — Вот покупать новые — неправильно.

По возвращении в книжную лавку Натана ждала дурная весть.

— Звонила Джиллиан Сквайерс, — сообщила Анни. — К сожалению, человек с пляжа не пожелал с тобой общаться. Он не захотел ничего слушать о внеклассных заданиях. Жаль, мой милый. Понимаешь, думаю, не следует на него давить. У того человека и так нет ни дома, ни денег, он в отчаянии: жизнь у него и без нас не сахар. Так что давай не будем ему ее усложнять.

«Да уж, — думал Натан, — жизнь не сахар, еще бы. Начать с того, что он оказался в чужой вселенной».

— Не возражаешь, если я сам позвоню миссис Сквайерс? Обещаю, что не стану донимать ее. Я лишь хочу выяснить... как функционирует система.

— Полагаю, тут нет ничего дурного, — все еще несколько сомневаясь, сдалась Анни.

Вечером, когда стемнело, Натан выбрался к чердачному окошку, чтобы взглянуть на звезду — это стало почти ритуалом, исполняемым каждый раз, когда он приезжал домой. Мальчик позаимствовал у Джорджа бинокль, но в него не

удавалось разглядеть ничего нового. Натан представил себе затемненную комнату с вращающимися сферами и шаром в самом центре, из множества сегментов которого вырывался и затухал свет. Потом — изображение на потолке: его лицо, и взгляд, устремленный на звезду, быть может, именно теперь, в этот самый миг, — и белая маска, изучающая его снизу. Все это было невероятно.

И все-таки Натан верил. Сон и явь переплелись слишком тесно, чтобы их отвергнуть. Он обязан поговорить с человеком на пляже, человеком из иного мира...

С разрешения Анни на следующее утро Натан позвонил Джиллиан Сквайерс.

— Извините за беспокойство, — вежливо начал он. — Мама сказала, что человек с пляжа не захотел со мной общаться. А не могли бы вы передать ему от меня кое-что? Вам мои слова покажутся немного странными, однако они впрямь важны. Если он не захочет говорить со мной и тогда, больше вопросов не будет. Только передайте ему...

— Я не знаю, что еще могу сказать, — любезно, но без энтузиазма ответила миссис Сквайерс.

Натан убедился, что мать его не слышит, и продолжил:

— Не могли бы вы передать ему, что я — тот, кто вытаскивал его из моря? Пожалуйста! Только это.

— Передать ему?.. Удивительно! Твоя мама ничего подобного не упоминала...

— Она и не знает, — торопливо заговорил Натан. — Я хотел сказать, что ее там не было. Я... правда не могу все сейчас объяснить. Ну пожалуйста, скажите ему то, о чем я прошу.

— Ты все выдумал? — В голосе женщины зазвенел металл.

— Если так, — резонно возразил Натан, — то выдумка не помогла бы мне, верно? Ведь тогда человек с пляжа знал бы, что все происходило иначе? Он не захочет звонить мне, если это неправда.

— Верно, — согласилась миссис Сквайерс. — Отлично, я передам ему твои слова. Хотя...

— Спасибо, — поблагодарил Натан. — Большое вам спасибо.

Он повесил трубку, и в тот же миг в комнату вошла Анни.

Потянулась неделя школьных занятий и ожидания. Натану снилась чаша, змеящиеся узоры, что расплзаются, отделяясь от кромки, и шипение — шипение над самым ухом. Он проснулся, дрожа в лихорадке, и ощутил чувство стыда от того, что так восприимчив к собственному сну. Чтобы успокоиться, мальчик попытался поразмыслить, где может быть спрятана запрещающая бумага, и согласится ли человек с пляжа с ним разговаривать, и что сказать ему, если согласится. Наконец он принялся думать о вечеринке, на которую Хейзл хотела с ним пойти, — о вечеринке с дискотекой и о том, какой ужасной она окажется. Вдруг ему придется танцевать: девчонки станут сбиваться в стайки и хихикать, а Джейсон Викс будет подпирать стенку с ухмылкой на лице. Неприятная картинка, нарисованная воображением, как ни странно, подействовала на Натана успокаивающе. В мысли о Джейсоне Виксе было что-то благоприятное для нервной системы. Он мог разобраться с Джейсоном Виксом. Викс, дискотеки и хихикающие девчонки — все они были частью этого мира. А вот другими мирами — мирами сна и тьмы — управлять было значительно труднее.

В субботу позвонил человек с пляжа. Анни неуверенно передала трубку Натану.

— Спрашивает тебя.

Натан взял трубку. Он старался говорить спокойно, хотя сердце бешено колотилось. Вот оно. Теперь его видениям предстоит испытание на истинность.

— Алло, — сказал он в трубку.

— Миссис Сквайерс передать мне, ты говоришь, что вытащить меня из моря. — Человек говорил хотя и с необычным акцентом, но удивительно бегло для того, кто учит английский лишь несколько недель. — Я думаю, невозможно. Как ты сделать это?

— Точно не знаю, — отозвался Натан, отчаянно желая, чтобы Анни вышла хоть на несколько минут. — Я спал и во сне увидел, как тонет человек. Я должен был его спасти. Я схватил его за руки и дернул на себя — и мы очутились на пляже.

— Что ты несешь? — проговорила Анни одними губами.

— Потом, — прошептал Натан, не представляющий, как будет отпираться.

На другом конце провода иммигрант из другой вселенной продолжал говорить:

— Да. Именно так все и произошло. Ты возник из воздуха, как ангел в старинной легенде. Потом принес сюда. Почему? Здесь чище, некоторые люди добрые, но общество — оно не современное. Отсталое.

— Я знаю, вам тут все должно казаться странным, — ответил Натан. — Я ничего не мог поделать. Нам пришлось отправиться сюда. Здесь мой дом. — Помолчав немного, мальчик продолжил: — Мне нужно так много у вас спросить. Мы можем встретиться?

— Важно... да. Ты найдешь меня или я тебя?

Усомнившись в том, что Анни отпустит его одного в Гастингс, Натан предложил новому другу сесть на поезд до Кро-

уфорда, затем на автобус и доехать до Иде, добавив, что готов оплатить гостю дорогу. Договорившись о встрече в следующую субботу, Натан повесил трубку; его слегка била дрожь. Вот человек из иного мира, которого он спас, сам не понимая, как именно, и перетащил за собой в невольное изгнание; теперь наконец они увидятся. Он узнает многое о том, другом, мире, и его обитателях в масках, и о правителе, который за ним следил, и крылатых ящерах, и разговоре о заражении, и...

— И что все это значит? — потребовала объяснений Анни.

Целую минуту Натан молчал.

— Я не могу рассказать, — произнес он. — Извини. Кое-чего я пока не понимаю и должен... сам во всем разобраться.

— С историей о том иммигранте связано что-то большее, чем внеклассное задание, так?

— Так. Пожалуйста, не расспрашивай меня, мам! Я не хочу лгать тебе, но и правду сказать не могу.

Вглядевшись в лицо сына, Анни прочла в нем мольбу. И внезапно в приступе паники спросила:

— Ты не делаешь ничего незаконного? Я понимаю, что таким людям нужна помощь, но ты не станешь ради них ввязываться во что-то запрещенное?

— Конечно, нет. Мам, я же не идиот. Если хочешь, могу поклясться.

Анни коротко покачала головой, лишь отчасти чувствуя облегчение.

— Этот человек тебе чужой, — заметила она, — и тем не менее у вас с ним какие-то тайны.

— Я все объясню, когда смогу, — пообещал Натан и добавил: — Если смогу.

— Мне следовало бы положить всему конец прямо сейчас...

— Нет!.. Я не делаю ничего дурного, — запротестовал Натан, искренне надеясь, что так оно и есть. — Пожалуйста, мам, поверь мне.

— Тебе-то я верю, — Анни подчеркнула первое слово, — но ты слишком юн, чтобы я доверяла твоим суждениям.

Анни решила не препятствовать встрече сына с просителем убежища. В тот вечер в одиннадцать она забрала Натана и Хейзл с вечеринки, заметив: «Вы не должны возвращаться домой одни в столь поздний час, даже если в деревне все спокойно». Когда они проводили Хейзл до дома, между матерью и сыном воцарилось молчание, которое никто не решался нарушить первым. Натан страдал: ему никогда не доводилось ощущать подобной отчужденности. Он понимал, что причиняет Анни боль, она же видела, как мальчик превращается в подростка — скрытного и враждебного; и это разрывало ей сердце. Ночью, лежа в постели без сна, она слышала, как сын поднимался в Логово, но так и не набралась смелости, чтобы окликнуть его и отправить назад в комнату. Чуть позже по звуку шагов на лестнице Анни определила, что Натан вернулся и лег, однако еще долго не смыкала глаз, погрузившись в свое одиночество; она и не подозревала, что сын тоже не может уснуть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Погоня

На следующий день они отправились на чай в Торнхилл. Натан оставил Анни с Бартелми в надежде, что она поделится с ним: мальчик знал, что у дяди Барти всегда получалось

как-то все улаживать. Тем временем, прихватив упаковку «Смартиз», мальчик отправился разыскивать Лесовичка.

Как всегда, под сенью деревьев царила безмятежность — безмятежность леса, сопровождаемая пением птиц, шорохом листвы и жужжанием пролетающей мимо букашки. Солнце пятнами ложилось на землю, просеивая свои лучи сквозь неподвижные в безветрии ветки. Немного углубившись в лес, Натан выбрал бревно поудобнее, присел и негромко позвал: «Лесовичок! Лесовичок!» Оставалось лишь ждать.

Лесной обитатель явился почти мгновенно: должно быть, его длинный нос учуял аппетитный запах конфет, которые Натан сразу же предложил другу.

— Больше всего мне по вкусу зеленые. — Лесовичок принялся охотно и кропотливо отбирать любимое лакомство.

— По вкусу они все одинаковые, — спокойно заметил Натан. — И все равно каждому нравится какой-то определенный цвет. Вот мне — желтый.

Какое-то время они дружно жевали конфеты и почти не разговаривали. Потом Натан принялся рассказывать другу о чаше Торнов (хотя по-прежнему не мог произнести и слова о часовне или видении) и о том, что им с друзьями необходимо найти запрещающую бумагу, чтобы Ровена могла заявить о своем праве на наследование сосуда. Лесовичок мало что понимал, поскольку ни в этом, ни в каком ином мире не сталкивался с законодательством, однако смог уловить главное.

— Скорее всего запрет — просто листок бумаги, — заключил Натан. — Если мы его отыщем, миссис Торн докажет, что чаша принадлежит ей, и вернет ее. Мы тщательно обыскали дом — похоже, там документа нет. Дядя Барти предполагает, что запрет спрятан в здешних лесах, к примеру, на месте прежнего дома Торнов, разрушенного давным-давно, задолго до появления Торнхилла. Дядя рассказывал,

что были и другие дома — жилища, как он их назвал; и только при Генрихе VII или VIII — не помню точно — построили тот, что напоминал нынешний, на вершине холма. В некоторых комнатах до сих пор видны остатки старых стен. Как бы то ни было, где-то неподалеку, под деревьями и толщей опавшей листвы, должны сохраниться руины первоначального жилища. Я подумал, вдруг ты знаешь такое место?

— Ты хочешь сказать, — попытался сосредоточиться Лесовичок, — что *первый* дом был не там, где стоит теперешний?

— Именно! — подтвердил Натан. — Извини, если я тебя запутал. Наверное, остались только кусочки стены, а может, и тех уж нет. Просто глыбы на месте фундамента. Мне как-то довелось видеть виллу эпохи римлян: стен не осталось, лишь пол под слоем почвы; а когда землю соскребли, под ней обнаружили чудесные мозаичные панно. Что-то подобное может оказаться и здесь, хотя насчет времен римлян и мозаики я не уверен. По дядиному мнению, род Торнов прослеживается до саксов, а то и дальше. Он говорит, что в летописях, кажется, 400 года нашей эры упоминается некий Турнус, чье имя также писалось как T-H-Y-R-N-U-S, то есть «Торн» на латыни; в те времена важные люди часто писали свои имена на латыни. Думаю, вполне могло быть и наоборот: то есть «Торн» — английская форма латинского имени «Thyrnus».

— Я не знаю букв, — настороженно признался Лесовичок. — А что такое «наша эра»?

— Время со дня рождения Христа. Так мы ведем летоисчисление. Наша эра началась больше двух тысячелетий назад.

— Считаю я тоже неважно, — пробормотал Лесовичок. — Могу досчитать только до двадцати трех, но...

— Почему именно до двадцати трех?

Лесной житель пошевелил пальцами на руках и ногах.

— Ясно, — отозвался Натан и, чувствуя, что Лесовичок расстроился, поспешно добавил: — Не важно. Если понадобится, я посчитаю. Главное, что ты хорошо знаком с лесом. Я решил, вдруг ты знаешь какое-то место, где в земле сохранилась кладка.

— Знаю, — кивнул Лесовичок. — Только редко бываю в Темном лесу. Мне там не нравится. Деревья растут кривые, как будто прячутся от солнца, река меняет русло, а ночью слышен странный шепот; и я видел, как движутся тени там, где нечему отбрасывать тень.

— Шепот? — переспросил Натан, вспоминая змеиное нашептывание в часовне, которое преследовало его и во сне. — Ты хочешь сказать, голоса? Что они говорят?

— Ничего. Не разобрать. Они просто шепчут. Ссссс-сссс-сс. Какой-то шипящий звук. Ни одного отчетливого слова. А еще я однажды слышал грохот ударов — они доносились из-под земли.

— Может, там барсучья нора?

— Нет, это не барсуки. Другой запах. Барсуки пахнут животными, очень-очень сильно и неприятно. В Темном лесу не пахнет ни одним зверем. Скорее зуд, чем запах. У меня свербело в носу.

— Как от чоха?

Лесовичок решительно замотал головой.

— Нет, иначе. Зуд, означающий что-то плохое... или даже не плохое, а особенное — как ты тогда сказал.

— Что-то потустороннее? — помог Натан, воскрешая в памяти их предыдущий разговор.

— Наверное. — Похоже, у него все еще оставались сомнения в значении слова «потусторонний».

— Можешь меня туда проводить? Вдруг там хранятся какие-то тайны — запрет или еще что-нибудь. То, что издает грохот. В любом случае мы должны проверить. Ведь еще светло — и стемнеет не скоро. С нами ничего не случится. Я буду приглядывать за тобой, — оптимистично пообещал Натан.

Лесовичок согласился, хотя и не без оговорки.

— Мы быстро идем туда и быстро уходим, — настойчиво произнес он. — Темный лес враждебен даже ко мне. Там обитают старые воспоминания — плохие воспоминания.

— Разве у деревьев есть память?

— Не у деревьев, а у самих воспоминаний, — поправил Лесовичок. — Листья, умирая, превращаются в кипы прелой листвы, деревья — в древесную труху. Что-то всегда остается. Воспоминания застилают Темный лес густым слоем, словно листья, скопившиеся за долгие годы. Из них, как из семян, лежащих в лесной земле, может что-то прорасти. Дурные воспоминания порождают злых духов.

— Я часто бывал в Темном лесу, — промолвил Натан, — и никогда не ощущал никакой опасности — настоящей опасности.

Не считая провалившейся часовни...

— Ты не был в том месте, — убежденно заявил Лесовичок. — Я бы узнал.

— Тогда идем быстрее.

Поняв слова Натана буквально, Лесовичок помчался вперед, мелькая среди деревьев лиственной тенью. Когда мальчик был совсем маленьким, друг всегда осторожно выводил его из сада — держа за руку, помогая высвободить одежду, зацепившуюся за сучок или колючки шиповника. А теперь Лесовичок бежал далеко впереди Натана, лишь изредка останавливаясь, чтобы дать тому возможность догнать себя.

Мальчику даже пришлось несколько раз окликнуть друга, прося подождать. Их путь лежал вдали от тропинок; по мере того как они забирались глубже в Темный лес, низкие ветви все чаще мешали проходу, а спутанные стебли цеплялись за щиколотки. Прежде, отправляясь в путешествие по окрестностям, Натан старался выбирать самый расчищенный путь, Лесовичка же подлесок не останавливал: его худенькое тельце обладало способностью проскальзывать сквозь любые хитросплетения трав и ветвей.

Когда они забрались в глубь долины, солнце зашло — или скрылось за склоном холма; деревья сомкнули кроны над головами путешественников. В полумраке Натан едва различал своего проводника — Лесовичок то и дело останавливался и подгонял мальчика нервными взмахами руки. Обычно ступающий уверенно Натан все время спотыкался о корни деревьев и поскальзывался на неровностях, скрытых под опавшей листвой.

Внезапно лесной провожатый остановился под защитой древесного ствола, поросшего зеленым мхом.

— Дальше нужно идти тихо.

— А кто может нас здесь услышать? — спросил Натан. Но ответа не дождался.

Теперь они двигались по лесу с особой осторожностью. Мальчик различил над лесной подстилкой выступ: тот ухнул в заросли кустарника слишком ровно для творения природы. Натан хотел было пройти вдоль барьера, однако Лесовичок схватил его за запястье и потянул вслед за собой. Они оказались у другого выступа, за которым земля просела на несколько футов. Вглядевшись в глубину провала, Натан заметил, что тот почти отвесен — как будто отрезан вдоль стены. Вполне возможно, что стена сохранилась, скрытая под слоем прелой листвы и мхов, занавешенная бахромой корней.

— То дерево в прошлом году вырвало ураганом, — пояснил Лесовичок, указывая на вывернутый ствол неподалеку. — Земля посыпалась — много-много земли. И получилось то, что теперь.

— Я спущусь, — решил Натан. — Хочу посмотреть поближе.

— Нет! — зашипел на него Лесовичок. — Ты все расстраиваешь. Воспоминания — или еще что похуже. Быстро пришли, быстро ушли. Ты обещал.

— Я должен взглянуть, — продолжал настаивать Натан. — Ведь для того мы и пришли.

Перекинув ноги через край, он спрыгнул в провал. Вряд ли это было подходящее место, чтобы спрятать запрет, но в приступе радостного волнения при виде первого пристанища Торнов мальчик позабыл о цели своего визита; теперь его подстегивало неукротимое любопытство. Натан принялся исследовать поверхность обвала, расчищая ее от крапивы и шиповника; весь исцарапался и искололся. Он нащупал то, что сдерживало землю: сеть тоненьких корешков. Вспомнив, как была сокрыта часовня, Натан попытался пальцами отыскать в почве какой-нибудь зазор, ложбинку. Вдруг Лесовичок издал странный звук, похожий на сдавленный писк, — мальчик взглянул вверх, однако друга уже не было. Нечто, подобное легкому дуновению ветерка, приближалось к нему по подлеску, вздымая вихрь из листвы, задевая нижние ветви, тогда как вершины деревьев даже не колыхались; чем бы оно ни было, передвигалось оно только по земле, невидимое, по-зменному струящееся. Донесся едва различимый шелест: так шуршат, соприкасаясь, стебли травы. Потом звук перерос в шепот множества голосов — бессловесный и одновременно наполненный неизвестными словами; он быстро

приближался, стелясь по земле, похоже и в то же время не похоже на шепот в часовне: тише, холоднее, мертвеннее...

Натан отпрянул от земляной стены и сначала бросился бежать вниз по склону; потом остановился, сообразив, что делает глупость, и стал забирать вправо и вверх. Он не оглядывался; казалось, шепот-гонитель дышит в спину, наступая на его тень. Натан не знал, что случилось с Лесовичком. Игра в крикет и регби сделала мальчика крепким и ловким, и все же однажды он упал: наступил на бревно, а то покатилося. И даже когда шепот стих, страх все гнал и гнал Натана, заставляя паниковать, заглушая доводы разума. Когда же беглец наконец остановился, запыхавшись и выбившись из сил, вокруг были леса Торнхилла; правда, он был довольно далеко от дома; на некотором расстоянии сквозь деревья виднелся изгиб дороги. Натан оглянулся, но не заметил ничего необычного: снова пели птицы, и солнце выкатилось назад на небо.

— Лесовичок! Лесовичок! — позвал мальчик.

Напрасно: его лесной друг не появился.

— Ты был прав, — признал Натан. — Прости меня, — добавил он в надежде, что извинения достигнут слуха того, кому они предназначались. Затем повернулся и медленно пошел к дому, держась в виду дороги, погрузившись в долгое раздумье.

— Стало быть, Натан взрослеет, — заметил Бартелми. Они с Анни сидели, прихлебывая поднимающий настроение чай и заедая его восхитительным ароматным домашним печеньем, состав которого было невозможно распознать. — У него появляются свои секреты. Звучит избито, но он больше не ребенок. Он становится мужчиной, взрослым — если так тебе больше нравится. А у мужчины всегда найдутся тайны, кото-

рых он не раскроет своей матери. Это в порядке вещей. Натан попросил тебя доверять ему, так постарайся выполнить его просьбу. Если происходит что-то, о чем нам следует знать, в свое время мы обо всем узнаем. Бесполезно запрещать ему встречу с тем незнакомцем. Проситель убежища... Интересно...

— Что именно интересно? — Анни постепенно успокаивалась — то ли благодаря невозмутимому отношению самого Бартелми ко всему происходящему, то ли благодаря чудесному печенью.

— Меня всегда интересовало, откуда взялся этот чужеземец. Человек на пляже, который якобы доплыл до берега с судна; только почему-то я уверен, что не удалось ни отследить корабль, ни найти хотя бы малейший намек на присутствие сообщников. Незаконные иммигранты редко пускаются в подобные авантюры в одиночку. Постарайся, не донимая Натана вопросами, убедить его позвать того человека сюда — пообедать или поужинать. Должно быть, он живет в нищете и, разумеется, голодает.

Неожиданно на губы Анни легла улыбка.

— Превосходная идея, — обрадовалась она. — Еда — ваше лекарство от любого недуга, верно? С ее помощью вы творите настоящие чудеса — открываете сердце и отмыкаете разум. Не зелье — а печенье... — она взяла очередное печенье, — или кружка бульона, или кусок пирога.

— Вот именно, — согласился Бартелми.

Тут Гувер поднял голову и замахал хвостом — это означало, что вернулся Натан. Бартелми пошел на кухню за новой порцией печенья.

Парой часов позже Натан отправился к Хейзл. Хотелось обсудить то, что произошло в Темном лесу, — довериться союзнику; в глубине души он понимал, что нужно найти кого-

то, кто согласится вернуться с ним туда. Когда там, на месте старого дома, Натан просунул руку меж корней в рассыпчатую почву, он совершенно явственно ощутил дальше пустое пространство; ему даже показалось, что он коснулся металла, как будто под деревом и корнями были железные прутья.

Мальчик с облегчением отметил, что, как он и надеялся, после чая с Бартелми Анни стало легче общаться с ним. Когда Натан сказал, что идет к Хейзл, мать начала было задавать вопросы, затем вдруг передумала, улыбнулась и быстро согласилась: «Ладно». Натан улыбнулся в ответ; поверив, что все встало на свои места, он направился к Хейзл.

В доме Бэготов слышались громкие голоса — ссорились взрослые, отец Хейзл и Лили. И еще Эффи Карлоу. Дверь распахнулась — из нее вылетел Дейв Бэгот с набитой до отказа спортивной сумкой. Он пронесся мимо, задев Натана плечом и не обратив на него ни малейшего внимания, сел в машину и рванул с места. Из дома донеслись слова Эффи Карлоу: «Ну и скатертью дорога!» Натан неуверенно постучал в распахнутую дверь.

Из сумрака прихожей внезапно вынырнуло лицо Эффи — сейчас она больше обычного походила на хищную птицу с крючковатым носом и острым взглядом.

— А, это ты, — проговорила она. — Хейзл наверху, у себя в комнате. В наше время девочки никогда не приглашали мальчиков в собственные спальни, если, разумеется, желали сохранить репутацию... Как дела со сновидениями? Посетил еще какие-нибудь миры за последнее время?

— В последнее — нет, — отозвался Натан.

Из кухни доносился плач — тихий плач смирения, а не надрывное рыдание гнева и отчаяния. Мальчик решил сделать вид, что ничего не заметил.

Эффи улыбнулась — а может, просто обнажила зубы в свирепом оскале. Натан отправился вверх по лестнице, разыскивая Хейзл.

Высунувшись из своей двери, девочка быстро втащила гостя внутрь и закрылась, чтобы никто из взрослых им не помешал. Комната походила не столько на спальню, сколько на нору: стены увешаны картинками и плакатами, полки и пол завалены книгами и музыкальными дисками, под кроватью — кипы молодежных журналов. На письменном столе красовались неоконченное домашнее задание, недоеденная шоколадка, бутылка имбирной воды и плеер, из которого бухала необычная, надсадно звенящая музыка — видимо, индийская, решил Натан. Музыкальные пристрастия Хейзл все еще пребывали на стадии эксперимента: она решительно отвергала общепринятые направления и вечно пробовала новые жанры. Девочка как будто находилась в постоянном поиске конкретного звука, который вызовет у нее определенные чувства, но никак не могла найти.

— Что это? — спросил Натан, поднимая обложку от диска, но Хейзл сейчас было не до мелочей.

— Ты видел папу?

— Он пронесся мимо меня вон из дома. Он...

— Он ушел. По-настоящему. Они с мамой поругались, а тут еще пришла прабабушка Эффи, и он стал орать и на нее. И, кажется, он ударил маму, тогда она — прабабушка — прогнала его метлой. Он обозвал ее злющей старой ведьмой и много кем еще — и в конце концов ушел. Я так рада. Мне все равно, что скажут другие. Я рада!

Хейзл отгородилась волосами и засунула в рот кулак — на миг Натану почудилось, что она плачет.

— Ты как?

Хейзл молча кивнула.

— Он что, ударил тебя?

— Сегодня нет. Он сделал это лишь однажды, тыльной стороной ладони, скорее случайно. Он был пьян. Я тебе рассказывала.

Натан кивнул.

— Прабабушка некоторое время поживет у нас. Тогда он перестанет приходить — он ее боится.

— А ты?

— Побаиваюсь. — Хейзл снова задрожала. — Иногда. В любом случае она лучше папы. Хуже быть просто не может.

Некоторое время они сидели молча, погрузившись в странную звенящую музыку. Когда Хейзл немного успокоилась, Натан рассказал, что нашел место первого дома Торнов, и даже поведал о Лесовичке — в него Хейзл никак не могла поверить: другие миры — еще куда ни шло, однако получеловеческие существа, мелькающие среди деревьев, чересчур смахивали на пикси или гоблинов, а уж этого она принять не могла. Намеренно цинично девочка заметила, что уже выросла из сказок.

— Ты поймешь, когда встретишься с ним, — заверил ее Натан. Еще он предпринял попытку описать шепот и призрачную погоню, но сделать это оказалось труднее всего.

— Если ты ничего не видел, — возразила Хейзл, — то как понял, что там что-то есть?

— Я видел... движение. Как гнулись ветки, шевелилась земля. Мне трудно объяснить.

— И ты хочешь вернуться? Ты правда думаешь, что пропавший документ спрятан там? То есть... по-моему, вряд ли.

— Нет, запрета там не найти, — покачал головой Натан. — И все-таки что-то там должно быть.

— Откуда тебе знать? — спросила Хейзл.

— Если нечего прятать, зачем было меня отпугивать?

Хейзл не нашлась, что ответить на его довод.

— Ладно, — сдалась она наконец. — Я пойду с тобой. Только если день будет погожий, солнечный и приветливый, а не мрачный и... угрожающий. Договорились?

— А я думал, ты не веришь в сказки. — Натан достаточно осмелел, чтобы начать поддразнивать подругу.

— Верно. Зато я верю в истории о привидениях. К тому же то, что произошло, что бы это ни было, напугало тебя, а ведь обычно ты намного храбрее меня.

— Когда мы вернемся, — заявил Натан, — я не буду бояться.

На неделе Анни позвонил Бартелми.

— Как тебе мысль отправиться на денек в Лондон? Отвлечешься от проблем — настоящих или вымышленных, перестанешь думать о вещах, которых все равно не изменить.

— Было бы чудесно, — обрадовалась Анни. — С чего вдруг вам пришла в голову такая мысль?

Сколько она знала Бартелми, не могла припомнить, чтобы тот хоть на день отлучался в Лондон.

— Ровена Торн собирается в «Сотбис», чтобы взглянуть на Грааль Лютого Торна. Просит меня поехать с ней — оказать моральную поддержку; а я подумал, что небольшая прогулка не повредит и тебе.

— Грааль Лютого Торна! — воскликнула Анни. — Натан умрет от зависти. История о чаше волнует его воображение не на шутку. Ведь мне тоже позволят на него взглянуть?

— Почему бы и нет, — отозвался Бартелми. — Если поднимется шум, скажем, что ты тоже специалист. Похоже, они попытались установить возраст Грааля и столкнулись с кое-какими трудностями...

— Но ведь я вовсе не специалист!

— Несомненно, специалист. Ты великолепно разбираешься в компьютерах, маленьких детях и собаках. Мы же не обязаны говорить, в чем именно ты специализируешься.

Анни рассмеялась. Майкл Аддисон, который как раз сидел в магазине за чашкой кофе и листал редкий экземпляр истории сельскохозяйственной революции, оторвался от книги и поднял на женщину вопросительный взгляд. Положив трубку, Анни поделилась с ним планами Бартелми.

— Придется на день закрыть лавку.

Майкл широко улыбнулся.

— Ушам своим не верю! Если серьезно, старик прав: неплохо бы тебе денек отдохнуть, отвлечься от всего на свете. Ты слишком беспокоишься о Нате. Он отличный парень.

— Знаю, — согласилась Анни. — Именно это меня иногда и пугает.

— Расскажи-ка мне о Граале Лютого Торна — разумеется, если это не секрет.

В Лондон поехали в среду, на поезде, оставив «джовит» в Кроуфорде. Светило солнце, и город предстал перед гостями во всей своей красе, облаченный в свежую зелень юного лета. По настоянию Ровены они взяли такси до Бонд-стрит: миссис Торн обладала привычками, если не доходами привилегированных кругов и потому презирала автобусы и метро. В «Сотбис» их встретил ее друг Джулиан Эпштейн, человек лет сорока с мелированными волосами и бородой и массивными бровями, навечно принявшими хмурое выражение. Он с сомнением посмотрел на Бартелми, заколебался было насчет Анни («Моя ассистентка», — представил ее Бартелми) и наконец согласился.

— Может пригодиться любой совет, — неожиданно сказал он. — Чертова чаша всех сбила с толку. Что известно о ее прошлом конкретно тебе, Ровена?

— Ровно то, что я уже сообщила, — осторожно ответила миссис Торн. — Вам удалось установить ее возраст?

— И да, и нет, — ответил Эпштейн.

Он провел гостей в помещение без окон, ярко освещенное электрическими лампами, и отпер стальной шкаф. Оттуда Эпштейн вытащил ящик — самый обычный деревянный ящик, набитый искусственной соломой.

— Вот так ее привезли. Одному богу известно, где держали чашу. Целый день ушел только на то, чтобы ее отмыть.

Вынув солому, он извлек сам сосуд.

Анни подсознательно готовилась увидеть золотой блеск, быть может, даже сверкание одного-двух бриллиантов, и потому была несколько разочарована простотой чаши. Приняв сосуд, Ровена стала поворачивать его в руках; ее лицо преобразилось выражением некой жадности, сделавшись тверже и сильнее. Бартелми гадал, укрылась ли эта перемена от глаз Эпштейна.

— Так вы сказали, и да, и нет? — вежливо переспросил он.

— Мы провели анализ, — принялся объяснять Эпштейн. — Результаты оказались... неординарными. Датирование по углероду никогда не подводит, однако на сей раз... Ее анализировали трижды, и каждый раз получали новый возраст: сто лет, восемь тысяч лет и двести тысяч лет. Логического объяснения так и не нашли. К тому же мы до сих пор не смогли определить, из чего она сделана. В ваших семейных преданиях не упоминается материал?

— Традиционно считалось, что она сделана из золота или камня, — сообщила Ровена. Она не могла оторвать глаз от

чаши. — Я бы сказала, что это камень. Возможно, какая-то разновидность агата. Определенно не металл. Значит, она не пожелала, чтобы ее возраст установили? Семейная легенда гласит, что чаша обладает необычными свойствами. Когда имеешь дело с легендой, надо быть осторожным, Джулиан.

Эпштейн отнесся к словам Ровены скептически.

— Ты хочешь сказать, что это проклятие?

Ровена издала короткий смешок, но не ответила.

— Можно мне взглянуть? — попросил Бартелми.

Она медленно, словно нехотя передала ему чашу. Бартелми провел рукой над сосудом, прикрыв глаза, как бы глядя на него с помощью пальцев или чувствуя посредством ощущений более сложных, чем осязание. Присмотревшись, Анни поняла, что чаша сделана из какого-то темного вещества с зеленым оттенком и покрыта пятнами настолько древними, что они стали частью ее естественного налета. Змеящиеся по кромке узоры, истертые за века, еле-еле проступали, едва отличимые от царапин. Чаша не казалась ни ценной, ни красивой — лишь очень древней, просто и даже грубо сработанной; быть может, она хранила слабый отголосок забытого волшебства, слишком отдаленного, чтобы не утратить свою значимость.

— Взглянешь поближе? — предложил Бартелми, передавая чашу Анни; от него не ускользнуло быстрое движение Ровены — та хотела было перехватить чашу, затем передумала.

Пальцы Анни сомкнулись вокруг ножки сосуда. Внезапно накативший приступ тошноты оказался так силен, что мир вокруг окрасился в черное — она почувствовала, как теряет сознание, а чаша выскальзывает из рук. Потом Анни лишилась чувств.

Вскоре она очнулась и увидела над собой озабоченное лицо Бартелми. Ее подняли и усадили в кресло. Через плечо Бар-

телми на нее пристально смотрел Джулиан Эпштейн: обычное хмурое выражение его лица теперь усиливалось беспокойством. Лишь Ровена была занята другим: подняв сосуд, она неотрывно смотрела на неглубокое дно.

— Нужно вывести ее отсюда, — говорил Эпштейн. — Здесь не хватает воздуха. Наверное, приступ клаустрофобии?..

— Наверное, — согласился Бартелми. — Спрячьте чашу. — Он бросил на Ровену короткий предостерегающий взгляд.

Эпштейн повернулся к миссис Торн; Анни попыталась подняться, но снова почувствовала тошноту и слабость. С удивительной легкостью Бартелми поднял ее и вынес из комнаты.

Позже, когда Анни приходила в себя в удобном кресле у открытого окна, он спросил ее, что случилось.

— Не знаю, — призналась Анни. — Ей-богу, не знаю. Я прикоснулась к кубку, и тут... Тошнота, тьма... Ничего, через пару минут я буду в порядке.

Бартелми смотрел на нее долго и задумчиво. Тут появился Эпштейн со стаканом воды; за ним спешила Ровена. Пока Анни пила воду, он продолжал распространяться на тему клаустрофобии, как будто пытаясь уверить самого себя. Миссис Торн его версии явно не верила.

— Только не говори мне, что это еще одно доказательство правдивости ваших семейных легенд, — заметил Эпштейн. — Никогда не считал тебя наивной особой. Похоже, чаша тебя заинтриговала. Постарайся выкупить утерянное наследство?

Она заколебалась, потом собралась с духом и заявила:

— Нет, я намерена доказать, что изначальная продажа незаконна.

— И каким же образом ты осуществишь задуманное?

— До сих пор существует документ, датированный пятнадцатым веком, который запрещает продажу или любую передачу чаши. — Правда, Ровена предпочла умолчать, что для начала бумагу нужно получить.

Складки на лбу Эпштейна стали глубже.

— Я не стану давать показания.

— Извини, Джулиан, — ответила Ровена. — Чаше суда не миновать. Не хочется портить тебе удовольствие, но что поделаешь. Грааль Лютого Торна принадлежит мне — мне и моей семье, и я его заберу.

Встреча закончилась на неудовлетворительной ноте. Оставив Эпштейна — предположительно для того, чтобы вызвать своих юристов на совещание, — они отправились обедать. Анни едва могла есть и лишь вполуха слушала, как Ровена с нескрываемым восхищением рассуждала о чаше.

— Это подлинник, — говорила Ровена. — Нет сомнений. Мне достаточно было к ней прикоснуться. Если это истинный Грааль — связанный с Артуром и всем прочим, — то он обладает силой противостоять научному анализу. Да, знаю: месяц назад я сама сказала бы, что все это ерунда, но ведь ты слышал слова Джулиана. Точной даты нет. Они даже не знают, из чего сделана чаша. В наши дни подобные тайны редки.

— Без сомнения, вопрос интересный, — кивнул Бартелми. — Как говорится, основание для предъявления иска.

Ровена повернулась к Анни.

— Ведь это чаша на тебя повлияла. Ты взяла ее и потеряла сознание. Все из-за чаши.

— Возможно, — уклончиво сказал Бартелми. — Но почему? Почему именно Анни?

— Это тоже часть тайны, — с видимым восторгом провозгласила Ровена.

Анни, не принимавшая участия в разговоре, извинилась и вышла в туалет. Посмотревшись в зеркало, она решила, что выглядит очень бледной, почти призрачной. Как после долгой болезни. А вдруг она больна? Какая-нибудь летняя лихорадка, или мигрень, или опухоль мозга... Тут Анни почти запаниковала, пообещав себе срочно обследоваться у врача, хотя в глубине души не верила в болезнь. Ровена права: все это как-то связано с чашей...

Стоя перед зеркалом, она увидела, как дверь за спиной открылась; внутрь заглянула женщина — их глаза на миг встретились — и поспешно удалилась. Анни резко повернулась, рванула дверь и выглянула: женщина исчезла. И все же Анни знала, что не ошиблась: она только что видела Рианну Сарду.

На чердаке в доме Бэготов Эффи Карлоу высвободила для своих целей стол. В почерневшей кастрюльке на походной плитке она принялась что-то разогревать — лениво побулькивала густая темная жидкость. Периодически Эффи добавляла несколько капель из того или иного пузырька, коих у нее имелось великое множество, и что-то бормотала себе под нос. По комнате поплыл острый запах, слишком сильный для столь тесного пространства. Не найдя выхода, он повис в воздухе, от чего у Эффи защемило в носу и заслезившись глаза. Однако, похоже, она не обращала ни малейшего внимания на подобные неудобства. Рядом на столе лежал браслет — дешевое украшение из тех, что носят подростки, с лохматыми нитями бисера, свисающими с резинки, надеваемой на запястье. Между бисеринками застряла пара коротких витых светло-коричневых волосков. Эффи осторожно сняла один из них и бросила в кастрюлю. Жидкость продолжала кипеть, запах сделался еще невыносимее.

Через несколько минут Эффи сняла кастрюльку с огня и вылила жидкость в миску, чтобы остудить. Какие-то сгоревшие остатки, приставшие к внутренней поверхности сосуда, свидетельствовали, что в предыдущий раз ее содержимое выкипело досуха. На сей раз Эффи была более внимательна и ни на миг не оставляла свой опыт без присмотра: ерзала на стуле, склоняясь над миской, осторожно дула на темную поверхность. По мере того как жидкость остывала, менялась и ее консистенция. Из мутной она стала гладкой и блестящей, словно черное стекло. Решив, что зелье готово, женщина что-то пробормотала, наклонившись над плошкой и пристально глядя в обманчивую мелкоту ее глубин, — вероятно, какое-то заклинание. Эффи обладала довольно скромными способностями и хорошо это знала; зато сегодня ей лучше, чем когда-либо ранее, удалась магия зеркала. Добавление волоса гарантировало, что заклинание сконцентрируется на Анни — той самой, которую Хейзл когда-то застала плачущей без всякой причины и которая скрывала правду о Натане, какой бы та ни была. Хейзл не захотела ничего рассказывать прабабке или давать ей браслет, однако Эффи давно научилась подчинять себе неокрепшие умы. А еще она сказала девочке: «Ты Карлоу, а не Бэгот. Сила живет в твоей крови. Однажды я научу тебя ею пользоваться».

А сейчас... сейчас она неотрывно смотрела в миску и ощущала, как видения обретают форму: не столь четко и ярко, как в колдовском огне Бартелми, а как бы через темное стекло, через лупу — в чью-то жизнь. Анни... Анни, идущая по тропинке между смутно виднеющимися рядами кустарника к Дому-на-Реке...

На следующий день после поездки в Лондон Анни решилась задать несколько неловких вопросов — пусть даже ей на них не ответят. Майкл оказался дома и, поприветство-

вав гостью обычной кривоватой улыбкой, предложил чашечку кофе.

— Я бы предпочел обед, — пояснил он, — если бы не две вещи: первая — к трем мне нужно быть в городе для встречи с агентом, а вторая — у меня пустой холодильник. Извечная проблема, когда почти все время живешь один: проще не заморачиваться с готовкой. Перекусываю на скорую руку. Если даже покупаю нормальные продукты, все равно никогда из них не готовлю; валяются, пока не зарастут зеленым мхом. Ужасно вредно.

— Для тебя или для купленной еды? — съязвила Анни. Она начинала сожалеть, что Майкл ей нравится. Это все усложняло.

— Как прошел день в большом городе? — поинтересовался Майкл. — Наверное, мне стоит как-нибудь взять тебя с собой, как думаешь? Или ты не согласишься?

Анни сделала вид, что не расслышала вопроса.

— Вообще-то мне нездоровилось. — И она стала рассказывать о происшествии в «Сотбис». Тем временем Майкл насыпал кофе в кофейник и задавал уточняющие вопросы.

— Надо бы тебе сходить к врачу, — встревоженно произнес он.

— Со здоровьем у меня все в порядке. Думаю, Ровена права: это как-то связано с чашей. Специалисты не в состоянии установить ее возраст и даже не знают, из чего она сделана. Возможно, она что-то излучала.

— О, магическая аура? — с издевкой подсказал Майкл.

— А что, может, и так, — обиделась Анни. — В мире — и за его пределами — столько странных вещей... Нужно обладать очень свободным и широким разумом, чтобы все охватить и принять. Словом «магия» мы обозначаем то, что нам

непонятно. Радиация тоже была магической аурой, пока кто-то ее не обнаружил.

— Справедливо. Ты предполагаешь, что от чаши Лютого Торна исходит какое-то неизвестное излучение? А почему оно повлияло лишь на тебя?

— Если бы я знала, — отозвалась Анни, — тогда бы не стала сейчас думать да гадать. Но я хотела поговорить с тобой не об этом.

— А я-то надеялся, что ты хотела побыть в моей компании, — пошутил Майкл, подавая кофе.

В его тоне слышались дразнящие нотки. Будь Анни чуть моложе, наверняка залилась бы румянцем. Так что она обрадовалась, ощутив, что переросла подобную слабость.

— Не только, — ответила Анни, не теряя спокойствия. — Я хотела спросить... Я встретила в Лондоне Рианну.

— Исключено, — тут же возразил Майкл. — Она путешествует по Грузии — той, что в России. Укрепляет культурные связи по всему миру: Рианна этим ужасно увлечена. Поскольку пьеса на английском языке, не представляю, кто ее поймет. Ладно, не важно. Я вроде говорил тебе

— То-то и оно, что говорил, — подтвердила Анни. — Именно поэтому я так удивилась.

Майкл явно растерялся.

— А где ты...

— Мы ужинали в «Ле каприс». Я отлучилась в туалет и, когда смотрелась в зеркало, увидела, как Рианна вошла вслед за мной, а увидев меня, ретировалась. Я хотела догнать ее, но, пока добралась до двери, ее уже след простыл. И в ресторане ее тоже не было.

— Ты видела ее отражение всего лишь секунду или две, — возразил Майкл, — и могла обмануться.

— Нет. Рианна не похожа на себя в кино, и все же у нее примечательная внешность. Я увидела ее, а она — меня, поэтому ушла.

— У нее нет причин избегать тебя, — заметил Майкл.

— Есть, если она сейчас должна быть в Грузии, — отрезала Анни. — К тому же прежде она вела себя со мной... не совсем обычно. Я просто тебе не рассказывала: однажды она вошла в лавку и начала задавать всякие странные вопросы.

Лицо Майкла едва заметно посуровело.

— Обо мне?

— Нет. О Натане.

— О *Нате*? — Майкл был совершенно обескуражен. — С чего вдруг Рианне им интересоваться?

— Это один из вопросов, который я хотела задать тебе.

Майкл принялся расхаживать по кухне взад-вперед; за его растерянностью Анни почудилось нечто большее.

— Ты определенно что-то напутала, — снова принялся настаивать он. — Рианна в Грузии, доказывает свое соответствие званию гражданина мира. Она звонила мне три раза — как всегда, жаловалась на постановщика, говорила, что одного из ее товарищей по сцене несправедливо недооценивают, а на самом деле он лучше, чем Кеннет Брана, и просила меня прощщать ее относительно дел на Ближнем Востоке, поскольку в Грузии она страдает от недостатка новостей...

— А ты... ты пробовал ей дозвониться? — осторожно спросила Анни.

— Конечно, нет. Она же не сидит на месте... — Майкл внезапно смолк.

— Извини, — прошептала Анни. — Я понимаю, что это похоже на бред. Но я совершенно точно ее видела. И в тот раз в магазине мне показалось, что она... заинтригована личностью Натана. Она пыталась разузнать о его отце.

— Об *отце*? Господи, я повторяю за тобой, как чертов попугай. Ничего не пойму. Мы с Рианной... — Он сделал паузу, глубоко вдохнул и продолжил: — Полагаю, ты и без того догадывалась. У нас несколько... разобщенный брак. Большую часть времени каждый занят своим делом. Оказавшись вместе, мы вполне уживаемся. Как добрые друзья — или по крайней мере я так считал. Когда-то между нами горела истинная страсть, хотя теперь ее нет. Рианна не просила о разводе: так ей есть к кому возвращаться домой, и... ну, полагаю, я просто позволял себе плыть по течению. Ты скажешь, что я лентяй. Как все мужчины. Мне просто незачем было что-то менять.

Анни улыбнулась.

— Понимаю.

— Извини, что докучаю тебе своими рассказами. Мне почему-то показалось это... необходимым. Суть дела в том, что у Рианны нет причин скрывать от меня, где она и что делает. Я не муж-параноик из тех, что вечно проверяют, чем заняты их жены; у меня нет такой привычки. Будь Рианна в Лондоне, она бы мне сообщила. Что же до Натана, то я, разумеется, упоминал о нем. И теперь я вспоминаю, что она действительно чрезвычайно заинтересовалась им — тогда я это отметил, хотя и не придал особого значения. С чего бы?

— Все любопытнее и любопытнее, — заметила Анни.

С минуту Майкл сидел, не говоря ни слова; взгляд его был устремлен куда-то в пространство.

— Она звонила мне позавчера вечером. Расспрашивала о местных слухах. Рианна в жизни ничем подобным не интересовалась — только чем-то действительно серьезным; но с тех пор, как мы переехали сюда... Словом, я рассказал ей о Граале Лютого Торна. И даже упомянул, что ты собираешься в город.

— Рианна вполне могла следить за нами, — размышляла Анни, — от «Сотбис». Потом зашла в туалет в ресторане, не ожидая там меня увидеть, и выбежала, когда я ее заметила.

— Все это просто смешно, — возразил Майкл, стараясь встряхнуться и заставить мозги работать. — Если только... она не знала твоего мужа до того, как вы с ним повстречались. По крайней мере это объясняет ее интерес к вопросу отцовства.

— Просто для заметки, — сказала Анни. — Человек из моей прошлой жизни не был моим мужем — и отцом Натана тоже, хотя мой сын об этом не знает. Совершенно не представляю, каким образом Даниэль мог повстречать такую, как Рианна. Что же до настоящего отца Натана... — Теперь настало время ей выдержать паузу и собраться с духом. — Тебе придется поверить мне на слово: совершенно исключено, что Рианна могла его знать. — Не глядя на Майкла, Анни еще раз повторила: — Совершенно исключено.

Снова воцарилось молчание.

— Не собираюсь вынуждать тебя откровенничать, — наконец вымолвил Майкл, — и все же мне бы очень хотелось, чтобы ты мне доверяла. По-моему, ты несешь очень тяжкое бремя — в одиночестве.

Тут Анни подняла на него взгляд.

— У меня есть Барти.

У Майкла между бровями обозначилась морщинка.

— Он твой родственник? Я всегда считал...

— Нет. Просто друг.

— Я не сомневаюсь, что он очень добр; но человек, который всю жизнь прожил в деревне, никуда не выезжая и ничего не делая...

— Он бывал в других местах, — заявила Анни с необъяснимой уверенностью. Вопреки всему, что ей было известно

много и далеко путешествовал — чтобы знать так много и стать таким, кто он теперь.

Казалось, слова ее если не вполне разубедили, то хотя бы поколебали уверенность Майкла. Однако взгляд на часы сбил его с мысли.

— Черт побери, — спохватился он, впрочем, без паники в тоне, — мне пора. Разрази меня гром. Поговорим завтра — или на выходных. Не переживай. Разберемся. Я сам этим займусь. Если Рианна в чем-то замешана, я должен выяснить, в чем именно. А сейчас мне надо бежать, не то я опоздаю на поезд.

Майкл поставил кружку в раковину, схватил пиджак и кейс и выскочил из дома; Анни вышла следом.

— Могу подвезти, мне все равно в Кроуфорд...

— Не стоит. Чудесный день. Я лучше пройдуся.

— Тогда до завтра...

Анни вспомнила, что второпях Майкл оставил кухонную дверь на предохранительной «собачке». Она понимала, что пора возвращаться в магазин — ее не было уже часа два, — и все же медлила, борясь с искушением. Если Рианна Сарду шпионит за ней, убеждала себя Анни, то и она имеет право шпионить за Рианной, так ведь? Не повредит, если она немного оглядится. Анни не ожидала увидеть что-нибудь такое, чего не встречала раньше, — если только башня Рианны не окажется открытой. Бросив быстрый взгляд назад, она вошла в дом.

Увы, башня Рианны по-прежнему была заперта, а во владения Майкла Анни, естественно, вторгаться не собиралась. Чувствуя себя ужасно гадкой, она просмотрела шкафы в общей спальне, не обнаружив там ничего, кроме кое-каких теплых вещей, совершенно ненужных в летнее время, дорогих комплектов постельного белья, запасных подушек и полоте-

нец. Ей показалось странным, что в спальне так мало семейных фотографий: конечно, при том образе жизни, что вели в браке Майкл и Рианна, вовсе не удивляло, что они не обзавелись детьми; однако Майкл как-то упоминал, что его сестра замужем, и у него есть племянники и племянницы. Имеющиеся же снимки оказались либо профессиональными студийными работами для публичного просмотра, либо фотокарточками на документы. Анни смутило и отсутствие некоторых других неотъемлемых атрибутов: ни кремов для лица в главной ванной («А какая женщина может обойтись без крема для лица?»), ни кулинарных книг на кухне. Похоже, Майкла не занимал процесс приготовления пищи, и все же у всех дома есть кулинарные книги. Это стильный кухонный аксессуар, а Рианна, несмотря на ее джинсовые наряды, была натурой стильной: в платяном шкафу Анни нашла длинное пальто из ягнячьей кожи, которое наверняка стоило баснословных денег. Да и тогда, в Лондоне, зеркальное отражение Рианны было облачено в свободный цвета хаки топ с лямкой через плечо, щеголяющий знаком какого-то модельера.

Разочарованная тем, что дверь в Комнату Синей Бороды заперта, Анни снова прокралась вверх, от расстройства даже позабыв о смущении. Где в первую очередь ищут детективы, когда ведут расследование? В урнах, помойных ведрах... и прочих емкостях. Анни рассеянно подняла крышку с корзины для белья. Разумеется, там оказались носки и нижнее белье, скомканная рубашка и... краешек какой-то вещи цвета хаки. Моментально насторожившись, Анни отшвырнула рубашку. На удивление, та оказалась слегка влажной. А вот под ней обнаружился топ, что был на Рианне в предыдущий день. Анни подняла его, чтобы рассмотреть поближе и развеять сомнения. Топ был мокрым.

Она здесь, Майкл мне лгал...

Но почему-то ей не верилось. Если бы Рианна была здесь и Майкл это знал, то подготовил бы более правдоподобную отговорку, что не так уж и сложно. Он не стал бы нести чушь про Грузию. Анни ничуть не сомневалась, что его растерянность и сомнения были подлинными. Тогда как топ угодил в корзину для белья? Возможно, Рианна побывала здесь тайком от него?

Анни внимательно огляделась, однако в доме совершенно не чувствовалось присутствия другого человека; она изо всех сил напрягала слух, но нигде не скрипнула ни единая половица. Тишина казалась почти неестественной для столь старого здания. Не было слышно привычного завывания древнего водопровода, скрипа двери на сквозняке, свиста ветра в дымоходах... Конечно, Рианна могла сидеть, тайно заперевшись в своей башне, но ведь Майкл наверняка почувствовал бы ее присутствие. И о чем свидетельствовала мокрая одежда? Что шел дождь? Последние пару дней стояла хорошая погода. В любом случае вода. Вода...

Анни спустилась по лестнице и выбежала в сад. На привязи у небольшого деревянного помоста, что крепился к берегу, качалась лодка; над живой изгородью торчала мачта. Рианна могла бы тайно жить на корабле, во всяком случае, несколько дней. А топ промок, когда она упала в воду или что-то в этом роде...

Анни стала осторожно спускаться к реке, по возможности держась под защитой кустарника. Выглянув из-за рододендрона, она убедилась, что и яхта имеет заброшенный вид; впрочем, днем Рианна вполне могла куда-то уходить. Наконец Анни покинула свое укрытие и ступила на пристань. Но сколько ни вглядывалась она в окна кабины, не увидела ни единого признака жизни. Собравшись с мужеством и крепко

ухватившись за оснастку, Анни перепрыгнула на борт. Палуба угрожающе качнулась; чересчур чувствительный желудок совершил ответный кульбит. Прилагая все усилия, чтобы не раскачивать себя и лодку, и крепко держась за бон и фал, Анни стала пробираться по палубе. Она заглядывала в низкие окна в надежде заметить на столе чашку, тарелку, недоеденный бутерброд или бутылку минеральной воды, однако не нашла никаких следов таинственного исчезновения: лодка не походила на корабль-призрак. Если Рианна впрямь здесь жила, она отличалась безупречнейшей опрятностью.

Снова повернувшись лицом к помосту, Анни поняла, что своими движениями немного оттолкнула лодку от берега. Хотя расстояние было не так уж велико, ей сразу подурнело. После некоторых раздумий Анни постаралась успокоиться — и прыгнула на берег.

Приземлившись на самом краешке пристани, она оступилась, и одна нога скользнула в воду; пришлось схватиться за швартовую тумбу. На миг в прикосновении речной воды ей почудилась хватка мокрой руки. Анни подтянулась на деревянных планках и, облегченно выдохнув, встала. По солнцу скользнуло облако, и, когда она повернулась к воде, поверхность Глайда потемнела. У самого берега что-то происходило.

Казалось, река стала подниматься, закручиваясь в водяной смерч, хотя на небе не наблюдалось никакого облачного столпа, что протянулся бы ему навстречу. Водное лассо росло перед Анни, раскачиваясь, будто слепая змея в поисках жертвы. Вот оно поднялось до двух футов, до четырех, пяти... Вращение замедлилось: водяной вихрь висел в воздухе, уходя корнями в Глайд. Анни невольно вспомнились фотографии всплеска брызг после прыжка ныряльщика. Только этот всплеск не был застывшим: он рябил и подрагивал, втягивая

все больше воды, постепенно обретая форму и содержание. Вверху обозначилась голова, потом развернулись плечи, округлились бедра. Жидкостная субстанция начала застывать и терять свою прозрачность, наливаясь цветом: белизна кожи, струящаяся чернота волос, одежды... Лицо обрело знакомые черты — пусть и менее человеческие, бледнее и экзотичнее, чем в жизни. «Рианна», — сдавленно прошептала Анни.

Фигура начала двигаться к берегу, по-прежнему не отрывая ног от поверхности реки. Бескостные руки отделились от остального тела и потянулись к ней...

Запоздало накатила паника. Анни бросилась прочь. Сзади по доскам причала хлюпали шаги. Оглянувшись, женщина увидела, как существо споткнулось или поскользнулось, будто чувствовало себя на земле неустойчиво, однако с каждой секундой оно становилось все материальнее. Анни бежала и бежала, не смея больше смотреть назад. Когда она очутилась на знакомой уже тропинке, тень тучи сгустилась, а нечто невидимое ползло вдоль кустарника, заставляя траву волноваться без единого дуновения ветерка. Ощущение ужаса усиливалось. Они были здесь, ждали ее, загоняли сюда, а по пятам следовала тварь в облике Рианны Сарду; путь вперед и назад оказался отрезан. Лишь середина тропинки оставалась открытой, хотя они нависали со всех сторон. Промедление означало смерть. Анни бросилась по центру тропинки, не глядя по сторонам, спасая собственную жизнь...

И вдруг она была уже в конце тропинки, а когда наконец осмелилась оглянуться, позади не было ничего — совсем ничего: ни волнения травы от ног невидимых преследователей, ни твари, сотканной из речной воды. Снова выглянуло послеполуденное солнце, возвращая дню былую яркость; только Анни точно знала, что кошмар не кончился — лишь отступил, растворяясь в тени.

Она вернулась в лавку, где чувствовала себя более защищенной, и позвонила Бартелми. Никто не ответил. Анни приготовила себе сладкий чай, чтобы справиться с потрясением, и принялась набирать номер друга снова и снова, пока наконец он не взял трубку.

В школе Натану опять приснился иной мир. Краткий визит напугал его сильнее, чем все предыдущие сновидения. Он сидел позади наездника на крылоящере — одном из трех, что осуществляли патрулирование вдоль незнакомого побережья. Натан понял, что это именно патруль, по тому, как его попутчик передавал сжатые сообщения по скрытому переговорному устройству, по-видимому, вмонтированному в маску. Почти над самым ухом мальчика звучал другой голос, дающий автоматический ответ. Солнце едва село: зеленоватое свечение быстро исчезало с линии горизонта, а одна из трех лун повисла точно впереди, тогда как бледная долька другой поднялась по левую руку. Более яркий из спутников отбрасывал на море красноватый отблеск, покрывая оспинами широко раскинувшуюся тьму воды. Берег, что тянулся справа, казался необитаемым: не было видно ни единого огонька, который бы обозначал, что там есть дома или города; всюду — лишь белизна пенных барашков вокруг выдающегося в море мыса и редкие полоски пляжа, отливающие медью в свете луны. Натан напрасно гадал, сидит ли впереди него Реймор или другой наездник, — определить это было невозможно. Похоже, пока непосредственной опасности перетащить кого-то обратно в свой мир не наблюдалось, так что мальчик сосредоточился на окружающей обстановке и пьянящем чувстве полета, стараясь впитать впечатления, узнать как можно больше. Теперь он ощущал, как ветер омывает его мощной волной — прохладный, но не холодный, и

чувствовал ногами шкуру крылоящера — она оказалась жестче кожи и была гладко отполирована, словно у змеи. Второй зверь летел чуть позади и сбоку, третий замыкал отряд. Луна отсвечивала красным в их глазах, горящих, словно налитые кровью.

Вдруг наездник второго крылоящера повернул голову и пристально взглянул туда, где сидел Натан. Снова раздался голос по переговорнику — теперь уже не автоматический: «Реймор! Рей! У тебя что-то за спиной...» Реймор поднял своего ящера над двумя другими и стремительно описал петлю, проверяя пустой воздух. «Нет! — закричали ему еще более взволнованно. — Не позади нас, а позади тебя! На твоём крылоящере. Похоже на тень. Возможно, низкогокачественная голопроекция, очень расплывчатая. Видишь?»

Реймор развернулся в седле; нарушив строй, третий наездник подлетел и указал рукой на Натана. Мальчик оцепенел от ужаса. Прежде он всегда оставался невидимым, кроме единственного случая, когда вытаскивал из воды человека. А теперь, когда Натан так жаждал познать этот мир, стать его частью, его мысли начали обретать физическую форму, и он не представлял, как остановить начавшийся процесс. Напрасно мальчик пытался заставить себя раствориться, отбросить ощущения, которыми наслаждался несколько мгновений раньше. Реймор обмотал поводья вокруг луки седла и потянулся рукой в перчатке к призраку — хотя едва ли мог что-то разобрать в темноте. Крылоящер почувствовал свободу и качнулся. Дрогнувшая рука Реймора наткнулась на нечто, которое не было ни тенью, ни веществом; Натан почувствовал, что теряет равновесие. Руки заскользили по боку животного, и с беззвучным криком он рухнул в темноту...

В тот же миг Натан проснулся, живо ощущая страх. Голова шла кругом от падения, спальня вращалась. Потребова-

лось время, чтобы мир наконец остановился. Натан лежал, погруженный в раздумья, не в силах уснуть. Раньше он был всего лишь зрителем того, что происходило в чужой вселенной; теперь он превращался в действующее лицо. Возможно, он сам во всем виноват, ибо жаждал участия: он спас утопающего, он хотел ощутить мощь ветра и прикосновение к шкуре летающей рептилии. Одновременно Натан понимал и другое: что бы он ни делал, он едва ли мог — или не мог вовсе — управлять своими поступками. А если бы он полностью материализовался в том мире, мог бы он застрять там, в сновидении, тщетно пытаясь проснуться? И что тогда станет с его телом здесь? Он умрет — или впадет в кому? А там, в том мире, подвергнется ли он так называемому заражению — не защищенный маской и специальной одеждой? Натан вообразил, как ложится спать в водолазном костюме и очках, и невольно рассмеялся над этой картиной; ему стало легче, правда, ненамного.

К утру он так ничего кардинально и не решил, разве только лишний раз уверился в необходимости повидаться с иммигрантом. Наступил четверг, и Натану осталось сгорать от нетерпения сорок восемь часов. А еще он должен был как-то заставить себя не видеть сны. На уроках Натан был необычайно невнимателен и так часто зевал, что один из учителей отправил его в лазарет.

— Я не мог уснуть ночью, — объяснил мальчик отцу Джеймсу. — Иногда у меня бывают проблемы со сном. Может... может быть, вы дадите мне какое-нибудь снотворное?

— Ерунда! — фыркнул монах. — В твоём возрасте не нужны лекарства. Выйди на площадку для крикета, вдохни побольше свежего воздуха, разомнись. Отлично поможет! Ты определенно засиделся взаперти над уроками. Я поговорю с твоим куратором.

— Спасибо, — поблагодарил Натан, не чувствуя ни малейшего облегчения. Он вовсе не надеялся, что крикет решит его проблемы.

— Существует множество разновидностей духов водной стихии, — повествовал Бартелми, сидя тем же вечером в крохотной гостиной Анни, пока хозяйка дома пила приготовленное им какао. Он добавил в напиток что-то, захваченное из собственных запасов, — она понятия не имела, что это было, но чувствовала себя уже гораздо спокойнее. — Наяды, нимфы, русалки, злобные духи воды — лорелеи, селки, сирены; впрочем, предпоследние и последние обитают скорее в морской воде. Тем не менее я склонен предполагать, что ты столкнулась с чем-то иным. Оно явно способно принимать человеческое обличье, что само по себе требует значительной мощи, и к тому же делает это весьма искусно. Похоже, ему удалось убедить Майкла — если только он сам ко всему этому непричастен.

Бартелми не стал упоминать о создании, которое видел в колдовском пламени, хотя оно замаячило в его памяти. Кое-что наконец-то стало собираться воедино.

— Не думаю, — осторожно возразила Анни. — И все же... все же у меня такое ощущение, что вы не очень... как бы выразиться... удивлены. Вы мне верите. Будь я на вашем месте, я бы себе не поверила. По меньшей мере это оказалось бы очень непросто.

— А почему я не должен тебе верить? Ты всегда была со мной честна. Вообще-то я кое-что знаю о подобных вещах.

— Я уже догадывалась. Быть может, даже всегда это знала. А что конкретно вам известно?

— О! Ответ займет много времени. Для начала просто прими тот факт, что я *знаю*. Важнее сосредоточить внимание

на том, что происходит здесь и сейчас. Несомненно, существует настоящая Рианна Сарду, чей облик приняло то существо, хотя где Рианна теперь...

— Отправилась с туром в Грузию, — тут же подсказала Анни.

— Возможно. Лучше бы мы знали это наверняка. Принятие формы другого существа — самый сложный вид симпатической магии. Обычно он требует вольного или невольного присутствия оригинала — или же весьма значимого его знака.

— Вроде перчатки или локона?

— Этого недостаточно, — ответил Бартелми. — Нужно что-то большее: отсеченная рука, глаз или иной орган, из которого можно воссоздать образ. (Анни едва не захлебнулась какао.) Но не станем преждевременно пугаться. Пока мы не выясним, что за дух причастен к нашей истории, мы не сумеем определить его возможности. Или же узнать, какова его истинная цель.

— Натан, — мгновенно побледнев, отозвалась Анни. — Оно расспрашивало о Натане... Ему нельзя сюда возвращаться. Он должен остаться в школе — или у друзей.

— Не стоит перестраховываться, — успокоил ее Бартелми. — Мы пока ни в чем не уверены.

— Ты всегда так говоришь, — попыталась пошутить Анни.

— Потому что так оно и есть. Тем не менее кое-какие умозаключения сделать можно. Как я уже говорил, я уверен, что у Натана могущественный отец, который вполне способен за ним присмотреть. И за тобой тоже явно кто-то приглядывает.

— Что вы хотите сказать? Сначала за мной гнался... какой-то водяной зомби, а потом они...

Бартелми сложил ладони домиком.

— И никто из них тебя не схватил. Разве это не почва для размышлений? Ты же сказала, что Рианна двигалась быстро и следовала за тобой по пятам. А что, если *они* явились не для того, чтобы присоединиться к погоне, а для того, чтобы преградить путь ей? Я много размышлял о тех твоих призрачных фуриях. Ты думала, что они гнались за тобой сюда, а на самом деле они вели тебя.

— Но почему? — Анни одолевала сомнения и растерянность.

— Чтобы привести ко мне. Я мог защитить тебя и ребенка. У меня имеются кое-какие весьма специфические способности. Кто-то решил, что подобная защита тебе не повредит.

— То есть вы хотите сказать, что *они*... помогают нам? Не могу поверить. Будь они частью доброй силы, они не навели бы такой ужас.

— Я не говорил, что они добрые, — уклончиво ответил Бартелми. — Однако раз или два они действительно помогали. Вполне вероятно, что, гоня тебя по тропинке после первого визита к Майклу, они старались оградить тебя от водяного духа. Да и вообще, как определить границы добра или отличить его от зла? Даже сама природа человека не бывает однозначно белой или черной. Наши моральные принципы находятся в сильной зависимости от воспитания, общественных норм поведения, а зачастую просто едва завуалированного личного интереса. Что же до оборотней — тех, что более или менее походят на людей, — то категория морали, как мы ее понимаем, для них не существует.

— Вы хотите сказать, что не верите в добро и зло? — еле слышно спросила Анни. — Потому что если вы...

— Вовсе нет. Я лишь имею в виду, что другие живые существа рассуждают иначе.

— Это их личное дело, — заявила Анни. — Если у меня не будет своего мнения, то кто станет рассуждать за меня? Даже если я неправа, я должна руководствоваться тем, во что я верю, разве нет?

Бартелми взял Анни за руку; губы его тронула непривычная грустная улыбка.

— Ты мудрее меня, — после некоторого молчания произнес он. — Когда-то я знал человека, похожего на тебя, — человека, которого я любил всем сердцем. Порой я узнаю ее в выражении твоего лица, повороте головы...

— Что с ней случилось?

— Она умерла. Нет, для нее это не было печально — лишь для меня. И для остальных, кто скорбел по ней. Она делала то, во что верила. Мир поразили сильный недуг, а она была искусной врачевательницей; тогда она пришла на помощь, но чума в конце концов одолела и ее.

— Чума? — почти прошептала Анни.

— Наверно, потому я попытался обрести хотя бы часть ее способностей, когда она ушла из жизни. Медицина и питание заботятся о физическом благосостоянии. Врачуешь тело, питаешь душу... — Легкий проблеск улыбки скользнул по его лицу. — Мои слова позабавили бы ее. Она относилась к той категории людей, которые не замечают, что едят, даже когда я готовил. Моя Айлин... О да, это было давным-давно.

— Как давно? — прошептала Анни. Она чувствовала, что сейчас, в миг ностальгии и тихой грусти Бартелми, она стоит на пороге чего-то очень важного. Вот-вот откроется правда, которую она давно предчувствовала...

— Ах, примерно семь столетий назад, — произнес Бартелми.

Она слишком хорошо знала Бартелми, чтобы сомневаться в правдивости его слов. Впервые в жизни Анни приняла не только то, что существуют другие миры, кроме этого, но и то, что мир, в котором живет она сама, совсем не таков, каким кажется. В сознании рухнули преграды, и воображение хлынуло ничем не сдерживаемым потоком.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Человек на пляже

Майкл вернулся только в субботу. Увидев его, Анни испытала странное чувство: она знала правду, но не могла открыться ему. Как объяснить человеку, что в облике его жены разгуливает чудовище (с которым, вполне возможно, он делил трапезу и постель), на самом деле сотканное из речной воды, творение магии, таящее в себе угрозу, само зло во плоти? Майкл наверняка решит, что она сошла с ума или намеренно введена в заблуждение; а вдруг при следующей встрече с Рианной он упомянет о том, что ему известно, — кто знает, что тогда натворит чудовище? До сих пор его спасало неведение. И все же Майкл уже начал беспокоиться: Анни прочла в его лице неуверенность и ощутила внезапной порыв изгладить ее с его чела, поцелуем вернуть улыбку на его губы. Она убеждала себя, что это лишь инстинкт, естественное стремление оказать поддержку, успокоить, и твердо противостояла ему.

— Я хотел повидаться с тобой вчера, — сказал Майкл. — Извини. Я остался на ночь в Лондоне. Пытался найти способ связаться с Рианной. Ее агент совершенно уверен, что она в Грузии, хотя не имеет возможности выйти на нее или

еще кого-то из трупы. Похоже, они забрались туда, где мобильные телефоны не работают. Отсталое место эта Грузия. Я дозвонился до матери одной актрисы и до молодого человека другой: оказалось, что мы все в одной лодке. Они также ждут редких звонков. Наверняка ты ошиблась насчет нее. Я действительно не представляю, с чего вдруг ей понадобилось лгать.

— И тем не менее ты обеспокоен, — констатировала Анни. Может быть, он тоже нашел топ Рианны в корзине для белья? Разумеется, нет. А даже если бы и нашел, ни о чем бы не догадался. Мужчины вообще не замечают подобных вещей.

— Да нет, я вовсе не обеспокоен. Ну, не то чтобы очень... Не грозит ли мне чашечка кофе?

Пока Анни ставила кофе, Майкла терзали какие-то сомнения — как будто он собирался сделать важный шаг.

— А где хозяин дома? — спросил Майкл, очевидно, стараясь потянуть время. — Разве он не должен быть дома сегодня утром?

— Ушел куда-то с друзьями, — ответила Анни. На самом деле она прекрасно знала, что Натан отправился на встречу с чужеземцем, неизвестным просителем убежища, но пока была не готова обсуждать это с кем бы то ни было. К тому же друзья наверняка имели какое-то отношение к его приключению.

— Я тут все размышлял, — наконец решился Майкл, — о его отце... Ты что-то говорила тогда, перед моим уходом. Ты сказала, что он — не человек из твоей прошлой жизни...

— Верно, — подтвердила Анни. — Даниэль умер. Натан появился в результате... скажем, мимолетного свидания, случившегося вскоре после того. Я была практически не зна-

кома с тем мужчиной. — Дернув подбородком, Анни отвернулась к кухонному окну. Она смутно ощущала, что такова ее расплата за преступление, которого она не совершала, за то, что она уступила, позволила этому случиться. — Ты шокирован?

— Конечно, нет. — Майкл подошел ближе, осторожно положил руку ей на плечо. — Мы все время от времени совершаем не свойственные нам поступки — когда расстроены, уязвлены или тоскуем. Ты только что потеряла любимого человека — и нуждалась в... утешении. Ведь так оно и было?

— В некотором роде, — согласилась Анни.

Закипел чайник, она сделала кофе. Майкл больше не пытался прикоснуться к ней.

— Человеческая жизнь — сплошной хаос, верно? — заметила Анни — и про себя добавила: «Нечеловеческая тоже».

— Расскажи мне.

— Я тут просматривала давнишний товар и случайно наткнулась на пару книг, которые могут тебя заинтересовать. — Анни попыталась возобновить разговор на обыденную тему. — Вечно я здесь что-нибудь да откопаю: то, что не внесено в каталоги, или остатки от прежних владельцев. Нескончаемая книжная масса.

— Ладно, — уступил Майкл, — давай поговорим о книгах.

Натан ждал незнакомца на автобусной остановке на краю деревни. Пришлось пережить неприятную сцену с Хейзл — друзья чуть не поссорились: она тоже хотела присутствовать при встрече, а Натан чувствовал, что должен пообщаться с человеком с пляжа один на один — по крайней мере в первый раз.

— Если мы явимся вдвоем, он может испугаться, — пытался отговориться Натан.

— Он взрослый, — оборвала его Хейзл. — Двое детей его не напугают.

— Ну, не напугают, а... помешают, что ли. В любом случае ты должна отвлекать Джорджа. Не надо все ему рассказывать — по крайней мере пока. Ну пожалуйста, Хейзл!

— Не хочу повсюду слоняться с Джорджем. Он придурок.

— Так говорить нехорошо; к тому же это неправда.

В конце концов она согласилась, хотя с явной неохотой. А теперь Натан ждал автобуса из Кроуфорда, точно зная, что тот опоздает, потому что автобусы никогда не приходят вовремя, и внутренне сжавшись оттого, что ожидание растягивалось, а утро все длилось и длилось. Завидев наконец автобус, Натан почувствовал, что вот-вот лопнет от нетерпения. Вот где сон становится явью, а иной мир вторгается в его собственный. Сначала сошла едва знакомая женщина с корзиной: он вымученно улыбнулся и поздоровался; потом появилась молодая мама с мальшом и коляской. «Узнаю ли я его, — волновался Натан. — Я ни разу не видел его лица. Как я пойму?...» К выходу спотыкающейся походкой пробирався мужчина — очень высокий человек. «Это Иде?» — поинтересовался он у водителя.

— Так точно.

Наконец-то он приехал. Человек с пляжа. Иммигрант, прибывший из другой вселенной. Первым делом Натану в голову пришла мысль, что человек очень высок. Еще во сне он осознал, что обитатели другого мира в среднем были выше, чем обычные люди, но лишь когда мальчик увидел чужеземца воочию, он смог наконец оценить, насколько выше. Изгнанник оказался не меньше семи футов ростом, широкоплечим,

но очень сутулым, одетым в вещи, явно собранные из гуманитарной помощи: непомерно широкий плащ, брюки, не подходящие до щиколоток, тенниска в сине-бордовую полоску. Казалось, одежда только сильнее выделяет его из толпы; Натану вспомнился Доктор Кто из какого-то старого сериала, записанного на видео братом Джорджа. Кожа незнакомца имела желтовато-серый оттенок, ближе к бледно-желтому, чем к коричневому цвету, а пропорции лица напоминали лик Халме; впрочем, его внешность было бы правильнее назвать скорее примечательной, чем красивой. Линия челюсти изгибалась от высоких скул к узкому, выдающемуся вперед подбородку; длинные черные волосы были в беспорядке; в запавших, как у черепа, глазницах блестели глаза — с темно-красными радужными оболочками, будто светящимися изнутри. «Сразу видно, что он необычный, — думал Натан. — Должно быть, все его выделяют». Этим объяснялось и отношение Джиллиан Сквайерс: она тоже заметила и прониклась уважением к его исключительности. Пока незнакомец искал мальчика глазами, тот протянул руку в приветствии.

— Я Натан Вард.

Изгнанник не пожал Натану руку; похоже, этот жест ему еще не был знаком.

— Я помню тебя, — сказал человек.

— Вы назовете мне свое имя? — спросил Натан.

— Я Эррек Мой Риндон. Тут все зовут меня Эриком. Эриком Риндоном.

Мужчина и мальчик изучали друг друга. Натан надеялся, что не сделал ничего нетактичного. Трудно соблюсти манеры иного мира, когда не знаешь, каковы они.

— Большое спасибо, что приехали.

Эрик кивнул, принимая вежливость мальчика как должное.

— Наверно, я должен благодарить тебя за то, что спас меня, — проговорил он. — Но этот мир мне странен. Привыкать тяжело. Ваше общество отречься от благородного прошлого... мне кажется.

— Вы имеете в виду Древнюю Грецию? — наугад назвал Натан. — Или Египет?

Беседуя, они неторопливо направились прочь от остановки. Натан вел Эрика в кафе, где имелись тихие уголки для конфиденциальной беседы.

— Египет? Греция? — Эрик пожал плечами. — Это другие планеты?

— Страны. На нашей планете. Часть нашего... благородного прошлого.

— Нет! Я иметь в виду великую космическую цивилизацию. Передовые технологии. — Эрик старательно выговорил последнее слово, явно перенятое недавно. — И еще много силы. Как в моем мире. Там очень большая сила. А здесь теперь нет. Вся исчерпана.

— Какого рода сила? — совсем растерялся Натан.

— Энергия. Особая энергия. Как электричество, только особенное. Подчиняется разуму, руке, слову. Да пребудет с тобою сила.

Натан рассмеялся.

— Вы имеете в виду магию, — догадался он. — Здесь у нас нет магии. Только в преданиях.

— Должно быть, они правдивы. На этой неделе я смотрел фильмы в доме миссис Сквайерс — о благородном прошлом. *Давным-давно в далекой-далекой галактике...* Это не может быть ложью. Ложь — преступление. — Он внезапно замолк и взглянул на Натана. — В вашем мире лгут?

— Не то чтобы лгут... — Натан старался подобрать нужное слово. — Предания. Вымышленные предания, рас-

сказы — для развлечения. А в вашем мире не существует преданий?

От сосредоточенности и крайнего удивления Эрик даже нахмурился.

— Предания должны быть правдивы. Придумывать — неправильно. Зло. Ложь портит.

— В нашем мире, — пустился в объяснения Натан, — существует разница между ложью и преданиями. Если мы знаем, что предание выдуманное, то ничего страшного тут нет. Это хорошо. На преданиях мы учимся. Разве у вас такого нет?

— Нет, — отрезал Эрик.

Они шли дальше.

— Вы смотрели «Звездные войны»? — осторожно поинтересовался Натан.

— Историю, — ответил Эрик. — Я думал, что историю. Я думал, узнаю этот мир. Я понимаю силу.

— Я тоже, — сказал Натан, — именно благодаря вымышленным преданиям. В вашем мире существует магия — я увидел и узнал ее, потому что знаком с вымышленными историями о магии в нашем мире. Понимаете?

Некоторое время Эрик обдумывал слова Натана. Потом кивнул.

— Вы весьма умны, — смущенно проговорил Натан. — Вы очень быстро все понимаете. И с лету выучили наш язык. Наверное, в своем мире вы были очень важной персоной. Ученым или кем-то в этом роде?

Эрик улыбнулся и пожал плечами.

— Я не был важным, — ответил он. — И не был... *ученым*. — Слово определенно было ему в новинку. — Когда-то я был рыбаком. Но рыба вымерла, когда воздух стал тонким. Специальный слой воздуха, защищающий от солнца. Мы

разрушили его, выпустили солнечную смерть. Сила отравлена. Рыба отравлена. Теперь мало рыбы. Только чудовища. Я работаю на фабрике, делаю еду со вкусом рыбы, не из настоящей рыбы.

— Значит, вы тоже что-то придумываете, — заметил Натан. — У вас есть выдуманная еда. Ваша еда — ложь.

— Ты мудр, — объявил Эрик. — Выдуманная еда — плохо.

— Вы сказали, что сила отравлена. Именно это они имели в виду, когда говорили о заражении?

На лице Эрика отразилось непонимание; тогда Натан попытался вспомнить, как звучали слова во сне:

— *Унварху-саг?*

— Да! *Унварху-саг*. Сила отравлена. Как ты сказал? Заражение? Я запомню.

Они пришли в кафе, где предлагались вегетарианские обеды. Правда, для обеда было еще рановато, но Натан решил, что это не так уж важно.

— Пойдем, попробуете немного настоящей еды, — пригласил он, в душе радуясь, что не выбрал какой-нибудь «Макдоналдс»; впрочем, в Иде его и не было. Они сели за столик в уголке. Натан заказал печеный картофель с сыром и зеленый салат, надеясь, что и то, и другое окажется достаточно натуральным.

— А что такое на самом деле заражение? Что они делали, отгораживая Маали?

— *Унварху-саг* — это... отравление. Людям плохо, и животным, и птицам. Со временем деревья, все растения тоже умирают. Все умирают. Оно начаться очень давно, — он натянуто улыбнулся, — в далекой-далекой галактике. Могущественные люди применяют силу для разрушения, в войне. Создают плохую силу, зло, яд. Как темная сторона, только...

болезнь. Болезнь всего. Галактику отрезали с помощью доброй силы, но любая сила — та же мощь, та же энергия. В конце концов плохое испортило хорошее. Где сила — там заражение. Оно распространилось по всей вселенной. Сначала мы отравляли с помощью технологий, делать воздух тонким, воду грязной; медленно — нужно много тысяч лет, чтобы разрушить одну планету. Заражение — быстрее. Маали отрезан, может умереть за два или три сезона. Ничего не останется. Все умирают. Все умирают...

— У вас была семья, — вдруг осознал Натан, — жена, дети...

— Детей не было. В моем мире мы используем силу, чтобы долго жить. Сила внутри нас делает нас крепкими, не очень больными, всегда молодыми. Убивает только заражение. Но долгая жизнь значит — нет детей. Сила меняет тебя.

— Сила — магия — делает вас бесплодными?

— Бесплодными? — Натан понял, что Эрик старается закрепить в памяти очередное новое слово. — Да. Детей нет много сотен лет.

— Ни одного?

— Ни одного. — Внезапно лицо Эрика просветлело. — Здесь много детей. Хорошо видеть детей. Ваш мир моложе, чище. Ты спас меня — ребенок. В древней легенде ангелы — дети. Легенды выдуманные — теперь преступление выдумывать истории, это противозаконно; только легенды очень-очень старые, появились до преступлений, до закона. Думаю — ты прав. Может быть, из выдуманных преданий мы узнаем даже больше, чем из настоящей истории. — И еще раз, с чувством, Эрик повторил: — Ты мудр.

Натан вовсе не ощущал себя мудрецом, однако решительно заставил смущение отступить. Когда беседуешь с кем-то из другой вселенной, неизменно возникнет недопонимание.

Принесли печеную картошку; Эрик с удовольствием принялся.

— Я уже пробовать такое, — сообщил он. — В приюте. — Он поддел вилкой внушительную порцию. — Здесь вкуснее.

— Милое местечко, — сказал Натан, имея в виду кафе. — А вы живете в приюте?

— Нет. Иногда хожу туда есть. А еще к миссис Сквайерс и ее друзьям. Они добрые люди. Но мне нравится спать под открытым небом, быть свободным. В моем мире опасно долго оставаться снаружи, даже ночью. Луны отражают солнечные лучи. — На какое-то время он замолк, увлекшись едой. — Говорят, что я проситель убежища. Должен попросить у правительства разрешения остаться или вернуться к себе домой. Только я думаю, меня не смогут оправить назад. — Он по-волчьи оскалился, демонстрируя недожеванный картофель. — Ты говоришь, что здесь нет силы — только в выдуманных преданиях. Это не так. Ты перенести меня сюда. У тебя большая сила. В любом мире она есть. Как электричество, как гравитация. Часть жизни.

— Только не здесь, — убежденно заявил Натан. — Я понятия не имею, как перенес вас сюда. Хотя я и вижу сны о вашем мире, не могу контролировать то, что в них происходит, или управлять собственными поступками. — Мальчику вспомнился последний сон, когда его заметили — или почти заметили, и поехался. — И меня это пугает.

Эрик кивнул со знанием дела.

— Да, обладание силой пугает. Хорошо, что ты это знаешь. Со временем ты научишься ее контролировать.

— В этом мире меня некому научить, — сказал Натан. И неловко добавил: — Вы очень рассержены, что попали

сюда? По телефону вы сказали, что находите наше общество отсталым. Я знаю, вам оно должно казаться каким-то первобытным: я видел достаточно в вашем мире, чтобы понять, что вы правы. Хотели бы вы — если бы я только мог перенести вас — вернуться к себе домой?

— Разумеется, нет. Возвращение домой означает для меня смерть. Здесь много хорошего. Мне нравится спать под открытым небом, смотреть на детей. Мой мир теперь далеко, как будто он был давным-давно. Как старое воспоминание — не острое, не причиняющее сильную боль. Здесь есть много чему учиться, чем заполнять разум. Я очень скоро привыкну. — Последовала пауза: гость уплетал салат и картошку; потом заговорил снова: — Хорошая еда. В моем мире теперь нет настоящей пищи. А мне нравится настоящая пища.

— По-моему, мама предлагала, чтобы я познакомил вас с дядей Барти. Он мудрее всех, кого я знаю. Мы должны рассказать ему о вас всю правду.

«Никто, встречавший Эрика, — подумал Натан, — не усомнится в правдивости его происхождения». Натан гадал, к какому выводу об изгнаннике в итоге пришла Джиллиан Сквайерс.

— К тому же он еще и готовит лучше всех на свете, — добавил мальчик.

— Я всегда рассказываю правду, — заметил Эрик, — только люди почему-то думают, что я прибыл из другой страны, а не из иного мира. Здесь у вас есть место под названием Маали?

— Да, в Африке, — подтвердил Натан. — Я и не подумал о нем. Мали. Звучит почти одинаково. Как Эррек и Эрик. Наверно, во всех мирах имена и названия похожи. — Натан поймал себя на мысли о Париже, Нарнии, Тимбукту или

Татуин. Звучало довольно убедительно. А как насчет Манчестера или Уэртинг? К примеру, Уэртинг, Набу.

— А твой дядя *Барти*, он хороший друг?

— Вообще-то он мне не дядя, — ответил мальчик. Возможно, Эрик не знал, что означает слово «дядя», однако Натану ужасно не хотелось объяснять его значение теперь, тем более что к делу это не имело отношения. — Но он *превосходный* друг и действительно хороший повар. Он готовит столько настоящей еды, что вам с ней не справиться.

— Когда мы к нему идем?

Они поели, и Натан расплатился из довольствия, которое стал получать по случаю достижения тринадцатилетия. «Детям дают карманные деньги, — пояснила Анни. — А у подростков — довольствие». Они вышли из кафе и направились прочь из деревни, в Торнхилл. Люди недоуменно глядели на странную парочку: смуглого серьезного мальчика и громадного роста мужчину с неухоженной шевелюрой и красными глазами. Многие из тех, кто и прежде считал мальчика необычным («Слишком вежливый, слишком тихий, никогда не дразнит младших и не грубит старшим!»), теперь находили своим словам лишнее подтверждение, видя удивительного товарища Натана. Джейсон Викс, который стоял с одним из своих дружков, прислонившись к углу дома (он прислонялся ко всему подряд так часто, что делал это уже мастерски), выкрикнул какое-то оскорбление — не достигшее, впрочем, слуха предполагаемого адресата, — и снова вернулся к своему малокультурному общению с приятелем.

— Тебе не нравится тот парень? — догадался дружок. — Надо с ним разобраться.

— Так я и сделаю.

— А что с ним за чудо в перьях?

— Это Натан чудо в перьях. — Джейсон приукрасил фразу парой непристойных эпитетов. — А другой — так просто какой-то бомж. — С удивительной прозорливостью Викс вдруг добавил: — Наверно, очередной незаконный иммигрант. Отец говорит, они все просачиваются сюда тайком, сосут государственные деньги, отбирают наши работы...

— Да ведь твой отец сам много лет живет на пособие по безработице.

— Вот и я о том же — лишнее доказательство!

Оказавшись за пределами деревни, Натан попытался очистить задворки своего разума от лишних вопросов: их было слишком много для одного дня, одной беседы, а он не хотел вызывать у Эрика ощущение, что на него давят. К тому же мальчик сам не знал, с чего следует начать и когда остановиться. Он снова и снова возвращался к вопросу заражения.

— Вы хотите сказать, что заражение отравило всю вашу галактику?

— Множество галактик. Слишком много, чтобы сосчитать. Я же говорил, что отравлена целая вселенная. — Кажется, глаза Эрика потемнели. — Моя планета в последней галактике. Может быть, пока еще существуют несколько других планет, только они больше не пригодны для жизни. Нет воздуха. Моя планета — Эос — хорошее место; потом воздух стать тонким, прийти солнечная смерть. Теперь заражение. Последние люди бегут на Эос, больше некуда. Правительство переехало в Йинд.

— Йинд — название города?

— Континента. Город называется Аркатрон. Там живет Грандир.

— Пожалуйста, расскажите мне о Грандире, — попросил Натан.

— Император. Президент. Здесь нет такого слова. Как премьер-министр, только более значительный. Правитель всего мира. — Эрик с явным трудом подбирал слова, чтобы точно выразить свою мысль, однако поступь его от этого не замедлилась. — Однажды Грандир править галактиками — тысячами тысяч галактик. — «Похоже, он не знает чисел другого порядка», — решил Натан. — Теперь осталась лишь одна планета, даже, быть может, только один континент.

— Грандир — это титул, как император, или имя?

— Титул. Как премьер-министр или... королева. Никто не называет его по имени, разве что в семье... больше никто.

— И как давно правит нынешний Грандир?

Эрик пожал плечами.

— Он начал править еще до заражения. Задолго. За пять, десять тысяч лет... В нем великая сила. Она дает долгую жизнь. Это хорошо для правителя — он познать много мудрости, много разных вещей. Говорят, у него есть план, как нас спасти, давний-давний план, только он еще не готов. Надеюсь, что он будет готов скоро, иначе некого станет спасать.

— Если бы только я мог помочь, — сказал Натан, — но я боюсь, что не смогу перенести сюда всех.

— Это было бы неправильно, — задумчиво проговорил Эрик. — Нас слишком много для маленькой планеты. И здесь все отсталое. Мои люди возьмут верх. Плохо для вас.

— В вашем мире все так же умны, как вы? — полюбопытствовал Натан. — Поразительно, как быстро вы выучили наш язык.

— Нет. Я глуп. Я очень-очень медленно учусь и плохо говорю. Английский простой, в нем не очень много слов. Мой язык гораздо труднее.

— Во сне я понимаю его, — сказал Натан. — Не произнесете ли вы что-нибудь? Интересно, смогу ли я вас понять?

Эрик любезно выполнил просьбу мальчика; он шел, беседуя на своем языке и разглядывая окружающие леса. Оказалось, что Натан понимает его речь, хотя с большим трудом, нежели во сне: как будто атмосфера этого мира затуманивала разум; а когда мальчик попытался ответить, язык начал заплетаться на простейших фразах.

— У тебя акцент Йинда, — отметил Эрик, — городское произношение. Думаю, ты часто во сне бываешь именно там.

— Да.

По мере того как они приближались к Торнхиллу, леса по обе стороны дороги сгущались. День стоял солнечный, лишь несколько кучевых облаков проплывали по небу, отбрасывая на землю быстро скользящие тени. Как всегда, повсюду было движение: танец света и тени, листвы и ветра. Натан искал глазами Лесовичка, зная, что тот где-то поблизости, но так и не увидел друга. Внезапно движения стало слишком много: над дорогой что-то замерцало, тропинка резко вильнула, уводя путешественников под сень деревьев; вроде бы никем не потревоженная, зашевелилась вдруг прелая листва. Эрик оцепенело смотрел в некую точку пространства; глаза его расширились так, что вокруг лиловых радужных оболочек не стало видно белков. Коснувшись руки чужеземца, Натан ощутил, как под одеждой напряглись мышцы — напряглись от ужаса, осознал мальчик.

— Идем назад, — скомандовал Эрик. — Сейчас же. *Сейчас!*

«Точно как на месте старого дома, — вспомнил Натан. — Ветер гонится за нами, стелется прямо над землей, — ветер, в котором слышатся шаги...»

— Что это?

— Гномон. — Изгнанник резко развернулся, и теперь они быстро шли по пустой дороге назад. Трава вдоль обочины дрожала и гнулась; стряхивая семена, качнулась головка одуванчика.

— Может быть, лучше побежим? — прошептал Натан.

— Нет. Они быстрее. Мы идем — они идут. Я надеюсь. — Темно-желтый цвет его лица постепенно стал серым.

— А кто такой гномон? Он из твоего мира?

— Не он, а они. Их всегда много. Иногда имеют форму, но не твердую. Бесплотны. Перемещаются между мирами. Их еще называют озмоси: по древней легенде они являются слугами Оз, короля подземного мира. Предание неправдиво, запретно, однако может содержать долю истины. Кто-то управляет ими, прислать их сюда. Прислать за мной.

— Откуда кому бы то ни было знать, что вы здесь?

Теперь они шагали все быстрее и быстрее. Шелестящее движение не отставало.

— Может быть, всадники видят, что я не утонул. Видеть тебя. Сказать Грандиру. *Кому-то* еще.

— Но ведь... я их видел и раньше, еще до вашего появления.

Мимо со свистом пролетела машина. Трава на обочинах замерла; Эрик внезапно стал как вкопанный.

— Тогда, быть может, они прийти за тобой? — Он схватил Натана за руку и пошел еще быстрее, так что мальчику пришлось бежать, чтобы не отстать.

— А что будет... если они нас поймут? — задыхаясь, выговорил Натан.

Эрик не ответил.

Наконец они выбрались из леса и очутились среди широких полей и просторных пятен света, и лишь легкий ветерок шевелил траву за их спинами.

Эрик отпустил руку Натана; он явно находился в замешательстве.

— Я боюсь за тебя. Взрослый должен защищать ребенка, так? Я не помню, но так поступаю. *Имрис*. Старше, чем память.

— Инстинкт, — подсказал Натан, осознавая, что знает это слово на чужом языке.

— Многое здесь мне непонятно. Случайность, что ты спас меня, а вот твоя сила — не случайность. Как озмози, ты во сне проникаешь в другие миры; но иногда ты там имеешь плоть, ты настоящий; гномон — никогда. И все же гномоны из моего мира преследуют тебя... — С минуту Эрик размышлял — столь напряженно, что лоб расчертили морщины, в глазах пульсировал красный цвет; Натан буквально видел вспышки сознания у него в голове. — Я остаюсь, — наконец объявил он. — Ты спасаешь меня, я — тебя. Равновесие. Я наблюдаю и учусь. В моем мире есть растение, чтобы отпугивать гномонов, — *сильферим*. Пахнет очень сильно и неприятно. Гномоны не имеют плоти, состоят из одних только ощущений: обоняние, слух, зрение. Не переносят слишком сильных запахов и шума, яркого-яркого света. Может быть, я найду такое растение здесь. Я буду искать.

— Что случится, — повторил свой вопрос Натан, — если гномоны кого-то поймают?

— Они проникают внутрь, пожирают сознание, сводят с ума... — Эрик положил на лоб Натану большую ладонь. — С тобой такого не произойдет. Я помогу. — Он развернулся и быстро зашагал в глубь полей.

Натан не последовал за Эриком, а не спеша направился назад, в деревню, пытаясь по дороге переварить то, что рассказал ему новый друг, изо всех сил сопротивляясь зарождающемуся страху. «Откуда бы они ни были, гномоны охотятся

не за мной», — убеждал себя мальчик. Они присутствовали при явлении Грааля, обитали в лесах вокруг Торнхилла и заброшенного дома Торнов. Лесовичок тоже видел гномов, даже когда Натана не было поблизости. Что-то притягивало их сюда — нечто связанное с традициями и преданиями, которых до конца не понимали даже сами Торны. И неожиданно Натана озарило: ответ кроется именно в преданиях; но ведь они отрывочны, полузабыты за многие столетия — сохранились лишь немногие письменные фрагменты. Да и что может связывать Грааль Лютого Торна с правителем вымирающего мира, загнанного на последнюю обитаемую планету и вынашивающего некий тайный план, которому, быть может, никогда не суждено сбыться?

Натан понял, что нужно поговорить с Хейзл. Возможно, если он выскажет увиденное словами, что-то впрямь прояснится.

А возможно, нет.

Анни и Майкл просматривали книги.

— Похоже, эта коробка из Торнхилла, — сказала Анни. — Там столько всяких книг! Барти открыл лавку, чтобы навести в Торнхилле хоть какой-то порядок. Вот эту книгу я нашла на днях в одном из комодов. Вполне вероятно, что она лежала там еще до моего появления. Должно быть, я что-то положила на нее сверху и забыла. Тут слишком много книг — и слишком много шкафов, закутков и щелей, куда могут задеваться всевозможные вещи.

— И это при том, что домик такой маленький, — отметил Майкл.

— Внутри он больше, — мрачно заверила его Анни.

— Полагаю, сам Бартелми — коллекционер?

— Не знаю. Не то чтобы он тратил все свое время на посещение распродаж или аукционов, как Ровена Торн. Иногда я заказываю для него какую-нибудь специализированную литературу — по его просьбе или самостоятельно, если решу, что та или иная книга его заинтересует. Я бы сказала, что... Бартелми скорее коллекционирует *случайно*. Он просто идет по жизни, подбирая по дороге всякий хлам.

— Как в общем-то большинство из нас, — улыбнулся Майкл. — Кажется, ему удалось насобирать не так уж мало. Сколько ему лет?

Анни улыбнулась.

— Мне было неудобно спрашивать.

Они нашли книгу по социальному анамнезу эпохи Георга, которая заинтересовала Майкла, и пару романов миссис Генри Вуд — от них он просто не мог отказаться. Гость настоял на том, чтобы возместить стоимость — впрочем, ни одна из книг не представляла особой ценности, — и удалился, предварительно взяв с Анни обещание, что она позвонит ему, если ей понадобится дружеское участие или «жилетка». И впервые поцеловал ее на прощание — чмокнув в щеку; то был не вполне обычный, дежурный поцелуй — он смутил, слегка взволновал Анни и доставил странное, неясное наслаждение, хотя сама она была еще не готова осознать причину. Среди сельских жителей Иде было не принято обмениваться поцелуями; и когда городские новоселы обнимались, сентиментальничали и тискали друг друга, следуя модной нынче тенденции, Анни предпочитала избегать подобных контактов, считая их неискренними. Но Майкл, решила она, хотя и мог посылать воздушные поцелуи и миловаться с некоторыми избранными, вел себя совершенно искренне — во всяком случае, с ней. После его ухода Анни сидела несколько минут,

ни о чем не думая, погруженная в дымку приятных ощущений. К реальности ее вернула внезапно всплывшая мысль: если Рианна Сарду на самом деле — воплощение злобного водяного духа, то вряд ли стоит с ней церемониться. Конечно, где-то есть еще и настоящая Рианна — может быть, в коме, мертва, заключена в тюрьму или уехала в Грузию...

Анни попыталась выкинуть из головы бесполезные размышления и взглянула на книжку, которую держала в руках, — это оказалась старинная кулинарная книга. Следует вернуть ее Бартелми: ему наверняка не хотелось бы такую потерять. Анни принялась листать книгу, задерживая взгляд на подробных рецептах, напечатанных посредством гравировальной доски и проиллюстрированных контурными черно-белыми рисунками; в них упоминались всяческие марципаны, пупетоны и торт «Наполеон». Здесь даже было несколько цветных оттисков, защищенных промокательной бумагой: прямо-таки живописные натюрморты особенно изысканных блюд. Когда Анни стала перелистывать одну из таких страниц, из нее выпорхнул клочок бумаги и, кружась, скользнул на пол. Женщина нагнулась, чтобы поднять листок, решив было, что он из книги, — и тут же поняла свою ошибку. Бумага оказалась рукописной, а не напечатанной, и содержимое ее не имело никакого отношения к кулинарии. На миг Анни уставилась на листок во все глаза, потом захлопнула книгу и вскочила на ноги. Быстро отыскав в телефонной книге нужное имя, она набрала номер:

— Ровена? Это вы? Говорит Анни Вард. Кажется, я нашла ваш запрет.

Ровена Торн примчалась через час, притащив за собой, словно пуделя на поводке, адвоката.

— Все правильно, это он, — подтвердил юрист, изучив документ. — Правда, уже не оригинал — тот наверняка ис-

тлел, если был составлен так давно, как вы утверждаете. Перед нами обновленный вариант, составленный в девятнадцатом веке; тем не менее он имеет ту же юридическую силу. Теперь у нас и впрямь есть шанс доказать, что продажа чаши незаконна.

— Это я нашла бумагу, — сказала Анни. — По-моему, это несправедливо. Дети так тщательно искали, а я наткнулась на нее совершенно случайно.

— Тебе причитается награда, — сообщила Ровена. — Пятьсот фунтов. Сожалею, но больше предложить не могу, поскольку намерена оставить чашу у себя, не для продажи, а значит, не выручу за нее денег. Мне хотелось бы сделать что-нибудь и для вашего мальчика с друзьями. Шоколад? Или можем все вместе отправиться на роскошный ужин?

— Было бы супер! — обрадовалась Анни. — Только не надо денег.

— Глупости! Всем нужны деньги, если только человек не дурак и не сумасшедший. А ты удивительно умная девушка. Бери — и дело с концом. Не сомневаюсь, что ты потратишь все на сына — матери всегда так делают. Он хороший парнишка и не так уж избалован. Не отказывай мне — я должна тебе больше, чем просто деньги. Я законная владелица чаши и осознала это, едва увидев ее. Я бы отдала душу, чтобы вернуть ее.

— Не надо так говорить, — ощутив внезапный озноб, предостерегла Ровену Анни. — Я знаю, что ваши слова не всерьез, и все же...

— Очень даже всерьез, — возразила Ровена.

Вечером Натан пригласил на ужин Хейзл и Джорджа. Все трое наперебой расспрашивали Анни о находке, а потом рассуждали, что произойдет теперь и удастся ли Ровене в самом деле вернуть Грааль.

— Решение в руках суда, — с умным видом заявил Джордж. Недавно, посмотрев судебную драму по телевизору, он решил, что всю жизнь мечтал стать адвокатом, и теперь изо всех сил стремился овладеть соответствующими речевыми оборотами.

— Если в запрете говорится, что чашу нельзя продавать, то им придется вернуть ее миссис Торн, верно? — спросила Хейзл.

— Не думаю, что в бумаге имеется столь однозначное указание, — отозвалась Анни, — в юриспруденции так всегда. Даже если суд решит, что сам акт продажи незаконен, может встать вопрос доказательства принадлежности самой Ровены к роду Торнов.

— Она точно из Торнов, — сказал Джордж, позабыв свои судейские манеры. — Все это знают. А других Торнов не осталось.

— Не уверена, — нахмурившись, проговорила Хейзл. — Наверняка есть какие-нибудь дальние кузены и кузины и прочая вода на киселе, как в любом семействе. Я тоже в некотором роде Торн. Моя прабабка из Карлоу, а они — потомки Торнов. Наверно, по всей округе расплодилось сотни Торнов.

— Может, и ты заявишь свое право на чашу? — поддел подругу Джордж.

— Ты что-то совсем притих, — сказала Анни, обращаясь к Натану: тот почти не принимал участия в общей беседе. — Как пообщался со своим чужеземным другом?

Хотя Натан и обрадовался находке, голова у него была забита совсем другим.

— Эрик, — рассеянно произнес он. — Его зовут Эрик.

— Ты водил его познакомиться с дядей Барти?

— Нет. Пока еще нет. Обязательно свожу. Ему нужно много и хорошо питаться. Эрик потрясающий человек. Он так быстро выучил английский, а еще у него лиловые, темно-лиловые глаза, как фиалки, и ему... ему нравятся «Звездные войны».

— Похоже, он классный, — заметила Хейзл. Из-под бахромы волос смотрели сузившиеся в щелки глаза. Им с Натаном пока так и не удалось пообщаться наедине.

— Он самый классный, кого мне доводилось встречать, — подтвердил Натан.

Позже, когда Хейзл и Джордж разошлись по домам, Анни попыталась вытянуть из Натана что-нибудь об Эрике — без особого успеха.

— Он рассказал тебе, откуда взялся?

— Да, мы беседовали об этом, — произнес Натан, тщательно выбирая слова. Увидев на лице Анни выжидательное выражение, мальчик добавил: — Мали. Так он сказал.

— Та Мали, что в Африке?

— Наверно. Если нет другой Мали где-нибудь еще. Он... не очень ясно выразился.

— А мне показалось, ты сказал, что он очень хорошо говорит по-английски, — несколько резковато заметила Анни. — Как бы то ни было, ни разу не слышала, что у людей в Мали глаза лилового цвета.

Эту реплику Натан и вовсе оставил без ответа.

Мальчик точно знал, что ночью ему приснится другой мир: после встречи с Эриком он казался еще ближе и реальнее; Натан почти верил в то, что, если приложит определенные усилия, сможет попасть туда наяву — в грезах, а не во сне. Его манила и пугала эта мысль — он словно отдалялся от собственного мира; так что в итоге мальчик решил не пробо-

вать. Ночью он погрузился в сон — краткий и неглубокий, а проснувшись, снова очутился в городе — Аркатроне. Теперь он знал название города: Аркатрон, город Йинда. И сразу же Натан ощутил, что сделался еще более реальным и видимым, нежели прежде, и постарался мысленно вернуть себя в состояние бестелесного присутствия — тщетно. Он опять оказался в галерее с изогнутыми колоннами: в искусственном свете он чувствовал себя особенно уязвимым. Оглядев себя, мальчик понял, что на нем пижама; впредь придется ложиться спать в нормальной одежде, решил он. Натан чувствовал себя очень неловко, разгуливая по чужой вселенной в таком виде. Конечно, существовали прецеденты: дети в «Питере Пене», Артур Дент в «Автостопе»; вот только в мире, где запрещена художественная литература, их все равно никто не знал.

Он двигался по галерее, перебегая от колонны к колонне, готовый спрятаться любой момент. В дальнем конце дверь в комнату распахнулась, и появился Грандир — как всегда, в белой маске, в сопровождении человека в лиловой сутане, которого Натан однажды видел на голограмме. Чуть позади шла женщина, Халме; на ней тоже была маска — изящный отпечаток ее собственного лица из какого-то темного, поблескивающего на свету материала. На сей раз она облачилась в одежды бледно-сиреневого цвета, край мантильи, обернутый вокруг шеи, защищал горло. И все же мальчик без труда узнал Халме: должно быть, маска подгонялась по чертам ее лица, а осанка и грациозность движений выделяли ее из всех прочих. Мужчины не взглянули в сторону Натана, однако женщина, миновав колонну, за которой он укрылся, на миг задержалась и оглянулась.

Натан следовал за ними, сколько мог; его раздражало, что теперь приходится все время прятаться. Им встретились

всего несколько человек: увидев Грандира, все они замирали на месте, предположительно из чувства почтения, пока он не прошествует мимо. Тогда Натан, улучив момент, перебежал к следующему укрытию — или его подобию, прячась то за углом, то в дверном проеме. Они миновали множество коридоров, извивающихся и пересекающихся, словно ходы лабиринта, и поднимались по лестницам, которые начинали вращаться по спирали, если нажать на кнопку: так с эскалатора можно было сойти в любом удобном месте. Халме больше не оборачивалась, а Натан продолжал гадать, чувствует ли она его присутствие. Она все время держалась позади мужчин — мальчик был уверен, что не из раболепия, а лишь потому, что их тихий, вполголоса, обмен репликами ее вовсе не интересовал.

Через раздвижную дверь они вошли в цилиндрическую кабину — лифт. Натан не посмел последовать за ними, потому что сделался слишком заметен. Его могли увидеть. Теперь Натану лишь оставалось, сгорая от нетерпения, ждать возвращения лифта. Рядом не оказалось ни освещенной панели, на которой было бы видно движение кабины, ни кнопки. Но вот дверь снова открылась. Лифт был темен и пуст. Натан ступил в кабину.

Дверь закрылась, и лифт сразу начал опускаться, хотя мальчик ни к чему не прикасался. Движение было плавным и очень быстрым: даже во сне желудок едва успевал за телом. Натан вспомнил, что уже ездил в лифте во время предыдущих посещений; вероятно, тогда он был чересчур бесплотным, чтобы почувствовать невесомость. Чем реальнее он становился, тем живее реагировал на окружающую действительность. Огромный страх нарастал внутри: страх перед возможностью однажды полностью обрести телесную форму — и никогда не проснуться. Он силился подавить зарождающе-

еся чувство: и без того пока хватало опасений. Натан был почти уверен, что, когда дверь лифта на самом дне шахты откроется, снаружи его уже будут ждать. Однако коридор оказался пуст, а наличие одной двери в самом его конце указывало единственное направление, в котором могли удаляться интересующие его люди. На двери была табличка на языке Эоса. В сознании сам собою возник перевод: *Конфиденциально — посторонним вход воспрещен*. Здесь не доставало света, и Натану почудилось, будто он попал в подземелье, в эдакие катакомбы под городом. В темноте он чувствовал себя увереннее: во всяком случае, здесь был шанс остаться незамеченным. Натан слегка толкнул дверь, и та мгновенно подалась.

Он оказался в длинной комнате: приблизительно так мальчик представлял себе по кинофильмам лабораторию, где проводят эксперименты на животных. По правую руку вдоль стены выстроились ящики и клетки, большей частью пустые; слева в ряд тянулись экраны и напоминающие устройства. Остальное пространство заполняли лабораторные столы, заставленные причудливым научным оборудованием: тут были и необычной формы реторты, соединенные со спиралевидными стеклянными трубочками, и опечатанные металлические контейнеры, и штуковины, похожие на продвинутые микроскопы, или телескопы, или еще какие-то -скопы. Для лаборатории помещение было слабо освещено, так что Грандир и его спутники определенно не заметили, как отворилась дверь. Натан стал осторожно двигаться по направлению к троице, по пути заглядывая в клетки. Большинство из них и впрямь пустовали; правда, в одной гудели членистоногие насекомые, чьи тельца испускали слабый фосфоресцирующий свет; в другой зло скалила Натану зубы громадная черная крыса. Самой удивительной оказалась обитательница третьей

клетки — кошка: то она лежала, словно мертвая, то, внезапно оживая, начинала в исступлении царапать стены своей тюрьмы. Грандир, Халме и Лиловая Сутана стояли перед самой большой клеткой в дальнем конце комнаты. Натан нырнул под ближайший стол и подполз как можно ближе.

— А я думал, их уже вовсе не осталось, — проговорил Лиловая Сутана. — Их же уничтожили тысячу лет назад.

— Не всех, — возразил Грандир. — Я спас немногих — всего нескольких — и развел снова.

— Но... надежно ли они заключены?

— Безусловно. Не стоит опасаться. Стекло усилено нитями из железа, не видимыми невооруженным глазом. Они не переносят его.

— Железо? — с сомнением переспросил Лиловая Сутана. — Не знал.

— Раньше это было известно всем — тогда существовала насущная необходимость, — отозвался Грандир. — Железо создает магнитное поле, которое для них смертельно. В гиперчувствительности есть свои недостатки. Они могут становиться совершенно невидимыми и проникать сквозь твердые тела, зато реагируют на воздействие некоторых факторов, которых мы даже не замечаем.

— Да, теперь я припоминаю. Запах определенного растения, конкретный уровень шума...

Опустившись на четвереньки, Натан подполз как можно ближе к клетке и заглянул внутрь. Он уже понял, кто ее обитатели; однако в этом мире они выглядели иначе: почти облаченные в плоть, они как бы размывались в очертаниях, временно становясь текучими, когда двигались. Существа походили на бесшерстных обезьян — во всяком случае, с первого взгляда; а еще с рук у них свисало некое подобие перепончатой ткани, образующей крылья — возможно, не вполне пригодные для

полетов, но позволяющие перепархивать над поверхностью на небольшие расстояния. Глаза их были огромны, слишком велики даже для ночных приматов, — молочно-белые сферы с узкими зрачками, сужающимися или расширяющимися при малейшей перемене освещения. Мордочки напоминали маленькие сжатые треугольнички — совсем безлобые, с крошечными ртами, зато с раздутыми ноздрями приплюснутых носов и торчащими ушами, находящимися в непрерывном движении. Кожа у них была темная, неопределенного, почти черного цвета, без блеска и какой-либо видимой текстуры: матовая, как тень. В клетке находилось три-четыре десятка существ. Одни, не шевелясь, громоздились на напоминающих ветки насестах, другие карабкались на своих сородичей, раскачиваясь, как цикады, — и казалось, что тела их растворяются и смешиваются в едином порыве движения. Натан почувствовал, что, чем дольше смотрит на них, тем больше они завораживают и одновременно пугают его.

— Клетка звуконепроницаема, — объяснил Грандир, — для их же блага; как видите, яркого света здесь тоже нет. Им не нравится даже обычный дневной свет, хотя солнечная смерть как таковая им не страшна.

— Их объявили вне закона, — заметил Лиловая Сутана. — Ты сам издал закон.

— Естественно. Они очень опасны. Окажись они не в тех руках, могут причинить огромный вред. Вообще-то я не применяю их... здесь.

— Значит, слухи правдивы? Они способны перемещаться между измерениями?

— Они способны перемещаться не только между измерениями — это проще простого, — но и между вселенными. Все, что им нужно, — отверстие, просвет в барьере и базисная точка. Эти данные можно рассчитать. Конечно, не все

обладают одинаковыми способностями, их генотипы непредсказуемы. Тех, что для меня бесполезны, я уничтожил.

Лиловая Сутана с минуту молчал, явно обдумывая возможное применение существ.

— А как ты ими управляешь? — наконец спросил он. — Они поддаются дрессировке?

— Они восприимчивы к сильным мозговым импульсам, — объяснил Грандир. — Существуют определенные заклинания и ритуалы, часто запрещенные, которые усиливают телепатические возможности мозга и позволяют практору установить контроль над более слабым разумом. У этих созданий едва ли вообще есть мозги — ровно столько, сколько необходимо для моих целей. Однажды покорившись, они станут повиноваться каждой моей мысли, независимо от расстояния и местоположения. Я даже могу погрузиться в транс и видеть — или чувствовать — с помощью их ощущений. Они мои глаза и уши в другом мире.

Тут Халме впервые нарушила молчание. Она долго стояла, глядя на обитателей клетки, по-видимому, почти не прислушиваясь к разговору.

— Они отвратительны, — произнесла она.

— Они полезны, — возразил Грандир, как бы поправляя Халме. — Я нахожу даже, что испытываю к ним некую приязнь, подобную той, что в давние времена питали люди к своим домашним питомцам. Они таковы, какими сотворила их природа потустороннего. И если нам удастся избежать уготованной нашему миру участи, то, поверь мне, отчасти — впрочем, лишь отчасти, — благодаря им. Не стоит ненавидеть их лишь за то, что они не прекрасны внешне.

Халме ничего не сказала; сняла маску и нагнулась перед клеткой, прижав к стеклу открытое лицо. И смотрела долго, не отрываясь.

— Не смей! — резко одернул женщину Грандир; но, потянувшись к ней, он не посмел отстранить ее от клетки. — Эти еще полудикие. Твое лицо может произвести на них слишком сильное впечатление. Они привяжутся к тебе — навсегда будут носить в себе отпечаток твоего образа. Это может быть очень опасно. Я всегда чрезвычайно осторожен и приучаю их либо к неодушевленному предмету, либо к определенному месту.

«Чаша, — подумал Натан. — Грааль Лютого Торна». Сам не зная почему, Натан сразу почувствовал, что его догадка верна.

Медленно, почти неохотно Халме отошла от клетки и снова надела маску. Лиловая Сутана дернулся; по-видимому, все это время он смотрел на ее открытое лицо — настолько пристально и потрясенно, что даже Натан почувствовал его взгляд. Лицо без маски, думал мальчик, и впрямь должно шокировать в этом мире масок и плащей. И, наверное, даже здесь Халме отличалась редкостной красотой, о которой все говорили и никто не видел, словно о сокровище, спрятанном в надежном тайнике. В памяти Натана всплывали лица красивцев его мира — вечно мелькающие по телевизору, в газетах, журналах; они казались ему неестественными — продуктом пластической хирургии, киноиндустрии, косметики и кропотливой работы стилистов. Вот истинная загадка, мифическая, сказочная красота, лик Елены Прекрасной. Натану вспомнились строки: *То лик, что в путь отправил корабли / И башни сжег безверхие Эллады?*^{*} Он никогда не мог понять, как башни могут быть безверхими, но в этих словах жила магия, и он с легкостью отнес их на счет Халме. Ради нее

^{*} К. Марло. Трагическая история доктора Фауста. Акт V, сцена I. — Примеч. пер.

Грандир впрямь был способен найти путь, чтобы разрушить барьеры между мирами и создать другой Эдем — рай, недосыгаемый для заражения.

Пока Натан любовался Халме, свет в лаборатории померк, и мальчик почувствовал, как исчезает, истончается, растворяясь во сне. Все это происходило удивительно медленно, как будто он не желал покидать тот мир. Проснувшись в своей комнате, Натан не на шутку обеспокоился: он понимал, что, подобно гномам, начинает ощущать привязанность — не к отдельному месту или предмету, но к миру и состоянию бытия, которые никогда не были для него родными. Вопреки всем проблемам эта иная вселенная взволновала и захватила его, и с каждым сном, каждой материализацией мальчику становилось все труднее и труднее отречься от нее.

— Нам нужно железо, — заявил Натан, когда они встретились на следующий день с Хейзл. Никто им не мешал: Джордж уехал куда-то с родителями. — Я подумывал о кочере у камина, но, по-моему, она бронзовая, а столовые приборы у нас дома сплошь из нержавеющей стали: не знаю, много ли в ней железа.

— А зачем нам именно железо? — удивилась Хейзл.

Натан пересказал ей то, что узнал во сне о гномах.

— Как в стародавние времена, — неожиданно произнесла Хейзл. — Прабабушка рассказывала мне, что люди носили при себе железные предметы, чтобы отпугивать недобрых духов — злых фейри и прочих им подобных. Дядя Дики — он строитель — рассказывал, как однажды, перестраивая старое здание, он нашел под дверью целый склад всяких железяк.

— Каких железяк? — спросил Натан. — Лично я не могу найти ни одной железной вещи.

— Не знаю. Ну, инструменты, еще что-то. Прабабушка сказала, что люди пользовались конскими подковами. У нее до сих пор сохранилось две: она даже прихватила их с собой сюда. Одна висит на двери в ее комнату, а другая — над входом на чердак, куда она... иногда удаляется. Ей иногда нравится там уединяться.

Воцарилось недолгое, многозначительное молчание.

— Можешь раздобыть их? — наконец попросил Натан. — Я имею в виду, только на время. Не украсть. Потом мы вернули бы их на место.

— Я могу попробовать. А тебе и впрямь все еще надо вернуться туда? Ведь твоя мама уже нашла запрет.

— Меня отпугнули, — объяснил Натан. — Уже поэтому нужно вернуться. Пойдем-ка проверим, дома ли твоя прабабушка.

Вообще-то Эффи вернулась в свой домик, якобы для того, чтобы захватить какие-то пожитки, так что позаимствовать подковы оказалось парой пустяков. Должно быть, когда-то они висели над входной дверью: железо порядком пострадало от непогоды и долгого использования — острые углы сточились, в едва узнаваемых изогнутых формах виднелись дырки от гвоздей, которыми когда-то крепились подковы. Наверняка они хранились у Эффи с незапамятных времен. Натан и Хейзел взяли по подкове и попытались спрятать их в карманах; на поверку вышло, что карманы вовсе не так велики. Тогда Натан нашел выход из положения: они раздобыли отрезки веревки и, продев их сквозь отверстия для гвоздей, повесили подковы на шею. Ноша оказалась неудобной и громоздкой, но это все же оказалось лучше, чем тащить ее в руках. Так друзья отправились в Торнхилл.

— Я должен убедить Лесовичка еще раз отвести нас туда, — сказал Натан. — Он будет немного тебя стеснять-

ся — ведь теперь даже я его смущаю; так что лучше, пожалуй, сначала мне поговорить с ним один на один. Думаю, стоит прихватить Гувера. Дополнительная защита не помешает.

— Да он же самый мягкотелый пес на земле, — заявила Хейзл. Вообще-то она любила Гувера, но сейчас ей до смерти хотелось попридираться. Оказалось, что в этом приключении Натан опережал Хейзл больше обычного, и как бы близки они ни были, ей не нравилось вечно быть отстающей. — Он похож на Скуби Ду.

— Тогда он отлично справится с магией.

— А вот я не верю в магию, — продолжала упорствовать Хейзл. — Прабабушка просто бубнит что-то себе под нос, чтобы пугать людей. Иные вселенные — дело совсем другое. Это наука. — Немного помолчав, девочка добавила: — Так что приключилось с тем твоим просителем убежища?

— Эриком. Эриком Риндоном. Он совершенно необыкновенный человек.

По дороге Натан рассказал Хейзл все — во всяком случае, все, что смог вспомнить. В Торнхилле они выпросили у Бартелми сандвичи — «для пикника», взяли Гувера и отправились в лес. Оставив пса на попечение Хейзл, Натан отправился на поиски Лесовичка. Уговорить лесного обитателя познакомиться с Хейзл оказалось не так трудно, как ожидал мальчик.

— Я знаю ее, — сообщил Лесовичок. — Она залезает на деревья и сидит там часами — неподвижно, почти так же тихо, как я. Словно зверек. Раньше она часто здесь бывала. Теперь гораздо реже. — И, набравшись храбрости, Лесовичок добавил: — Она мне нравилась.

«Еще бы, — подумал Натан. — Ведь это то же самое, что учиться у меня языку. Заодно он перенял все мои симпатии и антипатии».

А вот собака встревожила Лесовичка гораздо больше.

— Пес? Когда ты был маленьким, он охотился за мной, вынюхивал. Я его боюсь.

— Он тебя не обидит, — пообещал Натан. — Наверно, когда я был малышом, он просто старался от всего меня ограждать. Понимаю, это звучит сомнительно, но на самом деле Гувер очень хороший защитник. Потому-то мы и взяли его с собой. Он будет защищать и тебя тоже.

Потребовались некоторые усилия, чтобы уговорить Лесовичка: идея отправиться на место прежнего дома Торнов повергала его в ужас.

— Только пес не должен меня видеть, — предупредил он; несчастное существо явно не знало, чего ему больше бояться. — Ты меня видишь, и девочка пусть видит — только не он. Он станет за мной гоняться.

— Ладно, ладно, — сдался Натан.

Вернувшись к Хейзл и Гуверу, Натан дал псу подробные инструкции.

— Глупый, он же тебя все равно не поймет, — заявила Хейзл.

Однако, стоило появиться Лесовичку, как пес склонил голову, распластав уши и не отрывая глаз от земли. Лесной обитатель бросил нервный взгляд на собаку, мимолетный — на Хейзл.

Девочка изучала существо с настороженным любопытством, не вполне веря собственным глазам.

— Кто он на самом деле? — шепотом спросила она у Натана, когда они шли сквозь чащу за Лесовичком.

— Не знаю. Думаю, он тоже вполне может оказаться пришельцем из иного мира. Я мог сам перенести его сюда, как Эрика; только тогда я был совсем маленьким.

Хейзл промолчала. Она знала, что Натан не на шутку встревожен собственной способностью путешествовать во сне, и все же немножко ему завидовала. Несмотря на уверения прабабки, она вовсе не ощущала в себе никакой силы. Дружить с Натаном, осознавать свою исключительность было здорово, но иногда ей хотелось большего.

Леса облачились в темную с пятнами солнца зелень лета, звенящую трелями птиц и жужжанием насекомых. Тут и там виднелись дикие цветы: розовый лихнис, сиреневая белладонна, белая яснотка, желтые лютики.

— Желтый означает предупреждение, — неожиданно сообщила Хейзл. — Так мне говорила прабабушка. Для некоторых животных лютики даже ядовиты.

Стоило путешественникам войти в Темный лес, как на несколько минут склон холма заслонил солнце; сразу показалось, что все здесь не такое зеленое, вокруг больше гнили, мертвой листвы, замшелых останков давно упавших деревьев. Как всегда, пение птиц смолкло; на друзей набросилась туча мошкар. Когда они спустились еще ниже и глубже в лес, белая футболка Хейзл внезапно ожила, зашевелившись стаяй крылатых муравьев. Натан попросил Лесовичка подождать и принялся стряхивать насекомых, но те все продолжали кружить вокруг девочки: темная одежда Натана их вовсе не привлекала. Надоедливые преследователи отстали, лишь когда маленький отряд преодолел значительное расстояние. До места добрались незаметно — пока Натан искал вокруг знакомые приметы. Впоследствии он долго гадал: то ли деревья слегка передвинулись, то ли теперь все выглядело иначе оттого, что время дня было не столь позднее, а лето, напротив, стояло в самом разгаре, — ведь лес преображается с каждым месяцем, каждым часом. Нынче солнце светило ярче, и в его

лучах выступы древних стен казались низенькими и почти незаметными. Натан подошел к обвалу, намереваясь прыгнуть вниз.

— В прошлый раз мы слишком задержались, — напомнил ему Лесовичок. — Я ухажу. Если вы останетесь, то столкнетесь с плохими воспоминаниями, злыми духами.

— Мы справимся с ними. Теперь у нас есть железо.

Натан достал из ворота толстовки подкову. Лесовичок подошел поближе и протянул к ней коричневый пальчик, однако тут же отскочил, как будто и на него железо плохо влияло.

— Железо сильное, — заметил он и, мелькнув словно тень, в один миг скрылся среди деревьев.

— А сами мы отыщем дорогу домой? — спросила Хейзл.

— Гувер нас выведет, — сказал Натан. — В любом случае лес не такой уж большой. Достань подкову и держи ее крепче.

Опасливо озираясь, Хейзл последовала совету друга. Натан соскользнул в неглубокий обрыв и начал разгребать волокнистые корни, царапая землю ногтями; слишком поздно ему пришлось в голову, что стоило прихватить совок. Снова, как и в прошлый раз, пальцы коснулись металла. Натан рассудил, что это вполне может быть железо, и тут же задумался: оказалось оно там случайно или специально — чтобы отгонять тех, что шепчутся вокруг. Мальчик расчистил от земли часть вмурованных в камень прутьев; он не сомневался, что виднеющаяся за ними темнота — полость, а не почва.

— Натан! — позвала Хейзл.

Сначала девочка вглядывалась вниз, опустившись на колени; теперь она вскочила и смотрела в противоположном направлении. У Гувера шерсть на загривке встала дыбом, верхняя губа поднялась. Из собачьей глотки донесся низкий, не-

знакомый рык. Мертвенный ветер налетел на друзей, шевеля прошлогодние листья, задевая свисающие ветви и торчащие сучки. Вместе с ним пришло шептание — шипящее и едва слышное, наполняющее головы словами, которых люди не желали понимать.

— Не отпускай Гувера далеко! — взмолился Натан. — Держи подкову перед собой!

Шорох движения смолк, подобравшись к друзьям на расстояние каких-нибудь двух ярдов. Натан надеялся, что железо отпугнет тварей, обратит их в бегство. Но нет: окружив путешественников плотным кольцом, те принялись гневно (мальчик буквально чувствовал этот гнев) ворошить прелую листву, шептать множеством голосов. Он вспомнил, как выглядят крошечные щели их ртов, представил, как они движутся, произнося слова на языке, которого сами гномы не понимали — лишь бездумно повторяли отголоски какого-то давнего впечатления, эхо чужих мыслей.

— Тебе придется сдерживать их, — сказал он Хейзл. — Я должен копать дальше.

— Мне все это не нравится.

— Они не подойдут слишком близко к железу.

— Мне в самом деле это не нравится. — Побледневшая Хейзл вцепилась в холку Гувера что было сил — не столько чтобы сдержать пса, сколько для уверенности.

Натан снова принялся за работу. Казалось, прошло сто лет. Мальчик пришел к выводу, что человеческие руки не приспособлены для копания. Хейзл без конца твердила «поторопись», Гувер не переставал сдавленно рычать, а гномы теснились вокруг и шептали; едва заметной рябью в воздухе, дрожью в листве над друзьями нависала угроза. Справа от зарешеченного окна Натан нащупал некое подобие двери — малюсенькой дверцы под рассыпающейся перемычкой. Дре-

весина почернела и сгнила: Натан легко пробил ее рукой. Как он и ожидал, за дверью оказалась пустота — видимо, это была камера или давным-давно заброшенное подземелье, на века похороненное под слоем земли и камней, а теперь обнаруженное благодаря падению дерева и его, Натана, собственноручным раскопкам. В радостном возбуждении от находки мальчик уже почти не замечал гномов. Привалившись к трухлявой двери, он старался как можно быстрее очистить ее от земли.

— Здесь что-то есть, — крикнул он Хейзл. — Какая-то тюремная камера...

Внезапной волной нахлынул настойчивый шепот, так что целую минуту Натан раздумывал, стоит ли продолжать раскопки; и в тот самый миг послышался другой звук: скрежет, постукивание, царапанье по дереву. Точно так же, как мальчик копал снаружи, чтобы попасть внутрь, некто копал изнутри, стремясь выбраться наружу, — кто-то или *что-то*. Натан отпрянул, и кружащие гномы отшатнулись от куска железа, висящего у него на шее. Он вскарабкался вверх по обвалу — назад, к Хейзл и Гуверу: теперь все внимание собаки сосредоточилось на том, что приближалось к ним из подземелья. Пес дважды коротко, повелительно пролаял. Натану вспомнились рассказы Лесовичка о доносившемся из-под земли грохоте.

— Может, это была не такая уж блестящая идея, — признал он.

Тут земля словно взорвалась; во все стороны полетели комья почвы и деревянные щепки, и из пустоты вырвалась фигура. Друзья увидели ее лишь мельком, однако она со всей определенностью походила на человеческую или почти человеческую: существо футов четырех роста было покрыто густым мехом — или это была часть одежды? Повернув голову,

оно на миг глянуло на детей; Натан успел рассмотреть лицо, столь густо заросшее бородой и бакенбардами, что кожи почти не стало видно. Глаза от дневного света сузились, превратившись в темные щели. Потом существо развернулось и с невероятным проворством исчезло в лесной глуши. Гномы стаей устремились за ним.

— Такого просто не может быть, — наконец выговорила Хейзл. — То есть я хочу сказать, что никто не мог остаться в живых, будучи захороненным заживо. Это просто невероятно.

— Надеюсь, он не пропадет, — заметил Натан, — кем и чем бы он ни был.

— И что нам теперь делать?

— Полагаю, возвращаться домой. — После пережитого волнения навалилась слабость. Ребята наконец приходили в себя: дыхание, прежде частое от нервного напряжения, сделалось ровнее. Гувер, повесив одно ухо, наострил другое в ожидании дальнейших указаний.

— Домой — это здорово, — согласилась Хейзл.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Железо и вода

Друзья отправились к Натану, чтобы выпить чаю и обсудить в Логове события дня. И лишь придя к себе домой, Хейзл спохватилась, что не вернула прабабушкины подковы на место. Ничего страшного, уверяла она себя; прабабушка не заметит. Конечно, можно было еще раз сбегать к Натану и забрать подковы, но ведь у нее столько невыученных уроков! Анни всегда настаивала на том, чтобы Натан делал домаш-

нее задание на понедельник в пятницу вечером или в субботу утром, а Лили Бэгот была хотя и любящей, но менее скрупулезной матерью. В итоге, когда Натан перешел в другую школу, Хейзл некому стало подстегивать, и она частенько откладывала уроки на воскресный вечер.

Девочка сидела за письменным столом спиной к двери, углубившись — или по крайней мере пытаясь углубиться — в сочинение по истории; громко включив плеер (наушники вбивали «Lemonjelly» непосредственно в головной мозг), она не расслышала, как кто-то вошел. Чья-то рука схватила Хейзл сзади за шею; с нее сорвали наушники и резко развернули в кресле. Девочка увидела прямо над собой лицо Эффи Карлоу. Со столь близкого расстояния казалось, что лицо это состоит лишь из крючковатого носа и злых глаз. Внезапный испуг отступил, освобождая место одному страху.

— Воровка, — заявила прабабка. — Где они? Что ты с ними сделала?

— Мы просто позаимствовали их на время, — задыхаясь, оправдывалась Хейзл, поняв, что изобразить удивление не получится. — Честное слово, я собиралась вернуть их на место. Я просто забыла. Прости меня...

— Зачем они вам понадобились?

— Нам было нужно железо, — принялась объяснять Хейзл. Сердце неприятно колотилось — даже сильнее, чем днем, в лесу. — Чтобы... чтобы защищаться.

— От чего?

— От тварей. — Хейзл попыталась придумать более-менее убедительную отговорку, но не преуспела. Почему-то у нее никогда не выходило врать прабабке. — Вроде... вроде духов. Во всяком случае, не совсем духов, а... Натан говорит, они называются гномы. Они из...

— Из другого мира? — Угроза понемногу исчезала с лица Эффи; на губах заиграла полуулыбка. — Так-так-так. Стало быть, юный Натан все же *не был* осторожен, верно? А ведь я его предупреждала. Я должна узнать об этом больше. Тебе придется принести мне еще знаки — от него и его матери. Я израсходовала последний волос Анни.

— Так, значит, это твоих рук дело? Натан сказал, что Анни потеряла сознание, когда была в Лондоне. Ты во всем виновата!

— Я немного ошиблась. Да и вообще — все это ты. Ты принесла мне волос. Умница, девочка.

— Я не хотела, — запротестовала Хейзл едва не умоляющим тоном. — Браслет... он запутался, это произошло случайно; а ты взяла его. Я же не знала, что ты задумала.

— Ну вот, теперь знаешь! — рывкнула Эффи. — Принеси мне еще несколько волос. Можешь снять их с ее расчески, когда снова пойдешь в гости. И что-нибудь от мальчишки. И никаких отговорок! Это важно. Попроси его отрезать прядь волос. Мне нужна надежная связь.

— С чего я стану его просить о таких вещах? — взбунтовалась Хейзл. — Глупость какая!

— Скажи, что будешь носить его прядь на сердце, — издевательски проговорила Эффи.

— Ни за что. Мы же *друзья*. Он подумает...

— Да плевать мне, что он подумает. Сделай, что я сказала, и все тут.

— Я не увижусь с ним до следующих выходных, — в отчаянии воскликнула Хейзл.

— Тогда отправляйся к ним в гости завтра, принеси что-нибудь из его комнаты. Туфлю... нет, лучше даже носок — то, что он носил на теле. Подходящее для плетения чар.

— Я не верю в магию.

— Тогда тем более ничего страшного тут нет, верно? — Старуха села на кровать, наблюдая за девочкой.

Правнучка внезапно осознала, как Эффи ужасна: со всей ее силой в изможденном теле, мертвой хваткой узловатых рук, с пронизывающим взглядом черных глаз под мешковатыми веками. Старуха моментально сделалась в комнате главной, безразличная к характерному для подросткового жилища беспорядку; она превратила уютную норку Хейзл в шаткое, ненадежное убежище, куда легко проникнуть. Стоило Эффи здесь появиться, как ее темная, коварная сущность пропитала собою весь дом, наполнив его новыми тенями, отголосками страха. Уж лучше жить с папой, подумала Хейзл; во всяком случае, она знала, чего от него ожидать. А еще лучше было бы, если бы они оба куда-нибудь подевались...

— В том, другом мире, что снится Натану, магия существует, да? Он перемещается туда с помощью магии — и переносит сюда волшебных существ. В это ты веришь?

— Наверное. Только это совсем другое. — Хейзл вспомнила, что Натан рассказывал ей об Эрике. — Там магия — сила, вроде электричества. Она *реальна*. А здесь магия — всего лишь суеверие. — Несмотря на страх перед прабабкой, Хейзл упрямо сжала губы.

Эффи рассмеялась, обнажив неровные зубы:

— Суеверие! О да, и суеверию находится применение! Я пользовалась им даже очень и очень часто. Магия реальна и здесь, дитя мое. В нашем мире существуют свои твари-оборотни, свои измерения в воображении. А некоторые из нас рождаются с определенными способностями — Даром — делать вещи, на которые не способны другие, жить дольше прочих. Знаешь, сколько мне лет? — Эффи подалась вперед; в лице ее читались одновременно насмешка и угроза. —

Ты зовешь меня прабабкой — так называли меня в детстве и твоя мать, и бабка, и до нее. Видишь ли, люди забывчивы. Я заставляю их забывать. Одно заклинание — и я снова лишь старая Эффи Карлоу, хотя никто не знает точно, сколько мне лет; все довольствуются определением «старая». Будь я молодая, меня начали бы подозревать; а старики вечно где-то рядом. Никому нет дела до того, сколько еще они протянут.

— Не хочу слушать! — Хейзл закрыла руками уши, но старуха с ее жуткой жилистой силой без труда отбросила их. — Я не верю тебе! Не желаю ничего *знать!*

— Никуда не денешься. Дар у тебя в крови. Когда-нибудь ты станешь такой же, как я, старухой — хватающейся за власть, морочащей каждое новое поколение своего семейства и соседей, чтобы они не могли вспомнить, сколько времени ты живешь рядом с ними. Однажды... Видишь ли, здесь магия всегда была тайным занятием. Даже Джозевий Лютый Торн... Для начала он, по слухам, был римлянином — во всяком случае, пришел сюда с римскими войсками и построил в долине дом еще до появления Темного леса. Он обладал великой мощью, великим умением. Джозевий прожил почти семьсот лет, но был вынужден скрывать свою истинную природу в путанице мифа и противоречащих друг другу историй. Лютый Торн — наш с тобой пращур. С миром Натана я тоже знакома. Я видела его в воде. Ты говоришь, что там повсюду магия, что она столь же обычна, как электричество. Если бы я только могла добраться до того источника силы, вытянуть ее... — Лицо Эффи заострилось, вспыхнув внутренним огнем. — Ты не понимаешь? Я бы снова помолодела. Перестала бы прикидываться старухой, бормотать заклинания, запершись на чердаке, пока тень Врат подступает все ближе. Я бы вечно омолаживалась — как луна, и жила тысячу лет... Мне нужно узнать больше. Принеси мне еще

знаки. Завтра. И верни принадлежащие мне подковы. Железо оберегает от многих вещей.

— Я... я постараюсь, — с удивлением услышала Хейзл собственный голос. — Не могу обещать...

Рука Эффи снова взметнулась и схватила девочку за лицо, вдавливая плоть в кости.

— У тебя все получится, — убежденно произнесла старуха. — Ради нас обеих.

На следующий день Хейзл сбежала с последнего урока и отправилась в книжную лавку. Улучив момент, когда Анни была занята, она проскочила в дом, крикнув по дороге: «Я кое-что вчера забыла». Хозяйка лавки согласно кивнула, а Хейзл со всех ног бросилась в спальню Анни, нашла на туалетном столике щетку и, выдрав с нее спутанный комочек, спрятала в карман. Волос набралось не так уж много — у Анни были короткие густые локоны, которые не нуждались в частом расчесывании. Хейзл постаралась убедить себя, что этого хватит. Оказавшись в комнате Натана, девочка растерялась: что больше подойдет Эффи для ее колдовства? Наконец Хейзл остановила свой выбор на старой толстовке, которую сама одалживала пару раз. Когда в комнату вошла Анни, Хейзл так смутилась, что напрочь позабыла о подковах и, бормоча извинения, бросилась вон. Женщина посмотрела ей вслед, с грустью думая, что синдром подростковости поразил не только ее сына, но и его друзей.

Вернувшись домой, Хейзл поднялась на чердак и постучала в дверь. Никто не ответил; она постучала еще раз. Немного подождав, девочка повернула ручку. Дверь оказалась не заперта: видимо, Эффи куда-то торопилась, решила Хейзл. Осторожно толкнув дверь, девочка вошла.

Она впервые попала сюда с тех самых пор, как прабабка перебралась жить к ним. Первое, что бросилось Хейзл в глаза, было то, что Эффи раздвинула по сторонам ящики и прочее барахло, высвобождая место для стола, стула и походной плитки — а еще множества пузырьков, сушеных трав и фарфоровой плитки. Девочка подошла и выложила на середину стола комочек волос и толстовку — предварительно аккуратно свернув ее. (Хейзл не обратила внимания на то, что одежда только что из стирки и лишена каких бы то ни было следов владельца, а потому совершенно бесполезна для наложения шпионских чар.) Потом девочка принялась исследовать другие предметы: брала пучки трав, отвинчивала крышки бутылок и, морща нос, принималась к их содержимому. Плошка оказалась наполовину полна довольно мутной водицы, в которой плавали зеленые крапинки (вполне возможно, водоросли) и тельце какого-то мелкого насекомого; дно тонким слоем покрывал коричневатый осадок вроде песка или грязи — наверное, из реки. Хейзл показалось довольно странным, что прабабка держит на чердаке плошку с речной водой. Видимо, старуха использует ее для наведения неких чар. (Хейзл предпочитала говорить про себя «чары», а не «заклинание»: чары казались чем-то не столь волшебным, скорее прихотью, которую можно отнести на счет эксцентричного поведения полоумной старухи, неким действием, не имеющим истинной силы и серьезных последствий.)

Девочка принялась озиаться в поисках хоть какой-то подсказки и, разумеется, ничего не нашла, потому что сама не знала, что ищет. И тут ее словно потянуло к миске, заставив взглянуть в воду. У Хейзл по спине поползли мурашки. Вода пришла в движение: поверхность зарыбилась, словно волнуемая течением, осадок на дне взбаламутился, затуманивая жидкость. Наверное, от этого плошка теперь казалась

гораздо глубже. Туман потемнел, превращаясь в водяные тени с проблесками зеленого; сквозь них стали проступать бледные контуры — овал, напоминающий лицо. Он проявлялся медленно, расплывчатые черты то и дело менялись, перетекая друг в друга. На несколько мгновений Хейзл почудилось, что она видит ту актрису — жену Майкла Аддисона со странным именем Рианна. Рианна Сарду. Снова преобразившись, лицо превратилось в белую бескровную маску утопленника с огромными сферами глаз под опущенными веками. Девочка задрожала всем телом и попыталась отстраниться; в тот самый миг распахнулись глаза — глаза без белков, черные, как ночь, и глубокие, словно океан. Хейзл заворуженно застыла.

— Кто ты? — Губы утопленницы не двигались; голос звучал в самой голове Хейзл — голос, накатывающий волнами, холодными, как морская вода.

— Хейзл.

— Тебя прислала старуха?

— Н-нет. Я зашла, чтобы кое-что для нее оставить. А потом увидела миску...

— И вызвала меня.

— Нет!

— Тогда, возможно, ты сама ответила на вызов. У тебя есть сила — еще не разбуженная, словно нераскрывшийся коралловый полип в ожидании перемены течения. Ты очень юна. Та женщина стара — стара и черства, сердце ее прогнило, хитрость причудливым образом извратила разум. А твой разум ясен и чист. Я бы хотела взглянуть на тебя поближе.

Вода забурилась, закрутилась вихрем; часть выплеснулась через край. Хейзл увидела, как над поверхностью поднимается голова — в кругу, ограниченном стенками сосуда, показался затылок. Мокрые волосы облепили голову, слов-

но водоросли. Но стоило разыгаться буре, как гипнотическая сила взгляда исчезла. Хейзл отпрянула, опрокинув какой-то пузырек и ударившись бедром о край ящика. Острая боль прояснила ее сознание. Девочка, едва волоча ноги, проковыляла к выходу и захлопнула за собой дверь, радуясь счастливому избавлению. Потом бросилась в комнату, заперлась, для надежности подперев дверную ручку стулом, и свернулась калачиком на кровати, стараясь прийти в себя. Только чужое присутствие по-прежнему ощущалось в доме, и Хейзл больше не чувствовала себя в безопасности.

Тем временем голова уже возвышалась над плоской шишей; водоворот утих. Она стала поворачиваться из стороны в сторону, пока взгляд не остановился на двери. Голова улыбнулась.

С тех пор, как Анни нашла запрещающую бумагу, ее считали чуть ли не местной героиней. Региональные газеты ухватились за историю с находкой, разразившись разномастными и большей частью неправдивыми рассказами о чаше, в основном привязывая ее к легенде о Граале. «Кроуфорд газет» и «Мид-Сассекс таймс» прислали в Иде корреспондентов; в ожидании потенциальной сенсации оба со временем явились в книжную лавку, по пятам преследуемые внештатным писакой для «Индепендент». Ровена, использующая возможность помелькать на публике в интересах своей кампании, вскоре также присоединилась к собравшимся. Так что Анни сварила на всех кофе и подала к столу всякую всячину, а потом даже позировала для фотографов в компании обладательницы чаши. Запрет хранился у адвоката, однако Ровена дальновидно сняла с него ксерокопию и теперь демонстрировала ее перед фотокамерами.

— Довольно значительное для вас событие, — заметил корреспондент лондонского «Инди». — Полагаю, большую часть времени у вас здесь тишь да благодать. Или жизнь разнообразят изящные убийства в деревенском стиле, которые потом распутывают престарелые леди?

Мысли Анни сами собой вернулись к Рианне Сарду и к тому, что она недавно узнала о Бартелми.

— По трупу в день.

Ровена издала лающий смешок.

— Мисс Марпл знала свое дело, — добавила она. — Вы бы здорово удивились тому, что творится в обычной деревне.

Анни как раз размышляла над этим разговором на следующий день, когда в лавку вошел незнакомец. Поскольку деревенская жизнь со времен мисс Марпл порядком переменялась, теперь незнакомцы не были для Иде чем-то из ряда вон выходящим: туристы в погоне за антиквариатом, столичные жители, гостящие в сельской местности у друзей, тоже бывших лондонцев, обитатели соседних городков, путешествующие в поисках удачного места для пикника где-нибудь на берегу реки. Однако вошедший оказался Незнакомцем с большой буквы «Н»: семи футов росту, с глазами, отсвечивающими лиловым, на необычном по своим пропорциям лице. Хотя Анни уже догадалась, кто перед ней, Эрик заговорил первым, оперевшись руками на рабочий стол и пристально глядя на нее.

— Вы — мать Натана Варда.

Слова незнакомца прозвучали похоже на обвинение, и Анни на миг испугалась, что Натан чем-то все же расстроил гостя.

— Извините, если вам пришлось общаться с ним против собственной воли. Он действительно не хотел больше вам докучать.

— Докучать? Вовсе не докучать. Мне нравится с ним беседовать. Очень хороший мальчик.

— Спасибо, — поблагодарила Анни, обрадованная и встревоженная одновременно.

— Он не походить на вас. Я думаю — ребенок должен походить на родителя, так? Или... здесь по-другому?

— Дети не всегда похожи на своих родителей, — пояснила Анни, смущенная замечанием Эрика. — Должно быть, в Натане проявились какие-то атавизмы. Что вы имели в виду, сказав «здесь по-другому»? Иначе, чем в Мали?

— Здесь многое по-другому. Натан рассказывать обо мне?

— Немножко. Он не сказал, как вас зовут.

— Я Эрик Риндон. А вы?..

— Анни. Пододвигайте стул. Хотите кофе? — Не то чтобы Анни была хроническим кофеманом, просто предлагать чашку кофе каждому гостю вошло у нее в привычку.

— Хороший кофе или плохой кофе? В Маали мы пьем *харву*, у нее всегда один и тот же вкус. А в вашем мире кофе всегда разный.

«В моем мире?» — про себя повторила Анни. Вслух же она сказала:

— Хороший. Честное слово.

Анни пошла на кухню, чтобы поставить воду, и, вернувшись с кофейником в руках, застала Эрика за изучением книг. «Изучение», подумала она, самое подходящее определение. Чужеземец с жадной сосредоточенностью хмурил брови над словами в собрании стихов.

— А почему строчки прекращаются, не дойдя до края страницы? Я не понимаю. Я плохо читать на вашем языке.

— Насколько я понимаю, когда вы прибыли, вы даже не говорили по-английски, — заметила Анни. — Так что мне

кажется, что вы необычайно преуспели. Вечно слышишь рассказы о том, как тот или иной гений выучил язык за полтора месяца, но лично мне прежде никого подобного встречать не приходилось. Дело в том, что это поэзия. — Заметив непонимание на лице Эрика, она пояснила: — Как песня, только без музыки.

По-видимому, слово «поэзия» Эрику прежде не встречалось.

— У нас есть песни. Но строчки доходят до самого конца. Какой в них смысл, если нет музыки?

— Сейчас продемонстрирую, — сказала она, беря книгу из рук чужеземца. Это была самая странная беседа из всех, которые Анни довелось вести в то время странных бесед; тем не менее она казалась ей занимательной. Анни поняла, почему Эрик произвел на Натана столь сильное впечатление. Несмотря на всю странность этого человека, она не могла не проникнуться к нему симпатией.

Книга оказалась антологией, и Анни принялась читать первое попавшее на глаза стихотворение — сказ Элизабет Барретт Браунинг о том, как Пан изобретал свои дудки. Вся поэзия построена на игре рифм и ритма, и слова сами творят свою собственную музыку. Читая, она краем глаза заметила, что Эрик слушает ее с блеском в глазах, склонив голову набок.

«Вот как, — смеялся великий бог Пан,
Склонивши главу над рекою, —
Лишь так создан музыки сладкий дурман
Богами был в самом начале».
И губы к отверстию тростинки припали —
И звук полился над рекою.

Сладость — о сладость несешь ты, Пан,
Что сердце щемит над рекою!

Сладость, что спит, великий Пан!
Солнце к закату замедлило путь;
Средь лилий стрекозы, не в силах уснуть,
Мечтам предались над рекою.

Но полузверь лишь — великий Пан,
Что, весел, сидит над рекою,
Дар расточая — кому тот не дан.
Истинный бог от печали и боли
Горько вздохнет: ведь тростинке той боле
Не шелестеть над рекою.

Анни дочитала; ненадолго воцарилась тишина.

— Как может музыка остановить солнце? — спросил Эрик. — А «истинный бог»? Боги — неправда. Только в древних легендах. Бог — возвеличенный человек. Этот мир очень странный. Предания, которые лгут, песни без музыки, строчки, не доходящие до конца страницы.

— Угощайтесь кофе, — предложила Анни.

Он добавил в напиток молока и сахара и провозгласил, что кофе хороший.

— Мне нравится поэзия. Такая разновидность заклинания, верно? Очень мощная. Поэзия управляет силой?

— Силой? — Анни опять ощутила растерянность.

Эрик подался вперед, разом посерьезнев.

— Вам нужно заклинание, — сообщил он Анни. — Много заклинаний. Я прийти вам сказать, что Натан в великой опасности. Но вы не волноваться. Я помогать ему.

— В какой опасности? — спросила Анни. — Почему? — У нее были кое-какие собственные опасения насчет Натана, и все же она никак не могла взять в толк, почему вдруг их разделяет этот незнакомец.

— Гномоны, — сказал Эрик. — Из моего мира. Они преследуют его в лесу. Не имеют плоти, невидимые, очень плохие. Перемещаются между мирами. Но вы не волноваться. Вы позаботьтесь о нем, а я искать что-нибудь, чтобы помочь.

— Кто такие гномоны? — В голосе Анни звенела пустота.

— Я объясню. Они невидимые, сводят с ума. Я прийти вас предупредить. Скажите Натану не задерживаться до темноты. Не ходить в лес вечером.

— Он не будет, — пообещала Анни. Сердце у нее похолодело.

Они...

Эрик быстро допил кофе, хотя тот был очень горячим.

— Хотеть купить книгу. Но мало денег. Только на еду.

— Я могу дать вам что-нибудь поесть...

— Не сейчас. Должен идти. Искать в лесу *сильферим*.

Анни не имела ни малейшего представления о том, что такое *сильферим*, однако поняла: Эрику он очень нужен.

— Возьмите, — сказала она, вручая ему книгу.

Он покачал головой.

— Нет денег.

— Подарок.

И вдруг незнакомец улыбнулся — широкая открытая улыбка озарила его лицо.

— Здесь очень добрые люди. Спасибо.

Кивнул, будто поклонился.

— Да пребудет с тобой сила.

И ушел.

— Господи милосердный, — еле слышно пробормотала Анни. — Сила? Да ведь он говорил о... магии. Интересно, сколько магии в Мали?

Разумеется, теперь она точно знала, что Эрик не из Мали. Во всяком случае, не из той Мали, что в Африке. «Нужно сводить его к Бартелми. Он знает все на свете. Он знает о них...»

Анни прокрутила в памяти предупреждение незнакомца и очень постаралась не испугаться.

Ровена Торн была в задней комнатке своего антикварного магазинчика в Чизэлдауне, когда раздался звонок дверного колокольчика. Помощница отлучилась пообедать, потому хозяйка вышла сама и, подбоченившись, остановилась, давая потенциальному покупателю возможность оглядеться. Обычно в антикварных магазинах царят полумрак и беспорядок, Ровена же предпочитала совсем иной стиль: полы из сосны, светлые стены, акцент на пространстве и свете. Так было проще сосредоточить взгляд клиента на товаре. Полумраку и беспорядку пришлось довольствоваться чуланом. Однако посетитель едва ли удостоил взглядом всевозможные предметы, столь завлекательно расставленные вокруг.

— Я ищу миссис Торн, — сообщил он. У посетителя был легкий акцент — вероятно, немецкий.

— Я и есть миссис Торн, — отозвалась хозяйка.

— Меня зовут Дитер фон Гумбольдт. Возможно, ваш знакомый из «Сотбис» упоминал мое имя.

Она кивнула, распрямляя плечи, поднимаясь — морально и физически — навстречу брошенному вызову.

— Вы тот самый граф фон Гумбольдт. Ваш прадед — человек, присвоивший мою чашу. При довольно гнусных обстоятельствах... Впрочем, вряд ли это ваша вина.

Но поскольку в тоне Ровены не было и намек на возможное прощение, визитер ответил ей сухим «благодарю». На вид графу было лет тридцать с чем-то, хотя определить

однозначно Ровена затруднялась: посетитель относился к той категории мужчин, что выглядят на средний возраст, начиная с двадцати пяти, и никогда кардинально не меняются. Волосной покров постепенно отступал с широкого пространства лба, подобно волне при отливе, сквозь стекла дорогих очков глаза казались меньше, чем на самом деле; губы, и без того от природы тонкие, были плотно сжаты. Что же до остального, то граф оказался довольно широкоплеч и предпочитал одежду консервативного покроя. Если бы не легкий акцент, его английский был бы безупречен.

— Мне сообщили, что вы заявили о своем праве на владение чашей.

— Вам следовало бы знать наверняка: об этом писали несколько газет.

— Я не всегда верю тому, что пишут в газетах, — терпеливо объяснил фон Гумбольдт. — Надеюсь, вы извините меня за столь неожиданный визит без предварительного письменного уведомления или телефонного звонка. Я пожелал встретиться с вами лично и выяснить, какова ваша позиция в данном деле.

— Все предельно просто и понятно, — сказала Ровена. — Чаша принадлежала моей семье веками, возможно, тысячами. На каком-то этапе на продажу ее был наложен официальный письменный запрет, утерянный в последующие годы; однако теперь он в моих руках. Его наличие свидетельствует о незаконности первоначальной продажи. Понятия не имею, как обстоят дела с правами вашего прадеда, да это и не мое дело; только парень, от которого чаша перешла к нему, никогда не имел на нее прав. Из его семейки тоже найдутся претенденты?

— К сожалению, да. Несколько кузенов и кузин, эмигрировавших в Америку. Со мной связывались их представи-

тели. Видите ли, я ни в чем не обвиняю ни их, ни вас. Я также не уверен, на чьей стороне правда в данном деле. Возможно, ваш предок действовал незаконно, продавая чашу; тем не менее и покупатель наверняка не был поставлен в известность о существовании запрета, и вряд ли можно возложить всю ответственность лишь на него. Кроме того, здесь присутствует некий моральный аспект. Исходя из современных этических норм, мой дед поступил предосудительно; но ведь он руководствовался принципами той эпохи. Он воспринимал чашу как законную военную добычу. Эта идея не исчерпала себя по сей день: к примеру, я склонен предположить, что американцы намереваются обогатиться за счет послевоенного переустройства Ирака.

— Вам незачем оправдывать передо мной вашего деда. — Ровена пожала плечами. — Хотя, возможно, придется сделать это в суде.

— Вот мы и добрались до сути вопроса, — сказал фон Гумбольдт. — Судебные тяжбы могут затянуться и дорого стоить всем сторонам. Я надеялся, что мы найдем способ разрешить возникший конфликт, не прибегая к помощи правосудия.

— И как же? — спросила Ровена без обиняков. Она-то в душе ничуть не сомневалась, что такого пути не найти, ибо сама твердо намеревалась заполучить чашу. Однако теперь ей стало интересно выслушать мнение графа.

— Существует несколько возможностей, — подчеркнул неопределенно заговорил собеседник. — Многое зависит, прошу прощения, от настойчивости предъявляемых претензий — ваших и Алекса Бирнбаума. Мы должны быть откровенны друг с другом и делиться данными.

Ровена цинично улыбнулась. Заметив это, граф перешел к делу:

— Тем не менее я мог бы предложить возможность разделить добычу. Можно продать чашу, а вырученные деньги распределить между теми, кто имеет на нее наиболее весомые права.

— Щедро, — оценила замысел графа Ровена. — Но, боюсь, вы упустили самое главное. Я не желаю продавать чашу. Мне не интересен доход от сделки. Чаша — семейная реликвия, и я хочу вернуть ее. У меня нет средств, чтобы купить ее; а если бы и имелись, я не стала бы этого делать. Она принадлежит мне по праву. Вы хотели откровенности. Я откровенна с вами. Вопрос можно решить только через суд.

— Понимаю. — Ровена почувствовала, что так и не убедила графа. — Ну что ж, я пробуду здесь еще некоторое время. Неподалеку есть очень милая маленькая гостиница. Я с удовольствием осмотрю окрестности, откуда родом чаша. Полагаю, о ней ходит множество преданий. Возможно, хотя вы и не идете на компромисс, вы все же не откажетесь поужинать со мной и поведать мне некоторые из них?

— Возможно, — отозвалась Ровена без особого энтузиазма.

— Надеюсь, мы еще продолжим нашу беседу, — заключил он и повернулся, намереваясь уйти. Потом остановился и добавил: — В данном вопросе я очень многого не понимаю; в настоящий момент — одной вещи в особенности.

— А именно? — спросила Ровена, потому что от нее определенно ждали именно этого.

— У вас в магазине такое множество прелестных вещей, которые вы готовы и, предположительно, стремитесь продать. Чаша не отличается особой красотой, да и древность ее ставится под сомнение, поскольку попытка датирования по углероду провалилась. Какие бы легенды с ней ни связывали, они могут оказаться безосновательными. Вы произвели на

меня впечатление умной, целеустремленной женщины, не склонной к сентиментальности; тем не менее вы хотите лишь завладеть чашей как таковой, независимо от ее истинной ценности и возможности получения дохода от продажи. Я нахожу все это из ряда вон выходящим, — со сдержанным скептицизмом произнес фон Гумбольдт.

Ровена издала фыркающий смешок.

— Думаете, я прикидываюсь? Проверьте.

— Так я и сделаю, — отозвался граф. Дальнейших реплик со стороны Ровены не последовало, и он покинул магазин.

На той неделе Натан снова видел сон; только на сей раз, похоже, мальчик очутился в другом мире — не на Эосе, хотя в той же галактике или в иной, он определить не мог. Он вновь сделался бесплотным — лишь парящим в космосе сознанием. Внизу раскинулся морской простор — столь необозримый, что Натану подумалось: либо здешний мир вовсе плоский, либо эта планета намного больше Земли. Вода радовала взор глубиной цвета: море было самым синим из всех, что мальчику доводилось видеть. Наискосок по водной глади рваной цепочкой тянулись островки, сверкающие в свете чудесного дня: расстояние смазало их краски, превратив в нейтрально-коричневые пятнышки. И небо тоже было необъятным: солнцу, едва миновавшему зенит, предстоял долгий-долгий путь до горизонта. Тучи воздвигали препятствия на пути светила: огромные башни кучевых облаков, набухшие дождем. Тени их ползли к островам, окрашивая небо в цвет индиго. Белые барашки предвосхищали надвигающееся беспокойство. Солнце, медленно клонясь к закату, послало длинные лучи через просвет в тучах, протянув сияющую дорожку через тень на море к ближайшему островку; тот заиграл зеленым. Те-

перь Натан спустился ниже и заметил признаки земледелия, скопления неких жилищ, выдающийся в море мол крохотной гавани. Тучи разрослись выше, заслонив последний солнечный свет, и краски потухли. Раздался столь оглушительный удар грома, что Натану показалось, будто столкнулись два мира. Молния, прочертив яркий зигзаг по небосводу, устремилась к земле множеством щупалец. Натан быстро спускался; даже не имея плоти, он вдруг ощутил, каким тревожным сделалось все вокруг.

Море бесновалось. Волны вздымались, словно катящиеся скалы и движущиеся горы; витой столп водяного смерча поднялся, сливаясь со связующей ветвью тучи. Разверзлись пропасти, доходящие, казалось, до самых глубин океана; на несколько мгновений взору открылись обитатели царства тьмы: извивались щупальца, электричество потрескивало вдоль позвоночной дуги или изгиба гигантского плавника. В бурлящей стихии угадывались и другие создания: человеческие силуэты, но не люди — твари, наполовину виденные, наполовину вымышленные, порождения тьмы и воздушных течений, морской пены и черной воды. А где-то в самом сердце шторма так и продолжало парить сознание Натана — дрожа, если только мысль способна дрожать, захваченная силой и ужасом разыгравшейся стихии.

Мальчик не знал, сколько длился сон. Спустя века — или так ему лишь казалось — мир снова затих, облака, должно быть, поднялись и иссякли, потому что вдоль кромки моря протянулась полоска заката, и в мир стала медленно просачиваться бледность, превращая его в монохромную картину. Вода успокоилась, небо подернулось дымкой. От ночного буйства не осталось и следа.

Только и острова исчезли.

Поначалу Натан решил, что его немного отнесло и островная цепь осталась где-то позади; но оглядевшись, мальчик обнаружил плавно качающиеся на волнах обломки и понял, что находится на прежнем месте. Выкорчеванные деревья с застрявшими в корнях комьями земли, плавающие кучи мусора, более мелкие предметы, на которые лучше было не смотреть вблизи, хотя, возможно, они не представляли собой ничего особенного. Сами острова навсегда исчезли, поглощенные яростью шторма и голодом моря. Пелена облаков расступилась, и лучи восходящего солнца протянулись через бесконечный водный простор. И каким-то образом Натан уже знал, что во всем мире не осталось ни мельчайшего клочка суши, ни даже одинокой скалы, возвышающейся над волнами. Над планетой безраздельно властвовал океан. Последние морские птицы, обреченные на смерть, с криками описывали круги над плавучими обломками. И некому больше было оплакать этот мир.

Натан почувствовал, что случившееся — вовсе не результат искусственного загрязнения или магического заражения; буря поднялась из самой морской пучины, рожденная гневом стихии против ненавистного Человека. И теперь целая планета превратилась в водяную пустыню, среду обитания рыб, царство духов волн и тьмы.

Проснувшись на рассвете, задолго до своих товарищей, Натан лежал, не в силах больше сомкнуть глаз, чувствуя, как страх медленно отпускает разум.

Днем позвонила Анни.

— С тобой все в порядке?

— Разумеется, со мной все в порядке, — удивленно подтвердил мальчик. — А что могло случиться? — Если тому и имелись причины, подумал он, то ни в одну из них его мать посвящена не была.

— Твой друг заглядывал в гости. Эрик Риндон. Говорит, что ты в опасности. — Чтобы немного подбодрить сына, она добавила: — Он мне очень понравился.

— И мне. Мам... не волнуйся. Он просто кое-что преувеличивает. Эрик еще не привык к нашей стране. Понимаешь, его же преследовали.

— К нашей стране, — переспросила Анни, — или к нашему миру?

Натан ответил уклончиво. Впереди ясно замаячила перспектива объяснений — долгих, запутанных, сложных объяснений, которым к тому же нелегко поверить; и все же он окупнется в этот омут, когда придет время. Теперь же главной трудностью оказалась необходимость сосредоточиться на школьных занятиях, тогда как все мысли были поглощены совершенно иным.

Вернувшись домой в пятницу вечером, Натан избежал объяснений, сославшись на большое количество уроков и усталость. В субботу он встал в полдевятого, торопливо позавтракал и отправился в местную скобяную лавку. Пришлось подождать: магазин открывался в девять. Наконец Натан подошел к продавцу и сказал, что ему нужно изделие из железа. «Настоящее железо, а не какой-то сплав, — объяснил он, — оно необходимо мне для школьного проекта». Похоже, такое объяснение действовало безотказно.

Продавец позвал управляющего; тот был явно заинтригован.

— Конечно, в прежние времена у нас имелся целый отдел железных изделий. — Он указал Натану на потускневшую вывеску, прислоненную к стене в дальнем конце магазина. — Тогда все делалось из железа. Теперь, вы совершенно правы, все из сплава, или нержавеющей стали, или тефлона, — он постучал по днищу сковороды, —

а то и вовсе из пластика. Все очень современное — кое-какие из материалов изобрели для ракетной промышленности, — и все же не столь выносливое, как железо. А что за проект такой?

Натан принялся импровизировать, развивая затронутую управляющим тему, и пояснил, что ему необходимо несколько примеров использования железа в современной жизни.

— А у меня всего лишь пара старых подков, да и те пришлось одолжить на время.

— Вот что вам нужно, — объявил управляющий, подводя Натана к прилавку стилизованных под старину и выкрашенных в черное защелок, дверных ручек, молотков и знаков с номерами домов.

Натан купил набор номерков для себя, Хейзл, Эрика и матери: он отлично понимал, что вскоре придется все рассказать Анни, и хотел, чтобы она тоже была надежно защищена. Почему-то ему не пришло в голову купить что-нибудь для Бартелми; впрочем, задумайся Натан над этим хорошенько, он бы почувствовал, что старик не нуждается в защите. Номерки стоили целое состояние, и Натан понял, что в любом случае придется все рассказать Анни, хотя бы потому, что нужно пополнить довольствие. Сложив в рюкзак покупки (все, кроме выбранной для себя «семерки», ее он засунул в карман), Натан отправился прочь из деревни на встречу с Эриком.

Они договорились увидеться на опушке леса.

— Ты не входить сюда, — предупредил Эрик. — Небезопасно, ни ночью, ни днем. Нет *сильферима*. Оставайся с матерью.

— Все в порядке, — успокоил друга Натан. — Я защищен. — Он протянул Эрику «четверку». — А это вам. Железо. Мне опять снился сон, и ваш правитель, Грандир, как

раз о нем говорил. Насчет того, что магнитное поле железа слишком мощное для гномов. Даже в нашем мире людям кое-что известно: в прежние времена с помощью железа отпугивали злых духов.

— Глупец! — воскликнул Эрик — очевидно, в приступе самоуничтожения. — Я — глупец. Есть в древней легенде, но я забыть. Я начинаю понимать. Много правды в неправдивых преданиях. — Он взял железный предмет с трепетом, словно великий дар. — Благодарю тебя за него.

— У вас было все в порядке? — поинтересовался Натан. — Я знаю, вы сказали, что вам нравится спать под открытым небом, да и погода стоит теплая. А как же еда и все остальное?

— Я хожу в кафе, куда ты меня водить, — объяснил Эрик. — Колоть дрова, копать огород. Мне дают еду.

— Эдóрово, — обрадовался за друга Натан. — Только мне кажется, что теперь самое время навестить дядю Барти. На сей раз гномы не станут нам помехой.

— Что еще ты видеть во сне? — спросил Эрик по дороге.

— По-моему, Грандир в состоянии управлять гномонами, даже в других мирах. Я почти уверен, что именно он послал их сюда. Вы знаете... кто та женщина, что все время с ним? Его жена? Ее зовут Халме.

— Ты видел ее?

Натан утвердительно промывчал.

— Говорят, она самая прекрасная из женщин, — сообщил Эрик. — Его сестра и жена.

Натан задумался над услышанным.

— В этом мире, — через некоторое время произнес он, — такое недопустимо. Инцест запрещен законом. Я думаю, на самом деле потому, что гены очень схожи, и дети подвергаются большой опасности.

— Нет детей, — сказал Эрик. — Ходят слухи, что они пытаются, давным-давно, до того, как пришло бесплодие, но дети не появятся. В их семье сила велика. Дети могут быть еще могущественнее. Инцест в моем мире — норма в сильных семьях. Ты видеть... Халме? Ты видеть ее лицо?

— Да, вы правы. Она впрямь самая прекрасная из женщин.

— Твоя мать тоже прекрасна, — заметил Эрик.

Натан поднял взгляд на друга — и неожиданно улыбнулся.

— Верно, — согласился он. Красота Халме была сродни красоте богини или Елены из древней легенды; красота Анни была более земной, теплой, не столь совершенной и захватывающей дух — и все же не менее волнующей. Красота, светящаяся изнутри, подумал Натан; ему вдруг вспомнилось, как Халме утомили ее бесконечная жизнь и умирающий мир и как мало могло ее взволновать. Несмотря на лебединую шею, изящный поворот головы и хрупкое телосложение, внутри у нее уже все погасло.

Когда друзья приблизились к Торнхиллу, по листве зазмеилась знакомая рябь; донесся шепот. Даже с куском железа в кармане Натан ощутил в животе комков страха; он крепко сжал номерок в руке и выставил его перед собой. Эрик последовал примеру мальчика, и они отступили. Недалеко — они никогда не отойдут далеко; сила их гнева и сопротивления образовывала почти осязаемую стену. Но друзья продолжали идти. Когда они добрались до тропинки, ведущей к дому Бартелми, гномоны как-то сразу растворились, их невидимые сущности исчезли в тишине леса.

— Ты очень храбрый, — объявил Эрик. — Они преследуют тебя, а ты не боишься.

— Они меня не преследуют, — отозвался Натан. — Раньше я довольно часто ходил в Торнхилл, и никто мне не мешал. Они просто не хотят, чтобы я привел туда тебя.

— Почему? — искренне удивился Эрик.

— Не знаю. Я всегда делаю все то, что им не нравится.

Натан постучал в дверь, размышляя, что сказать, как объяснить Бартелми визит без приглашения. Однако когда дверь отворилась, всякая необходимость в объяснениях сама собой отпала. Не пришлось вовсе ничего говорить.

— Я ждал вас, — сказал Бартелми. — Давайте заходите. Завтрак на столе.

— Я приготовил для вас комнату, — сообщил Бартелми Эрику, когда с завтраком было покончено. Эрик, словно изголодавшийся волк, проглотил по очереди омлет, ветчину, грибы и тосты с мармеладом. Натан, чей аппетит пострадал не столько от предшествующего приема пищи, сколько от внутреннего напряжения, осилил лишь пару тостов.

— Эрику нравится спать на улице, — торопливо проговорил мальчик и тут же запнулся, осознав, что ведет себя невежливо.

— Отлично, — сказал Бартелми, обращаясь к изгнаннику. — Если вам нужна кровать, возьмите.

— Вы добры, — грустно произнес Эрик. — Здесь много доброты. Но, возможно, я приношу беду. — Он взглянул на Натана, ожидая какой-нибудь подсказки. — Я не хочу приносить беду вам.

— В этот дом путь бедам заказан, — со спокойной уверенностью заявил Бартелми.

— Нам есть что рассказать вам, — заговорил Натан.

— Хорошо. — Как и много лет назад с Анни, Бартелми демонстрировал свою обычную неторопливость и отсутствие праздного любопытства.

— Эрик из другого мира! — выпалил Натан.

— Я так и предполагал. Весьма необычно. — Бартелми любезно кивнул Эрику. — Не припомню, чтобы мне прежде приходилось встречать обитателей иных миров. У вас превосходный английский.

— Я слишком медленно учусь. Должен больше читать. Сейчас читаю поэзию: строчки, которые останавливаются раньше, чем конец страницы. Мать Натана дать мне книгу.

— Здесь много книг, можете их читать, — пригласил Бартелми.

— Мы не шутим! — возмутился Натан, едва сдерживая разочарование и гнев.

Бартелми одарил мальчика взглядом столь серьезным, что все его раздражение мгновенно испарилось.

— И я не шучу, — сказал Бартелми. — Очень хотелось бы знать, каким образом Эрик здесь очутился. Насколько мне известно, существует лишь один путь попасть из одного мира в другой, и лишь Смерть способна открыть те Врата. Так гласят Высшие Законы. Похоже, даже они созданы для того, чтобы их нарушали. Как я понимаю, вы прибыли на пляж залива Певенси. Вы понимаете, как это произошло?

Натан ни разу не слышал, чтобы Бартелми говорил с кем-то в подобном ключе, и на миг окружающий мир поплыл, перетекая в другую реальность. Разумеется, дело было не в мире, а в самом мальчике: он рос, менялся, освобождая разум для новых понятий, расширяя собственную картину мира. Натан опередил Эрика с ответом.

— Это я. Все произошло по моей вине. Я вижу сны об иных мирах — о его мире; Эрик тонул, а я попытался его спасти. И перенес сюда, хотя вовсе не собирался. Понимаю, с моей стороны это было ужасно безответственно. Теперь, когда я вижу сны, я очень стараюсь концентрироваться, что-

бы впредь не допустить подобной ошибки; но ведь если бы тогда я его оставил, он бы погиб.

— Верно, — подтвердил Эрик. — В своем мире я мертв.

— Да, старый прием, — согласился Бартелми. — Кошка в ящике и жива, и мертва. Так, так. Однако сновидения... Я много раз слышал, как во сне происходят странные вещи. — Бартелми, по-видимому, был не так уж удивлен, хотя всерьез задумался.

— За мной наблюдает одна звезда, — продолжал Натан. — Она висит над нашим домом. Только на самом деле это не звезда, а хрустальная сфера, существующая в обоих мирах, а он использует ее, чтобы следить за мной.

— М-м... Она не из хрусталя. Возможно, это шар межизмеренческого разрыва, оплетенный магией. Мне приходилось слышать о подобных вещах. Через него изображения передаются из одного мира в другой.

Натан заторопился, стремясь рассказать как можно больше — и одновременно внутренне сжимаясь, отступая. Приятие Бартелми всего сказанного придавало происходящему большую степень реальности, ужасало еще сильнее. Ведь прежде Бартелми был человеком, излучающими успокоение, обыкновенным взрослым в обыкновенной вселенной; а теперь и он тоже безвозвратно изменился. Ладно же, времени, чтобы обдумать возможные последствия, будет еще предостаточно.

— И те твари, — снова заговорил Натан, — их называют гномы. Они тоже из мира Эрика. Здесь они невидимы, хотя и не полностью; они преследовали нас. Если поймут кого-нибудь, то проникнут к нему в голову и сведут с ума. Мы должны носить при себе железо: оно их отпугивает.

— Полагаю, я видел их — если, конечно, можно увидеть то, что невидимо, — сообщил Бартелми.

— Когда?

— В тот самый вечер, когда твоя мать впервые здесь появилась. Ты был малышом, висел в перевязи у нее на шее. Тогда я подумал, что те создания преследовали вас обоих; правда, теперь я не так уверен. Мне кажется, их целью было привести ее сюда, где она обрела бы убежище. Сами они могут быть злыми созданиями, однако поступки их не всегда таковы. Как бы то ни было, этот дом — надежное убежище от подобных непрошенных гостей. Дверные ручки и петли сделаны из железа, как и решетки на окнах. Железо издревле использовали для защиты от злых духов.

— Похоже, вы и так все знаете, — заметил Натан, ощущая нарастающее замешательство. — А я переживал насчет того, как вам рассказать. Думал, вы мне не поверите.

— Твой дядя мудрый человек, — объявил Эрик. — Он знает, где правда, а где ложь.

— Я знаю еще недостаточно, — возразил Бартелми. — Быть может, начнете с самого начала?

Натан послушно принялся описывать сны и события, параллельно происходившие в этом мире, стараясь припомнить все, вплоть до освобождения узника в Темном лесу и последнего сна об островах, которые поглотил шторм. Мальчик поведал Бартелми все — кроме самого первого видения Грааля, о котором не мог говорить.

— Может, много лет назад гномоны и привели к вам маму, — с сомнением проговорил Натан, — но они явно пытались помешать мне привести сюда сегодня Эрика, как, впрочем, и освободить в прошлые выходные того человека, кем бы он ни был.

— Ты знаешь, куда он скрылся? — спросил Бартелми.

— Он просто бросился бежать. Мог отправиться куда угодно.

— Наверное, стоит приготовить комнату и для него.

Бартелми поднялся, намереваясь собрать со стола тарелки, но Натан опередил его. Эрик поплелся на кухню за остальными под бдительным оком Гувера — в запахе незнакомца пес явно учуял какую-то новую составляющую. Бартелми мыл посуду, Натан протирал ее полотенцем, а Эрик тем временем бродил по комнате, изучая бутылочки с уксусом и маслом, горшочки с домашними консервами, связки трав.

— Не так давно, — заговорил Натан, — вы отзывались о магии как о чем-то вполне обычном.

— О нет, она не обычна, — ответил Бартелми. — Если критерий общности вообще существует. Однако это слишком серьезный вопрос, чтобы обсуждать его сейчас. Мне нужно время, чтобы все обдумать. Не волнуйся за своего друга: я о нем позабочусь.

Их беседу прервал вопль Эрика. Чужеземец поднял со стола запечатанную склянку со стебельком какой-то высушенной травы, сверкая широкой улыбкой победителя.

— *Сильферим!* — воскликнул он. — Такой же — или почти такой, — как в моем мире.

Эрик попытался отвинтить крышку, но Бартелми остановил гостя, взяв за руку.

— Здесь не стоит.

— Да. Да, вы правы. Слишком сильный...

— А как его называют у нас? — полюбопытствовал Натан, заглядывая в склянку.

— Сильфий. Я вырастил его в специальном саду под стеклянным колпаком. Иначе запах оказался бы... сногшибательным.

— Никогда о нем не слышал, — покачал головой Натан. — Он редкий?

Анни часто говорила, что у Бартелми на кухне и в саду много редких растений.

— Он вымерший, — отозвался Бартелми.

От Бартелми Натан ушел после обеда. Голова была так наполнена свежими идеями, пониманием вещей и новыми вопросами, что мальчику казалось, они вот-вот полезут из ушей.

— И что же мне теперь говорить маме? — спросил Натан у Бартелми.

— А что ты хочешь сказать ей?

— Разумеется, правду, хотя...

— Так и скажи правду.

Натан брел, размышляя, с чего начать разговор с Анни, и случайно наткнулся на Хейзл. Мальчик почувствовал укор совести: сам того не желая, он отстранил ее от участия во многих важных событиях. Что ж, по крайней мере ее не столь трудно ввести в курс дела.

— Где ты пропадал? — набросилась на друга Хейзл. — Я везде тебя искала. Твоя мама сказала, что ты куда-то полетел сломя голову рано утром. Она думала, что ты со мной.

— Извини. Я должен был отвести Эрика к дяде Барти. Там он будет в безопасности. Что-то случилось?

— С прабабушкой. — В лице Хейзл читались одновременно тревога и нежелание откровенничать — обычно в таком настроении девочка забиралась куда-нибудь на дерево. — Она пропала. Я видела, как в понедельник она поднялась на чердак — и больше и не вышла.

— Постучите в дверь.

— Не говори глупостей. То есть я хотела сказать, что мы с мамой уже стучали. Мы взломали замок и вошли, только ее там не было — хотя она не выходила. И в своем домике прабабушка тоже не появлялась. Она просто исчезла.

— Она такая неординарная, — неуверенно проговорил Натан. Он чувствовал, что Хейзл недоговаривает что-то такое, что едва не повергает ее в панику. — Она обязательно появится.

Хейзл нетерпеливо дернула головой, пряча глаза под волосами.

— С ней что-то случилось. Что-то плохое.

— С чего бы вдруг с Эффи случаться чему-то плохому? Конечно, в тот раз мы расспрашивали ее об иных мирах — но ведь она тут ни при чем. Она ничего не знает... Она из тех старушек, которые всегда были где-то рядом и, быть может, всегда останутся рядом. (Хейзл с любопытством взглянула на Натана сквозь пряди волос.) Она твердая, как... ну, не знаю. Нечто старое и твердое.

— Ты не понимаешь, — сказала Хейзл. — Она что-то творила — плела какие-то чары — на чердаке. Чары, чтобы подглядывать за другими людьми. Магию.

— Ведь ты не веришь...

— Я не хочу верить, понимаешь, бестолковщина? Я не хочу, чтобы магия существовала на самом деле! Я не против всяких там других миров: это наука. Но магия... если она реальна, в ней не существует правил, она опасна... А прабабушка считает себя ведьмой; она верит, что живет давным-давно: сотню, две сотни лет... Говорит, что обладает силой. Она связалась с чем-то таким... и мне кажется, поплатилась за это.

— Что ты не договариваешь? — жестко спросил Натан.

И в тот же миг почувствовал, как Хейзл отдаляется от него, ища укрытия в одном из своих обычных пасмурных настроений и прячась под завесой волос.

— Ты мне тоже много чего не говоришь, — обвинила она Натана.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Визит инспектора

Тело, прибывшее к берегу реки, спозаранку субботним утром нашли две собаки. Хозяин псов, пожилой житель деревни, не одобряющий моду на мобильные телефоны, поспешно поднялся вдоль Глайда до ближайшего дома, которым случайно оказался Дом-на-Реке. Майкл вызвал полицию и отправился за стариком к тому месту, где собаки остались охранять труп. Прибыли копы, за ними по пятам — отдел угрозыска; последовала процедура погружения в воду, извлечения тела на берег и упаковывания его в пластиковый мешок.

— Ну, она мертва, — бодро заявил полицейский врач. — Я бы сказал, уже несколько дней. Возможно, утонула. Под семьдесят лет, на вид довольно крепкая. Предположительно несчастный случай. Вскрытие покажет.

Майкла и владельца собак попросили взглянуть на тело для возможного опознания.

— Она мне определенно знакома, — заявил Майкл. — Да... я встречал ее. Всегда думал, что она местная ведьма.

— Да это же старушка миссис Карлоу! — подтвердил деревенский житель. — В летах была. Сколько себя помню, всегда жила в деревне. Даже не верится, что взяла и померла. Причем вот так.

— В последнее время она стала дряхлеть? — осведомился констебль.

— Она-то? Бдительней и прозорливей нее было не сыскать! А чтобы поскользнуться, свалиться в реку и утонуть...

— Вы знаете кого-нибудь из ее близких родственников?

Некоторое время спустя двое офицеров отправились к Лили Бэгот, владелец собак — в местный паб, где обронил несколько загадочных фраз, а Майкл постучал в дверь Анни в надежде на чашку кофе и терпеливого слушателя.

— Глупо так эмоционально реагировать, — заметил он, сидя с кружкой кофе в руках в глубине книжной лавки (в воскресенье магазин был закрыт). — И все равно... знаешь, я видел не слишком много мертвецов, и никого, кто бы выглядел вот так. Моя мать казалась умиротворенной, дед — пустым, будто восковой муляж. Но миссис Карлоу... Ее лицо выражало целую гамму чувств: гнев, испуг, ужас. Глаза были широко открыты, сверху на них налипли водоросли. Извини, я понимаю, все это звучит эдаким затертым клише, но так оно и было: *на ее мертвом лице застыло выражение неопи-суемого ужаса*. Я понимаю, в твоем возрасте, Нат, кажется, что это настоящее приключение.

— Просто ужасно, — тихо проговорила Анни. Накануне вечером Натан как раз начал рассказывать ей об Эрике, снах и иных мирах; она слушала и все принимала, дополняя картину своими впечатлениями о гномонах. Однако Анни не стала упоминать о Рианне Сарду и речной твари. А теперь ей казалось, что случившееся — не просто несчастный случай. Повсюду слишком много воды.

— Она была прабабушкой Хейзл, — сказал Натан. — Я должен увидеться с ней.

— Натан!..

— Я имел в виду Хейзл. Не переживай, мам. Я пока не превращаюсь в привидение.

— Твой интерес вполне естественный, — заметил Майкл. — Наверно, тебе хотелось бы, чтобы это было убийство, но, боюсь, с ней всего лишь произошел несчастный слу-

чай. Гнев и ужас могли отразиться на лице потому, что она упала в реку и запуталась в водорослях: такое напугает кого угодно.

— Должно быть, Хейзл ее любила, — предположила Анни. — Ведь она какое-то время жила у Бэготов, верно?

— С тех пор, как ушел отец Хейзл, — отозвался Натан. — Хейзл немного побаивается ее — то есть побаивалась; и он тоже.

— Я же говорил, что она похожа на ведьму, — вставил Майкл.

Натан поспешил к Бэготам. Дверь открыла Лили и пригласила мальчика войти. Она не плакала, а скорее была чем-то напугана.

— Она думает, что папа вернется, — объяснила Хейзл. — Она испугана. Не думаю, что ей так уж нравилась прабабушка; ведь та сама ее не любила — да и вообще никого. Зато она оберегала нас. А теперь некому будет нас защитить...

— Ну, есть полиция, — предположил Натан. Хейзл скорчила гримасу. — Моя мама поможет... А что касается твоей прабабушки... Ты, случайно, не собираешься сказать «Я же предупреждала»?

— Я же предупреждала.

Друзья поднялись в комнату Хейзл. Натан вернул подковы. Девочка села на кровать и принялась поглаживать пальцем грубый металл.

— Слишком поздно, — сказала она. — Нельзя было брать их. Она тоже нуждалась в защите железа. Что-то ее подстергло...

Хейзл ни словом не обмолвилась ни о лице, что видела в плошке, ни о появившейся следом голове. Все это было слишком преувеличенно, слишком неестественно; не какие-то нашептанные чары, а реальность оказалась невероятной. Хейзл

отвергала мысли о ней и тем более не желала обсуждать, но та переполняла разум, распихивая по закуткам остальные мысли. Девочка пыталась убедить себя, что смерть Эффи и впрямь была случайной, однако это оказалось нелегко: в голову лезли предположения одно другого страшнее. Трудно удерживать исчезающую реальность одними краешками разума. В конце концов Хейзл включила музыку — вероятно, восточную, со звенящим струнным инструментом (ситар, по предположению Хейзл); за неимением имбирного пива пришлось довольствоваться «колой»; ребята почти не разговаривали. И все же она была рада, что Натан рядом.

Когда он ушел, Хейзл снова отправилась на чердак. Сломанный замок так и не починили, потому дверь была прикрыта неплотно. Девочка чувствовала, что комнату нужно закрыть, что чердак должен запираться на замок, но не знала, что с этим делать. Бесплезно сейчас подходить с подобными просьбами к матери. С тех пор, как они взломали дверь (с помощью мускулистого соседа), внутри все оставалось по-прежнему. Травы и пузырьки на столе, запах — теперь едва различимый, чужой для чердака — запах открытого пространства, запах реки; и черепки разбитой плошки на полу. Хейзл не стала их поднимать, не желая ни к чему прикасаться. Она быстро и рассеянно покидала в специально захваченную спортивную сумку все, что находилось на столе; пузырьки позвякивали, когда девочка несла их вниз по лестнице. Она намеревалась все выбросить, но оказалось, что мать разговаривает с кем-то на кухне, а Хейзл вовсе не хотелось объяснять, что она собирается отправить в помойное ведро. В итоге она спрятала сумку под кровать и там забыла.

Позже Лили принялась рассуждать о возрасте Эффи (неизменном «темном пятне»), о том, как она, должно быть,

поскользнулась и какая это трагедия для человека еще довольно крепкого и на диво здравомыслящего. Хейзл, подавленная унынием и непреходящим чувством собственной вины, не проронила ни слова.

До Дома-на-Реке следователи добрались лишь к среде. Открыв дверь, Майкл обнаружил на пороге инспектора из отдела угрозыска и сержанта полиции; вежливо представившись и предъявив предписание, они попросили его ответить на несколько вопросов.

Женщина-сержант была темнокожая, коренастая, шести футов ростом; инспектор — почти так же высок, но намного худее, с узким внимательным лицом — смуглым и бледным одновременно, тяжелым взглядом и молчаливым ртом. Его звали Побджой. Имя ему совсем не шло. Инспектор за обоих отказался от кофе тоном человека, который делает это из принципиальных соображений.

— Если я не ошибаюсь, следствие назначено на следующую неделю. Мне сказали, что мое присутствие не требуется.

— Все верно, сэр. Нам только нужны показания человека, нашедшего тело. Мы всего лишь хотели бы уточнить кое-какие мелкие детали.

Майкл изучающе глянул на офицера в штатском, оценив значительность его положения.

— Неужели ее смерть вызывает какие-то подозрения?

— А вы полагаете, что для этого есть основания?

— Ну... нет, — отозвался Майкл, слегка сбитый с толку. — Пожилая женщина, совершающая прогулку по берегу реки, возможно, после наступления темноты, падает в воду, тонет... Несчастный случай, не более.

— А что заставляет вас думать, что она гуляла после наступления темноты? — спросил инспектор.

— Полагаю, бóльший шанс оступиться. Если только у нее не было проблем со зрением.

— У нее было отменное зрение.

— Возможно, у нее закружилась голова, — продолжал рассуждать Майкл. — Должно быть, она немного пережила свой век. Насколько мне известно, она была прабабушкой.

— Вскрытие подтвердило, что она была необычайно крепка для своего возраста, — сообщил инспектор; и как-то неопределенно добавил: — Каков бы он ни был.

— А вы не знаете?

— Дата ее рождения не значится ни в каких документах, и родственники, по-видимому, также затрудняются ее назвать. Вы видели, чтобы она совершала регулярные прогулки по берегу? Живя здесь, вы должны знать каждого, кто ходит этой дорогой.

— Не совсем так, — ответил Майкл. — Наша полоса вдоль реки — частная собственность. Люди ходят вот там — выше по течению; тропинка не очень хорошая, так что ею пользуются не столь часто, как можно ожидать. Несколько раз я видел того старикана с собаками, но что-то не припомню, чтобы мне встречалась миссис Карлоу. В деревне видел, но не у реки. А к чему это вы клоните, инспектор?

Побджой не собирался ничем делиться.

— Я просто пытаюсь установить факты. Леди отличалась отменным здоровьем и ясностью рассудка. Она также имела репутацию особы чрезвычайно прямолинейной. Мы подумали, что если у нее было обыкновение прогуливаться берегом реки, то вы могли бы об этом знать; в противном случае маловероятно, чтобы она вдруг решила пуститься в

подобное путешествие. Вы же сами сказали, что той тропинкой ходят нечасто. Да и собаки у нее не было.

— Она упала или ее столкнули? — спросил Майкл. — Такова ваша мысль?

— Следов насилия нет, — отрезал Побджой. — Тем не менее, если вы видели, как кто-то посещал интересующую нас местность за несколько дней до обнаружения тела, нам бы хотелось об этом знать.

— Кто-то, кто бы вел себя подозрительно? Не думаю.

Инспектор заставил Майкла вспомнить каждую, даже самую незначительную встречу на последней неделе. Почтальон, курьер с пачкой книг, доставка из супермаркета «Сейнбериз» в Кроуфорде, пара мальчишек, рыбачивших без разрешения, еще один собаковод...

— А ваша жена? — в заключение спросил Побджой. — Боюсь, с ней нам тоже необходимо побеседовать. Когда вы ожидаете ее возвращения?

— Примерно через месяц, — ответил Майкл. — Она в Грузии.

Теперь настала очередь инспектора смутиться.

— Она актриса и уже некоторое время находится в туре. Вряд ли она сможет рассказать вам что-то полезное; она нечасто здесь бывает.

Побджой бросил на Майкла быстрый, тяжелый взгляд, удивительным образом лишенный всякого выражения.

— Понятно, — произнес инспектор таким тоном, что Майкл задумался, что именно ему понятно. — На данный момент у нас все, хотя нельзя исключать, что придется обратиться к вам еще.

Не поблагодарив и лишь коротко кивнув на прощание, Побджой удалился, оставив Майкла наедине с его размышлениями и смутным беспокойством.

На улице сержант Хейл спросила:

— Итак, сэр, вы впрямь полагаете, что здесь что-то нечисто?

Инспектор пожал плечами.

— Возможно. — Он пока был явно не готов обсуждать данное дело. По дороге в деревню, где их ждала машина, инспектор сказал: — Встретимся в пабе примерно через час. Хочу немного осмотреться. Пообедайте.

Сержант отправилась в паб, а Побджой — вдоль Хай-стрит, как бы без всякой цели; заглянул в гастроном — купить сыра и незаметно понаблюдать за Лили Бэгот, которую он еще не опрашивал. Пока инспектор находился в магазине, заглянула Анни, по-дружески поприветствовала хозяйку, купила дюжину яиц. Побджой проследил, куда она отправилась, и несколькими минутами позже вошел в книжную лавку.

Пролистав том военной истории (сей предмет вызывал у него неподдельный интерес) и пробормотав приветствие, инспектор представился. Хозяйка лавки явно не принадлежала к тем, кто будет пересказывать досужие сплетни о Бэготах, а потому Побджой не стал попусту тратить время на попытки расспросить ее неофициально.

— А что не так? — удивилась Анни. — Конечно... конечно, гибель миссис Карлоу — несчастный случай. С чего бы кому-то вздумалось ей вредить?

— Вот это-то меня и занимает, — ответил инспектор. Почувствовав тень сомнения в тоне Анни, Побджой выдержал паузу: он хорошо знал цену молчанию в беседе с потенциальным свидетелем. Анни не отреагировала.

Она выглядит почти болезненно-хрупкой, думал инспектор: чувственные губы, спокойный мягкий взгляд, дымчатый ореол волос — нежное создание, чья душевная теплота вы-

ражена в чертах лица. И все же под этой мягкостью угадывалась сила — и, по-видимому, умение держать себя в руках.

— У меня создалось впечатление, что пожилую леди характеризовала изрядная резкость в общении, — заявил Побджой. — Насколько я могу судить, в финансовом плане от ее смерти никто не выигрывает, но она вполне могла нажить себе врагов.

— Да, она отличалась откровенностью.

— А значит, неминуемо кого-то расстраивала.

— Не особенно. Знаете, как всегда: люди делают скидку на возраст — старым и малым. Им прощают любые дерзости. Полагаю, Эффи пользовалась этим. Она всегда стремилась говорить то, что думает, и вроде бы никто особенно не возражал. И не то чтобы она была сплетницей или скандалисткой, вечно затевающей какие-нибудь склоки. Вообще-то большую часть времени она предпочитала проводить в уединении. До тех пор, пока...

— Пока не перебралась к миссис Бэгот? — подсказал Побджой.

— Это была временная мера. Лили недавно рассталась с мужем, и сейчас ей нужна поддержка. Эффи приехала, чтобы ей помочь.

— А как муж отреагировал на подобный шаг?

— Боюсь, тут я не смогу вам помочь. — Анни взглянула инспектору прямо в глаза. — Почему бы вам не спросить у него самого?

— Полагаю, что так и сделаю.

Задав еще несколько вопросов и больше не вытянув из Анни ничего интересного, Побджой расплатился за выбранную книгу по истории и — с некоторой неохотой — покинул лавку. Милая женщина, отметил он про себя: преступления редко сводили его с приятными представительницами про-

тивоположного пола. Сам Побджой недавно переехал из Гастингса, знаменитого развитой сетью торговли наркотиками со всеми вытекающими последствиями. Несколько лет назад распался его брак — рабочее напряжение слишком тяжким бременем легло на семейную жизнь. Переводу Побджоя на относительные задворки в Кроуфорд способствовал скандально известный провал на дежурстве — в сущности, по вине самонадеянного напарника: тот сфабриковал улики, что повлекло за собой нежелательные последствия и для инспектора. Здесь редко совершались серьезные преступления — иногда случались убийства на бытовой почве. Собратья по оружию лишь удивленно приподняли брови, когда он проявил интерес к делу гибели Эффи Карлоу; однако его считали талантливым следователем, даже несмотря на пятно в послужном списке, поэтому руководство дало Побджою карт-бланш на расследование. Инспектор и сам затруднялся определить, что ему казалось странным: пожалуй, сочетание каких-то тривиальных деталей, которые не желали вписываться в общую картину случившегося. Например, любопытное утверждение Лили Бэгот и ее дочери, что Эффи заперлась на чердаке и больше не появилась. А теперь еще и возможная враждебность со стороны Дейва Бэгота. Позвонив в контору, инспектор попросил навести справки об отце семейства. Две судимости за пьянство и учинение беспорядка, одна — за вождение в нетрезвом виде. Плюс дело о нанесении телесных повреждений, закрытое за недостаточностью улик. По крайней мере тут есть в чем покопаться, хотя успех отнюдь не гарантирован.

И ко всему прочему еще это анонимное письмо.

В Торнхилле Эрик занялся совершенствованием английского на материале газет. Выполнив обычный объем работ в кафе, чужеземец попросил немного наличных вместо обеда:

Бартелми удалось внушить ему, что питаться на стороне, когда останавливаешься в гостях, — грубейшее нарушение местных обычаев. Пока что Эрик спал под открытым небом лишь однажды: уютная кровать и непринужденная обстановка дома заманивали его внутрь. Вечерами они с Бартелми беседовали о поэзии, политике, ином мире, что прежде был Эрику родным; однако хозяин старательно избегал обсуждения снов Натана. Идея чтения газет принадлежала тоже Бартелми: однажды он привез из «Сейнбериз» в Кроуфорде целую охапку хорошей прессы. Читая одно из многочисленных газетных приложений, Эрик вдруг воскликнул что-то на своем наречии. Гувер (который наблюдал за гостем, словно учитель за талантливым учеником) наострил уши и отрывисто гавкнул.

— В чем дело? — поинтересовался Бартелми, выплыв из кухни.

— Вот. — Лицо Эрика залила бледность, смуглая кожа приобрела зеленоватый оттенок. Он указал на длинную статью, иллюстрированную двумя фотографиями. На одной были изображены Анни и Ровена Торн с листком бумаги в руках, на другой — «с особого разрешения «Сотбис» — Грааль Лютого Торна.

— Да, это Анни, — подтвердил Бартелми. — Довольно удачное фото — для газетного снимка.

— Она знаменитость? — спросил Эрик; почему-то вид у него при этом был обеспокоенный.

— Господи, да нет, конечно. Просто Анни нашла пропавший документ, который может помочь Ровене доказать, что у нее есть право на вот эту чашу. Когда-то она принадлежала их семье.

— Невозможно. — Эрик изящно махнул рукой. Бартелми заметил, что гость вообще много жестикулирует — быть

может, восполняя тем самым не вполне безупречное владение английским. — Чаша из моего мира. Не должна находиться здесь.

— Вы уверены?

— Я не могу ошибаться. Я никогда не видеть ее — она слишком значительная. Как бы вы сказали — священная? Я видеть много изображений. Первая из трех. Все знают о них. Это часть религии.

— Я думал, вы не верите в Бога... — тихо заметил Бартелми.

Взамен объяснения Эрик только пожал плечами.

— Религия не значит Бог. Религия — дух, вера. Есть понятие, которым вы пользуетесь здесь, в церкви, — «спасение». Нас теперь мало — людей моего мира. Даже Эос скоро умереть; но мы верим, что нас спасут. Хотя бы один мужчина и одна женщина, которые не будут бесплодны; опять появятся дети, наш мир будет продолжать жить. Спасение.

— И чаша — его часть? — продолжал Бартелми.

— Очень важная, особенная, священная. Первая из трех. Не может быть *здесь*. Надежно спрятана в тайном месте, охраняется древним чудовищем, пока не потребуется.

— Что значит «первая из трех»?

— Три предмета. Чаша, меч и венец. Они составляют единство. Все священны. Чаша из камня, меч из *стра*, венец из железа. Чтобы сотворить Великое Заклинание, которое спасет нас.

— Меч из трав? — не понял Бартелми.

— Из *стра*, — поправил Эрик. — Особый металл в моем мире. Очень прочный, лезвие и кончик можно наточить чрезвычайно остро. Не знаю местного названия. Может быть, на Земле его нет.

— Понимаю. Камень тоже должен чем-то отличаться, хотя бы мельчайшей разницей на молекулярном уровне, не

поддающейся анализу. И возраст... из другой вселенной, другого времени — его невозможно установить. Это бы объясняло все аномалии экспертизы. Впрочем, железо — повсюду железо. — Он замолчал, погрузившись в раздумья. Эрик вернулся к изучению газеты — крайне взволнованный, словно католик, обнаруживший на Марсе Туринскую плащаницу.

— А что за Великое Заклинание? — наконец спросил Бартелми.

— Это страшная тайна, — отозвался Эрик. — Если бы мы знали, наш мир был бы спасен. Но его никто не знает. Может быть, Грандир отыщет. Говорят, первый Грандир сделать эти *три*: давным-давно, миллион лет назад по нашему времени. Чаша наполняется кровью, меч может двигаться сам, без помощи руки, у венца много возможностей, я их не знаю. *Его* венец, *его* кровь и меч, который *его* убить. Истинная история так стара, теперь многое перепуталось. Запрещено обсуждать, потому что люди могут что-то придумать, солгать. Религия не должна лгать.

— Ни дать ни взять сюжет для рыцарского романа, — заметил Бартелми. — А как звали первого Грандира?

— Великий секрет, — ответил Эрик. — Имя Грандира всегда держится в секрете. Думаю, его имя на языке силы и обладает мощью.

— Да... имена обладают мощью, язык обладает мощью, особенно язык магии. Интересно...

— Как она оказалась здесь? — Эрик вернулся к прежним причитаниям. Неправильно, очень плохо. Если чаша здесь, мой мир нельзя спасти. Нет больше надежды. Кто украсть ее? Кто принести ее сюда? Быть может, Натан во сне...

— Нет, — необычайно резко оборвал его Бартелми. — Связь может существовать, но не в этом. Как бы то ни было, чаша хранилась здесь веками. Возможно, наш мир и есть то

самое тайное место, куда ее отправили для сохранности. Древнее чудовище может существовать лишь для отвода глаз, как приманка для воров. Старый фокус: строишь сокровищницу, чтобы привлечь внимание и всех запутать, а потом прячешь сокровища под кроватью.

— Чашу хранят под кроватью? — в ужасе воскликнул Эрик.

— Не волнуйтесь так, я выразился метафорически. Даю слово, сейчас она в надежном месте. Нужно найти возможность, чтобы вы на нее взглянули. Фотография довольно четкая, однако нельзя быть полностью уверенным. Если вы ее увидите, то сможете точно понять, что она из вашего мира? Ведь на свете столько похожих чаш и кубков.

— Я знаю, — продолжал стоять на своем Эрик. — Узоры на ней — вот здесь — священные, обладают огромной силой. Как она может быть здесь? Я думаю, что я здесь случайно. А другие видят сны, как Натан?

— Сомневаюсь. Между нашими мирами определенно существует связь, уходящая корнями в глубину веков. Натан мог случайно перенести сюда вас, однако сны его не случайны. Вы должны рассказать мне все, что сможете вспомнить о чаше и других предметах. В нашем мире чаша также считается одной из реликвий — трех или четырех, из легенды не совсем ясно. Еще одна — копье, которое может превращаться в меч; не уверен насчет венца. Предания почему-то всегда концентрировались вокруг чаши. Здесь также считается, что в чаше якобы хранилась кровь некоего святого. В традициях наших миров существуют определенные параллели, которые не могут быть простым совпадением. У чаши есть имя, или оно тоже секретно?

— Санграаль, — отозвался Эрик. — То есть *сангра* — «кровь» и *грала* — «чаша, сосуд». Слово на языке силы.

— Звучит похоже на язык, что мы используем здесь для сильной магии; от него в свою очередь произошли многие другие языки, — объяснил Бартелми. — Быть может, ваш мир значительно более развит — достаточно, чтобы оказаться на грани разрушения, однако между ним и Землей явно просматривается множество общих основополагающих точек. Хорошо. Не поведаете ли вы мне всю историю, с самого начала? Здесь не запрещается ее обсуждать.

Эрик рассказал все, что знал; правда, добавить к тем скудным сведениям, что он уже сообщил, оказалось практически нечего. Первый Грандир был правителем великой силы и святости, коварно убитым лучшим другом; такой конец он предвидел сам, хотя почему-то не сделал ничего, чтобы отвратить его. По некоторым версиям убийцей был либо сын, либо сестра-жена Грандира. Его пророчество гласило, что со временем смертные станут неверно использовать магию, коей в изобилии в их вселенной, и превратят ее в яд, что их же и уничтожит. Однако он создал заклинание, которое все же может спасти мир, — заклинание, воплощенное в чаше, мече и венце: чаше, что хранила его кровь, мече, что заколол его, и венце, что он носил при жизни. Только Грандира убили прежде, чем он успел раскрыть, в чем оно состоит.

— Почему? — осведомился Бартелми. Казалось, что время для убийства и впрямь выбрано чрезвычайно неудачно.

Эрик трагично повел плечами и сделал неопределенный жест рукой. То была судьба — рок, мрачная неизбежность. Возможно, заклинание содержалось в некоем документе, а тот утерян, или нашептано кому-то — и с тех пор передается из века в век от избранного к избранному, пока не настанет момент произнести его слова вслух. Момент настал, но никто не произнес заклинания. Почему чаша хранится в чужом мире теми, кто не знает ее истинной ценности? Меч и

венец тоже где-то здесь — или разбросаны по бессчетным вселенным? Их нужно разыскать и вернуть на Эос, и тогда, быть может, заклинание обретет завершенную форму.

— Вдруг именно поэтому Натан перенес меня сюда, сам того не зная? Провидение, судьба. Чаша здесь в опасности. Ее нужно охранять, держать под присмотром.

Бартелми вспомнил о звезде, горящей над Иде, которую заметил Натан.

— Кто-то и так за ней присматривает, — заверил он Эрика.

— Ты... ты уже в норме? — раздался голос Эдмунда Гейбла, одноклассника и соседа Натана по комнате. Оба играли в крикетной команде и подружились едва ли не с первого дня в школе.

— Разумеется, — отозвался Натан. Нэд выглядел встревоженным и неуверенным, что было для него весьма не обычно. — А что случилось?

— Похоже, в последнее время ты совсем не думаешь о школе: по химии всего лишь «четверка», и к тому же...

Натан улыбнулся.

— Ты говоришь прямо как брат Булкин, — так они прозвали мистера Беньяна, учителя химии. — Химия — не моя страсть. Ты же знаешь, всем наукам я предпочитаю физику и биологию.

— Раньше ты отлично успевал по всем предметам. Что-то не так, с тобой творится что-то странное. Ночью я проснулся и взглянул на тебя: ты выглядел каким-то сумрачным.

— Вот спасибо! А что, во сне я должен сиять от счастья?

— Нет, я имел в виду сумрачным — как бы расплывчатым. Словно ты не совсем здесь.

Сердце Натана совершило такой прыжок в груди, что прошла целая минута, прежде чем мальчик смог заговорить.

— Наверняка тебе почудилось. Да и как ты вообще мог что-то разглядеть? Ведь было темно.

— Уже начало светать, — возразил Нэд. — Света было вполне достаточно, чтобы все видеть. Честное слово. Ты был почти... прозрачным. Как привидение.

— Ну, теперь-то я здесь, — отозвался Натан. — Плотнее плотного. Потрогай! — Он вытянул руку. — Будь я призраком, я был бы мертв, верно? И не потрепал бы тебя сегодня днем на тренировке по крикету.

Натан старался поскорее забыть об этом случае, а Нэд, хотя больше не возвращался к разговору о нем, все же был страшно напуган.

Если бы не беседа с Нэдом, Натан никогда бы не вспомнил о том, что ночью видел сон. Сколько же других снов он вот так позабыл? Содержалась ли в них важная информация, теперь безвозвратно утерянная в подсознании? И что он мог натворить во время всех этих путешествий? А вдруг ему каждую ночь что-то снится? Натан попытался контролировать поток мыслей и сдержать панику с помощью здравого смысла. В конце концов он вспомнил сон. И что бы ни представляла собой сила, насылающая сны, она не запутает его, стирая их из памяти.

Еще больше Натана беспокоила очевидность дематериализации. Предположительно, чем более реальным становился мальчик во сне, тем менее реальным — его тело в этом мире. Если с каждым разом он обретает все более плотную оболочку и не умеет управлять этим процессом, размышлял Натан, то что произойдет, когда он вовсе исчезнет из кровати? Сможет ли он вообще когда-нибудь вернуться? Инстинкт подсказывал мальчику, что его тело служит неким якорем,

притягивающим дух назад: даже сквозь вселенные их связь никогда полностью не разрывалась. Но если физическое воплощение исчезнет из этого мира, то и дух может не найти дорогу назад. Натан решил, что стоит обсудить все с дядей Барти. Отчего-то он не сомневался: старик знает, что делать. Даже если Натан был не совершенно в этом уверен, то, во всяком случае, очень надеялся. При мысли о том, что есть взрослый, к которому можно обратиться за помощью, Натана накрыла теплая волна облегчения. На следующий урок — французский язык — он отправился в приподнятом настроении.

И все же Натан по-прежнему никак не мог сосредоточиться на предмете, то и дело возвращаясь мыслями в увиденный сон. Он снова был в комнате наверху башни, где медленно вращались бледные сферы, подвешенные в воздухе и испускающие свет, который не достигал стен. Почти бесшумно Грандир перемещался по комнате от одного шара к другому, внимательно их разглядывая. В тусклом свете правитель становился виден, лишь когда подходил к сфере вплотную: словно из ниоткуда белая маска возникала, тоже как бы подвешенная в воздухе, тогда как тело, задрапированное в темные одежды, оставалось почти невидимым. Натан тоже без труда нашел для себя укрытие: всего-то нужно было держаться подальше от шаров. Как их назвал Бартелми? Шары межизмеренческого разрыва, оплетенные магией...

Грандир приблизился к одной из сфер, что вращались по внешней орбите, и произнес уже знакомое Натану слово: «Фиал!»; оно не принадлежало к обычному языку Эоса. Последовавшая вспышка, видимо, ослепила и Грандира; иначе, взгляни он в нужном направлении, наверняка заметил бы мальчика. Теперь внимание правителя целиком поглощала картина, развернувшаяся под потолком. Появилось вогнутое

округлое изображение: море, догадался Натан. Взгляду открылся сплошной темно-синий простор с тоненькой полоской неба внизу, слегка искаженный изгибом сферы. Не этот ли океан видел Натан в прошлом сне?

Пробормотав другое слово, Грандир стер изображение и перешел к следующему шару, где его ждала иная картина. Нагромождение красноватого камня, напоминающее вход в пещеру: великолепно оснащенную пещеру с раздвижными дверями, украшенными бронзовым символом солнца. Натану сразу вспомнился фильм «Предвестники бури». Но вот двери разъехались в стороны, в них возникла человеческая фигура — гораздо меньше, чем он ожидал; и вся сцена приобрела некое величие и масштабность, хотя вниз головой оценить размах изображения оказалось не так легко. Силуэт был облачен в футуристическое одеяние с тусклым радужным блеском. Несмотря на бритую (так показалось Натану) голову, вероятнее всего, это была женщина. Она спустилась по вырубленным в скале ступенькам и исчезла из виду. Грандир вглядывался в изображение еще несколько минут, хотя пока больше ничего не происходило. Наконец в желтом небе показалась голая, без перьев, птица: она спикировала на змею; та угрожающе разинула пасть, ощерившись воротником шипов. Грандир не стал дожидаться развязки схватки: изображение со щелчком погасло.

Еще несколько сцен сменили друг друга. Взгляду предстал заснеженный мир, где копошились мохнатые существа. Они спасались от холода под меховыми шкурами — то ли одеждой, то ли их собственным волосяным покровом. В поле зрения появилось громадное животное, напоминающее мамонта; спину его венчало резное седло, на котором неуверенно громоздились еще трое мохнатых существ. Затем возникло изображение местности, напоминающей средневековую де-

ревню: крыши были покрыты прелой соломой, из печных труб валил дым; во дворе появилась молодая женщина в подбитых кожаных штанах, с волосами чудесного золотисто-абрикосового цвета. Следующий шар показывал лес — созерцание его вызвало у Натана смутное беспокойство. Лес осенью — роскошнее, чем мальчику когда-либо доводилось видеть: листья были желтые, и огненно-красные, и малиновые, и пурпурные; на каждом стволе росли грибы, расцвеченные яркими пятнами. Одна за другим открывались новые и новые картины: пустыня, по которой длинным караваном плелись двуногие рептилии, управляемые наездниками; город на вершине скалы, где мосты и дома вырастали из камня, будто были его частью; лес с гигантскими грибами, чьи огромные, с бахромой, шляпы нависали над домами и храмами с ярко-красными колоннами и загнутыми кверху крышами. Последним возникло изображение широкого зеленого озера: зеркально гладкую поверхность его окаймляли густые заросли тростника высотой в двадцать футов; рядом, на плоском камне, неподвижный, словно дерево, сидел облаченный в красное человек, по-видимому, погруженный в медитацию.

«Вот они, иные миры, — думал Натан со смешанным чувством трепета и необычайного волнения. — Сферы — словно окна в самой ткани пространства и времени, и я могу заглядывать в другие реальности, другие состояния бытия. И это лишь некоторые из них. Должно быть, их тысячи, миллионы, а может, и миллиарды; и многие гораздо более чужды и непонятны. Вполне могут существовать такие уголки, где земля плоская, море розовое, а существо с самым развитым интеллектом — говорящий кролик. В бесконечности всему найдется место». И вдруг «все» показалось Натану таким необъятным миром — никогда прежде он не осознавал его истинных размеров: громадный мир с землями, недоступны-

ми воображению, и бессчетными галактиками, и существами всевозможных размеров, видов и форм. Сознание отказывалось расшириться настолько, чтобы принять все.

Натан оглянулся и обнаружил почти с облегчением, что по-прежнему находится в круглой комнате. Видения многочисленных миров исчезли; остались лишь медленно вращающиеся сферы и лучи света, вечно не достигающие стен. Теперь Грандир стоял в центре комнаты, простерев руки над самым большим шаром. Не касаясь его руками, правитель старался отыскать интересующий его сегмент поверхности. Сияющая вспышка — и над головой развернулось изображение. На сей раз это оказалась не книжная лавка, а берег озера — по всей видимости, место неподалеку от дома Майкла, где нашли Эффи Карлоу. По тропинке шла темноволосая женщина. Натан видел ее лицо лишь мельком: выдающиеся скулы, задумчивый, недовольный изгиб бровей. Мальчик был совершенно уверен, что знает женщину. Несколько мгновений спустя он наконец ее вспомнил: Рианна Сарду — актриса, кинозвезда, вечно пребывающая в разъездах жена Майкла. Интересно, что заставило ее вернуться именно теперь — и что значит эта ее прогулка вдоль реки, если, конечно, во всем увиденном есть некий смысл. Рианна имела полное право вернуться, когда ей заблагорассудится, решил Натан; в конце концов, она там живет.

Вдруг высокие травы, мимо которых проходила женщина, расступились, и показалось лицо. Темное, грубое, полускрытое волосами лицо с узкими, в сетке морщин, глазами было искажено гримасой коварства и отчаяния. Хотя Натан видел его лишь однажды и только на миг, он сразу его узнал. Узник из Темного леса. Натан подался вперед, склонив голову, чтобы лучше разглядеть беглеца; однако сновидение уже ускользало, изображение стало рассеиваться. Белая Маска

начал поворачиваться среди сфер, как бы выискивая глазами мальчика, но в то самое мгновение сон поглотил и укрыл его.

Вынырнув из воспоминаний, Натан обнаружил, что в классе повисла тишина, а учитель выжидающе смотрит на него. Перед ним лежал учебник, открытый на отрывке из французской книги. Почти без подсказок Натан начал переводить текст.

Дейв Бэгот объявился дома в четверг вечером. Хейзл, притаившаяся под кухонной дверью, слышала, как он сказал матери:

— Теперь, когда старой ведьмы больше нет, ты ведьпустишь меня назад? Вышвырнуть меня из дома была не твоя идея. Это все она. Она ненавидела мужиков. Злобная старая карга.

— Она мертва, — без всякого выражения произнесла Лили.

— Не стану плакать. Знаю, знаю, она приходилась тебе бабкой, но...

— Я не хочу, чтобы ты возвращался. Ты мне не нужен.

— Идиотка! Ты моя жена, а это мой дом, и я вправе здесь находиться. Меня нельзя просто взять и вышвырнуть.

Последовали ругань и крики, и наконец послышался звук удара. В последнее время он все чаще распускает руки, думала Хейзл. Мозг бешено заработал, стремясь отыскать решение, придумать выход, найти, к кому обратиться. Жаль, что ушел тот следователь, — правда, вряд ли от него был бы толк. Под плач Лили Хейзл выскользнула из дома; внутри все сжалось в такой комок, что она едва могла передвигать ноги. Нужно найти помощь!

Чуть позже восьми Хейзл добралась до книжной лавки и бешено заколотила дверным молотком. Когда Анни отворила, девочка кинулась к ней и обхватила ее обеими руками.

— Натан сказал прийти к вам, — объяснила она. — Нет — вам туда нельзя. Вам не справиться с отцом. Найдите кого-нибудь. Позвоните!

Они нашли Майкла: тот как раз собирался в паб пропустить пинту пива. На секунду у Анни в голове промелькнула шальная мысль, что его послало само небо: рыцаря в сияющих доспехах; потом она вспомнила, что Дейв Бэгот — крупный коренастый мужчина, тогда как Майкл худой и мягкий. Вдруг она испугалась за него, за Лили. Из-за всего этого клубка страхов она повела себя глупо, заикаясь и хватая Майкла за руку.

— Вызови полицию, — бросил он на ходу. — Нет. Не ходи со мной. Просто покажи, куда идти.

Разумеется, все отправились с ним; Анни по дороге пыталась дозвониться в полицию по мобильнику, дрожа от поднимающейся внутри паники. «П-пожалуйста, приезжайте. Приезжайте скорее».

Дверь в дом Бэготов так и стояла открытой настежь, какой ее оставила Хейзл. Майкл вошел, и они слышали, как он говорит что-то на повышенных тонах — резким, холодным, незнакомым голосом; потом раздались звуки драки — удар — падение.

— Жди здесь, — приказала девочке Анни и побежала внутрь.

Все были на кухне. Перевернутый стул, черепки на полу — должно быть, до прихода Дейва Лили мыла посуду. Теперь она сидела у стены, скорчившись, пытаясь заслонить руками лицо. Майкл старался подняться на ноги, из носа у него шла кровь. Но Дейв Бэгот не дал ему встать, ударив раньше, попутно крича, что он суется не в свое дело, обзывая сплетником и прочими словами. Анни закричала, чтобы Дейв замолчал,

однако тот не обращал на нее внимания; она попробовала схватить его, но он лишь оттолкнул ее. Тут женщина заметила в сушилке кастрюлю — тяжелую посудину, предназначенную для духовки; схватив ее двумя руками, Анни замахнулась и обрушила орудие на голову хулигана. Дейв рухнул на пол — с тем самым эффектом, который могла произвести столь внушительная фигура. На окровавленном лице Майкла смешались чувства гнева и крайнего удивления. Лили распрямилась, забыв об избитом лице; Анни полными ужаса глазами смотрела на дело своих рук.

— Вдруг я его убила...

— Даже не надейся, — мрачно отозвался Майкл. И неожиданно он обнял ее. — Ты чудо. Ты просто чудо.

— А ты закапаешь меня кровью, — ответила Анни. — Дай-ка я промою рану.

— Сейчас найду что-нибудь подходящее, — сказала Лили. Лицо ее, хотя все в ушибах, не было в крови. Похоже, она уже взяла себя в руки.

— По-моему, от меня было мало толку, — сокрушался Майкл.

— Ты был великолепен, — прошептала Анни. — Может, попробовать привести его в чувство?

— Нет.

Тут в сопровождении одного из соседей появилась Хейзл, а минут через десять прибыла полиция. Последовало чаепитие, предложения о помощи, Лили заклинали обратиться к адвокату для оформления соответствующего запрета. Дейв Бэгот пришел в себя с ужасной головной болью; его тут же затолкали в полицейскую машину и увезли прочь.

— Он арестован? — спросила Хейзл у одного из офицеров.

— Пока нет, если только твоя мать не решит добиваться, чтобы ему предъявили обвинение. Но его хотят расспросить о смерти старой леди.

— Это было здорово, — делилась впечатлениями с Натаном на следующий день Хейзл. — Мне плевать, что он мой отец. Это было так классно. По-моему, твоя мама — самый храбрый человек в мире.

Натан улыбнулся, стараясь не слишком сильно показать, как он гордится Анни.

— Да, мне она тоже нравится... Жаль, что я все пропустил. Наверное, от меня было бы мало толку, и все-таки...

— Тебе бы не пришлось помогать. Твоя мама все сделала.

— Мне нравится в школе, только жить там — морока. При том, что сейчас со мной творится, мне бы лучше находиться дома. Слава Богу, скоро каникулы. — Поскольку Натан учился в частной школе, семестр у него заканчивался гораздо раньше, чем у Хейзл.

— А лучше всего другое: полиция считает, что он вполне мог спихнуть прабабушку в реку.

— Ты уверена?

— Это же очевидно, — ответила Хейзл. — Именно это они и имели в виду, говоря, что хотят «задержать его для допроса» — или как там они выразились.

— Он ведь не виноват?

— Разумеется, нет. Ее убило нечто такое... что она сама вызвала, наколодовала... нечеловеческое. Я надеялась, что полиция придет и во всем разберется. А потом я поняла, что от них все равно не будет толку. Я не ожидала, что они арестуют папу. Ловко все получилось.

— А если его посадят в тюрьму?

— Надеюсь, что так и будет, — отозвалась Хейзл. В голосе девочки прозвучал вызов, и Натан решил временно оставить эту тему.

Позже он обо всем расспросил Анни.

— Полиция действительно считает, что отец Хейзл столкнул Эффи Карлоу в реку?

— Не знаю. Они со мной не поделились.

— Ты с ними согласна?

Анни вздохнула. В глубине души ей хотелось в это верить.

— Нет. Для подобных вещей нужен план действий: выследить, застать врасплох, найти подходящее место. Жестокость Дейва импульсивна, а не расчетлива. Что говорить, я ненавижу его за то, что он творит, однако существует разница между тем, чтобы ударить кого-то сгоряча, и хладнокровным убийством. Я убеждена, что смерть Эффи — не более чем несчастный случай.

Возникла пауза, наполненная невысказанными мыслями.

— Ну, как бы там ни было, — наконец сказал Натан, — ты здорово врезала ему кастрюлей. Просто класс!

Увидев блеск в глазах сына, Анни не смогла сдержать улыбки. После всего недопонимания и несмотря на нарастающий ком проблем жизнь внезапно показалась ей прекрасной.

— Майкл был великолепен, — сообщила Анни. — Не побоялся вступить в борьбу с Дейвом Бэготом, хотя тот гораздо крупнее.

— Зато ты за него заступилась, — заметил Натан.

Анни крепко обняла сына, с удивлением осознав, как быстро он растет: мальчик уже перерос мать.

— Ты виделся с Эриком?

— Пока нет. Но в воскресенье мы собираемся в Торнхилл. Дядя Барти говорит, что нам нужно обсудить что-то важное.

Вечером, прежде чем лечь спать, Натан выбрался к чердачному окошку, чтобы взглянуть на звезду. На какое-то время мальчик почти забыл о ней: у него было столько дел, да и пищи для размышлений тоже. Иногда Натану казалось, что голова его так переполнилась, что мысли или даже сновидения вот-вот полезут у него из глаз и ушей, обретая свою собственную материальную форму. А может, так оно и было? Существовал Эрик — и звезда. Она казалась совершенно обычной и вполне натуральной, только не мерцала: эдакий немигающий светящийся белый зрачок. Что еще он видел, задумался Натан. Узника Темного леса, который, похоже, ухитрился ускользнуть от гномов и теперь бродил по окрестностям с какой-то тайной целью... смерть Эффи Карлоу... Натан не сомневался, что Хейзл что-то знает и не говорит ему; а вдруг она хотела, но не могла ничего сказать, как в его случае с Граалем? Мальчик постарался отогнать от себя роящиеся мысли — их было слишком много для одного — и посмотрел на звезды своего мира, сложившиеся в привычный, давно знакомый рисунок, рождающий истории и тайны для предсказателей, манящий исследователей в неизведанные просторы космоса. Бывали ночи, когда простор вселенной угнетал Натана, а сейчас созвездия казались ему дорожными указателями, и он — вернее, его дух — знал все дороги, и каждая туманность, каждая галактика была его домом. Его звезды, его родина, его мир. Натан бросил последний твердый взгляд на незваного гостя и, спустившись из Логова, лег спать.

— Магия, — рассуждал после обеда Бартелми, — является частью того, что мы называем уровнем духовного. Взглянув на историю человечества, вы поймете, что оно как вид все

время тяготеет к некоему исступлению. Мы хватаемся за какую-нибудь грандиозную идею и пытаемся подогнать под нее все остальное. Какова бы она ни была, эта идея должна быть единственной правдой, объяснением всего и вся, каждого пустяка, каждого чиха нашей действительности. Сначала религия, потом наука. В настоящее время мы как раз заняты тем, что пытаемся втиснуть наш мир в рамки законов науки. Однако существует такое измерение существования духа, которое не подчиняется подобным законам; все пронизано элементарными частицами, главным образом в нематериальном состоянии, проявляющимися посредством того, что мы называем магией. Изначально люди не имели подобных способностей, но однажды им — во всяком случае, некоторым из них (сейчас это не столь важно, долго излагать всю теорию), — была дана сила, именуемая Даром. Она передавалась генетически, и вполне возможно, что теперь в каждом из нас есть ее частица. Крайние ее формы могут проявляться в наличии у человека мощных способностей к телепатии и телекинезу, колдовству, отделению духа от тела, оказанию влияния или подчинению себе чужого разума. Развитая сила может обеспечить долголетие, как правило, сопровождающееся бесплодием по истечении обычного срока жизни. Если злоупотреблять силой, она развращает и сводит с ума. Однако по причине нашей нынешней склонности искать всему научное объяснение к магии теперь прибегают редко. Быть может, оно и к лучшему.

— Зато в мире Эрика магия существует, — заметил Натан.

— Очевидно. Возможно, такие способности у живущих там людей врожденные. Ясно одно: было накоплено такое количество... силы, что она, так сказать, парит повсюду по-

добно электромагнитным бурям, порождая заражение. Неконтролируемая магия чрезвычайно опасна в любом мире. Я не вполне представляю себе из рассказа Эрика, как именно ее могли отравить: вероятно, посредством неправильного наложения какого-то особенно мощного заклятия. Люди того мира настолько переполнены силой, что обычно живут тысячами лет, не имея детей. Некоторые, подобные Эрику, используют ее исключительно на продление собственного существования, не расточая ни на что иное. В этом мире в отсутствие свободной магии, которую можно было бы притянуть, такие способности могут иссякнуть. Я объяснил ему, что здесь он рискует подвергнуться возрастным изменениям.

— Не важно, — отозвался Эрик. — Я много думал об этом, читал поэзию. Жизнь может оказаться прекраснее, когда она не доходит до конца страницы.

Анни взглянула в глаза чужеземцу, когда тот говорил, и не могла не заметить, как они сияют; она понятия не имела, что это сияние отразилось и в ее взоре.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Натан. — Вы что... у вас тоже?..

— Мне досталось немного Дара. Я редко его использую. Я видел, во что он может превратить человека. Мне же всегда хотелось лишь исцелять — исцелять тело, чтобы вылечить душу, и готовить действительно вкусную пищу. Правильная пища тоже лечит душу — во всяком случае, таково мое мнение.

— Отличная мысль, — одобрил прекрасно отобедавший Эрик. И все присутствующие с ним согласились.

— Сколько... сколько вам лет? — робко спросил Натан, глядя на старого друга совсем другими глазами.

— Разве ты не знаешь, что невежливо задавать такие вопросы? Я довольно стар. Видел много вещей, реальных и

нереальных. Но впервые мне довелось иметь дело с чем-то выходящим за грани нашей вселенной. Я тут генерирую теории — за отсутствием опыта; на сей раз у нас специалист ты, Натан.

— Я вовсе не напрашивался.

— Из того, что рассказывал Эрик, я понял, что Грааль Лютого Торна — артефакт из его мира, который, по-видимому, поместили сюда с какой-то целью — возможно, для сохранности. Чтобы убедиться в этом, я бы хотел, чтобы Эрик осмотрел чашу; однако, похоже, он не сомневается в собственной правоте.

Эрик принялся энергично выражать согласие.

— Полагаю, что это как-то связано с путешествиями Натана во сне; только понятия не имею, как именно.

— Ты постоянно видишь сны? — немного смущенно спросила Анни.

— Нет. Вообще-то не знаю. Может быть, какие-то я забываю. Я все волновался... — Натан принялся рассказывать о том, что случилось на неделе, и о своих страхах оторваться от здешней реальности. От того, что обычно невозмутимый Бартелми слушал его с видом столь серьезным, мальчику совсем не полегчало.

— А если попробовать снотворное? — предложила Анни. — Сновидения прекратятся?

— Мне тоже такое приходило в голову, — кивнул Натан.

— Не самая лучшая идея. Мы не знаем, сколько времени потребуется, чтобы справиться с этой проблемой, и Натан должен все держать под контролем. В одном я уверен: со временем он научится тому, что нужно делать. Нам придется положиться на судьбу: какая бы она ни была, она сама о нем позаботится. Тем не менее следует принять кое-какие меры предосторожности.

Бартелми повернулся к Натану.

— Существует лекарственная трава, которую нужно держать в спальне. Не волнуйся, аромат у него сильный, но приятный. Еще я дам тебе масло того же растения — его нужно перед сном наносить на лицо и руки. Эти травы имеют большую притягательную силу в мире духов; они помогут твоему духу, если он вдруг заплутает, отыскать обратный путь. К тому же нужно начертать на твоей стене Знак Агареса, руну отыскания. Его же ты должен нанести несмывающимися чернилами на руку или на грудь и обводить всякий раз, как она начинает тускнеть. И все же я не знаю, насколько эффективны подобные меры в отношении пространственно-временных барьеров.

— Не слишком обнадеживает... — заметил Натан. Ему очень хотелось казаться храбрым, но почему-то не удавалось. В глубине души он надеялся, что Бартелми уже нашел решение.

— Тогда наберись мужества. Верь. Эта способность дана тебе не случайно. Не думаю, что тебе позволят потеряться.

— Надеюсь, вы правы, — с сомнением произнес Натан; чуть-чуть уверенности у него все же прибавилось. Он рассеянно потрепал Гувера по голове. Пес сидел у ног Натана, положив морду ему на колени и глядя на мальчика большими карими глазами. — Жаль, что я не могу взять тебя с собой, — сказал он собаке. — Было бы здорово путешествовать в компании.

— Возможно, тебе удастся взять его с собой во сне, — неосторожно предложила Анни.

— Это может быть опасно, — возразил Бартелми. — Не стоит пробовать. Мы еще не знаем всех твоих способностей. Вдруг ты возьмешь кого-то с собой и не сможешь вернуть? Я очень люблю Гувера — мы вместе с незапамятных времен.

Натан едва удержался, чтобы не спросить, как давно.

— А смерть Эффи Карлоу? — немного погодя поинтересовалась Анни. — Впрямь несчастный случай? Нечасто в Глайде тонут люди.

— Ты сама говорила, что так думаешь, — напомнил матери Натан.

Анни не ответила, слишком живо представив себе тварь из реки, обернувшуюся Рианной Сарду. Ей по-прежнему не хотелось рассказывать о ней Натану; каким-то шестым чувством Анни ощущала, что лишь подвергнет его еще большей опасности. К тому же она не собиралась посвящать сына в тайну его зачатия, хотя Бартелми на этом и настаивал. В тайне было что-то слишком глубокое, слишком личное: рана, которую нельзя бередить.

— Та женщина, которая умереть, была плохим человеком? — спросил Эрик.

— О нет, — отозвался Бартелми. — Просто мелкая ведьма с малой толикой силы, недостаточной, чтобы добиться чего-то серьезного, зато вполне достаточной для того, чтобы сунуть нос не в свое дело и навлечь на себя беду.

— По словам Хейзл, Эффи утверждала, что ей двести лет, — сообщил Натан. — Я считал ее слегка сдвинутой... А у нее был Дар?

— В некотором роде. Эффи определенно немало провела в здешних местах. Сельские жители ничего не замечали — на это у нее хватало ума. Зато я все видел. Эффи не доставляла мне беспокойства. Она была эдаким пережитком — деревенской ведьмой минувшего века, скорее поддерживающей репутацию, чем действительно колдующей. Натан явно заинтриговал ее; возможно, чаша тоже. Мы можем так никогда и не узнать, сгубило ли кошку именно любопытство.

— А Дейва Бэгота отпустили, — сообщила Анни. — Я слышала сегодня утром. Хотя не исключено, что еще арестуют. Кажется, инспектор Побджой его подозревает.

— Побджой? — повторил Натан. — Ну и фамилия! Он что, толстый и надутый?

— Нет, — отозвалась Анни. — Худой и сдутый. Молчаливый тип, который ничего не говорит сам и ждет, пока ты сам себя обличишь. Такой может молча стоять над душой до тех пор, пока не признаешься в чем угодно, лишь бы прервать молчание.

— Побджой. — Бартелми словно пробовал имя на вкус. — Я слышал о нем раньше. Или о его отце... нет, скорее о деде...

— Когда? — спросила Анни.

— Где? — спросил Натан.

— На войне. — Удивительно было слышать, как Бартелми запросто упоминает о войне, будто принадлежит к иному поколению. Да ведь так и есть, вдруг осознали они. Он принадлежит к поколению вне времени.

Похоже, Бартелми не был расположен продолжать рассказ, и Натан, ощущая, как избито звучит его фраза, все же спросил:

— А что вы делали... на войне?

— То же, что и всегда. — Бартелми едва улыбнулся. — Готовил.

Предмет сего непринужденного разговора сидел в гостиной своего дома, не обращая внимания на бубнящее радио, погрузившись в изучение вещественного доказательства, которое ни в коем случае не следовало брать с работы. Впрочем, пока он — единственный, кто отнесся к делу серьезно,

так что некому его обличить. Дом Побджоя, несмотря на небольшие размеры, казался очень пустым, тихим благодаря целеустремленной тихости самого хозяина; интерьер жилища не отличался ни вкусом, ни его отсутствием. Для владельца дом не был домом — лишь местом, где он ночевал и иногда ел — когда вспоминал о еде. Остатки купленного навынос ужина остывали рядом на столе. Спроси инспектора, он даже не ответил бы, какого цвета у него в комнатах занавески.

А вот из письма он выжал абсолютно все. Написано от руки заглавными печатными буквами толстым фломастером, с которым здравомыслящий автор расстался бы немедленно. Хотя писавший явно стремился создать эффект безликости, в начертании букв улавливалась некая округлость — как в редких письмах его десятилетней дочери, которую он почти не видел. Красный цвет — символ крови? Бумага, какую используют для ксерокса. Такую довольно легко раздобыть даже ребенку. Например, в школе. Он был уверен: автор письма — ребенок. «Эффи Карлоу не скончалась своей смертью. Ее убили». «Скончалась смертью» — масло масленое, ошибка ребенка или малообразованного взрослого.

К делу причастен лишь один ребенок. Кто-то из офицеров обратил внимание, что она была довольна, когда забирали Дейва Бэгота. Прислала ли она письмо, потому что действительно считала, что он убил ее прабабку, или просто для того, чтобы создать отцу неприятности? Если первое, то она могла испытывать к нему родственные чувства; если второе, почему не назвать его прямо?

Увы, в письме не упоминалось имени убийцы. В письме вообще никто не упоминался...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Грошовую спой песенку

В следующее воскресенье Ровена Торн пригласила Анни, детей и Бартелми на обед по случаю обретения запрета. Бартелми вежливо отказался: он редко гулял по окрестностям, предпочитая жить тихо и уединенно, и предложил взять вместо себя Эрика. Каким-то образом к компании примкнул Майкл; Анни сама не заметила, как пригласила его. Все отправились в один из местных пабов — «Счастливый охотник», славящийся превосходной кухней.

— Тот человек только что сказал «в его мире», — прошептал Джордж на ухо Натану, когда они вошли в паб. — У него что, беда с головой?

— С английским, — поправил Натан, на ходу выдумывая отговорку. — Он имеет в виду свою *страну*.

Тем временем Анни успела предупредить Майкла и Ровену:

— Эрик немного необычный, вбил себе в голову, что пришел из иного мира. Он вовсе не сумасшедший, напротив, он жутко умный. Я думаю, все дело в нервном потрясении от того, что он здесь очутился. Эрик не рассказывает о своем побеге; думаю, это довольно болезненное воспоминание. — Анни чувствовала, что так оно и было — в некотором роде.

Рассевшись за большим столом, все принялись щедро заказывать блюда. Ровена настаивала на шампанском; детей ограничили «колой».

— А если мы скажем, что нам уже четырнадцать? — с надеждой спросил Джордж. — В пабе можно пить спиртное с четырнадцати лет, если сам его не покупаешь. А еще мама и папа иногда позволяют мне выпить с ними вина.

— Мам, ведь дома ты угощала меня вином, — внес свою лепту Натан. — И еще пивом.

— Да. Но сейчас мы в общественном месте, и я за всех вас отвечаю, — отрезала Анни. — Так что ограничимся «колой».

Хейзл не принимала участия в беседе за столом. Она всегда была угрюма с людьми, которых знала недостаточно хорошо; к тому же и Эрик, и Ровена, каждый по-своему, ее несколько угнетали. Натана немало удивило то, как легко после краткого мига привыкания миссис Торн нашла общий язык с изгнанником. Похоже, они углубились в обсуждение поэзии. В антологии, что Анни подарила Эрику, было много классики: Киплинг, Йейтс... Когда разговор повернул на чашу, двое из собравшихся занервничали — впрочем, напрасно.

— ...хранилась в моей семье так долго, что мы потеряли счет столетиям, — рассказывала Ровена. — Семейство наше уходит корнями в Древний Рим — во всяком случае, так утверждал мой отец. Тогда фамилия якобы звучала как «Турнус». Я не знаю больше никого, кто мог бы хотя бы попытаться проследить свою генеалогию так глубоко в прошлое. Конечно, для вас это мало что значит, вы ведь не отсюда... Вы родом из Африки?

— С Эоса, — поправил Эрик. — Мое семейство тоже древнее. Моей матери сейчас три тысячи лет.

К счастью, Ровена, по-видимому, решив, что Эрик ее недопонял, вернулась к теме Грааля.

— Дело в том, что чаша — священная обязанность. То ли удача Торнов, то ли, наоборот, наше проклятие, не вполне ясно, которое из двух; в любом случае мы должны ее охранять. Я ощутила это, как только увидела чашу. Никогда прежде особенно не верила в подобные вещи, зато когда при-

коснулась к ней, взяла в руки... Ни в коем случае нельзя было продавать ее, понимаете?

— Продавать? — в ужасе переспросил Эрик. — *Санг-рааль* — священная вещь, обладает силой спасти мир. Вы, я — мы должны вернуть ее. Это наше священное предназначение. Ради него сила света нас вместе.

— Не уверена насчет силы, — улыбнулась Ровена. — Тем не менее буду благодарна за любую помощь. Не знала, что даже в Африке известны легенды о Граале. Правда, я слышала, что в Египте бытует предание о чудотворной иконе святого Георгия.

— Легенда о Граале довольно известна, — вполголоса сказал Натан.

Все уже приступили к десерту (дети выбрали баноффи-пай, медовый торт и мороженое), когда человек, сидевший за столиком неподалеку, встал и подошел к ним.

— Надеюсь, что не сильно вам помешал, — произнес он с легким американским акцентом, — но я случайно услышал... Прошу прощения, — он повернулся к Ровене, — вы не миссис Торн?

Ровена приняла отсутствующий вид, с которым более ранние Торны неизменно переносили наглость крестьянства. У нее мгновенно возникли кое-какие догадки относительно личности человека.

— Да. А вы кто такой? — несколько бесцеремонно поинтересовалась она.

— Алекс Бирнбаум.

Подозрения Ровены подтвердились. У Бирнбаума была копна кучерявых волос и умное, приятное лицо; впрочем, данное обстоятельство никак не расположило к нему миссис Торн.

— Я хотел узнать, не удастся ли нам как-нибудь пообщаться.

Ровена пожала плечами.

— Вряд ли в этом есть смысл. — Остальным сидящим за столом она пояснила: — Еще один охотник за Граалем. Да они здесь кишмя кишат.

— Ваша семья купила чашу у Роуланда Торна? — заинтересовалась Анни. Из поведения Ровены было ясно, что та не приветствует развитие разговора. И все же Анни стало жаль Бирнбаума.

— Совершенно верно. Как я понимаю, вы заявляете о том, что продажа была незаконна, однако Джозефу — прадеду моей матери — ничего об этом не сообщили. Миссис Торн, уверяю вас: мне не нужна чаша. Я лишь хочу добиться некой компенсации от фон Гумбольдтов — в подтверждение раскаяния в том, что они совершили. Джозефу Бирнбауму принадлежала уникальная коллекция предметов искусства. Фашисты забрали все, а сам он с женой, детьми и внуками отправился в концлагерь Дахау; там все они умерли. Довольно обыденная история, только легче от этого не становится. Моя мать в ту пору была ребенком: ее удалось переправить с друзьями в Штаты. Ей повезло. Что же до сокровищ, то, несомненно, у фон Гумбольдтов до сих пор припрятана немалая толика коллекции Джозефа.

— Да, плохо дело, — согласилась Ровена. — Правда, не знаю, чем я могу вам помочь. Единственное, что меня интересует, — это возвращение чаши. Если вам она не нужна, тогда не понимаю, почему вы здесь.

— Чтобы выследить Дитера фон Гумбольдта. Случай с чашей заставил его выйти из укрытия. Прежде фон Гумбольдты отрицали всякую причастность к коллекции Джозефа. Они спрятали ее сразу после окончания войны. Поверьте, миссис Торн: мне не нужны деньги — уж во всяком случае, не от вас.

— Деньги нужны всем, — отозвалась Ровена, вторя циничному графу.

— Тогда чего вы хотите? — спросил Майкл.

— Кое-что узнать о чаше. Еще ребенком, в Германии, моя мать стала свидетельницей странного происшествия, которое произвело на нее сильное впечатление. С тех пор оно стало нашей семейной историей с привидениями.

— А что произошло? — любопытствовала Анни.

— Ну... Это случилось за несколько дней до ее отъезда в Америку. Она помнит Абея — друга семьи, который заботился о ней. Помнит, как тот уговаривал Джозефа тоже ехать. Но Джозеф отмахнулся от опасений, пребывая в заблуждении, что обладает достаточным влиянием, чтобы обеспечить собственную безопасность. Джозеф стал показывать моей матери некоторые предметы коллекции, в том числе чашу. Она говорит, что заглянула в сосуд и увидела, что тот полон крови. Моя мать испугалась и уронила чашу на пол, и тогда кровь растеклась по ковру и впиталась без следа. Она решила, что это предзнаменование, знак неизбежной смерти Джозефа. Но ведь мама была лишь ребенком лет десяти, так что дед не обратил внимания на ее страхи, впрочем, как и на советы Абея. И вот погиб...

Натану вспомнилось явление чаши, и сердце у него похолодело. Он постарался убедить себя, что с тех пор минуло много времени, а никто из близких не умер; каково бы ни было значение видения, оно говорило о чем-то ином.

— Многие видят в чаше кровь, — обыденным тоном сообщил Эрик. — Это нормально. Святая реликвия... — он перенял новое слово от Бартелми, — обладает разными возможностями.

— Вообще говоря, — заметила Ровена, — согласно семейному преданию Торнов, видеть чашу, полную крови, —

действительно знамение смерти. Хотя прежде мне не доводилось слышать о каком-то конкретном случае. Выпейте с нами кофе. Только предупреждаю: не вздумайте склонять меня к какой-нибудь сделке.

Алекс Бирнбаум немного поколебался, начав было отнекиваться, потом сдался, придвинул стул и сел между Ровеной и Анни, предпочитая все же беседовать с последней.

— Твоя мама получила вознаграждение? — шепотом спросил у Натана Джордж. — Ну, за то, что нашла запрещающую бумагу?

— Понятия не имею. Может, обед и есть вознаграждение?

— Держу пари, она отказалась, — заметил Джордж. — Моя мама говорит, что Анни не от мира сего. — Тон мальчика был одновременно критическим и слегка извиняющимся.

— Так оно и есть, — с гордостью согласился Натан.

На другое ухо ему принялась шептать Хейзл:

— Откуда Эрик так много знает о чаше?

— Потом расскажу, — ответил Натан одними губами.

Ему пришло в голову, что придется рассказывать очень о многом: о Бартелми, о магии и о том, откуда его мать все знает. Интересно, как отнесется ко всему этому Хейзл? И лишь с огромным опозданием Натан удивился тому, что сам он смог с такой удивительной легкостью принять расширение собственного мира — вернее, *миров*. Как будто на некоем уровне подсознания мальчик всегда знал, что вселенная полна неразгаданных тайн, и что Бартелми с его спокойствием — кто-то уникальный и особенный, вечный и выносливый, как гора или дерево, и что за науками, которым Натана учат в школе, есть другое измерение, не вписывающееся в законы физики. Почему-то самым трудным оказалось смириться с отношением матери. Ее понимание и принятие категории вол-

шебного выходило далеко за пределы типичной родительской реакции. Загляни Натан еще чуть глубже, он бы осознал: поведение Анни превратило ее из просто матери в личность, а он в силу своей юности ощущал по этому поводу беспокойство.

Взрослые заказали спиртное и подняли бокал в честь Анни, которая нашла документ, потом за Майкла, который не дрогнул перед Дейвом Бэготом, и снова за Анни: за то, что она вовремя подросла на помощь с каструлей. Джордж глотнул у Майкла виски и покраснел, как вареный рак; а Эрик, который впервые пробовал алкоголь, заказал «Калуа» и предложил глоточек Хейзл, чем вызвал ее глубокую, пусть и почти бессловесную, признательность. Празднование завершилось на мажорной ноте, и компания разъехалась по домам на такси; все чувствовали себя умиротворенными и сытыми, глубинные сомнения и страхи пока отступили на второй план.

Дома Натан перечертил Знак Агареса на лист бумаги и скотчем прикрепил к стене над кроватью; потом перерисовал ее несмываемым фломастером на запястье. В школе он сунул карточку с руной под матрас. Нэд Гейбл решил, что Натан сделал татуировку, и исполнился справедливой зависти, а вот учитель физкультуры попросил смыть рисунок (мальчик не стал объяснять, что это невозможно). Бартелми приготовил обещанную траву, однако запах оказался слишком резким, чтобы использовать ее в школьной спальне. К тому же наступила последняя неделя семестра и до каникул было рукой подать; вот тогда наконец Натан сможет без помех заняться решением собственных проблем — если, конечно, им найдется решение. Хейзл, которая ходила в государственную школу, осталось учиться еще две недели; зато потом они бу-

дут проводить много времени вместе, раскроют тайны смерти Эффи, и узника Темного леса, и гномов, и Грааля Лютого Торна, и...

В ночь с понедельника на вторник Натан лежал в постели, прокручивая и прокручивая в голове множество идей, и незаметно уснул; а когда открыл глаза, очутился в каком-то ином месте.

Вовсе не там, где ожидал. Здесь не было ни архитектуры с характерными завитками и изгибами, ни панорамы города с многочисленными разноцветными огнями, над которым парили бы летающие корабли, а крылоящеры взмывали и описывали бы крути, словно в замысловатом воздушном балете. Где бы он сейчас ни оказался, его окружала совершенная тьма. Ощущения подсказывали мальчику, что он лежит скорее на земле, чем на полу: чувствовалось что-то твердое, неровное и довольно бугристое. Похоже, тело было вполне реальным, судя по тому, что в него врезались комья земли. Натан поднялся и стал осторожно продвигаться, наконец уткнувшись в какой-то камень. Каменная стена. «Я в пещере», — догадался Натан. Из нее должен быть выход. Воздух свежий, не застоявшийся. Если он сможет определить направление потока... Впрочем, никакого потока не было: лишь крошечный нюанс, намек на перемену в атмосфере. Следуя за ним, Натан очутился в проходе. Каменные стены сходились почти вплотную: теперь между ними оставалось не более ярда; зато, вытянув руку вверх, Натан не достал до потолка. Он все пробирался и пробирался вперед, извиваясь в сужающемся пространстве, всматриваясь широко распахнутыми глазами в непроглядную тьму. Поворот — и еще один; и вдруг Натан начал что-то различать.

Немного, но хотя бы что-то. Ломаная щель, сходящаяся в точку над головой, синюю на фоне черноты. Густой темно-

синий бархат ночи, не запятнанный лучами искусственного света. В далекой вышине меж сдвигающихся скал сверкала одна-единственная звезда. Натан, извиваясь, выбрался из расщелины — взрослому, если только не совсем худому, она оказалась бы чересчур узка — и очутился в ночи. Хотя в свете звезд оказалось нелегко что-либо увидеть, мальчик все же различил, что стоит на холме, а вокруг до далекого горизонта раскинулся просторный пустынный ландшафт. Воздух был сухой и холодный; в вышине над головой, собираясь в незнакомые созвездия, парили звезды: одни громадные, яркие и близкие, другие — собранные в отдаленные россыпи, напоминающие сверкающие «хвосты» из звездной пыли. Поначалу Натан не заметил на небе луны; но вот она показалась справа, из-за склона горы: розоватый месяц с неровными краями, затмивший оказавшиеся поблизости звезды. «Я почти уверен: это одна из лун Эоса...» — подумал мальчик. Только он не имел ни малейшего представления, в каком уголке Эоса очутился; смысла идти куда-то, не зная нужного направления, не было. Да и в любом случае Натан видел перед собой достаточно земной поверхности, чтобы понять, что она была в основном труднопроходима, вся изборождена невысокими грядами и испещрена пятнами звезд; дорога в темноте оказалась бы попросту опасна. Мальчик решил не отходить далеко от пещеры и дожидаться утра — к счастью для себя.

Впоследствии он гадал, что могло бы произойти, попробуй он ночью выйти в путь. Проснулся бы он на рассвете — или вовсе никогда бы не проснулся? Похоже, сны его никогда не бывали бесцельны, хотя их цель не всегда удавалось угадать; к тому же прежде он чувствовал себя хоть как-то защищенным — во всяком случае, до того, как материализовался во плоти. На сей раз он понял, что остался совсем один,

уязвимый для неведомых опасностей, которых не понимает. Его бросили в чуждый мир без всякой поддержки и помощи, слепо вышвырнули на самый край какой-то скрытой пропасти. В тот момент осознание нависшей опасности пугало его сильнее, чем страх никогда не вернуться домой.

Медленно, убелая небо на востоке и обращая розовый месяц в полупрозрачное перышко, надвигалась заря. Тусклый утренний свет распластался над пустотой, открыв взгляду пустыню из песка и камня, расчерченную застывшими волнами доисторического океана, иссеченную, словно венами, руслами давно пересохших рек. Вверх по склону к Натану тянулся, змеясь, двойной ряд громадных валунов; там земля была особенно неровной, вздыбленной острыми, как ножи, гребнями и вздутой шишками и холмами. Наконец из-за горизонта показался изгиб солнца, заливая мир цветом: песок оказался бледно-терракотовым, скалы — кремовыми с серыми прожилками, тут и там выщербленные или изъеденные до небесно-голубой, или кроваво-оранжевой, или мясисто-красной сердцевины. На миг эта жуткая, дикая красота завожила Натана; и в то же мгновение он почувствовал боль — она обожгла его резко и внезапно. Там, где утренние лучи коснулись руки, кожа покраснела, потом появились пузырьки ожога. Натан почувствовал, что то же самое происходит с лицом. Бросившись обратно к расщелине, он забился в благословенную тень пещеры. Боль немного утихла; при мысли о том, что солнце не застало его посреди голой пустыни беззащитным, без обуви, в одной пижаме, Натана накрыла волна облегчения.

Мальчику удавалось видеть сквозь щель кусочек неба, хотя незащищенные глаза резал свет. Поначалу Натану почудилось, что высоко-высоко кружат птицы — наверное,

хищники. Потом летающие силуэты чуть снизились, и он понял, что это крылоящеры — только отличные от тех, что он встречал в городе. Здешние рептилии были без наездников, по-видимому, чуть меньшего размера и всевозможного окраса: большинство — темно-серые и черные, некоторые пятнистые или крапчатые, один вовсе белый. «Ящеры, на которых летают люди, — одомашненные, — догадался Натан. — Их разводят специально. А эти — дикие». От любопытства он забыл про боль, обжигающую кожу. Натану стало интересно, чем питаются рептилии здесь, в пустыни.

Один крылоящер резко спикировал, вытянувшись в стрелу. Что бы он там ни приметил, добыче удалось ускользнуть. Однако вскоре он снова бросился на землю — и на сей раз взмыл вверх, зажав в когтях змею: та извивалась, как бечева плети, стараясь укусить обидчика. Натан вспомнил слова Эрика о том, что немногие живые существа способны противостоять усиливающемуся заражению. «Если можешь выжить в пустыне, — подумал мальчик, — то выживешь везде». Он забился поглубже в пещеру и закрыл глаза, давая им отдых; а когда снова взглянул вверх, увидел трех приближающихся крылоящеров, летящих косяком в виде буквы «V». Они несли на себе людей. Патруль.

Дикие крылоящеры удалились на безопасное расстояние; там они принялись медленно кружить, не сводя глаз с непрошенных гостей. Патруль начал снижаться. «Они собираются приземлиться», — в сильном волнении пробормотал Натан. Наверняка люди направлялись в пещеру — больше некуда; но ведь для них вход был слишком узок! Вблизи оказалось, что наездники не похожи на обычный патруль: люди были одеты в черное с красными эмблемами на лбах. Натану пришло в голову, что скорее всего это какая-то незаконная груп-

пировка — налетчики или террористы из движения сопротивления. Он постарался запомнить красную эмблему — замысловатый узор в круге, но, хотя мальчик был уверен, что сможет узнать знак, если увидит, он сомневался, что воспроизведет его на бумаге. Первый из наездников плавно опустился на землю у вершины холма и слез, настороженно озираясь по сторонам. Даже привыкшему к виду людей в шлемах Натану эта фигура показалась особенно злобной, с невидимым сквозь черные очки взглядом и бесформенным щитком, скрывающим черты лица. Что-то было в ее движениях: в походке, в эдакой ежесекундной настороженности, хрупкости плеч, едва заметной внутренней уверенности. Мальчик подумал, что всадник вполне может оказаться женщиной. Не такой, как Халме — с ликом из волшебной легенды, но ловким, атлетического сложения существом, смертоносным, как тигрица.

И еще он подумал, что она достаточно стройна, чтобы пролезть в пещеру...

Двое других снизились и зависли в воздухе, не приземляясь. Всадница уже почти преодолела склон; ее не привязанный крылоящер стоял, ожидая. Вдруг он ударил крыльями и взмыл в воздух, распахнув клюв в крике. На глазах у Натана земля содрогнулась: двойной ряд гор начал вздыматься. Наездница споткнулась. Один из тех, что были верхом, резко взмыл вверх, второй бросился вниз спасать товарища. То, что случилось потом, заставило Натана позабыть о страхе.

Послышался низкий рокот — похожий даже не на грохот обвала, а скорее на утробное урчание в недрах самой земли, и огромный кусок горы просто отломился, поднявшись, словно выталкиваемый подземным давлением. Песок вокруг закрубился облаком; холмы и каменные глыбы накренились, но не

обвалились. Разверзлось веко, блеснул черный, окаймленный бронзовым зрачок. Последовала минута замешательства, в течение которой Натан осознал, что он видит. Распластавшись по склону холма, замаскированное под цвет и вид пустыни, слившееся с ней воедино, перед ним лежало чудовище — огромное и невидимое, ставшее частью пейзажа. Если бы ночью Натан сделал еще шаг-другой, он неминуемо наступил бы на зверя. Приплюснутый череп был футов сорок в ширину; его венчали два ряда костяных шипов, которые шли дальше вдоль шеи и всего громадного тела, тоже распластанного: в передачах о мире животных Натан видел, что так распластываются пустынные ящерицы. Где-то в отдалении, вздымая клубы песчаной пыли, бил по земле изогнутый хвост. Ближние изломы скал разгибались, превращаясь в локти; двинулась, сотрясая пещеру, вывернутая лапа. Упавшая всадница старалась подняться, с трудом удерживая равновесие на голове чудовища. За ее спиной снизился второй наездник: его крылоящер бешено бил в воздухе крыльями, крошечный на фоне лежащего монстра. Когти схватили женщину за руку (теперь Натан был совершенно уверен, что это именно женщина) и приподняли — однако она оказалась не такой уж невесомой, и крылоящер с огромным трудом набирал высоту. Поблизости кружила неоседланная рептилия, тоже взмывшая в попытке спасти свою жизнь. А еще выше, на фоне солнца, под пристальными взглядами своих диких сородичей парил силуэт третьего крылоящера. Неизвестно откуда ударил столп огня, заставляя всадников отшатнуться. Женщина не теряла головы. Болтаясь в воздухе и видя, как на нее стремительно несется пустыня, она нашла в себе силы выкрикнуть призыв, хрипло и повелительно, и снова, уже более отчетливо, — и ее ящер нырнул, чтобы подхватить наездницу.

Только не так-то просто было провести чудовище. Преодолевая собственный вес и стряхивая остатки сна, оно начало двигаться все быстрее. Огромная голова развернулась; челюсти разомкнулись, обнажив три ряда неровных зубов. Высунулся длинный ярко-синий язык, толстый, словно конвейерная лента, и, обхватив ближайшего крылоящера, дернул, словно мелкую мошку. Кладнули челюсти, слышался хруст перемалываемой зубами кости. Трепетавший кончик крыла обмяк и был проглочен. Второй всадник потянул поводья, понукая животное словами и заклинаниями; постепенно оно начало удаляться, поднимая к небесам свою тяжелую ношу. Монстр заглотил остатки добычи, оторыгнул и развернулся, ища глазами следующую жертву.

В тот самый миг вновь появился третий всадник. Натан, беспомощно и с ужасом наблюдавший за происходящим, почти забыл о нем. Всадник влетел в поле зрения чудовища, смахнув с его головы остатки каменистого покрытия, и задев зрачок одного глаза острой оконечностью крыла. Должно быть, он повредил глазное яблоко: сначала появилась капля белесой жидкости, потом внутри белого расцвело красное. С ужасающей молниеносностью голова развернулась, стремясь дотянуться до добычи: только меньшая из рептилий оказалась еще проворнее и ловчее: описав круг за пределами досягаемости чудища, она изготовилась к новому заходу. Снова нырок — с прицелом на другой глаз... Натан видел, как всадник целится из какого-то оружия. Однако, похоже, где-то в громадном черепе все же имелись мозги: чудовище училось на собственных ошибках. Веко закрылось — огненная вспышка вырвалась, не причинив вреда. Голова откинулась назад, язык выбросился слишком быстро для человеческого взгляда. Натан увидел, как мгновение наездник и его крылоящер

бьются в синей мускульной петле; и вот они уже скрылись в громадном провале пасти.

В этот раз на пережевывание пищи ушло больше времени: послышался скрежет зубов о какой-то кусок, словно что-то в нем оказалось чересчур твердым или волокнистым, чтобы проглотить без усилий. Когда челюсти разомкнулись и монстр принялся исследовать языком каждую щелку во рту, Натан заметил, что между зубами застряли кусочки черных доспехов. На мальчика накатил приступ тошноты.

Последний из конвоиров теперь уже был далеко — впрочем, недостаточно далеко. Крылоящер приземлился, чтобы дать женщине возможность пересечь за спину своему спасителю, и снова пустился в путь: нести лишний вес на спине оказалось удобнее, чем в когтях. И все же поднимались они слишком медленно, а чудовище, чей аппетит лишь возрос после двух первых жертв, двигалось точно и быстро. Монстр развернулся всей тушей — перетирая камни в песок отвисшим животом, сотрясая пустыню поступью. За ним поднималась песчаная буря. Вдруг Натан осознал, что говорит вслух — словно просит или умоляет: «Нет! Нет! Пожалуйста, не надо...» Шея вытянулась, громадная пасть распахнулась...

И тут, словно рухнув с неба, налетели дикие крылоящеры, целясь своими клювами в поднятую голову твари. Предводителем у них был белый. Чудовище закрыло глаза, спасая их от острых крыльев, и принялось мотать головой из стороны в сторону, хватая пустой воздух. Какое бы презрение ни испытывали свободные крылоящеры к своим прирученным сородичам, картина поедания двоих из них заживо, видимо, заставила позабыть о нем. Дикая животные хорошо знали своего противника и маневрировали куда лучше своих крупных собратьев. Они вихрем носились вокруг головы, нанося

удары оконечностями кожистых крыльев, кидаясь каждый раз, как монстр пытался приоткрыть глаза; они впивались в ноздри, в неглубокие ушные раковины. Синий язык мелькнул, выбрасываясь наугад, — без помощи зрения его попытка была обречена. Нагруженный крылоящер медленно, тяжело удалялся. Спасенная женщина, сидящая позади без седла, крепко держалась за товарища. Натан был почти уверен, что им удастся спасти.

Но вот пустынное солнце стало затуманиваться — сон ускользал. Натан попытался удержаться, чтобы убедиться в том, что беглецы спаслись, уловить последние мгновения атаки, — тщетно. Тьма пещеры залила сознание, наполнив его от края до края, а когда отступила, в родном мире мальчика уже начался день.

— Где ты был прошлой ночью? — спросил Нэд Гейбл.

— Что?

— Ночью я проснулся, а тебя нет.

— Тебе нужно как-то решать проблемы со сном, — заметил Натан, стараясь не обращать внимания на расплзающийся по спине холод. — Ты постоянно просыпаешься ночью и что-то себе выдумываешь. Как бы то ни было, если меня не было, значит, я ходил в туалет.

— Ладно, — согласился товарищ. — Раз ты больше ничего не хочешь мне рассказывать. Только если у тебя есть мантия-невидимка, мог бы поделиться со мной.

— Если бы, — улыбнулся Натан.

— А почему у тебя лицо обожжено?

— О... — Натан дотронулся до щеки: та сделалась очень чувствительной. — Наверное, вчера обгорел. На теннисе.

— А я думал, что смуглая кожа не обгорает на солнце.

— Смотря какое солнце.

* * *

Анни очень удивилась, когда ей нанес визит Алекс Бирнбаум: он пригласил ее на обед. Она подозревала, что американец охотится за информацией о Ровене, однако весь обед он говорил о живописи и скульптуре (у Анни создалось впечатление, что он знаток в этой области) и о себе (как все мужчины, которых ей доводилось встречать). В целом обед прошел приятно, и Анни была в прекрасном настроении. Вернувшись в лавку, она почувствовала укол совести, потому что считала, что не следует развлекаться так часто. Из реки выловили мертвое тело, в Торнхилле живет изгнанник из иного мира, Натан в опасности. Совсем не время предаваться развлечениям.

Ближе к вечеру объявился инспектор Побджой. При виде него Анни вспомнился репортер из «Инди», пошутивший насчет распутывания убийств престарелыми леди. Только в данном случае престарелая леди как раз была мертва.

— Как продвигается расследование? — вежливо поинтересовалась Анни.

Инспектор листал книгу. Само по себе это не удивляло; в конце концов, он пришел в книжную лавку. Только в последнее время Анни все чаще казалось, что многих ее посетителей книги интересуют в последнюю очередь.

Побджой, обычно сохраняющий невозмутимое выражение лица, явно изумился столь прямому вопросу.

— Некоторый прогресс... имеется, — уклончиво ответил инспектор. — А вы слышали что-нибудь относящееся к делу?

— Нет, — спокойно отозвалась Анни, для пущего эффекта добавив улыбку. За обедом она выпила два или три бокала вина и вела себя слегка легкомысленно. — Я слышала, вы отпустили Дейва Бэгота. Должна сказать, что столкновение прабабки жены в реку — не совсем в его стиле.

— Доказательств недостаточно.

— Вы и впрямь считаете, что это убийство? — продолжала допытываться Анни. — Достаточно ли доказательств, чтобы так считать?

— Скажем так: есть кое-какие признаки, — поправил собеседницу Побджой. И, поддавшись внезапному импульсу, добавил: — Мы получили анонимное письмо, в котором подчеркивается, что смерть миссис Карлоу наступила не в результате естественных причин. У вас нет предположений, кто мог послать его?

— Анонимное письмо... Господи милосердный, понятия не имею. — Анни в самом деле растерялась. Она ожидала чего угодно, только не этого. — А вы не думаете, что кто-то решил попросту создать другим проблемы?

— Всегда существует такая вероятность. В конце концов, взять хотя бы Дейва Бэгота: ведь у него в самом деле возникли проблемы. — Побджой тщательно подбирал слова, но Анни отреагировала вовсе не так, как он ожидал.

— Вы имеете в виду мой удар каструлей по голове? — хмыкнула Анни.

— А я и не знал. — По лицу инспектора скользнула легкая тень улыбки. — Я слышал, что разразился скандал и вы имели к нему какое-то отношение, однако... м-м... не знал подробностей. А вы молодчина. Конечно, мы не поощряем применение насилия в обществе, но...

— Разумеется. — Между ними проскочила искорка взаимопонимания.

«Ни в коем случае нельзя позволять себе пить в обеденный перерыв», — подумала Анни.

— Кстати говоря, у меня есть друг, который полагает, что мог знать одного из ваших родственников. Его зовут Бар-

телми Гудман. Он живет в Торнхилле, в лесу. Вы у него еще не были.

— А кого из моих родственников ему довелось знать? — Тон Побджоя постепенно становился привычно спокойным.

— Ну, — произнесла Анни, стараясь собраться с мыслями, — конечно, не сам Бартелми — он не настолько стар. Должно быть, то был его отец — он знал вашего деда. Кажется, так он сказал. На войне. Может быть, это лишь совпадение. Побджой — не самое распространенное имя, верно?

Инспектор издал что-то вроде стона.

— Вы, наверно, ненавидели свое имя в детстве? — сочувственно спросила Анни.

Он пожал плечами.

— А что с ним не так? И, кстати, для заметки: здесь я задаю вопросы.

На сей раз он ушел, не купив книги.

Инспектор опрашивал Хейлз в присутствии матери — как требовал закон; позади для подстраховки возвышалась сержант Хейл. Девочка, почти совсем спрятавшись под путаными волосами, сидела тихонько, как мышь. Перепуганная присутствием полиции, она сама злилась на собственный страх и мучилась угрызениями совести за то, что так поступила с отцом (и это тоже ее злило); и еще Хейлз боялась разоблачения. Но ведь написать письмо — не преступление (или преступление?), и, как бы то ни было, им не удастся определить, что это она его написала.

Побджой положил письмо на стол перед Хейлз.

— Это ты написала?

Лили Бэгот в недоумении уставилась на конверт.

— Разумеется, нет. Хейлз никогда бы такого не сделала. Не знаю, почему вы подняли переполох из-за смерти прабабушки, это был просто несчастный случай.

— Я думал, что вам она приходится бабушкой. — Инспектор мгновенно ухватился за несоответствие.

— Да. Извините. Мне она бабушка, Хейзл — прабабушка... — Лили прижала руку ко лбу, пытаясь разобраться в круговороте мыслей. — Я начинаю путаться. В любом случае, кто бы ни написал то письмо, но уж точно не Хейзл. И оно лжет.

— Пожалуйста, позвольте вашей дочери отвечать самой за себя.

Хейзл сидела, поджав губы, дабы ни одно слово случайно не вылетело и не обличило ее, и отчаянно сожалела, что поблизости нет дерева, на которое можно было бы забраться.

— Это ты написала письмо?

Она коротко мотнула головой.

— Скажи ему «нет», — подсказывала Лили. Хейзл упорно молчала.

— Наши специалисты утверждают, что это почерк ребенка.

Повисла долгая пауза.

— Я не ребенок, — проговорила Хейзл.

— Пока что не совершено никакого преступления, — веско произнес Побджой. — Однако автора письма могут признать виновной в том, что она, обладая информацией о смерти миссис Карлоу и утаивая ее, заставляет полицию попусту терять время.

— Я же сказала вам, моя дочь не писала...

— Прошу вас, миссис Бэггот. Хейзл, тебе что-нибудь известно?

— Нет, правда. — Как она могла рассказать инспектору то, что знает? Он рассмеется ей в лицо, а это хуже любой угрозы. — Я знаю, что это не был несчастный случай. И все. Она поднялась на чердак, заперлась и больше не вышла, иначе

бы я слышала: моя комната находится прямо внизу. Раньше я всегда слышала, как она входила и выходила.

— Значит, ты написала письмо?

— М-м... — Почти признание.

— Но ведь она должна была спуститься с чердака, — терпеливо объяснил Побджой, — чтобы потом оказаться у реки?

Хейзл снова погрузилась в молчание.

— Принести что-нибудь попить?

— «Бакарди» с «колой». — Хейзл ни разу не доводилось пробовать коктейль, но звучало здорово.

— Только «колу». — Побджой кивнул сержанту Хейл.

«Кола» нашлась на кухне. Налив в стакан, Хейл подала напиток девочке.

— Она должна была спуститься с чердака, — повторил инспектор, — чтобы отправиться к реке.

Хейзл пробормотала что-то в стакан с «колой».

— Что?

— Плошка разбилась.

— Верно, — подтвердил Побджой. — На чердаке нашли разбитую плошку. Ты хочешь сказать, ее утопили в миске, а не в реке?

Хейзл едва кивнула. «Так оно и было, — подумала она. — Отчасти так. Плошка и река. Всю правду он никогда не примет».

Лили, как и Побджой, неверно истолковала намек Хейзл.

— Глупости. Она сама не понимает, что говорит. Вы ее запугиваете...

— Мы можем снять с черепков отпечатки пальцев, — говорил Побджой. Инстинкт подсказывал ему, что они наткнулись на нечто важное, хотя пока он не мог сообразить, на что именно. Как и сказала девочка, ее комната находилась

прямо под чердаком. Должно быть, она слышала какой-то спор или шум борьбы, не понимая, что они значат, пока не стало слишком поздно, а теперь боится навлечь вину на кого-то близкого. — У кого еще был ключ от чердачной двери?

— Ни у кого, — отозвалась Лили. — Единственный ключ забрала бабушка.

— Мог существовать дубликат, о котором вы не знали. Скажем, у вашего мужа.

— Вы не понимаете, — продолжала настаивать Лили. — Ба приехала пожить, когда... когда муж от меня ушел. Тогда она и взяла ключ. Это не было спланировано. Дейв не мог заранее знать, что так произойдет, не мог предугадать, что нужно сделать дубликат. Если... если он впрямь собирался причинить ей вред, а это вовсе не так.

— Ведь они не ладили? — спросил Побджой. Ее довод прозвучал неуклюже, однако инспектор понял суть. Каждый раз, как он начинал думать, что нашел нужный след, тот обрывался. Он едва скрывал раздражение под внешней непроницаемостью.

— Ба вообще мало с кем ладила, — парировала Лили. — Иногда с ней... бывало непросто.

— Зачем она взяла ключ от чердака? — требовательно спросил Побджой. — Чем она собиралась там заниматься?

Лили была в совершенном замешательстве, а вот на лице Хейзл, полускрытом растрепавшимися волосами, инспектор неожиданно прочел напряженность.

— Ей нравилось уединение, — объяснила Лили, впрочем, не очень уверенно. — Ей нужно было место, чтобы побыть одной...

— А ты что думаешь? — обратился инспектор к Хейзл.

Хейзл удалось изобразить нечто между судорогой и недоуменным пожиманием плечами, что совершенно не помогло следствию.

— Я знаю, ты от меня что-то скрываешь, — заговорил Побджой — как ему казалось, достаточно мягко. — Почему ты написала письмо? Ты хотела восстановить справедливость? Или отомстить убийце?

Хейзл не отрывала взгляда от собственных рук.

— Кого ты защищаешь?

Он не ожидал ответа, однако услышал его. Глухим голосом, которым девочка говорила в минуты крайнего расстройства или волнения, она произнесла:

— Никого.

— Тогда почему ты не расскажешь мне все, что тебе известно?

Она подняла голову, откинув пряди волос, и впервые посмотрела Побджою прямо в глаза.

— Вы мне все равно не поверите.

На неделе Ровена наняла Эрика выполнить кое-какую дополнительную работу в магазине. Пришельцу никогда не приходилось видеть отвертку, а молоток он принял за древний религиозный символ. Зато, как всегда, Эрик все хватал на лету, а сила его мышц соответствовала росту, так что в поднятии тяжестей ему не было равных. Двое молодых людей — они привезли на фургоне купленную Ровеной на аукционе мебель — с удивлением обнаружили, что их с легкостью обставил громадный человек, полуцыган-полубордьяга, плохо говорящий по-английски и в два раза старше их (вряд ли они поверили бы в реальное соотношение возрастов). Но каким-то образом, как заметила хозяйка, Эрик в итоге всегда умудрялся со всеми подружиться. Перетаскав мебель и перекусив сандвичами с кофе, юнцы определенно решили между собой, что эксцентричность Эрика им по душе. В свободное время чужеземец составлял Ровене компанию, просматривая с ней

старые книги или любуясь на фотографии чаши. «Конечно, вы не можете определить возраст, — объяснял он. — Санг-рааль из моего мира. Время в моем мире тоже течет по-своему. И камень другой».

«Он немного чокнутый», — думала про себя Ровена. По крайней мере это служило хоть каким-то объяснением странностей Эрика. Миссис Торн не имела никакого понятия о физике частиц, но ведь всем известно, что существование других вселенных доказано наукой. И еще эта его вера в магию, будто бы она — естественная форма энергии, как радиация или кинетика. Ерунда, разумеется: Ровена знала, что это ерунда, ее отец и прадед знали, что это ерунда. Правда, они бы посчитали таковой и мобильный телефон, и микрочипы; да и она сама никогда не относилась серьезно к легендам о чаше Торнов — до недавнего времени.

— Нужно что-то придумать, чтобы ты мог взглянуть на Грааль, — сказала она Эрику, вспомнив, как Анни отреагировала на чашу; во всяком случае, так казалось самой Ровене. Если он ее увидит, дотронется, может явиться знамение. Она поймет.

Ровена позвонила Джулиану Эпштейну, однако в преддверии возможного судебного разбирательства сотрудники «Сотбис» общались с ней настороженно и не желали больше идти навстречу.

В пятницу в магазине снова объявился Дитер фон Гумбольдт.

— Не хотите ли чаю? — Ровена попыталась вести себя более дружелюбно. — Я надеялась, что нам удастся еще раз побеседовать.

— Значит, вы все же размышляли над моим предложением?

— На днях наткнулась на того самого Бирнбаума. Похоже, он намерен урвать свой кусок «убитого медведя» — в любом случае кусок чего-нибудь. Говорит, что ему нужна справедливость, а не деньги.

Ровена пригласила гостя в заднюю комнату и предложила сесть.

— Стало быть, — подытожил фон Гумбольдт, — вам нужна чаша, мне деньги, а ему справедливость. Мы здорово позабавимся, попытаюсь выработать вариант, устраивающий всех троих.

— Вся эта сентиментальная дребедень насчет гибели семьи будет выгодно смотреться в суде, — заметила Ровена, пристально глядя на фон Гумбольдта. — Я — всего лишь потомок старинного рода, пережиток классовой системы и все такое; вы — внук нациста. Извините за прямоту, но так оно и есть. Сочувствие присяжных на его стороне.

— Я знал, что ваш сиюминутный порыв обратиться в суд немного поспешен.

Она буквально кожей чувствовала: фон Гумбольдт радуется тому, что принял за ослабление ее позиций, и сдерживается, дожидаясь, пока она выложит все карты на стол. Подобно всем прямолинейным и практичным людям, лишь изредка прибегающим к хитрости, Ровена делала это мастерски. Она вовсе не собиралась делать то, чего он от нее ждал. Пусть строит предположения — неверные предположения.

— Я подумывала о встрече, — сообщила она. — Неофициальной. Пара свидетелей, никаких адвокатов. Нужно выбрать подходящее место. Бирнбаум заинтригован историей чаши — давайте этим воспользуемся. Дом семьи давным-давно продан, зато я знаю его нынешнего владельца. Он разрешит нам встретиться там. Бирнбаум почувствует себя

нарушителем традиций. Он не пойдет на такое — слишком романтичен.

— Это на руку вам, а не мне, — заявил фон Гумбольдт.

— С вами будем разбираться отдельно. Вам он не уступит ни йоты; а мне может.

— Вы нещепетильны, — заметил австриец. Похоже, слова Ровены его несколько шокировали.

— Чаша принадлежит моей семье. И я хочу кое-что с этого поиметь.

— Кое-что... Понимаю. Но вы ведь говорили, что вас интересует лишь сама чаша. — Фон Гумбольдт взял кружку с чаем, однако не спешил сделать глоток.

— Судя по нынешнему положению вещей, у меня не так уж много шансов. Если с вами я еще могу разобраться в суде, то с Бирнбаумом все не так просто. Из-за него дело нужно улаживать без суда.

— А убрав с дороги Бирнбаума, вы снова решите разобраться со мной с помощью закона?

Ровена позволила себе коротко, натянуто улыбнуться.

— Хорошая мысль. Нет. Вот что мы сделаем: заключим сделку. Я не стану предлагать что-то в спешке: только встречу, чтобы пустить пробный шар. Ведь она никого ни к чему не обязывает, верно? Разве не этого вы хотели?

— Как скажете.

— И еще одно: Грааль должен быть там.

— Нет, — спокойно отозвался фон Гумбольдт.

— А что вы волнуетесь? Обеспечьте ему любую защиту, какую пожелаете. Никто на нее не позарится — без сертификата о происхождении чашу нельзя продать. Именно потому из «Сотбис» в первую очередь обратились ко мне. Датирование по углероду не удалось; стоит мне сказать, что чаша под-

дельная, и вы вряд ли найдете покупателя. Во всяком случае, не по той цене, на какую рассчитываете. Нужно привезти Грааль туда, где мы собираемся встретиться. Создать необходимую атмосферу.

— Миссис Торн, я не романтик. Со мной ваш трюк не пройдет. — Фон Гумбольдт был явно сбит с толку.

— Я знаю.

— Тогда зачем предлагаете?

— Я уже сказала. Важна атмосфера. — С минуту Ровена помедлила, потом сделала вид, будто потеряла бдительность, проронив: — Хоть раз хочу взглянуть, как она смотрится дома. Потом, если придется расстаться с ней... — И Ровена пожала плечами.

Граф не клюнул окончательно и все же задумался — она точно это знала. К тому же ему не хотелось ждать, пока заработает громоздкая юридическая машина.

— Я посоветуюсь с «Сотбис», — пообещал фон Гумбольдт.

Приближение каникул не вызывало у Натана обычного ощущения совершенного восторга. Мальчик скорее чувствовал облегчение от того, что теперь не придется отвлекаться на школу и можно будет сконцентрировать внимание на других проблемах. К тому же его одолевал постоянный неприятный зуд волнения и зарождающегося страха. На ночь Натан достал спортивные штаны и толстовку: ему надоело скакать из вселенной во вселенную в одной пижаме; потом натерся приготовленным Бартелми маслом и спокойно уснул без сновидений, во всяком случае — судьбоносных.

Субботу мальчик провел с Хейзл и Джорджем; друзья, как обычно, страшно завидовали, что у Натана каникулы начинаются так рано.

— Как же так выходит, что люди, которые платят за обучение, в итоге учатся меньше? — возмущался Джордж.

— Мама не платит. У меня бесплатная стипендия.

— Ты знаешь, о чем я.

Вечером Анни сообщила ему, что хотела бы на пару часов отлучиться — повидаться с Бартелми.

— Ты уверен, что справишься один?

— Ну конечно. Да и Хейзл пока побудет у нас. Ее допрашивали копы, так что теперь ей нужна моральная поддержка.

— Ты в порядке? — спросила Анни у девочки.

Хейзл кивнула. О том, что она написала письмо, девочка призналась только Натану и больше ни одной живой душе.

— Я поставлю в микроволновку пиццу. Грибы с моцареллой или пепперони?

Дети дружно высказались за пепперони.

— А зачем тебе к дяде Барту? — любопытствовал Натан. Мальчика немало удивило то, что Анни решила отправиться к Бартелми без него.

— У меня к нему конфиденциальный разговор, — объяснила Анни. Бартелми настаивал, чтобы она пришла одна — мол, «детская тема». Мысленно скрестив пальцы, Анни добавила: — Возможно, о деньгах.

Натан промолчал, но матери не поверил.

Добравшись до Торнхилла, Анни застала Бартелми одного: Эрик ушел ужинать с Ровеной Торн.

— Она что-то замышляет, — сообщил Бартелми, сопровождая Анни на кухню. — По-моему, сейчас она пытается добиться от владельца разрешения привезти чашу сюда на пару дней. Ровена хочет, чтобы на нее взглянул Эрик. Похоже, она к нему прониклась.

— Как и все остальные, — с улыбкой добавила Анни. — Быть может, Ровена впрямь поверила, что он из другого мира.

— Вероятно.

Поскольку Анни была не за рулем, Бартелми подал ей бокал домашнего шампанского с бузиной, налив его из бутылки с клеймом винного дома «Крюг».

— Боюсь, с ужином придется чуть обождать. Сначала мне необходимо провести небольшое расследование, и я хочу, чтобы ты была рядом — на случай, если сможешь кого-нибудь — или что-нибудь — опознать.

— Какое еще расследование? И зачем вся эта таинственность?

— Увидишь.

В гостиной Бартелми раздвинул мебель по углам и скатал восточные ковры; задернул шторы, изгнав из комнаты свет долгого летнего вечера.

— Я бы предпочел дожждаться темноты, — пояснил хозяин дома, — но тогда мы совсем припозднимся.

Он присел на корточки перед камином и чиркнул спичкой. Анни почудилось, что в камине вовсе не угли, а какие-то комочки — белесые и остроконечные, как осколки кристалла. Вот они начали разгораться голубоватым пламенем, бледным на фоне все еще не полной темноты.

— Что вы делаете? — спросила Анни у Бартелми с некоторым испугом в голосе.

— То, чего я не делал уже давным-давно. Мне это никогда особенно не удавалось. Как говорится, я не вкладываю душу. Но раз уж у меня был Дар, меня обучили всем премудростям ремесла. Я редко ими пользуюсь. Приготовление пищи всегда было для меня главным и достаточным волшебством.

Гувер трусил рядом с Бартелми, пока тот шел по широкому кругу, посыпая пол каким-то порошком из склянки. Едва

видимый, бледный, как тень, знак свидетельствовал о том, что проделывалось это не впервые.

— Это... магия? — спросила Анни.

— О да. Одно из древнейших заклятий. Действительно очень могущественное. Не переживай: ничто не покинет границ круга, пока на них лежит надежная печать.

С помощью все того же порошка Бартелми принялся выводить четыре руны за краем, что-то бормоча себе под нос: Анни не могла расслышать слова — а если и могла, все равно не понимала.

— Говорить буду я. Ты садись вот здесь. Лучше не вставай со стула. И ни в коем случае не переступай черту.

Анни села, судорожно зажав в руке бокал.

— Вы... вы собираетесь вызывать духов умерших?

— Боже милостивый, ни в коем случае. Тем более что в большинстве случаев это лишь пустая трата времени. Духи, ступившие за Врата, уже не возвращаются. Конечно, некоторые не пересекают их, да и недавно умершие порой слегка задерживаются — завершить кое-какие неоконченные дела. Полагаю, мы могли бы попробовать... Ладно, поглядим, когда настанет время.

— Вы можете призывать людей из другого мира?

— Нет. Это потребовало бы невероятной силы. Круг действует лишь в нашем мире. Он позволяет связаться с духами, которые обычно не общаются с человеком. Или с людьми, которые не желают говорить. Видишь ли, оказавшись в круге, они принуждены отвечать на вопросы только правду. По крайней мере теоретически это так. В любом случае они должны отвечать, а даже ложь или попытка ввести в заблуждение иногда несут полезную информацию, если верно их истолковать. Лично у меня нет уверенности, что все это поможет; к тому же мне не по душе подобное занятие. Но сейчас нам

нужна любая доступная информация. — Неожиданно Бартелми обернулся к Анни с самой успокаивающей из своих улыбок. — Не расстраивайся из-за того, что можешь увидеть. Или услышать. Духи во многом похожи на людей: они любят бросаться громкими словами и совершать необдуманные поступки. И, разумеется, им не нравится, когда их призывают, как джинна из лампы. Потрешь — и он обязан явиться. Мне всегда казалось, что джинна это должно было здорово раздражать.

— Никогда об этом не задумывалась, — пробормотала Анни.

Бартелми расположился у самого края круга, положив руку Гуверу на голову. У Анни промелькнула мысль, что пес наверняка тоже присутствует здесь не впервые. Бартелми произнес одно-единственное слово — как показалось Анни, «Фиуме!». По периметру пробежала искорка; порошок вспыхнул и погас. Потом круг и руны едва заметно замерцали. В темноте их свечение смотрелось бы гораздо эффектнее, однако для Анни такие мелочи, как темнота и драматичность момента, больше не имели значения, что, впрочем, ее немало беспокоило. Вот заклинание. Оно могущественно, оно *реально*, может быть, даже опасно — и вместе с тем обычно. Для Бартелми заклинание являлось такой же обыденной частью жизни, как приготовление порядком подзабытого замысловатого блюда из ингредиентов, которых уже, быть может, не сыскать.

Гувер, необычайно настороженный, уселся на пол, наострив уши. Бартелми заговорил на незнакомом языке — языке, звучащем холодно и странно даже его приятным голосом; на языке, заставляющем измениться не только голос, но и его самого. В центре круга воздух уплотнился, уобразовав некую туманность, сгусток. Потом он обрел форму. Женщина —

бледная и бесплотная, словно колеблющаяся на грани реальности. Казалось, она сидит — под ней угадывались очертания кресла — и держит в руках нечто бесценное, какой-то маленький круглый предмет. Женщина как будто была черно-белой — вся, кроме красной вуали, скрывающей лицо.

— Приветствую тебя, Раньлех, — вежливо поздоровался Бартелми по-английски. — Добро пожаловать.

— Чего ты взыскуешь у нас? — Голос из-за вуали звучал тихо, словно отдаленный вой ветра, порождая долгое эхо.

— Знание. Провидица прозревает многое — в настоящем и прошлом. Я хочу знать, что видели сестры.

Женщина приподняла вуаль. Лицо ее было удивительно переменчивым: то молодым и свежим, то изборожденным морщинами и прожитыми годами. Сквозь блеклый покров плоти просвечивал череп. Глазницы были пусты. Когда она подняла руки, держащие маленький шар, Анни на секунду прикрыла глаза.

Лишь на секунду. Теперь Око было на месте: в левой глазнице. Оно казалось гораздо реальнее обрамляющего его лица и словно светилось внутренним огнем, устремив чудовищный взгляд в некую точку за пределами круга.

— Что требуешь ты, чтобы мы показали? — спросила провидица.

— Сосуд, именуемый Граалем Лютого Торна. Я бы хотел узнать, как он очутился в нашем мире и с какой целью. И, если возможно, что-нибудь о том, как он был сотворен.

— Тайна его сотворения и цель сокрыты от нас. Некий Джозевий Лютый Торн привез его сюда более тринадцати столетий назад из иного места — места за пределами этого мира. Как он осуществил это — нам неизвестно. Была привлечена великая магия, с которой мы не знакомы.

— Можете ли вы назвать если не цель, то хотя бы ее силу?

— У чаши очень яркая аура. — Око на миг засияло; потом Раньлех моргнула, и по призрачному лицу сбежала слезинка, похожая на каплю крови. — Она нас жжет. Мы не можем смотреть на нее. Ее сила велика. Чаша может стереть память тому, кто не должен ее видеть, или запечатать уста. У нее есть защитники — создания — сущности, и они не из этого мира. Здесь они невидимы — или почти невидимы. Они бездумно произносят слова, ступают, не имея ног. Их послали сюда вместе с чашей.

— Послали... Кто их послал?

— Мы не видим. Здесь заклятия... неподвластные нам. Опасно прорывать защиту. Мы не станем этого делать.

— Я бы не стал просить вас подвергаться опасности. Раньлех...

Но образ женщины уже растаял.

— Я мог бы вызвать ее снова, — проговорил Бартелми как бы сам себе. — И все же... Это определенно лежит за пределами видения провидцев. Попробуем отыскать ответ еще в одном месте — хотя наша попытка может оказаться бесплодной.

Бартелми снова заговорил на чужом языке: шипящие слова со свистом рассекали воздух словно кинжалы.

В круге материализовалась другая фигура: мужчина, очень высокий, почти нагой и гораздо более реальный, нежели провидица.

Тело его, казалось, было вылеплено из переплетающихся мышц; из плотной шевелюры на голове торчали оленьи рога. Удлиненное худое лицо имело дикое выражение; примерно так глядел бы на мир олень, если бы был достаточно хищен и человечен, чтобы стать психопатом.

— Какова молва в Лесу, о дикий? — спросил Бартелми.

— Лес умирает. Молва больше не разносится по нему. — Огромная голова по-оленьи вскинулась. — Зачем ты призывал меня?

— Снаружи ходят слухи об одной вещи — велика она или ничтожна, мне неизвестно. Именуется она Граалем Лютого Торна. Я подумал, что *ты* можешь знать больше.

— Здешний Лес умеет хранить тайны даже от меня, — категорично произнес человек. — Однако я слышал что-то — или видел во сне. Я слышал о мире, где деревья повсюду, и олень может бегать весь день, не встретив человеческих троп и не учуяв запаха охотника. Мир без людей. Говорят, будто Грааль открывает Врата в тот мир. Быть может, во все миры. И все же я не стал бы с ним связываться. Его защищают.

— Кто?

— Если бы я знал, я не был бы столь осмотрителен. Нельзя противостоять противнику, которого не видишь. Подобную глупость оставляю совершать Человеку.

— В твоих словах много правды, — вздохнул Бартелми.

Человек с оленьими рогами исчез, и его место заняла старуха. Со смешанным чувством жалости и ужаса Анни подумала, что ей не доводилось видеть ничего более уродливого. Старуха была наполовину лысая, из щели беззубого рта торчал, словно клык, единственный зуб, глаза так сузились, что казались почти закрытыми, вместо голоса доносилось какое-то шамканье. Бартелми окинул ее долгим взглядом и отпустил, ни о чем не спрашивая.

— Эта уже слишком стара и сонлива: вряд ли она что-то знает. Думаю, вскоре она погрузится в вечный сон — и тогда ее уже ничто не разбудит. Когда-то она была действительно могущественна. Нексата, королева полуночи и жертвоприно-

шений. Но она слишком жадно пила то, что пьют они все — некое зелье, или молодое вино, или кровь, — и теперь ее разум прогнал. Итак...

Бартелми начал произносить очередное заклинание вызова. Пока он говорил, Анни показалось, что она расслышала позади шум — тихий щелчок, словно кто-то приподнял щеколду на кухонной двери. Она заметила, что Гувер тоже наострил уши. Обернувшись, они увидели, что дверь на кухню открыта; Анни засомневалась, закрывали ли ее когда-нибудь: Бартелми обычно оставлял ее распахнутой настежь. Да и вообще двери в Торнхилле, как в большинстве старых домов, обычно открывались и закрывались по собственной воле, приводимые в движение сквозняком или смещением древних петель. Анни по крайней мере никого не заметила. Гувер с минуту смотрел в направлении двери, подергивая ушами, потом вновь стал наблюдать за ритуалом.

В центре круга медленно вырисовывалась едва различимая фигура. У нее были светлые кудри (такой оттенок называют льняным, хотя Анни не знала точно, какого обычно цвета лен), стройное андрогинное тело и бледное, в форме сердечка лицо со слегка унылым ртом. Анни с беспокойством осознала, что, хотя по виду это был ребенок лет десяти, она никак не могла определить его пол. Наконец она решила думать о нем в мужском роде, хотя и без особых на то оснований. Дитя казалось воплощением невинности и чистоты — пока Анни не заглянула ему в глаза.

Глаза были старыми.

— Приветствую тебя, Эриост, — поздоровался Бартелми.

— Тебя никогда не интересовали подобные игры, — заметило дитя. — Что изменилось?

— Только не ты, — отозвался Бартелми. — Обратни не меняются.

— Я не из оборотней! Я дух, древний и могущественный, высоко стоящий в иерархии. Что тебе нужно от меня, толстяк?

— Новости о чаше, именуемой Санграалем или Граалем Лютого Торна. Известно ли тебе что-нибудь о его мощи или цели?

— Милая игрушка и всем нравится. Говорят, она из иного мира и способна отворять Врата. Может быть, так и есть, а может, и нет. Но всем хочется это выяснить.

— Чаша обреталась здесь веками, — задумчиво произнес Бартелми. — С чего вдруг именно теперь возник такой интерес?

— Близится ее время, — отозвалось дитя, — когда бы оно ни настало. Никто не знает точно, но все чувствуют. Происходят перемены в структуре, части складываются, образуя единое целое. Это случится скоро.

— Насколько скоро?

— Явятся знаки и предзнаменования. Так бывает всегда. — Ребенок рассмеялся чистым, как звон серебряных колокольчиков, голосом. — Мышка бежит.

— Мышка?

Дитя запело звонким, поставленным голосом:

Эники-беники-бам.
Мышонок бежит по часам,
Часы пробил ЧАС —
Мышонок сгинул враз —
Эники... Беники... БАМ!

— Весьма драматично, — вежливо заметил Бартелми. — Похоже, ты хорошо осведомлен обо всем. Верно сказано:

«Средь вас юнец, что все приметит»*. Остальные Старейшие знали гораздо меньше — или просто молчат. Быть может, ты слышал что-то о некоем водяном духе, которого также занимают эти вопросы?

— Водяной дух? — Выражение на лице духа по-детски быстро сделалось из веселого серьезным. — В водах больше не осталось духов. Последняя русалка умерла давным-давно. Ее могилу украсили водорослями, и закрыли ей глаза ракушками, и она превратилась в добычу крабов, на которых прежде охотилась. И все же ходят слухи, что где-то в самых глубоких и темных местах, вдали от Человека...

— Здешняя река не отличается ни глубиной, ни темнотой, — возразил Бартелми. — Но кто-то беспокоит ее воды.

Дитя на миг задумалось, потом запело:

Завеса на закате,
По реченьке волна:
По Глайду поднимается
Тварь с морского дна.

В реке зеленый локон,
Над заводью камыш:
Кто ты, что под водою
Без сновидений спишь?

Тьма взора в отраженье
Мглой комнат рождена;
Во взоре под водою —
Могилы глубина.

Ступает водной гладью —
К ладоням льнет волна:

* Неточная цитата строки из произведения Р. Бернса «О странствиях капитана Гроуза по Шотландии».

По Глайду поднимается
Смерть с морского дна.

Несколько секунд Бартелми размышлял над услышанным. Потом спросил:

— Тебе известно его имя?

— Может быть, да, может быть, нет. А может быть, у него нет имени. Какой смысл в именах в глубине океана?

— И тем не менее он явился из тьмы, — заметил Бартелми. — Он бы не сделал этого, если бы не был призван; а чтобы призвать, нужно имя.

Однако ребенок уже совершенно по-детски потерял интерес к беседе, а вместе с ним и неестественную зрелость, и впал в ребячество, запев опошленный вариант какой-то детской песенки:

Грошовую спой песенку,
Набей в карманы ржи,
Пойди и вырви целочку
И в тесто положи.

Когда пирог разрежут,
Кровь брызнет на гостей:
Ну, чем не угощение,
Достойное царей?

Мерзкие куплеты все повторялись и повторялись — тоном ликующим и насмешливым. Бартелми прошептал слова освобождения, и они постепенно затихли. Дитя превратилось в завиток тумана, из которого на миг сверкнули глаза; потом пропало.

— Что это было? — спросила Анни.

— Дух. Не суди по тому, как он выглядит: он очень стар и не обязательно мудр, зато многое знает. Он нам достаточ-

но рассказал — если говорил правду. Твой водяной дух поднялся из моря, быть может, из самых глубин океана. Там, куда не могут проникнуть люди, еще кое-кто обитает. Человечество заплонило планету. Одни духи привыкают и наслаждаются на слабостях смертных — суевериях, жадности и отчаянии; другие удаляются в необитаемые уголки и таятся там, в самом сердце пустыни или джунглей. И нет места более необитаемого и пустынного, чем океанская пучина. Говорят, там Великий Морской Змей по-прежнему спит на дне, так плотно окольцевав собою мир, что прорезал Марианскую впадину. Там водятся кальмары, превосходящие своими размерами корабли, и причудливые твари, сохранившиеся со времен динозавров, и сокрытое логово Кракена. И еще — некоторые боги и богини древнего мира, коим уже давно перестали поклоняться. Я мог бы вызвать одного-двух, если круг выдержит и сами они не позабыли, кем были прежде. Видишь ли, нельзя призвать безымянный дух.

— Вы хотите призвать ту... тварь... сюда? — ужаснулась Анни.

— Нам следовало бы с ней повидаться. Именно поэтому я попросил тебя присутствовать при ритуале. Я хочу, чтобы ты опознала то, что мы увидим. — Бартелми подбодрил Анни своей привычной улыбкой, хотя на сей раз она не слишком на нее подействовала. — Как говорят, нужно знать врага в лицо. Не бойся. Круг сдержит его.

— Но ведь вы сказали, что нельзя вызывать дух без имени, — с некоторой надеждой проговорила Анни.

— Таково правило. Потому мне придется сделать то, что делают в подобных случаях все волшебники.

— Что именно?

— Сжужльничать.

Бартелми возобновил вызов, и теперь Анни узнала имя: *Рианна. Рианна Сарду.*

— Таково имя, которое носил дух и, быть может, носит до сих пор, — пояснил Бартолми. — Так просто его не отбросить. Когда он явится — если он явится, — ничего не говори. Просто наблюдай.

Дух отозвался. Туман внутри круга, сгустившись, стал превращаться в столп, подобный тому, что поднялся перед Анни из речной воды. Точно так же он стал медленно обретать форму и лицо, похожее и одновременно не похожее на Рианну. Волосы струились подобно водорослям по течению, и длинное одеяние беспрестанно колыхалось множеством складок, а почва под ногами находилась в постоянном движении, словно вода.

Дух произнес:

— Я сказала, что сама решу, когда с тобой связаться. Не смей меня вызывать таким образом. И не пользуйся именем женщины. Это заставляет меня принимать ее облик. — Существо говорило голосом Рианны, но с неким чуждым ему эхом.

— Каким именем хочешь ты, чтобы я вызывал тебя? — вкрадчиво спросил Бартелми.

Анни подумала, что дух не в состоянии ясно увидеть, кто находится за кругом, хотя определенно хорошо слышит.

— Кто ты?

— Тот, кто призвал тебя.

— Ты не имеешь права! Я не собираюсь являться на зов первого встречного волшебника, который способен нацарапать круг. Отпусти меня!

Не обращая внимания на гнев духа, Бартелми продолжал:

— Что тебе нужно от мальчика по имени Натан?

— Ты не вправе задавать мне вопросы!

— Что тебе известно о Граале Лютого Торна?

— А тебе? Грааль — замок, мальчишка — быть может, ключ к нему. Врата можно открыть. Мы думали, они закры-

ты навечно для всех, кроме умерших смертных, но их можно открыть. Ты то, другое, верно? Другое ничтожное человеческое существо, которое считает себя Одаренным, хватается за случайную силу. Ты не понимаешь, что значит сила. Погоди только, пока я отворю Врата, и тогда я покажу тебе силу. Ты знаешь, как я сильна даже теперь? Меня не сдержит твой маленький круг.

Запрокинув голову, дух воздел руки, растворяясь в потоке воды; та взметнулась ввысь словно гейзер, ударились о потолок и выплеснулась в комнату. Крик Анни затих, когда в лицо ей ударила струя злобы.

Бартелми произнес одно-единственное слово — негромко, но четко: это была Команда. Рука его простерлась вперед в жесте отрицания. Выплеснувшаяся вода собралась обратно в жидкую колонну, которая с бульканьем уменьшилась и наконец совсем исчезла. Над промокшими полом и мебелью, волосами и одеждой поднялся пар и устремился в круг, исчезнув внутри, словно его поглотил воздух. Анни никак не могла отдышаться. Гувер принялся отряхиваться, хотя мех его уже высох.

— Да уж, — заметил Бартелми. — Ладно, на сегодняшний вечер достаточно. Немного беспокойнее, чем я ожидал. Именно с этим духом ты встретишься?

— Да. Он думал, что вы — кто-то другой, верно? Во всяком случае, поначалу. Значит... его вызывал кто-то еще?

— Я и прежде это подозревал. Вопрос в том, кто именно.

Беседуя с Анни, Бартелми одновременно вытянул руку вперед ладонью вниз. Мерцающий круг исчез. В комнате воцарилась кромешная тьма, и Анни поняла, что за сдвинутыми занавесками незаметно наступила ночь. Бартелми зажег свет и принялся подтирать с пола остатки порошка.

— Эффи Карлоу? — спросила Анни.

— Возможно.

— Если не считать того, что она мертва, а дитя намекнуло, что утопил ее именно водяной дух. И тем не менее он считал, что его призывает некто конкретный.

— Совершенно верно.

Бартелми достал из буфета бутылъ и немного налил из нее в бокал. Жидкость была темно-бордовой, почти черной, с сильным фруктовым ароматом и еще более сильным запахом спирта. Он подал напиток Анни, и та осторожно его пригубила. Щеки у нее зарумянились.

— Через пару минут подоспеет ужин, а потом вызовем такси и отправим тебя домой.

Позже, когда Анни ушла, Бартелми сидел в кресле при свете свечи (ему нравилось зажигать свечи, они успокаивали) и сквозь щель в шторах любовался мерцанием случайно забредшей в поле зрения луны.

— Он отозвался на имя Рианны Сарду, — заметил Бартелми, видимо, обращаясь к Гуверу: больше в доме никого не было. — Однако первой должна была откликнуться на зов сама Рианна. Разве что она не могла...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Буря и натиск

Натан осторожно закрыл заднюю дверь за собой и Хейзл, однако не рискнул опустить крючок: звук был бы слишком различим среди остального шума. Даже щелчок задвижки на двери в гостиную подверг их опасности быть обнаруженными. Пробравшись в дом, дети затаились на кухне и осмелились выглянуть только тогда, когда Бартелми и Анни были

поглощены ритуалом и не замечали ничего вокруг. Верный Гувер не твякнул и даже не вильнул хвостом. Теперь Натан и Хейзл, прокравшись через сад, выскочили в лес, слишком потрясенные увиденным, чтобы замечать темноту или возможную опасность. Стоило ребятам добраться до дороги, как тени кинулись за ними в погоню; однако Натан и Хейзл не забыли прихватить с собой талисманы, так что преследователям пришлось довольствоваться лишь возможностью дышать детям в спину.

— Он волшебник, — вымолвила Хейзл, когда дети оказались на достаточном расстоянии от дома. — Настоящий волшебник. Я о твоём дяде Барти. Или ведьмак.

— Нет, для ведьмака он слишком толстый. Ты где-нибудь видела толстых ведьмаков?

— Он в-волшебник, — повторила Хейзл. Язык ее заплетался на словах, как будто те были чередой непреодолимых препятствий.

— Твоя прабабка была ведьмой, — напомнил подруге Натан.

— Да, но все было... иначе. Она умела лишь привораживать да нашептывать проклятия: все это мелочи, ерунда, вовсе не *такое*...

— Какая разница, ведь ты все равно не веришь в магию.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — проворчала Хейзл.

Некоторое время друзья шли молча. Позади на пустой дороге тени играли с ними в «бабушкины следы», затихая, когда Натан оборачивался.

— Они там, — проговорил он. — Гномоны.

Дети почувствовали, как страх тянется к ним, стараясь достать, но не может завладеть их умами, и без того пере-

полненными всякими проблемами. Друзья лишь чуть прибавили шагу.

Когда они наконец выбрались из леса, Хейзл спросила:

— А что за история с женой Майкла и почему твоя мама узнала того духа? — Девочка по-прежнему не желала ни с кем обсуждать собственную встречу с головой из плошки.

— Мама далеко не все мне рассказывает, — ответил Натан, ощущая беспокойство.

Впрочем, и он делился с ней отнюдь не всем.

— Всегда они так, — мудро заметила Хейзл. — Моя мама мне вообще ничего никогда не говорит.

— Твоей маме не приходилось сталкиваться со злобными водными демонами, — тут же нашелся Натан.

— А может, приходилось. Я же говорю, она мне ничего не рассказывает...

Натан не слушал.

— Почему она мне не сказала? Неужели она по-прежнему думает, что меня надо оберегать от всего? Я же в состоянии позаботиться о себе даже в *других мирах*...

— Так вот почему ты так странно обгорел, — поддразнила Натана Хейзл.

— Ну, иногда я, конечно, совершаю ошибки. Если честно, меня до смерти пугает то, что сейчас со мной происходит. Нет смысла пытаться защитить меня — это просто бесполезно. Мне нужно большее. Но было бы неплохо, если бы она мне хотя бы просто доверяла.

Хейзл не нашлась, что ответить, — да Натан вроде бы и не ждал ответа: он был слишком поглощен собственными мыслями. Через некоторое время мальчик вдруг спросил:

— Что это?

— Что «что это»?

— Это.

Хотя лес кончился, до ближайших домов было еще далеко. Некто — или нечто — пробирался сквозь кустарник, шелестя травой и раздвигая ветви. Что-то скрывалось под густой листвой и спутанными стеблями — больше и материальнее гнома. Наконец стебли трав раздвинулись: на краткий миг показалось лицо, едва различимое в темноте. Но дети догадались, кто это.

— Узник! — громко прошипела Хейзл. — Он нас выслеживает.

— Он кого-то выслеживает, — поправил ее Натан.

Целенаправленно, хотя он и сам не представлял, с какой именно целью, мальчик направился к зарослям кустарника: лицо исчезло. Листва вздрогнула и замерла.

— Вот и все, — объявил Натан, как будто только и хотел, что напугать существо. На самом деле он очень встревожился. Оно должно было броситься прочь, а не оставаться поблизости от места своего длительного заключения, шпиона за людьми, которых даже не знает. И еще... зачем его заточили? Кто? И когда? Похоже, отыскать ответы на все вопросы в ближайшем будущем шансов не было. Натан повернулся к Хейзл: ему не терпелось скорее вернуться домой, и к тому же внезапно проснулся голод: как будто пищу они ели сто лет назад.

Хейзл вернулась домой довольно поздно — а Анни еще позднее; Натан уже лежал в постели, читая книгу. Они пожелали друг другу спокойной ночи. Анни ужасно устала, но долго не могла уснуть, прокручивая в голове события того вечера. Натана же моментально накрыло забытие; погрузившись на сей раз в более или менее обычный сон, он несколько раз просыпался глубокой ночью, как будто подсознание проверяло, на месте ли его хозяин.

* * *

На следующей неделе наконец состоялось долгожданное слушание по делу Эффи Карлоу. Как гласил вердикт, «смерть наступила в результате несчастного случая», и инспектору Побджою поручили другое дело.

— Я знаю, что вы хотите заниматься делом той пожилой леди, — сказал инспектору помощник старшего констебля, — но исходя из того, что у вас имеется, вы никогда ничего не докажете, даже если кто-то из родственников действительно столкнул ее в реку. Если мы добьемся признания вины, основываясь на косвенных уликах, любой сообразительный адвокат опровергнет его через десять минут.

— Девочка знает больше, чем говорит, — продолжал упорствовать Побджой. — Она намекнула, что миссис Карлоу убили на чердаке, а потом оттащили и бросили в реку. Мне бы бригаду экспертов, чтобы прочесать местность мелкой гребенкой...

— Сожалею. Мы больше не можем терять время и силы на это дело. Ограбление в Хеверли-холле сейчас важнее. Похищено полмиллиона в георгианских серебряных монетах и антикварные украшения, а в придачу еще куча всякой живописи, включая одно полотно Констебля и одно — Тициана, правда, сомнительного. Возможно, ограбление заказное, а судя по характеру взлома сигнализации можно сказать, что это были настоящие профессионалы.

— Сэр Ричард Викхэм, не так ли? — спросил Побджой. — Два года назад посвященный в рыцари за заслуги перед страной — то есть за то, что здорово нажился? На торговле оружием, если я не ошибаюсь?

— Я смотрю, вы уже выполнили домашнее задание, — сухо заметил помощник. — Викхэм — важная персона. Лич-

но я не питаю к нему особых симпатий, да и вряд ли он вызывает их у кого бы то ни было. Но у него очень большое влияние.

— Что делает его гораздо важнее, чем какая-то безымянная и неимущая старушка из богом забытой деревеньки, — добавил Побджой.

— Вы знаете, как обстоят дела, — сказал помощник. — Не то чтобы вам улыбалась удача в данном деле. Даже если вы добьетесь, чтобы девочка указала пальцем на одного из своих родителей, суд, как всегда, вряд ли примет во внимание показания несовершеннолетней. Вспомните провал дела об убийстве Дамилолы Тэйлора. Кроме того, вряд ли найдется ребенок, готовый предать собственных отца или мать.

Побджой едва удержался, чтобы не спросить помощника старшего констебля: «Полагаю, сэр, ваши сыновья еще не достигли подросткового возраста?»

— Займитесь делом Хаверлей-холла, — подытожил помощник. — Мы уже не сможем вернуть сэру Ричарду похищенного, зато по крайней мере прищучим парней, которые совершили ограбление, пока они не обчистили кого-нибудь еще. Да, я понимаю, что вы хотите остаться на этом вашем предполагаемом убийстве, но придется с ним расстаться. Деньги правят миром, нам с вами обоим это хорошо известно.

— А в суде они играют роль? — полюбопытствовал Побджой.

— О да, — вздохнул помощник. — Обычно в парике и мантии.

Поскольку Хейзл и Джордж еще учились, в начале каникул Натан оказался предоставлен сам себе. Он сел на автобус до Чизздауна и отправился повидать Эрика: тот все

еще подрабатывал у Ровены Торн. Дружья спустились к подножию холма, что дал название деревушке, и перекусили сандвичами, приготовленными Анни. На меловой поверхности склона прямо над их головами был вырезан громадный символ — менее известный, чем лошади или великаны в прочих местах, поскольку это был лишь узор; к тому же никто не знал, что он символизирует. Знак состоял из линии, пересеченной дугой и заключенной в круг.

— В моем мире, — сообщил Эрик, — это древний символ великой магии.

— Что он значит? — тут же загорелся Натан.

Эрик пожал плечами в своей чудной манере.

— Кто знает? Это большая тайна.

Радостное волнение Натана тут же улетучилось.

— Может, просто совпадение? — предположил он. Как со «Звездными войнами», и силой, и магическими способностями поэзии — Натану уже начинало казаться, что Эрик во всем видит некий смысл.

— Что такое... совпадение? — спросил изгнанник.

Наконец преуспев в долгом и трудном объяснении, Натан перешел к рассказу о последнем сне: с пещерой, пустыней, чудовищем, несостоявшимися расхитителями гробниц и дикими крылоящерами. Эрик был одновременно восхищен и обеспокоен.

— Правильное место, — решил он. — Должно быть, Санграаль, меч, венец спрятаны там. Ты не видишь?

— В пещере было темно хоть глаз выколи, — признался Натан. — Я вообще ничего не видел. А ты знаешь, кто были те расхитители?

Эрик помедлил с ответом.

— Быть может, просто воры, — наконец произнес он. — Хотя, возможно, и нет. Это группа, как вы говорите, бун-

товщиков? Они утверждают, будто Грандир не сделает ничего, чтобы спасти нас, бросит умирать всех, кроме избранных, так и не раскрыв заклинания первого Грандира. Мятежники могли попытаться похитить сокровища и самостоятельно сотворить заклинание.

— А им бы удалось? — спросил Натан.

— Нет. Никто не в силах сотворить заклинание. Его тайна утеряна. Возможно, у них есть какие-то предположения. Это незаконно, но я думаю, многие попытаются, если у них появится возможность.

Натан согласно промычал.

— Что им терять?

— Закон строг, — сказал Эрик. — Многих сажать в тюрьму.

Натан подал другу еще один сандвич, и они заговорили о крылоящерах.

— Их шкура очень плотная, — объяснил Эрик. — Защищает от солнечной смерти. И еще особенные веки на глазах: всегда закрыты и невидимы...

— Прозрачные? — догадался Натан.

— Ящеры видят сквозь них. *Прозрачные*. Я запомню.

Натан заметил, что Эрик впрямь все запоминает. Каждое новое слово заносится в память лишь однажды.

— Давным-давно люди поймать диких крылоящеров, изменить гены, сделать их крупнее, сильнее и послушнее. Некоторые дикие еще остаются там, хотя многие умереть. Теперь нет достаточного количества животных, чтобы они охотились.

— А почему дикие ящеры помогли людям? — спросил Натан.

— Потому что они очень умны, — неуверенно предположил Эрик. — Как дельфины здесь.

Натан удивился, что Эрику известно о дельфинах.

— Помогать людям — признак интеллекта? — спросил он. Разумеется, всем известно, что в прошлом дельфины спасали тонущих матросов, так что Эрик привел довольно удачную аналогию.

Друзья покончили с обедом, и Натан отправился в обратный путь до Иде. В лавке он встретил Майкла, который предложил как-нибудь покататься на лодке («Да, пожалуйста!» — обрадовался мальчик) и оставил их наедине с матерью.

— Что вы с дядей Барти задумали вчера вечером? — поинтересовался Натан как можно невиннее. Ему не хотелось ни самому обманывать мать, ни слышать неправду из ее уст. Мальчик испытывал чувство вины за то, что тайком подглядывал за Анни предыдущим вечером. И все же, ощущая, как сны завладевают им больше и больше, Натан решил, что должен знать все — в особенности то, что взрослые не хотят ему рассказывать.

— Просто ужинали, — ответила Анни, чувствуя себя ужасно неловко из-за необходимости обманывать. — И беседовали.

— Обо мне?

— Нет. — В конце концов, почти так оно и было. — Представь себе, ты не единственная тема для беседы в моей жизни. Мы обсуждали денежные вопросы. Как вести магазин и все такое.

— Раньше вы никогда не обсуждали подобные вопросы с глазу на глаз, — заметил Натан.

— Обсуждали. Просто ты не замечал.

«Она не собирается ничего мне рассказывать, — подумал мальчик. — Я должен знать, а она не говорит. Может быть, признаться, что я был там?»

«Не знаю, стоит ли ему рассказывать, — мучилась Анни. — Все это касается его напрямую. Но ведь он еще так юн... Я хочу оградить его, уберечь, по крайней мере до тех пор, пока он не повзрослеет. Чем больше он знает, тем больше захочет еще узнать — пока наконец не спросит о своем отце...»

Она ничего не сказала.

Он тоже.

Натан точно знал, что ночью увидит сны — не праздные сны блуждающего разума, но сны души, сны об ином мире. На сей раз он все почувствовал еще до того, как начался сон: скрутившее желудок ощущение падения, погружения в туннель черного, вращающегося пространства. Вокруг тучами клубилось нечто темное, мимо проносились звезды, кажущиеся крохотными (хотя он каким-то образом понимал, что они огромны) и стирающиеся в огненную пыль на невидимых отменях Времени. То тут, то там на его пути возникали планеты, сверкающие океанами и материками, увитые гирляндами циклонов и антициклонов.

Пролетев сквозь туннель, Натан внезапно вынырнул в слепящий свет; огромное солнце затмило собой менее крупные звезды. Мальчик зажмурился. И тут он очутился на твердой поверхности и открыл глаза: оказалось, что он смотрит на край письменного стола. Стол в полукруглом кабинете Грандира. Натан сидел под ним, скорчившись, окончательно обретший плоть и видимый, а в нескольких футах спиной к нему стоял Грандир, слушая доклад человека на голограмме.

На голопроекции (мальчик был уверен, что верно назвал изображение) был забавный плоский головной убор, а над прорезями для глаз на черной маске возвышались желтые стеклянные пузыри, придавая ей злобный вид. Цельное одеяние также оказалось черным, сшитым из гладкого блестя-

щего материала, напоминающего кожу, перчатки с накладками на пальцах были перехвачены металлом на суставах, а через плечо висело какое-то оружие. Уверенная манера речи незнакомца выдавала в нем военного.

— По происхождению он из Ингорута, — говорила голопроекция. — Он утверждает, что его имя Держин Заморк, что проверяется по компьютерам. Однако наши записи перепутались после последнего проявления саботажа, так что генетический отпечаток могли подменить. Поскольку континент теперь отрезан, у нас нет возможности проверить его подлинность.

— Не важно, — отозвался Грандир. — Его имя не имеет значения. Он неосальвационист, больше нас ничего не интересует. Что он сообщил о своей организации?

— Не так много, сэр. Эти люди работают в ячейках, практически изолированно от других деятелей, чтобы при подобных нынешним обстоятельствах группировка не пострадала. Он даже не знает, кто снабжал его данными и отдавал приказы.

— Стандартный метод, — безразличным тоном произнес Грандир. — Я бы сам так сделал, будь я молод и изобретателен. Эти люди относительно умны. Вы нашли имплантат?

Последовала пауза — некое замешательство, как будто голопроекцию застали врасплох.

— Я... да, сэр. Он оказался на позвоночном столбе у основания черепа. Но...

Грандир не стал поощрять голопроекцию к продолжению рассказа какими бы то ни было словами. Он просто ждал.

— Мы не можем запустить его, сэр. Он сконструирован так, чтобы работать лишь в окружении живой ткани. Его ткани. Если бы у нас имелся телепатический сканер...

— Как тебе хорошо известно, подобное оборудование большая редкость. Последний сканер остался на Кворусе и был утерян, когда отрезали планету. Какую дозу сыворотки правды вы ввели?

— До номера семь включительно, сэр. Похоже, его тело обладает естественным иммунитетом, возможно, стимулированным с помощью активирующего заклинания.

Очередная пауза затянулась.

— Вы хотели бы допросить его сами, сэр?

— Нет. Как насчет женщины?

— С ней все оказалось еще труднее. Ее уровень сопротивления выше, чем у него. Плюс те же проблемы с имплантатом. Она даже не назвала нам своего имени, хотя нам удалось добиться этой информации от Заморка. Он называет ее Кванжи Лей. Говорит, что ее тренировали как практора третьего уровня.

— Ясно. Она могла узнать расположение пещеры с помощью магии. Знание имеет защиту, однако подобные заклинания снимаются. Очень хорошо. Больше не нужно никаких расспросов. Они очень старались ничего не узнать о тех, кто ими управляет. Поместите их в Глубокое Заточение.

— На какое время? — последовал вопрос голопроекции.

— На неопределенное.

«Это те двое, которых я видел в пустыне, — думал Натан. — Именно о них идет речь. Они спаслись от монстра, чтобы попасть под арест по возвращении в Аркатрон».

Голопроекция начала таять, и Натан закрыл глаза, изо всех сил желая перенестись вместе с ней, вызывая в памяти образы двух налетчиков. Тянулись бесконечно долгие мгновения: ничего не происходило. Мальчик услышал удаляющиеся шаги Грандира и, открыв глаза, увидел, что правитель стоит у окна, вглядываясь в щель между двумя щитами. «Еще

миг — и он обернется, — понял Натан, — потом вернется к столу. Здесь нет больше никакого убежища, и мне не выбраться. Он обнаружит меня...»

Тьма поглотила мальчика так быстро, что он даже не успел этого осознать. Зато перемещение снова тянулось медленно, хотя и без ощущения космического полета. Натан пробивался сквозь окутавшее его пеленой забытие, стремясь вернуть сознание, ощущения, самого себя. Всякий раз, как ему казалось, что он вот-вот проснется, его обволакивал новый слой сна, толкая в очередную пропасть. Наконец он предпринял усилие и разорвал пелену, тонкую, словно тень, — и очутился на свету.

Только это был свет не эосянского солнца, а мягкое свечение, не имеющее (как поначалу показалось Натану) ни источника, ни границ, ни формы. Постепенно окружающее пространство начало обретать очертания. Мальчик попал в круглую комнату без окон и дверей, с гладкими молочно-белыми стенами и полом. Высота помещения в два раза превышала диаметр, а потолок был словно отлит из непрозрачного стекла. В самом центре, блестящая, как отполированный мрамор, высилась черная массивная колонна. Натан сидел, повернувшись к ней спиной. Откуда-то сзади послышался голос желтоглазой голопроекции:

— Вы находитесь в Глубоком Заточении, в яме C00437C. Период вашего пребывания не определен. Это все.

Послышался звук шагов, легкий свист раздвижной двери. Колонна оторвалась от пола и поползла вверх, исчезнув в отверстии стеклянного потолка, которое затем закрылось. Натан повернулся.

Женщина была здесь: она сидела, прислонившись к стене, поджав под себя одну ногу и вытянув вперед другую.

Натану сразу же бросилось в глаза, какой расслабленной и спокойной она казалась. Женщина подвергла себя смертельной опасности в напрасной попытке узнать тайны пещеры, едва не погибла, а теперь ее бросили в тюрьму на неопределенный период времени — и все равно она не теряла самообладания. В яме оказалось тепло, поэтому одеяние, напоминающее плащ без рукавов, было расстегнуто; под ним женщина ничего не носила. Тело ее поражало необычайной поджаростью и мускулатурой. В нем отсутствовали изгибы и округлости, характерные для женщин родного Натану мира: насколько он мог судить, бедра незнакомки были узкими, а грудь едва-едва выделялась. Женщина не могла не заметить гостя — в этом пространстве было невозможно спрятаться, — но, похоже, ее не волновало ни его присутствие, ни собственная полунагота. Лицо узницы не отличалось особенной красотой — даже, как догадывался Натан, по меркам Эоса: сплошные изгибы и углы, прямые линии и кости, лиловый блеск во взгляде, напомнивший Эрика (правда, у него глаза были светлее, скорее аметистового цвета). Казалось, предназначение этого лица — выражать быстроту реакции, волю и огонь; однако теперь внутренние часы, по-видимому, были настроены на отдых. Женщина изучала Натана без тени любопытства или каких-либо эмоций и наконец произнесла:

— Я думала, что буду здесь в одиночестве. Мне говорили, что в ямах всегда все сидят по одному. Всегда одна: разве не в этом смысл заточения? Ты иллюзия, которую они мне прислали, голопроекция? Или результат последней инъекции?

— Меня никто не присылал, — отозвался Натан. — Я настоящий. Во всяком случае, мне так кажется. В своем мире я реален, а здесь, может, и нет.

Женщина не пыталась осознать смысл происходящего. Позже Натан думал, что после всего пережитого ей было не

до смысла: самое большое, на что она оказалась способна, — это сохранять спокойствие. Она твердо решила отвергнуть надежду, страхи, слабости, за которые могли бы зацепиться ее тюремщики.

— Ты очень маленький, — заметила женщина.

— Мне тринадцать лет. Я еще не вырос.

Воцарилось долгое-долгое молчание.

— Ты ребенок? А я думала, что детей больше не осталось. Мне никогда не доводилось видеть ребенка. Зачем тебя прислали?

— Я уже говорил: меня никто не присылал, — повторил Натан. Впервые во сне он с кем-то беседовал, и, похоже, женщина ему не верила. Ну что ж, вполне справедливо. — Я перенесся сюда во сне. Я умею — не знаю, как и почему. Я прибыл из иного мира.

— Все другие миры погибли, — ответила женщина. — *Унварху-саг*.

— Нет же. Я говорю о другой вселенной. По ту сторону Врат. — Натан усомнился: поймет ли женщина, что он подразумевает под Вратами. — Я видел вас в пустыне, когда вы спасались от чудовищного ящера. Я наблюдал из пещеры. Зачем вы туда отправились? Вам был нужен Санграаль?

— Вопросы, — вздохнула женщина. — Я так и знала: опять начнутся вопросы... А для иллюзии ты очень даже неплох. Почти идеально удалась мелкие детали. Полагаю, ты не расскажешь мне, как они этого добились?

— Никто этого не добивался, — терпеливо объяснял Натан. — Я просто родился самым обычным образом: родился и вырос. Пожалуйста, попытайтесь мне поверить. Послушайте. В пещере чаши нет: все это лишь для отвода глаз. Она в моем мире. Кто-то переместил чашу туда — возможно, для сохранности, хотя я не совсем уверен. Зачем вы ее

искали? А если бы нашли, то что бы стали с ней делать? Если чаша впрямь часть заклинания, которое спасет ваш мир, то мы должны знать, как оно действует. Прошу вас...

Женщина не ответила. Губы ее оставались сжатыми в суровую полоску, потом вдруг кончики их приподнялись в улыбке.

— Если ты реален, — сказала она, — докажи. Прикоснись ко мне.

Что же Натан сразу не догадался! Ведь это так просто! Подойдя к женщине, он протянул руку навстречу ее руке.

— Можно? — Он почувствовал, что в этом мире масок и комбинезонов, где ему еще ни разу не пришлось видеть, чтобы люди дотрагивались друг до друга, нужно обязательно спросить разрешения. Даже у Эрика было своеобразное отношение к физическому контакту.

Кванжи Лей кивнула.

Он накрыл ее руку своей. Ее пальцы отозвались дрожью, словно по ним пробежало электричество.

Женщина сказала:

— Они не способны создать такое. — Потом добавила: — Они привели мой разум в смятение. Должно быть, это какое-то заклинание. Грандир очень силен — сильнее, чем мы предполагали. У меня есть защита, но она недостаточно мощная. Я недостаточно сильна... — Голос Кванжи Лей сорвался на шепот; жутко было слышать его из уст человека, который совсем недавно столь великолепно владел собой. Натан уже не понимал, с кем она разговаривает: с собой или все же с ним.

— Вы сильная, — сказал он, потрясенный произошедшей переменой. — Я вижу. Вы очень сильная. Как раз с вами все в порядке, а вот со мной — нет. Я не знаю, кто я — наверно, какой-нибудь урод. Я засыпаю, вижу сон — и вот я здесь. Сначала я был лишь невидимой мыслью, а теперь с

каждым разом становлюсь все материальнее. Пожалуйста, расскажите мне о чаше. Скоро настанет время просыпаться, и тогда я уйду, так что...

— Если ты реален, — рассудила женщина, — ты никак не сможешь уйти. Мы в Глубоком Заточении. Отсюда нет выхода. Никому еще не удавалось бежать из Ям.

— Вы так и не поняли. Для меня это сон. Я просто... исчезну...

Неожиданно Кванжи Лей одной рукой схватила Натана, притягивая к себе, а другой быстро провела по его лицу — ощупывая черты, как слепая.

— Ты кажешься слишком материальным, чтобы исчезнуть, — заключила она, — или же мои ощущения мне лгут. Ты не оборотень: у тебя человеческие глаза. Магией такого не добиться. Кто тобой управляет?

— Никто! — Натан пришел в отчаяние. Он уже чувствовал, как темнота рвется к нему, щекочет за пятки, разливается по сознанию.

— Похоже, ты сам веришь в то, что говоришь. Они обманули и тебя. *Всегда* есть тот, кто управляет...

И тут все закончилось. Он в последний раз глянул ей в лицо — губы ее приоткрылись от удивления; и образ ее растаял, раскололся; мальчика повлекло назад, за пределы света, разума, всего этого мира...

Натан проснулся дома, в собственной постели, обливаясь холодным потом; за окном едва занималось утро. Он все повторял и повторял ее имя — Кванжи, убеждая, моля пустую комнату.

— Скоро Грааль вернется домой, — сообщил Бартелми, — если точнее, в субботу. Подозреваю, что наш друг Джулиан Эпштейн вовсе не в восторге от этой идеи. Чашу повезут в опечатанном фургоне под охраной...

— Вооруженной? — восторженно спросил Натан. Они с Бартелми и Анни сидели в книжной лавке: взрослые на стульях, мальчик — примостившись на краю стола.

— Честно говоря, я не в курсе, — признался Бартелми. — Его везут в Торнхилл, где соберутся... м-м... главные участники спора: Ровена Торн, граф фон Гумбольдт и Алекс Бирнбаум. Ну и еще мы с Эриком.

— Мы тоже должны быть там, — сказал Натан. — Мы имеем к Граалю такое же отношение, как они.

— Несомненно. Только им об этом неизвестно, и я вовсе не намерен посвящать их во что бы то ни было, — резонно заметил Бартелми.

— Зачем это все фон Гумбольдту? — недоумевала Анни. — Что он надеется выиграть?

— Все не так просто, — пояснил Бартелми. — Подозреваю, Ровене удалось убедить его, что на таких условиях она сможет склонить Бирнбаума отозвать свое требование. Алекс с чрезвычайным почтением относится к историческому прошлому чаши, Удаче Торнов и всему прочему. Если он решит, что уступает чашу Ровене, то вполне может отказаться от претензий.

— Верно, — заметила Анни, — он впрямь способен так поступить.

— Ты общалась с ним больше нас. Как бы то ни было, фон Гумбольдт верит, что игра стоит свеч. Ровена позволила ему думать, что, как только Бирнбаум сойдет с дистанции, она согласится на продажу и последующий раздел выручки. Он во что бы то ни стало хочет избежать долгой, запутанной и дорогостоящей судебной тяжбы.

— Что вполне понятно, — согласилась Анни. — Но что задумала Ровена? Ведь она ни за что не согласилась бы продать чашу, разве нет? Быть не может, чтобы она всерьез планировала... О нет!

— Ограбление? — улыбнулся Бартелми. — Вряд ли. Полагаю, она лишь хочет, чтобы Эрик взглянул на чашу. Он произвел на миссис Торн большое впечатление. Как, впрочем, и на многих других. Не берусь судить, смогла ли она осознать, что Эрик действительно из иного мира, однако Ровена отнюдь не глупа и должна понимать, что он не сумасшедший. Она хочет, чтобы он увидел чашу — причем, что называется, на своем месте. Ровена выбрала не самый краткий путь, чтобы организовать эту встречу. Признаюсь, я и не ожидал, что она способна на столь изощренное коварство. Люди не перестают меня удивлять — и это обнадеживает.

— В вашем возрасте, — хитро улыбнулась Анни, — наверное, осталось не так много, чему удивляться.

— А вот тут ты как раз ошибаешься, — парировал Бартелми. — Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что никого нельзя просчитать до конца. Как только начинаешь думать, что знаешь людей, они совершают нечто из ряда вон выходящее. Человеческая натура изобилует потрясающими глубинами — и мелями, разумеется. Что бы там ни говорил Фрейд, правил поведения для нее не существует.

— Но ведь гены, несомненно, предопределяют, каким станет человек, — вмешалась Анни.

— Гены ничего не предопределяют, — возразил Бартелми. — Можно позволить наследственности утнетать тебя — или жить с ней в согласии — или возвыситься над ней. Человек сам себя определяет. Разве гены могут превратить спустившуюся с дерева обезьяну в поэта? Я рассказывал вам о магии, о силах немногих Одаренных, однако истинная магия заключена в душе Человека.

— Иногда люди способны на ужасные поступки, — заметил Натан, вспоминая Ямы для бесконечного заточения.

— А иногда — на прекрасные. Две стороны одной медали. Тьма и свет живут в каждом из нас. Мы сами превращаем себя в тех, кто мы есть. Мы делаем выбор.

— А как насчет влияния среды? — поинтересовалась Анни.

Разговор повернул в психоаналитическое русло, и Натан погрузился в собственные мысли, сосредоточившиеся главным образом на задней двери в Торнхилл и преданном Гувере — сторожевом псе, который никогда не залает на друга...

Натан надеялся, что на неделе ему снова приснится сон о Кванжи Лей, — но он опять видел море в мире, где всю землю поглотил океан, а потом прекрасную страну, напоминающую детские мечты о Нарнии. Там были зеленые холмы, и поросшие мхом скалы, и ручьи, струящиеся и падающие маленькими водопадами. Леса здесь оказались даже прекраснее и словно бы «лесистее» окрестностей Торнхилла: вокруг простирались заросли шиповника и жимолости, в листве деревьев тут и там мелькали рыжие беличьи хвосты, слышалось пение неведомых птиц.

Спустилась ночь. Сквозь кружево ветвей светила громадная луна; беззвучно взмыла ввысь сова. Внезапно накатил страх — с ним крался лунный свет, и по подлеску пронеслась рябь. Они — озмоси — были здесь, и в этом чудесном уголке дикой природы. На Натане не было железа — а значит, защиты. Он бросился бежать словно сумасшедший, преследуемый кошмаром, пока наконец не споткнулся о древесный корень и не свалился вниз — и вниз — в черные глубины безмятежного сна.

Впоследствии, вспоминая сон, Натан гадал, не в том ли мире он отыскивал Лесовичка — в давно забытом путешествии раннего детства. Мальчик уже давно не виделся со старым

другом и потому однажды после обеда отправился в лес один, захватив в подарок упаковку «Смартиз». И они с Лесовичком сидели под деревьями, болтая о том о сем, хотя Натан не стал рассказывать лесному другу о сновидении. Мальчик сообщил, что скоро привезут Грааль, и поведал собственные планы на субботу. Он хотел, чтобы, когда настанет время, вблизи Торнхилла было как можно больше глаз.

— Я буду наблюдать, — пообещал Лесовичок. — Но и другие тоже наблюдают.

— Ты имеешь в виду гномов? — нахмурился Натан. — Думаю, они привязаны к чаше. Не представляю, что они станут делать. Им не проникнуть в Торнхилл: там слишком много железа, а еще сильфиум в саду; полагаю, Бартелми сумеет организовать световые и звуковые эффекты.

— Я имел в виду гоблина, — объяснил Лесовичок.

— Какого еще гоблина? — Натан уже догадывался, кого имел в виду его друг.

— Того, которого вы выпустили из-под земли. Узника.

— Еще о нем нам не хватало беспокоиться, — заявил Натан. Но беспокойство осталось — оно цеплялось за границы его сознания, никак не желая стряхиваться.

Алекс Бирнбаум заглянул в лавку и пригласил Анни на бокал вина. В тот самый миг, что она отвечала на приглашение нового знакомого любезным согласием, в магазин вошел Майкл.

— Твой поклонник, — беззаботно заметил он, когда вышел Алекс.

Анни почувствовала, как по сердцу разлилось приятное тепло.

— Алекс очень мил. Он мне нравится. — Анни вовсе не хотела причинить Майклу боль; она была лишь женщиной, а Майкл пока оставался женатым мужчиной.

— Я надеялся, что ты согласишься поужинать со мной в пятницу, — сказал он. Майкл впервые приглашал Анни на ужин и говорил очень неуверенно.

— Натан...

— Нат сам о себе позаботится.

Анни робко улыбнулась.

— Хорошо.

Однако в пятницу утром домой вернулась Рианна Сарду.

Майкл позвонил Анни, чтобы предупредить: он чувствовал себя смущенным и виноватым одновременно. «Грузинский тур пришлось свернуть — какая-то у них там политическая нестабильность. Грузия расположена слишком близко к Чечне. Надеюсь, удастся поужинать на следующей неделе. Она уедет в Лондон озвучивать новую экранизацию «Макбета».

«Интересно знать, чью партию? — про себя подумала Анни. — Призрака Банко?» И какая из двух Рианн вернулась: настоящая или дух в ее облике? К тому же при мысли об ужине с Майклом тайком, когда его жена — или предполагаемая жена — где-то поблизости, ей сделалось совестно.

— Ты никак не могла видеть ее в Лондоне, — добавил Майкл в конце разговора. — Она все это время была в Грузии. Я выяснил.

Анни пробормотала что-то неопределенное и положила трубку. По минутном размышлении она набрала номер Бартелми, но того не оказалось дома: наверное, они с Ровеной Торн заканчивали приготовления.

Вернувшись домой, Натан застал мать в глубокой задумчивости. Анни рассказала сыну, что Майкл отменил ужин, хотя не назвала причины, до сих пор не в силах думать о речном кошмаре. Она отчетливо представляла, как чудовище

поднимается в башню, чтобы лечь спать (спало ли оно вообще?), или, того хуже, делит с Майклом семейное ложе.

Нужно во всем разобраться.

Майкл сказал, что после обеда его не будет дома: он занят в каком-то специальном университетском проекте — не для студентов, а для людей со стороны. Около трех, спрятав в карман один из номерков (хотя Анни не была уверена, помогает ли железо против водяных духов), она закрыла лавку и отправилась к Дому-на-Реке.

Дом казался притихшим, задремавшим на солнце: ни угрожающим, ни гостеприимным, живописным и совершенно обычным одновременно. Анни подумалось, что в отличие от большинства деревенских жилищ в разгар второй половины дня Дом-на-Реке не производил впечатления действительно уснувшего: ему не доставало личности, это был скорее вариант «напоказ», чем уютное гнездышко, — лишь фасад и бездушный интерьер. Анни позвонила в дверной колокольчик и стала ждать звука приближающихся шагов: стук сердца гулко отдавался в ушах.

Анни так ничего и не услышала: ни шагов, ни возни с ручкой или замком. Дверь внезапно распахнулась, и на пороге показалась Рианна Сарду.

Секунду — или даже меньше — Анни испытывала неуверенность. Существо выглядело как обычная женщина из плоти и крови, в джинсах и свитере: ногти на ногах были накрашены, темные волосы забраны заколкой, выбившиеся пряди льнули к шее. Анни даже почувствовала себя виноватой. Если перед ней стояла лишь женщина, то с ней поступали нечестно, рана чувства, что бы там Майкл ни говорил о состоянии их брака. Но тут Анни взглянула ей в глаза и все поняла. Под радужной оболочкой и зрачком была чернота —

тьма океанских глубин, куда со дня сотворения жизни не проникал свет. Человеческие ноги не ступали столь бесшумно в такой тихий день — босые ноги там, где стоило надеть сандалии, — босые ноги, оставляющие на коврике мокрые следы...

Анни почувствовала, как лицо ее заливают бледность, и поняла, что выдала себя. Она старалась совладать с собой, не броситься бежать. Впрочем, голос ее, когда она наконец обрела дар речи, звучал вполне уверенно.

— Я искала Майкла. Я нашла книгу, которая могла бы его заинтересовать, — по истории викторианского Лондона. Майкл дома?

— Нет, — вполне спокойно ответило чудовище. Быть может, оно не осознало, отчего Анни так побледнела, а быть может, решило, что даже после той погони сможет ее обманывать. — Я скажу ему, что вы заходили.

Потом, совсем иным тоном, дух спросил:

— А как поживает ваш сын?

В вопросе не было угрозы, скорее подавленная дрожь, странная алчность. Анни ощутила внезапный прилив ярости, заставивший забыть все страхи, — древней, примитивной ярости матери, защищающей своего ребенка. Она вспомнила жест, которым Бартелми рассеивал духов в круге, и единственное слово Команды. Забыв, что у нее нет Дара, нет силы, она простерла руку и выкрикнула: «Энваррэ!» Тварь в облике Рианны Сарду отшатнулась, потом заколебалась: сущность ее стала меняться, превращаясь в силуэт из бурлящей воды, который потянулся к Анни. Женщина попыталась было сопротивляться, но сила сродни океанскому течению схватила ее за горло, и жидкие пальцы устремились в нос и рот, и в легкие потоком хлынула вода...

Анни пришла в себя и закашлялась, извергнув фонтан воды на дощечки причала. Она лежала у самой реки, насквозь промокшая и дрожащая; с выражением облегчения на лице над ней склонился Майкл: несомненно, ему пришлось сделать ей искусственное дыхание.

— Что случилось? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Я нашел тебя здесь — в реке. Я услышал крик, а потом обнаружил тебя и испугался, что ты мертва... — Беспокойство Майкла отозвалось в ней волной тепла, почти остановившей дрожь. — Слава богу, что я вернулся.

— Почему...

— Я забыл пачку сочинений. Без них не было смысла ехать. Слава богу...

Он отнес Анни в дом, позаботился о том, чтобы она сняла мокрую одежду, выдал ей банный халат и полотенце; потом принес сладкого горячего чая.

— Не представляю, куда запропастилась Рианна. Я полагал, что сегодня вечером она будет здесь. А ты что тут делала? Что вообще стряслось?

Анни растерялась. Она больше не могла лгать Майклу — он был в опасности. Но ведь он никогда не поверит в правду! Придется открыть ему лишь часть истины.

— Я пришла увидеть Рианну, — заикаясь, проговорила Анни. — Я хотела расспросить... о том случае в Лондоне. Я была совершенно уверена, что видела именно Рианну. Я решила, что если спрошу ее, увижу ее реакцию, то буду знать наверняка. Она открыла дверь и повела себя очень странно. Потом вдруг наступила чернота. Я даже не помню, как оказалась у реки. Она накинута на меня — и все потемнело... — Анни было противно лгать Майклу даже из чувства

сострадания, но больше ей ничего не приходило в голову. Он и так смотрел на нее с недоумением.

— Рианна... Ты хочешь сказать, что Рианна на тебя напала? Но... этого просто не может быть. Только не Рианна. Ей нет до меня никакого дела — по крайней мере не до такой степени. Мы уже несколько лет спим в разных комнатах. Даже если бы она впрямь ревновала, она устроила бы сцену, закатила скандал — но только не стала бы прибегать к насилию. Рианна на такое просто не способна... Что она сказала?

Анни ответила, не раздумывая:

— «Как поживает ваш сын?»

— Что?

— Она спросила: «Как поживает ваш сын?» Майкл... все... дело не в тебе. Я не могу объяснить — я больше ничего не знаю. Но дело не в тебе.

Майкл уставился на Анни немигающим взглядом. Потрясение и озабоченность постепенно исчезали с его лица; их сменило созерцательное выражение, присущее ученому, что склонился над неразборчиво написанным древним манускриптом. Когда Майкл заговорил, в его тоне появилась незнакомая резкость:

— И что все это значит?

Анни ничего ему не рассказала — просто не могла, не имея доказательств, которые убедили бы его в невероятном. Майкл не стал настаивать. Анни едва не погибла и пережила большое потрясение, так что он просто отвез ее домой, убедился, что она в порядке, и настоял, чтобы она рассказала о случившемся своему лечащему врачу. Если в поведении Майкла по отношению к ней и появился некий оттенок отчуждения, то уловить его могли лишь самые чувствительные антенны: и у Анни они оказались сверхчувствительными. Он знал, что

она рассказала ему не все, и не мог думать о Рианне плохо: все это было ясно без слов. Ее утешало лишь то обстоятельство, что еще некоторое время Натана не будет дома и не придется изобретать для него каких-то сложных отговорок. Она расскажет все Бартелми... когда подвернется подходящий случай. Вечером Анни приготовила ужин, а Натан взял в видеопрокате фильм — мрачный научно-фантастический триллер, который вовсе не поднял его матери настроения. Анни плохо спала и на следующее утро встала поздно. На столе она обнаружила записку от сына, сообщающую, что он уже поел и ушел гулять. Накатила паника: вдруг Натан оказался возле реки и теперь за ним гонится водяной призрак, в чьих глазах отражается пучина? Анни позвонила Бартелми и поделилась с ним своими страхами; тот стал уверять ее, что не видит непосредственной угрозы мальчику, и строго-настро-го запретил ей впредь самой пускаться на поиски неприятностей.

— Хорошо, что там оказался Майкл. Вовремя ему пришлось в голову вернуться.

— Он знает, что я ему лгу, — смущенно проговорила Анни.

— Не обращай внимания. Женщины всегда лгут мужчинам: это некая часть игры.

Анни понимала, что Бартелми хочет лишь умерить ее беспокойство, но никак не считала ложь удачной частью игры.

Бартелми вернулся к таинству приготовления обеда: обед этот помог бы легко установить добрососедские отношения между «Хамасом» и «Моссадом», если бы только их представителей удалось уговорить отведать этой стряпни. Впрочем, в случае претендентов на Грааль Лютного Торна хозяин дома был не столь уверен. Алекс Бирнбаум прибыл незадол-

го до полудня, за ним следом появились Ровена и Эрик. Они дружно предположили, что Дитер фон Гумбольдт, видимо, не решился оставить без присмотра свою собственность и путешествует с ней.

Было решено доставить чашу из Лондона на машине, поскольку бронированный фургон привлек бы слишком много внимания. В качестве средства доставки был избран «BMW» Джулиана Эпштейна, который и сел за руль; на переднем и заднем сиденьях, прикованные наручниками к сейфу с Граалем, сидели двое охранников. Оба были вооружены — Натан пришел бы в восторг от этой новости. Машина подъехала к Торнхиллу около часа дня и, развернувшись, пристроилась около принадлежавшего Бартелми «джовит-джевелин». Охранников пригласили в дом, однако Джулиан настоял на том, чтобы один остался у входной двери. В гостиной Бартелми накрыл столик с лучшими напитками: шерри, виски, джин с тоником.

— А где граф? — без предисловий спросила миссис Торн, едва заведя вошедших.

— Мы думали, он с вами, — удивился Эпштейн.

— Так вот, его с нами нет. Мы думали, что он приедет с вами.

— Возможно, что-то его задержало, — пробормотал Бартелми, сомневаясь в собственном предположении.

Гувер без особого интереса обнюхал охранника, недобро воззрился на спрятанную кобуру.

— Ну и как из него сторожевой пес? — спросил мужчина.

— Почем мне знать, — отозвался Бартелми. — Я никогда его не спрашивал.

Гувер отрывисто, как бы со значением, гавкнул («Как будто все понял», — позже живописал охранник своей жене).

Мужчина сел, намертво вцепившись в сейф; человек и собака глядели друг на друга с нескрываемым подозрением.

— Ладно, давайте приступать, — оживленно заявила Ровена. От Бартелми не укрылось, что под налетом деловитости царит растерянность.

— Только после того, как появится хозяин, — отрезал Эпштейн. — Кто этот человек?

— Прошу меня извинить. Эрик Риндон — Джулиан Эпштейн. Эрик работает у меня. Полагаю, он мог бы помочь нам узнать больше о чаше, поскольку довольно неплохо разбирается в подобных вещах.

Эпштейн перевел взгляд на Бартелми.

— Похоже, все, кого вы знаете, — знатоки, — пробормотал он.

— Что не очень-то удивительно, учитывая специфику моей работы, — фыркнула Ровена. — Пойдем, Джулиан. Если фон Гумбольдт опоздает, пусть сам себя винит. Не вижу смысла всех задерживать. Чаша здесь: мы могли бы пока взглянуть на нее. А потом уже начнем переговоры.

Однако Эпштейн был непреклонен.

— Я не могу открыть сейф без личного разрешения фон Гумбольдта.

— Разумеется, он его уже дал, — заметил Бартелми, наливая всем успокаивающего шерри. — Вряд ли он стал бы организовывать данную встречу и доставку чаши, если бы не собирался ее никому показывать.

Ровена открыла было рот, чтобы выразить согласие, но тут Бартелми пересек комнату и предупреждающе сдвинул ей плечо. Джулиан, поначалу отказавшийся от шерри («Я за рулем»), потом все же взял рюмку: хозяин дома подсказал, что обратно их может довезти охранник. Последнему пришлось

мужественно согласиться на фруктовый сок. Эрик в поиске новых ощущений перешел от шерри к виски. По всей видимости, алкогольные напитки в его мире были в таком же дефиците, как и продукты питания, хотя, к счастью, способности его вполне соответствовали нужному уровню.

К двум часам дня, когда фон Гумбольдт по-прежнему не появился, Бартелми позвал всех к столу. Эпштейн попробовал дозвониться до австрийца по мобильному телефону — безрезультатно — и без особого удовольствия принял приглашение. Собравшиеся перешли в столовую; охранник ел, поставив сейф на колени. День выдался влажный и жаркий, низко нависли тучи, и казалось, что воздух стиснут между землей и небом, — так что старый дом явился для всех желанным прохладным пристанищем. Восхитительная еда и охлажденное вино немало способствовали тому, что разношерстная компания немного расслабилась: охранник, умиротворенный если не вином, то общей атмосферой, принялся отпускать смелые замечания в отношении прежних клиентов, Эпштейн был почти готов признать неприязнь к графу и возобновить прежнюю дружбу с Ровеной, а Эрик обрел нового друга в лице Бирнбаума. Бартелми собрал обеденный набор для охранника, что сидел снаружи, и даже задержался поболтать с ним, вежливо согласившись взглянуть на фотографии сердечного друга, облаченного в кожу и с тремя гончими. Лишь когда воцарилось молчание, собравшиеся ощутили напряжение — уже не в отношениях друг с другом, а как бы извне: оно выползло из леса, карабкалось по стенам дома. Во внезапной тишине Гувер прошлепал к окну и, водрузив на раму передние лапы, настороженно выглянул.

— Что случилось, мальчик? — спросил у него Бартелми.

Пес повернулся к хозяину со столь разумным выражением на морде, что даже Эпштейн был поражен.

— Предлагаю перейти в гостиную на чашку кофе, — пригласил всех Бартелми. Хотя фраза его прозвучала как любезное предложение, собравшиеся хорошо понимали, что это вовсе не так. Без всяких комментариев и возражений люди встали и перебрались в другую комнату.

— Где фон Гумбольдт, черт его подери? — воскликнул Эпштейн после очередной бесплодной попытки дозвониться австрийцу по мобильнику. — А вдруг он попал в аварию?

— Что бы там ни произошло, — заметил Бартелми, — совершенно ясно, что он уже не появится. Теперь вам решать, что делать дальше.

Все взгляды обратились к представителю «Сотбис».

— Мне бы хотелось увидеть чашу, — заявил Алекс. — Моя мать говорила, что она проклята, и теперь я почти готов с ней согласиться: в воздухе как будто что-то нависло.

— Она была нашей тяжелой ношей, — сказала Ровена, — и нашей удачей. И приносила несчастье всем остальным, кто осмеливался завладеть ею.

— Великое сокровище, священная вещь, — добавил Эрик. — Если она находится здесь, то здесь она в безопасности.

Эпштейн кивнул охраннику.

— Мы откроем сейф, — решил он.

По мере того как Натан и Хейзл приближались к тропинке, ведущей к Торнхиллу, тучи мрачнели; почему-то они не громоздились ввысь, как обычно, а свисали вниз — громадные завесы кучевых облаков, едва не задевающие брюхом верхушки леса. По-прежнему стояла жара, и воздух

вокруг дома словно был наполнен невидимыми булавками и иголочками. Издалека доносились приглушенные раскаты грома. «Они здесь», — сказал Натан, когда уже знакомый трепет пробежал по земле, преграждая друзьям путь в Торнхилл. Мальчик проследил взглядом за волной, всколыхнувшей травы. Ему показалось, что сейчас гномам не до них с Хейзл: твари окружили дом, сохраняя некоторое расстояние, по-видимому, сдерживаемые какой-то силой — близостью железа или сильфиума. Ребята достали и вытянули перед собой дверные номерки — «Наши счастливые номера», как называла их Хейзл, — и прорвались сквозь кольцо призраков, без труда пробравшись к дому незамеченными; потом, пригибаясь под окнами, пробежали к черному ходу и укрылись в палисаднике. Натан проверил кухонную дверь.

— Мы сможем попасть внутрь? — прошептала Хейзл, когда он вернулся.

— Пока нет. Дядя Барти все время ходит туда-сюда — берет блюда или еще что-нибудь. Так что придется подождать.

— Вот-вот пойдет дождь...

Договорить Хейзл не успела. Несколько крупных капель упали детям на макушки, а потом облака вдруг раскисли, обрушившись на землю ослепляющей силой муссона. Натан что-то говорил — но гром глушил его слова. Так что он схватил Хейзл за руку и потянул под защиту стены, где широкий карниз хоть как-то укрывал от ливня. Небо расщепила молния, на миг ярко озарив сад и лес; друзья увидели, как под бешеным натиском дождя гнутся книзу ветви, ломаются стебли, вминаются в землю опавшие листья. Новые раскаты грома ударили по барабанным перепонкам; и опять сверкнула молния. Хейзл видела, как в считанных ярдах от нее вспышка вонзилась в самую землю, с шипением, слышимым даже

сквозь рев ливня, опалив траву вокруг. Девочка гадала про себя, смогут ли гномы выдержать подобный шум и свет или все же разлетятся: в такую непогоду было не отыскать глазами едва заметных признаков их присутствия. Дети промокли насквозь. Слипшиеся в крысиные хвосты волосы Хейзл распластались по лицу и лезли в глаза.

— Нечего нам тут делать! — прокричала она на ухо Натану. — Нужно идти.

Но пока дождь не приутих, им не удалось покинуть укрытия. Очередная вспышка молнии, похоже, угодила в провода: в соседнем окне на кухне погас свет. Несмотря на ранний послеобеденный час, вдруг сделалось темно. За грядкой фасоли что-то мелькнуло — нечто крупнее и плотнее, чем гномы. Дети остановились как вкопанные; в тот же миг мимо них в дом проскользнула маленькая фигурка.

Внутри четверо склонились над чашей. Они были так поглощены созерцанием сосуда, что едва ли заметили, как сгустилась тьма и раздались первые раскаты грома. На миг в тусклом свете все лица обрели одинаково голодное выражение, один и тот же фанатичный блеск заплясал во взглядах. Потом Алекс отодвинулся — быть может, разочарованный тем, что предмет его изысканий не столь роскошен и витиеват, как он ожидал. К Эпштейну вернулась профессиональная отрешенность, и чары развеялись. Лишь Ровена и Эрик по-прежнему не могли отвести глаз от чаши.

— Та самая, — произнес Эрик. — Сокровище всех сокровищ. — Обычно звонкий голос его теперь звучал глухо. Ровене показалось, что по щеке Эрика ползет слеза.

Бартелми, предугадав возможные последствия бури, ушел за свечами. Охранник отдыхал, откинувшись на спинку стула, все еще прикованный к пустому сейфу. Его сослуживец

спрятался от дождя за входной дверью; рядом пристроился бдительный Гувер.

— Из чего она сделана? — спросила Ровена у изгнанника.

— Из камня. Это эсианский нефрит — в давние времена его много и часто использовали. Теперь он встречается редко. Драгоценные камни называются эсон, они очень дорогие, но это не имеет значения. Важен только Санграаль.

— Ему впрямь все известно о чаше? — едва слышно пробормотал Эпштейн.

— Грааль имеет ценность там, откуда ты родом? — продолжала расспрашивать Эрика Ровена.

Последний ухитрился сделать неопределенное и вместе с тем эмоциональное движение рукой.

— Не имеет цены. Слишком священный.

— Бесценен, — подытожила Ровена. — Понимаю.

И тут погас свет. В комнату с неукротимой силой маленького торнадо ворвалось нечто, сопровождаемое неописуемым запахом — вонью не вполне животной, но и не человеческой. Ровена потянулась к чаше; Эрик медлил, не желая расставаться с Граалем; Эпштейн и Бирнбаум присоединились к сколке. Охранник попытался наброситься на вора, но забыл о наручниках и сильно ударился о сейф. Руки схватили добычу, хотя в темноте никто не мог разобрать, что к чему. «Она у меня!» — «Она у тебя?» — «У кого она?» — «А это еще что такое?» Чаша, выскользнув из множества пальцев, стала падать — но так и не достигла пола. Шаги удалялись в направлении кухни. Нечто, которое так никто толком и не разглядел, исчезло столь же мгновенно, как появилось. Вернулся Бартелми с канделябром, из коридора примчался Гувер. Свет упал на переплетение рук, хватающих пустоту. Ничто.

Эрик принялся браниться на своем языке, Эпштейн рухнул, едва не промахнувшись мимо стула, Алекс проговорил лишь «Боже мой», а Ровена выдала целую тираду ругательств, которых никто никогда от нее прежде не слышал.

— Взять след, — приказал Бартелми. Гувер выскочил из комнаты.

Снаружи Натан и Хейзл видели, как, крепко прижимая к груди добычу, появился вор. Переглянувшись, друзья бросились в погоню, забыв о ливне. Их цель двигалась быстро, явно не испытывая трудностей из-за ненастья, тогда как преследователи то и дело поскальзывались на мокрой листве и едва разбирали дорогу под ногами. Через несколько мгновений существо уже оказалось за пределами их ограниченного поля зрения. Как раз в этот момент Гувер нагнал друзей и большими прыжками помчался дальше в погоне за вонью, устранить которую не могла даже буря. Вскоре и пес скрылся из виду, хотя его отрывистый лай помогал ребятам следовать в верном направлении. Дождь поредел, и друзья побежали быстрее. Хейзл несколько раз спотыкалась и подставляла руки, чтобы не упасть, — так что теперь ее ладони были все в грязи. Натан лучше держался на ногах, зато его футболка стала зеленой от хлещущих ветвей, а грязь облепила джинсы до самых колен.

Бег ускорился — дети запоздало поняли почему: склон сделался круче, и они оба заскользили вниз. Хейзл, по пояс увязшая в кустах ежевики и прелой листве, принялась с трудом выбираться, едва не переплывув Ровену в красно-речни.

— Пошли, — позвал Натан. — Сейчас нельзя останавливаться.

Хейзл последовала за другом, стараясь не отставать, скорее из упрямства, нежели по желанию: интерес к приключе-

нию смыло дождем. Натан шел как можно быстрее — насколько позволяла осторожность. Впереди мелькнул хвост Гувера — грязный и мокрый, однако по-прежнему мелькающий из стороны в сторону. Внезапно пес замер, опустив голову. Беглец как сквозь землю провалился. Но Натан еще до того, как добрался до места, понял, куда подевался вор. Мальчик присел на корточки и сквозь знакомую дыру спрыгнул в часовню.

В дальнем конце помещения карлик тянулся, силясь поставить Грааль в нишу, где тот в свое время явился в видении Натану. Существо принялось напевать — нет, скорее бормотать — слова на незнакомом языке, том самом, что использовал Бартелми, призывая духов в круг, а быть может, и Грандир — извлекая изображения из магических шаров. Голос гоблина звучал грубо и хрипло, будто бы тот давно не разговаривал вслух. Натан бросился вперед, стараясь дотянуться до чаши, но беглец схватил его; оба повалились на землю, сцепившись и молотя друг друга кулаками, и ни один не мог взять верх. Натан слышал, как где-то позади его зовет Хейзл; Гувер отрывисто, глухо рычал, но не решался спрыгнуть вниз. И в этот миг чашу окружило зеленое свечение; из всех уголков разрушенной часовни пополз шепот. Каким-то образом Натану удалось вырваться, он попытался подняться на ноги; противник ударил его головой в грудь, отбросив назад и выбив из легких весь воздух. Шепот утих; когда мальчик оглянулся, альков был пуст. Чаша исчезла.

Карлик издал кричающий звук, с дьявольским проворством выпрыгнул из отверстия и исчез. До Натана донеслись испуганный возглас Хейзл и гневный рык Гувера. Мальчик принялся медленно, скользя по мокрой земле, выбираться наружу; Хейзл старалась схватить его за руки, чтобы помочь. Гувер стоял рядом, бодро помахивая хвостом.

— Где Грааль? — спросила Хейзл, когда Натан наконец выбрался на поверхность. — У карлика его не было. Я думала, что ты...

— Он отправил Грааль обратно, — объяснил Натан. Небо начало очищаться, проливая свет на промокшую, грязную, побежденную троицу. — Он отправил его назад, в другой мир. Там опасно: я точно знаю. Чаша должна была храниться здесь, пока не понадобится. Плохо это или хорошо, но мы должны были охранять ее и не смогли.

— Откуда ты знаешь? — спросила Хейзл.

— Я не уверен, откуда именно. Просто *знаю*.

В полном молчании друзья взобрались обратно по склону холма — Гувер бежал впереди. Дождь совсем перестал, и лес окутался паром — бледные струйки испаряющейся влаги поднимались от опавшей листвы и устремлялись вверх. Деревья превратились в размытые ветвящиеся серые силуэты, почти утратив зелень убранства. Порожденные туманом призраки парили в воздухе над самой землей, окутывали стволы и пни. Натан присматривался в поисках следов гномов: легкого движения в дымке, дрогнувшая веточка или лист; однако лес стоял недвижно, почти неестественно. Друзья еще не вышли из долины, здесь не слышалось пение птиц. Высоко над головой Натан заметил призрачное солнце; его белое лицо едва просвечивало сквозь туман.

Гувер остановился, чуть не доходя до вершины холма; шерсть у него на загривке стала дыбом. Переместившись на несколько ярдов вправо, он принялся обнюхивать что-то лежащее на земле, кажущееся в дымке бесцветным. Потом поднял голову и посмотрел на Натана. Мальчик подошел к собаке; за ним приблизилась Хейзл — ощущая какое-то внутреннее сопротивление. Бесцветная масса оказалась костюмом — серым костюмом, совершенно не вписывающимся в

пейзаж. Человек лежал, уткнувшись лицом в листву и вытянув вперед руки словно в попытке предотвратить падение. Пальцы зарылись в почву, как будто он цеплялся за землю в каком-то последнем предсмертном спазме. Натан присел рядом на четвереньки, поднял к девочке мгновенно побелевшее лицо.

— Кажется, он мертв. — Голос его звучал пусто, без эмоций. — Он очень холодный.

Хейзл сглотнула комок в горле; она не хотела смотреть — и не могла отвести взгляда. Волосы, прилипшие к голове покойника, в одном месте были покрыты чем-то темным, напоминающим застывшую кровь. Человек лежал головой к подножию холма.

— Кто это? — проговорила Хейзл.

— Не знаю. Думаю, нужно вызвать полицию.

— Опять, — вздохнула Хейзл.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Об ограблении и убийстве

Инспектор Побджой сидел на совещании у помощника старшего констебля.

— Его зовут Дитер фон Гумбольдт. Он был дворянином, графом. Немецким — то есть, прошу прощения, австрийским.

— Все они варвары, — неопределенно отозвался помощник, забыв о необходимости быть политкорректным.

— Ему принадлежала чаша, известная как Грааль Лютого Торна. Его прадед заполучил сосуд, когда служил в «СС», а теперь фон Гумбольдт намеревался продать его.

Бирнбаум — потомок еврея-коллекционера, которому чаша принадлежала прежде, — заявил на нее права, как, впрочем, и Ровена Торн. Они запланировали большую встречу, чтобы на ней попытаться уладить дело без суда, причем почему-то нужно было привезти туда чашу. Фон Гумбольдт так и не объявился, однако сотрудник «Сотбис» позволил всем участникам взглянуть на чашу. Полагаю, собравшиеся желали убедиться, что вещь подлинная... Хотя почему им было не сделать этого в Лондоне...

— Кто-то что-то замышлял?

— Возможно, только непонятно, кто и что именно. Кто мог бы специально навлечь бурю? Когда погас свет, через заднюю дверь ворвался неизвестный и схватил чашу. Если верить показаниям свидетелей, это был или волосатый карлик, или обезьяна. — Инспектор не мог скрыть скептического отношения.

— Прямо-таки «Убийство на улице Морг», — просиял помощник старшего констебля.

— Снаружи были двое детей: видимо, они хотели тайком взглянуть на происходящее, — продолжал Побджой, не знакомый с творчеством Эдгара Аллана По. — Они погнались за вором, однако тому удалось скрыться. На обратном пути дети наткнулись на тело. Я опрашивал их по одному: они говорят одно и то же, все совпадает. Кое в чем мы совершенно уверены. В метеобюро утверждают, что буря началась в четыре двадцать три. Гудман позвонил нам, как только дети добрались до дома, а именно в пять тридцать девять. Хотя результаты вскрытия пока не готовы, неофициальное мнение таково: смерть фон Гумбольдта наступила еще до обеда, примерно между одиннадцатью утра и часом дня.

— Может быть, его убил похититель — прежде чем совершить ограбление?

— Теоретически возможно, только зачем? Когда собираешься умыкнуть чашу, вовсе не обязательно убивать ее владельца. А если убиваешь владельца — подразумевается, что красть уже нет необходимости. Впрочем, я вообще не знаю, что вообще дает убийство владельца.

— И кому теперь досталась проклятая посуда? — спросил помощник.

— У фон Гумбольдта есть младший брат. Он вылетел в Англию для опознания тела. Не то чтобы имелись какие-то сомнения...

— Хорошо. Давайте на минуту забудем об ограблении. Каков мотив убийства?

— Оно временно отсрочит продажу, — ответил Побджой. — Еще больше замутит и без того мутную воду. Оно могло облегчить совершение кражи, а могло являться частью другого плана по завладению чашей, которому не суждено было реализоваться. Вокруг дела поднялся некоторый переполох. Эпштейн — парень из «Сотбис» — утверждает, что сосудом интересуются серьезные коллекционеры. Кое-кто из них мог оказаться нечист на руку.

— Заказ? — вздохнул помощник.

— Возможно. Однако должен заметить, что Эпштейн так не думает. Подлинность чаши до сих пор под вопросом. Очевидно, не удалось установить ее возраст или хотя бы определить, из чего она сделана. Усилился бы к чаше интерес или нет — зависело от дальнейшего анализа.

— Она имеет большую ценность, не так ли?

— Нечто среднее между бесценным и бесполезным, как утверждает Эпштейн. — Побджой, как обычно, не выказал недоумения, однако причуды антикварного бизнеса были за пределами его понимания.

— Весьма полезная информация, — недовольно проворчал помощник. — Что там не так? Тихая мирная деревушка, в которой десятилетиями не совершалось ни одного преступления, — и вдруг ограбление и убийство, причем все в один день. — Последовало молчание, угнетающее невысказанностью мыслей. — Не говорите, дайте я сам догадаюсь. Вы все никак не забудете дело о смерти той старушки. Полагаете, к ней тоже ведет какая-то ниточка.

— Вы сами сказали это, сэр, — поймал собеседника на слове Побджой. — Ни одного мало-мальски значительного преступления в течение десятилетий. Несколько мелких краж, пара взломов более-менее крупных домов поблизости, изредка — пьяный дебош или бытовое насилие вроде того, что учинил Дейв Бэгот; и ни одного сомнительного трупа. А теперь два за месяц. Я не верю в совпадения.

— Старушка утонула случайно. Не усложняйте все еще больше.

— Удивительно своевременный несчастный случай. А правнучка миссис Карлоу оказалась одной из двух детей, что нашли тело фон Гумбольдта. Вот вам и связь.

— Вы говорили, что письмо тоже написала она. — Помощник старшего констебля с трудом выудил факт из перегруженной памяти. — Вы ее подозреваете?

— Нет. Однако все тамошние люди связаны между собой. Иде — крохотное местечко. Бирнбаум и фон Гумбольдт оба пробыли здесь некоторое время. Насколько я могу судить, они пытались собрать информацию. Бирнбаум признался, что хотел узнать что-нибудь о прошлом чаши. Фон Гумбольдт пытался склонить миссис Торн к сделке — и, похоже, ему это удалось: она согласилась на том условии, что чашу перевезут сюда из Лондона.

— Не могла ли она инсценировать ограбление? — спросил помощник.

— Если это ее рук дело, то она чертовски классная актриса. Когда я с ней разговаривал, от нее буквально волнами исходила ярость. Кроме того, по словам адвоката миссис Торн, у нее имелись достаточно веские основания, чтобы заполучить чашу законными методами.

— И кто же наш главный подозреваемый?

— В ограблении или в убийстве? — с редкой для себя иронией поинтересовался Побджой.

— И в том, и в другом.

— Ну, помимо чаши, у Бирнбаума накопилось много других претензий к фон Гумбольдтам. Семья деда умерла в концлагере, а граф из «СС» прикарманил всю его коллекцию предметов искусства. Довольно серьезный мотив. К тому же у него сомнительное алиби. Он остановился в гостинице над пабом в Чиззлдауне — «Счастливый охотник». Там говорят, что он вышел после одиннадцати, но служащие не совсем уверены. В Торнхилл он прибыл незадолго до полудня. Мог встретить фон Гумбольдта по дороге, загнать в лес и убить.

— А ограбление? Ах да, карлик или обезьяна. Превосходно. Есть еще кто-нибудь на примете?

— Там присутствовал еще один человек — некий проситель убежища, предположительно нелегальный иммигрант, но, слава богу, это дело не нашего управления. Он подрабатывал у миссис Торн: она утверждает, что бесплатно; я подозреваю, что у него просто нет разрешения. Я наводил о нем справки, хотя удалось выяснить не так уж много. Якобы он прибыл откуда-то из Африки, но похож скорее на полукровку. Необычный тип. Выбрался на пляж залива Певенси, ему помо-

гала какая-то группа поддержки иммигрантов из Гастингса. Представляется Эриком Риндоном. Мне удалось переговорить с ним совсем коротко.

— Черт бы пробрал этих проклятых иностранцев. Нужен переводчик?

— Нет, сэр. У него довольно беглый, хотя и несколько необычный английский.

Пауза.

— А что насчет парня, который нас вызвал, Гудмана? Живет в доме, который прежде принадлежал Торнам, состоит в дружеских отношениях с миссис Торн, возглавлял переговоры. Прямо всюду сует свой нос. Что нам о нем известно?

— Недостаточно, — признал инспектор.

Натан и Хейзл продвинулись в своих изысканиях гораздо дальше полиции. Два дня спустя они обедали в задней комнате книжной лавки и в сотый раз обсуждали дело. Анни поощряла их общение, считая, что, если дети выговорятся, это поможет им преодолеть последствия психотравмы. Она чувствовала, что Хейзл расстроена сильнее Натана.

— Наверняка его убил тот же, кто утопил миссис Карлоу, — рассуждал мальчик, — только я не понимаю, какая именно связь между убийствами. Она была ведьмой, которую интересовал Грааль, он — владельцем чаши. Два убийства наверняка связаны, только... Карлик мог напасть на фон Гумбольдта, считая, что чаша у него, но никак не на твою прабабушку. Мы знаем, что она... — Натан замолчал. Он так и не признался Анни, что они с Хейзл видели, как Бартелми рисовал круг, так что мать считала, что ему ничего не известно о водяном духе.

Но у Анни в голове выстраивалась собственная цепочка рассуждений.

— Он был мокрый?

— Фон Гумбольдт? Ну разумеется. Ведь шел дождь.

У Хейзл также имелись предположения.

— Его ударили по голове, — сказала она. — Мы видели кровь. — Голос Хейзл дрожал, хотя они уже не раз обсуждали случившееся. — Именно так его и убили.

— Карлик не мог этого сделать, — внезапно объявил Натан с каменным лицом.

— Почему?

— Он слишком мал ростом.

— Он мог залезть на дерево, — предположила Хейзл.

Вдруг Натану пришло в голову: «Лесовичок мог что-то заметить. Он видит все, что творится в окрестностях Торнхилла, а я попросил его быть настороже. Я должен пообщаться с ним».

— В любом случае, — Анни вспомнила прежнюю обиду, уже много раз высказанную, — вы не должны были там находиться. Если бы вы не подглядывали за собранием, то не наткнулись бы на труп. Вам нечего было там...

— Нам было что там делать, — повторил Натан — тоже в сотый раз. — Ведь сначала убили прабабушку Хейзл, а я — тот, кто видит сны о других мирах. Мы имеем отношение к происходящему. Нам нужно все знать на том простом основании, что нам нужно все знать.

— Терпеть не могу, когда ты умничаешь, — вздохнула Анни.

— Джордж собирался отправиться в лес на поиски улики, — продолжал Натан, — но я сказал, что лучше оставить это полиции. — Мальчик определенно гордился своим щедрым жестом: он снисходительно доверил Побджою вести расследование. — Все равно они оцепили прилегающую территорию.

— Джордж — тупица, — пробормотала Хейзл, которой нужно было на кого-то сорваться, пусть даже в его отсутствие.

— *И еще*, — подытожил Натан, — если бы мы не стали следить за собранием, мы бы никогда не побежали за карликом и не узнали бы, что он сделал с Граалем. Дядя Барты был нами весьма доволен.

— Гоняться за преступниками опасно. — В тоне Анни недоставало убежденности, и она сама это понимала. Все происходящее в данный момент было опасно, а она ничего не могла поделать.

Анни подала детям клубнику со сливками и с удовлетворением отметила, что по крайней мере аппетит сына не пострадал.

— Постарайся выбросить все из головы, — посоветовала она Хейзл, чувствуя, что ее слова звучат глупо и неуклюже. — Понимаю, тяжело впервые увидеть мертвеца, но... ведь это просто как старая скинутая одежда. Дух отбрасывает то, что больше ему не нужно.

— Похоже, его духу не предоставили выбора, — заметил Натан.

Поздно вечером он забрался к окошку на чердаке и взглянул на звезду. «Охватывает ли она своим взором, что творится в лесу?» — гадал Натан. Быть может, Белая Маска с безразличием наблюдал из другого мира за убийцей Дитера фон Гумбольдта? Звезда, которая вовсе не была звездой, продолжала все так же светить. Натан лег спать в надежде увидеть во сне комнату с хрустальными сферами и эфирным изображением своего мира, и Кванжи Лей в Глубоком Заточении — в белой цилиндрической камере; надежда обманула его: мальчик спал без сновидений.

* * *

Наутро Побджой отправился в Торнхилл побеседовать с Бартелми. Он не стал брать с собой Белинду Хейл, поскольку надеялся на неформальный разговор. Инспектор не стал предупреждать Бартелми о своем визите по телефону, однако хозяин как будто ничуть не удивился его приходу, приготовив кофе с печеньем точно в ожидании гостя. Побджой всегда считал, что печенье — нечто из пакетика, напоминающее подслащенный песок. Никогда прежде ему не доводилось пробовать что-либо подобное. Иногда опрашиваемые предлагали Побджою спиртное — он всегда отказывался, опасаясь, как бы это не повлияло на его беспристрастность. Ему никогда не приходило в голову, что его непредвзятость сможет поколебать печенье. До сего момента. Такая мысль зародилась у него только теперь, и то на несколько секунд, пока печенье не завладело им всецело и вкусовые рецепторы не поддались на его обольщение.

— Я хотел узнать, — заговорил Побджой, — не снабдите ли вы меня кое-какой информацией по некоторым вопросам.

Он хотел было добавить, что их беседа — простая формальность, однако вовремя спохватился: этот прием уже исчерпал себя на страницах детективных романов, и больше на него никто не покупался.

— Какого рода?

— Начнем с ограбления. Кому принадлежала мысль перевезти чашу из Лондона — и почему именно сюда? Если претенденты желали встретиться на нейтральной территории, чем был плох, скажем, гостиничный номер? Этот дом оказался ненадежным пристанищем, в чем они убедились на собственной шкуре, а вы участвуете в данном деле лишь в роли советника. Так почему здесь?

— Так предложила миссис Торн, — объяснил Бартелми. — Я считал, что она вас уже информировала. Этот дом, как вы наверняка знаете, когда-то принадлежал ее роду, здесь хранился Грааль. Полагаю, ей хотелось произвести на Бирнбаума и фон Гумбольдта впечатление с помощью всего арсенала семейных традиций Торнов — чтобы привлечь историческую правду на свою сторону. С Бирнбаумом так все и вышло. Я никогда не встречался с фон Гумбольдтом, однако на основании того, что мне доводилось о нем слышать, я сомневаюсь, чтобы данный фактор оказал подобное влияние и на него.

— И потому чашу привезли сюда? Чтобы Бирнбаум любовался на сосуд в историческом обрамлении, раскаялся в том, что посмел претендовать на него, и отступился?

— Отлично сказано, — улыбнулся Бартелми, пододвигая гостю блюдо с печеньем. — Уверен, тот же самый довод использовала миссис Торн, чтобы убедить фон Гумбольдта привезти сюда чашу. Только инстинкт мне подсказывает, что на самом деле она руководствовалась более сложными мотивами. Она твердо верит, что, продав чашу, ее предки в чем-то провинились, и ей предстоит исправить их ошибку. Можно сказать, что для нее это вопрос родовой чести. Возвращение чаши в родной дом даже на один вечер было важным шагом, неким жестом, доказывающим ее приверженность цели.

Бартелми не стал упоминать о том, какую роль играл Эрик. Фигурирование в деле другой вселенной только все усложнило бы.

«То, что он говорит, звучит как псевдопсихологическая ерунда», — думал Побджой. Однако печенье притупило обычно бескомпромиссную ясность его ума, и инспектор не стал оспаривать услышанное.

— Могла ли она подстроить ограбление?

— Полагаю, да, — как и любой другой; тем не менее не думаю, что так оно и было. У миссис Торн достаточно сильная позиция, чтобы вернуть чашу на законных основаниях. И если бы данный предмет оказался у нее незаконно, полагаю, это бы сильно пошатнуло ее нынешнее положение. Не забывайте, что она вовсе не желает продавать чашу, так что если бы она ее заполучила, то оставила бы у себя.

— Если только не скрыла своих истинных намерений.

— О нет, она не лгала, — проговорил Бартелми с тихой уверенностью, передавшей Побджою.

— Кто еще знал, что чашу привезут сюда?

— Разумеется, персонал «Сотбис»: вы наверняка уже это проверили. Не знаю, быть может, Бирнбаум или фон Гумбольдт сообщили еще кому-то. Я поделился лишь с Анни Вард — она приходится мне племянницей; было бы глупо подозревать ее.

— Да, — согласился Побджой с неожиданной для самого себя теплотой в голосе. — Верно.

— Дети знали лишь потому, что дети всегда все знают, — продолжал Бартелми, — однако не думаю, что слух распространился по всей деревне. Анни могла обмолвиться разве что в разговоре с Майклом Аддисоном: они дружат. Он историк, так что данный предмет мог его заинтересовать. Полагаю, вы с ним встречались. Однако помните: ценность чаши до сих пор под сомнением, а значит, грабителю была нужна она как таковая, а не то, что за нее можно выручить. Это значительно сужает круг предположений.

— А как насчет карлика? — спросил Побджой. — Вы видели его?

— Нет, я как раз отлучился из комнаты. Разбушевалась буря, погас свет, в доме стало необычайно темно. Полагаю, у людей разыгралось воображение.

Хотя Побджой сам придерживался того же мнения, он ощутил непреодолимое желание поспорить.

— А дети? Мог ли кто-то из них совершить кражу?

— Вы видели их, — ответил Бартелми. — Они подростки. Хейз невысока, однако для карлика все же великовата. А Натан растет не по дням, а по часам. К тому же их наверняка бы узнали.

«Даже в маске для Хэллоуина?» — спросил Побджой про себя. Данная мысль посетила инспектора недавно и казалась ему подходящей — для ограбления, если не для убийства. Дети могли вообразить, что помогают Ровене Торн. По опыту он знал, что преступление и подросток сочетаются так же великолепно, как яичница и бекон. Если бы не действие печенья, он попытался бы развить эту версию. Но...

— Побджой — необычное имя, — тем временем говорил Бартелми, — наверняка людей с вашей фамилией не так много.

«Подумаешь, нашли смешное имя», — мысленно отозвался инспектор. Да ведь над ним хотят посмеяться, превратить в шута. Побджой еще в начальной школе научился не обращать внимания на издевки, связанные с его именем, — до тех пор, пока люди не переступали черту дозволенного.

— Мой отец рассказывал, что знал некоего Побджоя, — продолжал Бартелми с легкой ностальгией в голосе, — во время войны.

— Мой дед служил в УСО, — отозвался инспектор, застигнутый врасплох. Он припомнил, что Анни что-то упоминала о возможной связи. — В Управлении специальных операций.

— Верно, — подтвердил Бартелми. — Должно быть, это он. Состоял в сопротивлении накануне оккупации. Если я не ошибаюсь, даже был награжден какой-то медалью?

— Она до сих пор хранится у меня.

— Настоящий храбрец. Я видел... как-то его фотографию. При определенном освещении вы на него похожи.

— А кто был ваш отец? — поинтересовался Побджой, совершенно забыв о цели своего визита.

— О... Он был поваром. Отец какое-то время провел во Франции, на родине превосходной кухни — бывал там наездами. Во время оккупации он работал у одного высокопоставленного наци — там они с вашим дедом и повстречались.

— Ваш отец тоже служил в разведке?

— Слава богу, нет. Ничего столь драматичного. Уолтер Побджой был героем, а мой отец — всего лишь поваром. Время от времени он передавал новости. Кулинарные новости. И... скажем, рецепты. Он лишь старался приносить пользу — по мере возможностей.

— Значит, умение готовить передается в вашей семье по наследству? — заметил Побджой, махнув рукой — пусть лишь временно — на ограбление и убийство.

Бартелми одарил инспектора своей знаменитой умиротворенной улыбкой.

— Что только не передается по наследству!.. Вас назвали Уолтером в честь деда?

— Это мое второе имя, — уточнил инспектор. — Джеймс Уолтер Побджой.

Он чуть было не добавил: «Зовите меня просто Джеймс», однако осторожность, сдержанность и скромность все же помешали инспектору. В конце концов, Бартелми являлся свидетелем и даже потенциальным подозреваемым...

— Приятно повстречать внука столь достойного человека, — сказал хозяин дома.

— У нас в роду все были военные. — Побджой сам не заметил, как пустился в дальнейшие рассуждения. — Отец тоже: он погиб в Ирландии, когда я был совсем маленьким. Тогда у нас закончились деньги. Вместо Мальборо и училища в Сандхерсте меня отправили в общеобразовательную школу, и я не пожелал идти стопами предков. В итоге я поступил на службу в полицию. — Инспектор резко замолчал, пораженный собственной откровенностью.

— Съешьте еще печенье, — предложил Бартелми.

После ухода инспектора старик некоторое время сидел неподвижно, погруженный в свои мысли. Гувер, безмолвный свидетель состоявшегося разговора, смотрел на хозяина в надежде выклянчить последнее печенье.

— Стало быть, он подозревает детей, — подытожил Бартелми. — Я должен был это предвидеть. Однако без доказательств он ничего не сможет поделать, а доказательства, как мы знаем, вне пределов досягаемости.

Бартелми переключился на размышления о карлике в попытке как-то вписать его в сценарий происходящего. Существует два рода карликов: просто маленькие люди и настоящая гоблинская сказочная раса. Последние обычно отличаются повышенной волосатостью и не так похожи на людей, удивительно сильны для своих размеров и предпочитают проводить неопределенный срок, отмеренный их народу, под землей, подолгу не нуждаясь в пище. В обрывочных историях Джозевия Лютого Торна зачастую сопровождал некий помощник — горбун, гoblin или, разумеется, карлик. Но нигде не было ни намека на причину его пленения или намерения вернуть Грааль туда, откуда тот родом. Тем не менее Бартелми знал, что настоящие гоблины, жадные от природы, могут веками вынашивать какую-то идею, особенно если дело касает-

ся сокровищ. Утерянная драгоценность, проклятое сокровище, чье проклятие зачастую усугублялось еще и гоблинским упрямством, кольцо с необъяснимыми возможностями. Гоблины, как и большинство потусторонних существ, не склоняются ни к злу, ни к добру — однако их мстительная природа и врожденное неприятие более высоких рас способствуют тому, что они чаще творят темные делишки и подпадают под влияние злобных людей.

— Наш друг инспектор должен выискивать улики в лесу и препарировать их в судебной лаборатории, — заметил Бартели. — А у нас имеются свои методы. Пришло время разжечь колдовской огонь и заглянуть в дым в поисках видений прошлого. Возможно, Рукуш, он ничего нам не откроет: магия всегда непредсказуема. Тогда придется призвать провидицу; разумеется, она тут же примется жаловаться, что в прошлый раз мы задавали ей не те вопросы, и, разумеется, заявит, что прошлое скрыто завесой и ей запрещено заглядывать так далеко назад. Лучше бы я занимался своей стряпней. — И, как бы мимоходом, добавил: — Впрочем, инспектор мне понравился. Гораздо упорнее своего деда. Хватается за неверную мысль и держится за нее с упрямством гоблина... И все же он пришелся мне по душе. А ты что думаешь?

Склонив голову, Гувер замахал хвостом.

Натан отправился в лес на поиски Лесовичка. Обогнув полицейский кордон, мальчик начал с территории между домом и долиной и постепенно переместился в Темный лес, то и дело негромко произнося: «Лесовичок! Лесовичок!» Слышался хруст веток, шорох листвы, роилась мошकारа, а лесного обитателя нигде не было видно. Натан жалел, что не смог

взять с собой Гувера, чтобы пес не напугал маленького Лесовичка. «Должно быть, он что-то видел, — рассуждал Натан. — Он видит все, что творится в лесу. А вдруг он испугался и убежал? Ведь Лесовичок мог увидеть убийцу — или даже само убийство — и теперь прячется где-то, дрожа в одиночестве... Я должен его разыскать».

Натан продолжал звать друга, шептать что-то ободряющее — напрасно: так никто и не появился, и в конце концов обеспокоенный и опечаленный мальчик вернулся домой.

Натан ложился спать, все еще думая о Лесовичке, и потому скользнул за границу сна незаметно, не гадая, увидит ли он сегодня сон. И, разумеется, увидел.

Натан снова почувствовал перемещение: вращающийся тоннель, на пути которого попадались звезды и планеты, — и внезапно ослепительный свет. А потом — реальность. Иная реальность. Он сидел, прислонившись к изогнутой стене в светлом пустом помещении. В Яме. Напротив, глядя на него круглыми от изумления глазами, сидела Кванжи Лей. Мальчику подумалось, что она почти неуловимо изменилась: вроде бы стала тоньше, угловатее, напряженнее. Должно быть, здесь минуло какое-то время (интересно какое?). Видимо, поначалу Яма дала узнице возможность отдохнуть, оправиться после допроса; но теперь ощущение умиротворенности исчезло, и Кванжи вступила в борьбу — напрасную борьбу против невидимого врага, на котором нельзя сконцентрировать ненависть, борьбу без единого свидетеля; борьбу против ужаса однообразия, против пустоты — смыкающейся вокруг и удерживающей свою добычу, словно муху в янтаре; борьбу с подкрадывающимся отчаянием. Битва истощила ее: в изможденном лице остались лишь косточки и тени, хотя в

рассеянном свете Ямы было нелегко понять, где должны пролегать тени и что их отбрасывает. Может, то были тени под кожей — в душе?

— Кто ты? — спросила женщина. Голос тоже изменился. Это был голос человека, который не разговаривал с другим человеческим существом долгое-долгое время.

— Меня зовут Натан, — отозвался мальчик. Имя его звучало на местном языке почти как на английском — разве что буква «т» произносилась тверже, а писалось оно как «Найтан».

— Зачем ты вернулся? Как ты вернулся? Ты реален — я точно знаю. Больше никто не приходил: ни голопроекции, ни видения, ни духи-оборотни не являлись, чтобы обмануть меня. Прикоснись ко мне. Пожалуйста.

Натан взял ее за руки — они схватили его крепко и надежно, словно руки человека, висящего над пропастью и цепляющегося за древесные корни в попытке спасти свою жизнь...

— Я настоящий. Я говорил вам, что пришел сюда в собственном сне. Потому что хотел.

— Почему тебя так долго не было?

— Мне жаль. Для меня времени прошло совсем немного — всего лишь несколько дней. Я не в состоянии контролировать свои сны. Они посещают меня по собственной воле.

— О-о, — только и произнесла женщина, опуская руки, однако по-прежнему не сводя с Натана глаз.

— Вы расскажете мне о чаше? — наконец попросил он. — Я знаю, она является частью заклинания. Говорят, даже Грандир не знает его — или знает не полностью... Но если вы пытались украсть чашу, значит, у вас имелись какие-то догадки относительно того, как действует заклинание...

— Если ты из другого мира, — проговорила узница с презрением и разочарованием в голосе, — откуда тебе все это известно?

Натан поведал ей о некоторых своих снах и о времени, а когда закончил рассказ, презрение исчезло с ее лица, а в глазах появился блеск, словно искорки заплясали на поверхности лилового моря.

— Ты спас его, — сказала женщина, имея в виду Эрика. — Ты вытащил его из моря — в свой мир.

— Да, — Натан уже догадывался, что последует дальше.

— Тогда ты можешь сделать то же самое для меня. Не обязательно в твой мир — просто отсюда, в любое место в нашем мире, куда угодно. Просто вытащи меня, а я скажу то, что ты хочешь знать. Ты можешь это сделать — ты сам сказал. *Вытащи меня!* — Кванжи Лей снова схватила его за руки; ее лицо лихорадочно горело, словно зажженное изнутри странным огнем отчаяния, паники, едва зародившейся новой надежды и вновь накотившего страха.

— Я постараюсь, — невесело отозвался Натан. — Но моя попытка может не удалиться, и тогда мы оба окажемся в большой опасности. Я не могу пообещать, что вы останетесь в этом мире; вас может забросить в любую вселенную — куда угодно.

— В твоем сознании сила. Так воспользуйся ею. Думай.

— Я постараюсь, — повторил Натан. — Только сначала вы должны все мне рассказать. Когда я вытащу вас отсюда — если, конечно, вытащу, — я могу потерять с вами связь. Так случилось с Эриком; мне пришлось потом долго его разыскивать. Я должен узнать все о Граале прямо сейчас.

— Значит, это все же ловушка, — подытожила женщина. Она отодвинулась от Натана; во взгляде ее медленно угасал нечеловеческий огонь.

— Нет.

— Тогда докажи.

— Я не могу. Я доказал бы, если бы мог. Придется вам просто мне поверить. Или не поверить. Дело ваше.

Кванжи Лей глубоко вздохнула и взглянула на него — и внутрь него, — тщетно пытаясь прочесть его мысли. Натан был еще ребенком — а сознание детей настроено на волны, неподвластные взрослой телепатии.

Наконец женщина произнесла:

— Какого черта. Не думаю, что поведаю тебе то, чего не знает Грандир. Просто... есть вещи, о которых мне знать не положено. Понимаешь?

— Не совсем.

— Ну... с чего бы начать? Я практор третьего уровня. Это значит, что я обладаю определенными магическими способностями и изначально была уполномочена использовать их на благо властей. Но мой дед был практором первого уровня, мудрецом Верхней палаты, обладающим знанием Сокровенной Магии. Ему было восемь тысяч лет. Дед погиб недавно — попал в зону заражения. Думаю, его смерть была подстроена правительственными агентами. Перед тем он начал понимать, что впал в немилость, поскольку выражал несогласие с нынешней политической линией, и кое о чем рассказал мне. Понимаешь?

— О том, чего вам знать не полагается?

— Именно. Он рассказал, что Санграаль и еще два предмета создал первый Грандир для сотворения Великого Заклинания. Первый Грандир прозревал будущее — или просто

смог его предугадать, зная человеческую природу и ее способности. Как бы то ни было, он предчувствовал, что настанет время, когда наша вселенная ступит на путь саморазрушения, и нам придется покинуть ее или умереть. Поэтому он взял одно из Великих Заклятий и с его помощью создал символы — чашу, меч и венец; собранные воедино в определенном ритуале, они становятся инструментом, способным открыть барьер между мирами. Чаша — женское начало, меч — мужское; венец — круг, что их объединяет.

— Что такое Великое Заклинание? — спросил Натан.

— Эти заклинания самые тайные в Сокровенной Магии — и самые могущественные. Считается, что во всех мирах их всего семь. Они обязательно должны сочетать в себе три составляющие: мужскую, женскую и связующий элемент. Чтобы применить их, необходимо неимоверное количество силы, гораздо больше, чем способен контролировать один человек — обычный человек. Неудача может обернуться катастрофой. По словам моего деда, тайные хроники гласят, что несколько тысячелетий назад Великое Заклинание применялось и привело к гибели всех, кроме тогдашнего Грандира; целая галактика взорвалась и исчезла в черной дыре.

— Зачем? — поразился Натан. — Чего они хотели добиться?

— Мы не знаем. Чего-то... крупного. Изменить мир.

— И никто не заметил, что...

— Это произошло тысячи и тысячи лет назад. Меня там не было. Понимаешь, существует теория, что магическую инверсию, в результате приведшую к заражению, породило Великое Заклинание. В самом деле обернуть магию во зло, заставить ее работать против практоров способно лишь Ве-

ликое Заклинание. И если его сотворили неверно или неаккуратно, побочным эффектом могло стать отравление магии повсюду. Таково действие Великих Заклинаний. Они могут нарушить все — до такой степени, что навлекут конец света. Ясно?

— Да, — отозвался Натан. — Более или менее. Вы имеете в виду, что хотели похитить чашу и другие предметы, чтобы попытаться самостоятельно сотворить заклинание. Как бы вы сделали это, если вы не знаете, каково оно, и не имеете достаточной силы; ведь, если оно сработает неправильно, наступит конец света?

— Конец света наступит в любом случае, — заметила Кванжи. — В нашем движении есть могущественные люди, тайно сочувствующие; я не знаю ни их имен, ни положения, но все они работают над расшифровкой заклинания. Возможно, среди нас даже есть приближенные Грандира, — не могу сказать наверняка. Мы не позволяем одному человеку знать слишком много. Мое задание состояло в том, чтобы раздобыть символы. Я его провалила. Но если тебе удастся меня отсюда вытащить... Тогда, быть может, я могла бы отправиться в твой мир, отыскать Грааль и вернуть его сюда. Если тебе лишь требуется призвать свою силу, ты сможешь мне помочь.

— Я ничего не призываю, — возразил Натан. — Моя сила, как вы выразились, хаотична. Я уже объяснял это. Чаши в моем мире больше нет: кто-то послал ее сюда. Возможно, она вернулась в пещеру.

Кванжи просияла.

— Тогда перенеси меня к ней!

Но Натан уже погрузился в собственные мысли.

— Я не совсем понял насчет Грандира. Если бы он знал заклинание, он применил бы его, разве нет? Во сне я видел

его вблизи: он беспощаден, но хочет спасти народ, спасти то, что осталось от здешнего мира. Я в этом уверен. У Грандира есть сила и даже некий план, пусть не совсем готовый...

— Он боится действовать, — отмахнулась Кванжи, — а может, опасается провала. Нынешний Грандир живет долго — дольше, чем кто-либо в состоянии припомнить: возможно, его силы на исходе. Кто знает? Своим советникам Грандир говорит мало, всем остальным — вовсе ничего. Пусть даже у него есть план, этот план лишь для него и его сестры-жены, его дражайшей Халме. Он мог поместить Грааль в твой мир, потому что хотел открыть барьер оттуда, не прибегая к Великому Заклинанию, чтобы в отверстие просочились лишь двое.

— Если бы ему нужно было только это, он бы давно все осуществил, — с необъяснимой уверенностью парировал Натан.

— Ты видел ее? — внезапно сменив тему, спросила Кванжи. — Ты видел Халме во снах?

— Да.

— Она впрямь...

— Она прекрасна. Да.

Сказочная Халме, скрывающая под маской лик Елены. По лицу Кванжи промелькнуло и исчезло нечто сродни изумлению, чуждому ее природе.

— Говорят, отец прятал Халме сотню лет, опасаясь, что ее красота будет сводить мужчин с ума, — поведала узница. — Каждого, кто видел ее, ждала мгновенная смерть.

— Не может быть! — в ужасе воскликнул Натан. — Это же смешно. То есть, я хотел сказать, чрезмерно! Да, Халме красива; и все же она всего лишь женщина. Как вы. Обычная женщина.

— Быть может, это слухи, — предположила Кванжи. Тень улыбки тронула уголки ее губ. — А ты и впрямь еще ребенок, к тому же чужак. Тебе не понять, что значит красота.

— Во всяком случае, не убийство, — убежденно заявил Натан.

Кванжи передернула плечами, как бы в попытке выбросить из головы какую-то надоедливую глупость.

— Мы достаточно обсудили. Пора в путь. Теперь ты должен увидеть сон и с его помощью забрать меня отсюда. Перенеси меня к Санграалу.

— Я уже вижу сон, — возразил Натан.

Он взял Кванжи за руки, сжав их так же крепко, как прежде она. Мальчик попытался вернуть ощущение немедленной необходимости и сознание собственной внутренней силы, которые сопутствовали ему в миг спасения Эрика; однако вместо них он чувствовал лишь сомнения и уверенность в грядущем провале. Натан закрыл глаза, мысленно представил пустыню, раскинувшуюся за пещерой, и сконцентрировался на Кванжи — ее руках, ее нужде, — одновременно призывая темноту. Бесконечно долгую минуту ему казалось, что ничего не происходит; а потом вдруг выяснилось, что все произошло, мир перевернулся, куда-то провалился пол ямы. Натан открыл глаза — в тот же миг пальцы Кванжи выскользнули из его рук, и он увидел простирающуюся во всех направлениях пустыню и предрассветную бледность, медленно разливающуюся вдоль горизонта. В одно мгновение в его голове пронесся десяток мыслей: гигантский чудовищный ящер, расстояние до пещеры, солнечная смерть, которая неумолимо приближается с наступлением дня. На Кванжи не было ни маски, ни защитного костюма —

лишь скудная одежда, в которой ее бросили в Заточение. «Нет! Нет!» — силился выкрикнуть Натан, стремясь удержать женщину. Но тьма оказалась сильнее: она засосала его, вымела прочь из того мира, прочь из сознания — в водоворот сна...

Когда Натан проснулся, уже наступило утро. Утро этого мира. Полоска неба между занавесками окрасилась в серый цвет. Страшная мысль, дожидавшаяся его пробуждения, заставила мальчика рывком сесть на кровати, наполняя его разум ужасным пониманием. Он бросил Кванжи там — посреди пустыни, наедине с монстром и солнечной смертью, не оставив ни шанса выжить. Даже если ей удастся увернуться от чудовища, от солнца она не спрячется. До пещеры далеко. Она умрет — умрет по его вине.

— Я должен вернуться! — выкрикнул он.

Никто не ответил, и сон уже совсем растаял. В приступе отчаяния Натан сорвал со стены лист с начертанным на нем Знаком Агареса. Потом отправился в ванную и принялся яростно оттирать с руки руну, пока та не сделалась почти невидимой. Быть может, без Знака ему удастся попасть назад? Однако когда Натан снова лег и закрыл глаза, он лишь услышал стук собственного сердца и увидел контуры утасающего света на внутренней поверхности век.

Инспектор Побджой в недоумении уставился на результаты вскрытия.

— Невозможно, — сказал он помощнику патологоанатома, которому поручили доставить дурные вести. — Это убийство. Взгляните на отметину от удара по голове. Ведь несомненно...

— Все не обязательно. — Патологоанатом попытался изобразить возмущение, однако сумел показаться лишь са-

модовольным и ограниченным. — В лесу множество низких ветвей. Он оттолкнул одну из них, а та спружинила, ударив его в висок и лишив сознания. Если бы не ливень, возможно, на какой-нибудь ветке обнаружались бы следы крови. Он упал, зарывшись лицом в прелую листву; нос и рот наполнились грязью — и он задохнулся.

— Здесь написано, что он *утонул*.

— Шел дождь.

— Люди не тонут в дожде! Вы что, меня за идиота принимаете?

— Послушайте. В легких обнаружена вода. Ливень мог лишь слегка покрыть землю водой; большего и не требовалось. Если его лицо находилось под водой достаточно долго...

Побджой нетерпеливо отмахнулся.

— С фактами не поспоришь, — чопорно заметил патологоанатом.

На лице Побджоя читалась твердая решимость оспаривать любые факты, которые ему представят. Он отпустил патологоанатома, дабы случайно не увеличить количества имеющихся трупов, и сел ломать голову над отчетом о вскрытии. Два человека (якобы) утонули: если первый при обстоятельствах просто подозрительных, то второй — при откровенно странных. Как можно утонуть в лесу? Есть ли вероятность того, что фон Гумбольдта перетащили в лес уже мертвым? Судя по данным экспертизы, нет. Конечно, когда исключишь все невозможное, то, что осталось, должно быть правдой. Господи, как же он ненавидел Шерлока Холмса — тот просто лучился чопорной заумностью! Чертов кокаиновый торчок, конспиратор-теоретик с параноидальными наклонностями. Вся проблема заключалась в том, что от этого

дела за версту разило шерлокхолмством. Тихая деревушка, похищенный кубок, два тела, образовавшиеся вопреки всякой логике вследствие естественной смерти владельцев таковых. И вдобавок ко всему прочему карлики. Несомненно, за всем этим стоит некий дьявольский суперпреступник со сверхъестественными способностями маскировки и маниакальной склонностью топить своих жертв, даже если поблизости нет воды...

Побджой заставил себя вернуться к реальности и попытался сконцентрироваться на более правдоподобных версиях.

— Похоже, я пропустил все самое интересное, — заявил Майкл. — Мы с Рианной провели выходные под Оксфордом: один мой приятель устраивал барбекю. Там тоже шел дождь. Забавно: две недели может стоять отличная погода, а как только задумаешь организовать пикник, непременно пойдет дождь.

— У вас есть алиби? — поинтересовалась Ровена. Она зашла к Анни обсудить случившееся и застала у нее Майкла за тем же занятием.

— Мне не нужно алиби, — ответил Майкл, состроив недовольную гримасу. — Я бы предпочел находиться в гуще событий.

— Слишком уж много событий, — констатировала Ровена. — Труп и крупная кража. От полиции толку как от козла молока. Пытаются убедить меня же, что у меня разыгралось воображение! Тут и без воображения такие дела творятся! Разумеется, я не разглядела вора как следует: погас свет, так что было темно. Но он совершенно точно был маленький, проворный и волосатый. Действительно маленький — не больше четырех футов ростом. И ни в коем случае

не дрессированный зверь. Он двигался как человек. Наверняка это был карлик.

— Зачем карлику похищать Грааль Лютого Торна? — удивилась Анни. Она говорила, не думая: на самом деле мысли ее блуждали далеко. Рианна Сарду была в Лондоне (во всяком случае, тварь в облике Рианны Сарду могла находиться в Лондоне). Майкл не возобновил приглашение на ужин, однако был здесь.

— Не знаю, — сказала Ровена. — Да и вообще все это одна большая тайна. Только вот что я вам скажу: я собираюсь вернуть чашу. У меня уже уши на макушке: стоит кому-то попытаться тайком купить ее, я сразу об этом узнаю. У меня широкие связи в мире антиквариата.

— Наверное, продать ее будет нельзя, — предположил Майкл. — Очевидно, ее главная ценность в том, что она исторический артефакт. Что подразумевает весьма специфический рынок сбыта.

Ровена издала некий угрюмый звук — похоже, в знак согласия.

— У Эрика имеются кое-какие странные идеи на этот счет. Иные реальности и прочее. Конечно, они кое-что объяснили бы, но... Вообще-то Эрик хороший человек. Ему можно верить. Откуда бы там он ни был. — Ровена окинула Анни быстрым пронизательным взглядом — впрочем, не достигшим цели. — В любом случае, — подытожила Ровена, — мне пора. Нужно сделать кое-какие звонки. Если у вас возникнут предположения...

— Будем на связи, — заверила ее Анни.

И они с Майклом остались одни.

— Вообще-то, — начал он, — я пришел поговорить со всем о другом. Конечно, все это очень интригует: наверно,

дети здорово повеселились, устроив погоню за вором, по уши перемазавшись грязью, а потом еще наткнувшись на труп; хотя последнее, пожалуй, оставляет не самое приятное впечатление. Надеюсь, они не слишком расстроены.

— Натан в порядке, — ответила Анни.

— Слава богу, они не знали его лично. Так о чем я? Ах да, никак не приступлю к главному. Я пришел поговорить несколько о другом.

Анни вопросительно посмотрела на Майкла.

— Рианна. Я попытался выпросить у нее, что произошло тем вечером, однако она отрицала даже то, что виделась с тобой. А ее одежда — та, в которой она была, когда я уходил, — лежала на полу в ванной — мокрая. В последнее время Рианна ведет себя очень странно — не могу объяснить точно, только она явно не в себе. В прошлые выходные друзья спрашивали меня, не перенесла ли она какую-то болезнь. Как будто ее личность подменили. Некоторые болезни так действуют на человека — какая-нибудь опухоль мозга или что-то вроде того. Я предложил ей сходить к врачу, но она тут же завелась. Анни, я ума не приложу, что делать. У нас не самый идеальный брак на свете, и все же, если Рианна больна, я должен быть рядом с ней.

— Да, — согласилась Анни, поскольку от нее явно ждали ответа.

— Конечно, быть может, все дело в психике. Если у нее начнется раздвоение личности...

Можно выразиться и так, решила Анни.

— Черт побери! — Майкл горько усмехнулся. — Я все запутал. Послушай, я собирался сказать... Что бы ни было с Рианной, я бы хотел встречаться с тобой. Я надеялся, что мы все же поужинаем... как-нибудь на неделе. Извини, все так

нелогично. Я говорю, что беспокоюсь за жену, — и тут же заявляю, что хочу быть с тобой. Наверное, ты считаешь меня просто хамом.

— Нет, — ответила Анни. Она не знала, что еще сказать.

— Если она сойдет с ума, я бы запер ее на чердаке, сделав бы мрачным и угрюмым, и мы с тобой могли бы... Извини. Извини, пожалуйста. Мои слова звучат легкомысленно и глупо. Это все потому, что я расстроен. Когда я расстроен, я вечно отпускаю глупые шутки. Насчет ужина...

И, по закону жанра, именно в этот миг дверь распахнулась.

На сей раз явился инспектор Побджой — с Белиндой Хейл и официальным выражением на лице. Раздражение Анни улетучилось, сменившись смутным беспокойством.

— Где ваш сын? — без предисловий спросил инспектор, не обращая внимания на Майкла.

— Он отправился гулять в лес. Натан не большой любитель компьютерных игр и прочей ерунды — к счастью. Ему нравится дышать свежим воздухом. У остальных детей каникулы еще не начались, так что...

— А почему вы спрашиваете? — Майкл вскочил со стула и теперь смотрел на Побджоя с некоторым вызовом, готовый встать на защиту Анни.

— Боюсь, это мое дело, — отозвался инспектор. — Мне нужно переговорить с вами наедине, миссис Вард.

— Я остаюсь, — спокойно сообщил Майкл. Потом, повернувшись к Анни, добавил: — Вдруг тебе потребуется совет. Если что, я свяжу тебя с адвокатом.

— Вы собираетесь меня арестовать? — спросила Анни изумленно — и едва не рассмеявшись.

— Нет, миссис Вард. Просто хочу задать несколько вопросов.

— Присаживайтесь. — Оглянувшись, Анни обнаружила, что свободных стульев больше нет. — То есть спрашивайте.

Обделенный стулом инспектор приступил к расспросам.

— Ваш сын и его друзья помогали искать пропавший запрет для миссис Торн, верно? Тот самый, что в конечном итоге нашли вы?

— Да.

— Полагаю, они очень загорелись этой идеей. Для них поиски стали настоящим приключением. И они увлеклись.

— Э-э... да.

— Они хорошие ребята, — оборвал инспектора Майкл. — Без всяких криминальных наклонностей. Особенно Нат.

— Я уверен, что они действовали из благих побуждений, — довольно спокойно продолжал Побджой. — Дети знали миссис Торн и поддерживали ее. Они хотели вернуть ей чашу — само собой разумеется: ведь сосуд был фамильной ценностью, Удачей Торнов. Должно быть, приключение казалось им очень романтичным. Прослышав о том, что Грааль везут в Торнхилл, ребята, разумеется, захотели на него взглянуть. Притаившись за домом, они решили подсмотреть за собравшимися.

— К чему вы клоните? — рявкнул Майкл. Анни предостерегающе положила руку ему на плечо, хотя он почти не сдвинулся с места. Она тоже поднялась на ноги и пристально смотрела на полицейского. Лицо ее было белым как мел.

Побджой безжалостно продолжал:

— В соответствии с показаниями свидетелей чаша была похищена таинственным карликом. В таинственных карликов я не верю. Думаю, это был просто маленький человек. Возможно, ребенок.

— Нат весьма высок для своего возраста, — тут же отреагировал Майкл.

— Выше меня, — тихо добавила Анни. В глубине души у нее зарождались страшные подозрения.

— Зато девочка невысока, — парировал Побджой. — Она довольно небольшого роста — пять футов или даже меньше. Она могла надеть маску, оставшуюся с Хеллоуина или карнавальной вечеринки. У детей всегда есть в запасе что-то подобное. Свет погас — и девочка воспользовалась подвернувшейся возможностью. Потом они где-то спрятали чашу, намереваясь вернуться и заявить, что гонялись за настоящим вором.

— Чушь, — заявил Майкл. — Совершеннейшая чушь от начала и до конца.

— Вряд ли дети осознавали предосудительность своих поступков, — не обращая на Майкла ни малейшего внимания, говорил Побджой. — Они считали, что чаша принадлежит миссис Торн по праву, и похитили сосуд для нее. Возможно, они намереваются вернуть ей украденное, как только уляжется суматоха. Полагаю, они мнят себя героями, спасающими чашу из рук плохих парней.

— Натан не так наивен, — наконец проговорила Анни, ощущая всевозрастающую уверенность в своей правоте. — В любом случае он бы никогда и ни за что не позволил Хейзл так рисковать. Натан не властный — просто среди друзей он лидер, главная фигура. И он бы не позволил никому — и тем более Хейзл — взять на себя опасную роль. Никогда. Даже

если бы моральные качества Натана вдруг извратились так, как вы предполагаете, он все равно настоял бы на том, чтобы выполнить рискованную часть дела самому. Но мой сын слишком высок для карлика.

— Жаль портить гладкую версию, — саркастически заметил Майкл, — только Хейзл тоже великовата. Ровена Торн заходила сюда прямо перед вами. Она подчеркнула, что вор был ростом не больше четырех футов.

— В темноте люди могли быть введены в заблуждение, — сказал Побджой. — Я предпочитаю очевидное объяснение. Вопреки тому, что пишут в популярной литературе, оно обычно оказывается верным.

— Может, вы думаете, что они заодно убили графа? — еле слышно вымолвила Анни.

— Если верить отчету о вскрытии, — почти со вздохом ответил Побджой, — смерть наступила в результате несчастного случая.

— Несчастного случая? — хором воскликнули Майкл и Анни.

— Похоже, эксперты считают, что его ударило отпружинившей веткой, он потерял сознание, упал лицом в листву и захлебнулся грязью и дождевой водой.

— Захлебнулся... — шепотом повторила Анни.

— В последнее время здесь что-то развелось слишком много утопленников, — произнес Майкл неожиданно дрогнувшим голосом.

— Но ведь... — Лицо Анни внезапно преобразилось: ее посетила идея. — Насколько я поняла, он умер около обеда. Так вы утверждали прежде. А дождь начался значительно позже.

Побджой выругался про себя. Анни была права, а он не обратил внимания на такое несовпадение. Очевидно, патологоанатомы забыли или не смогли узнать, во сколько начался дождь. А до того земля была сухая.

— Когда ваш сын вернется, миссис Вард, я бы хотел побеседовать с ним. Пожалуйста, позвоните мне по этому номеру. — Инспектор протянул Анни визитку. — И не слишком беспокойтесь из-за того, что натворили дети. Они несовершеннолетние, и, хотя сам поступок является преступлением, мотивы их были благородны. Если они вернут чашу, я уверен, что суд будет к ним снисходителен.

— У них нет никакой чаши, — сказала Анни, когда полиция ушла. — Я знаю.

— Я тоже, — согласился Майкл. — Нам нужен адвокат.

— Надо предупредить Лили, — спохватилась Анни. Потом добавила: — Спасибо. Спасибо, что поддержал меня. Нас.

— Я всегда буду вас поддерживать, — пообещал Майкл. Тон его был резким, почти холодным, без всяких эмоций. Анни взглянула на Майкла с легким недоумением.

И тут руки его будто сами собой, без ведома хозяина, обвили ее талию. Майкл поцеловал ее — не коротко чмокнул в щеку, а по-настоящему, слившись с ней губами. Миг близости длился лишь мгновение. Майкл отпрянул, столь же потрясенный, как и Анни.

— Извини. Не следовало... Все ужасно не вовремя. Я найду хорошего адвоката. Позвоню тебе завтра.

Майкл ушел, громко хлопнув дверью, оставив Анни в таком душевном смятении, что она чуть не забыла позвонить Лили Бэгот.

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ

Поиски Грааля

Хейзл и Лили забрали в полицейский участок в Кроуфорде для официального допроса. Побджой хотел получить ответы на свои вопросы и счел официальную обстановку достаточно гнетущей, чтобы вдохновить Бэготов на откровение. Где-то в глубине души у инспектора поселилось неуютное ощущение, что он пошел ложным путем, однако косвенные улики никуда не годились, а подсказки интуиции вовсе ни к чему не привели. Сначала он поверил рассказу детей, однако горький опыт научил инспектора сомневаться в том, чему он верил. Побджою уже приходилось иметь дело и с мошенником в сфере страхования, который утверждал, что находился во Франции в то время, как горели его рабочие помещения, и с отчимом, лившим крокодильи слезы над телом убиенного подростка, и учителем-педофилом, заявлявшим, что единственная страсть в его жизни — преподавание. Верно и то, что в итоге он не поверил ни одному из них, но ведь мог, если бы был более доверчив и если бы все те преступники оказались воспитанными тринадцатилетними детьми, умудрившимися пробраться через колючую проволоку его инстинктов. «Стоит подумать, что ты уже видел в этой жизни все, — размышлял инспектор, — как случается что-нибудь похуже. Все-таки они руководствовались благими намерениями...»

— Вы хотели помочь миссис Торн, верно? — спросил Побджой. — Поэтому стали искать запрет.

Хейзл издавала едва слышный звук, похожий на «м-м».

— А потом испугались, что ничего не выйдет. Кто-нибудь из твоих знакомых разбирается в законодательстве?

Хейзл вспомнила о намерениях Джорджа стать адвокатом, но потом решила, что это не подойдет. Она сказала чуть громче:

— Нет.

— Вы с Натаном слышали, что чашу привезут в Торнхилл, и решили пошпионить за собравшимися. Наверно, вы были заинтригованы.

Поскольку последняя фраза не была сформулирована в форме вопроса, Хейзл не посчитала нужным отвечать. Она сжала губы, стараясь не бояться, отчаянно жалея, что рядом нет Натана. Он бы знал, что сказать.

— Вы были заинтригованы?

Хейзл пожала плечами.

— Но вы были достаточно заинтересованы, чтобы отправиться в Торнхилл и спрятаться за домом. Вы надеялись проскользнуть внутрь, когда никто не мог вас заметить, и посмотреть, что там творится?

Снова пожимание плечами. Хейзл перекинула волосы на лицо — признак того, что она нервничает.

— Они лишь проявили естественное любопытство, — вступилась за детей Лили. — Они много слышали о чаше. Им это казалось настоящим приключением.

— Наверняка, — заметил Побджой. — Вы испытали разочарование, не отыскав запрет. Полагаю, вы с Натаном обсуждали, как было бы замечательно, если бы вы смогли достать чашу и вернуть ее миссис Торн. Так, Хейзл? Вы говорили об этом?

— Нет.

— Тогда о чем же вы говорили? Расскажи мне.

— О всякой ерунде. О музыке, о школе. Ну, сами знаете...

— Но не о чаше Торнов?

— Нечасто.

— Нечасто. — Слишком скудное признание, чтобы оказаться полезным; и все же он постарался зацепиться за него. — Не часто, однако достаточно. Вы рассудили, что граф фон Гумбольдт и сотрудники «Сотбис» вроде как плохие парни, да? Вы считали, что чаша должна по праву принадлежать миссис Торн. Вы дождались бури, надеясь на счастливый случай, и тут погас свет. Узнаешь? — Он достал зеленую резиновую вещицу с крысиными хвостиками по бокам.

— Это моя ведьминская маска, — удивилась Хейзл. — Я надевала ее на Хеллоуин два года назад. И что в ней такого?

— Вы не имели права ее брать, — заявила Лили. — У вас не было разрешения на обыск. Я знаю, у вас должен иметься ордер на обыск.

— Она оказалась в мусорном баке, — пояснил Побджой. — Для этого не нужен ордер. Я бы предположил, что именно вы выбросили ее перед нашим приходом.

Лили развернулась к дочери в нескрываемой панике виноватая и расстроенная. Оказывается, Анни рассказала ей об умозаклечениях Побджоя, и Лили, отыскав в комнате дочери, пока той не было дома, маску, решила от нее избавиться.

— Мне нужен адвокат, — заявила она.

— Если вы настаиваете. Вам придется некоторое время оставаться здесь, пока мы не вызовем адвоката.

— А что с маской? — по-прежнему недоумевала Хейзл. — Что в ней такого важного?

— Свидетели кражи описали вора как человека маленького роста, почти карлика, и волосатого. — Инспектор взгля-

нул на девочкину копну нечесаных волос. — Лица они не разобрали. Какой у тебя рост, Хейзл?

Девочка сначала побелела — от шока, когда до нее дошел смысл сказанного. Потом сделалась пунцовой — от ярости.

— Там был карлик. Почти на фут ниже меня. Мы видели его, даже пытались догнать. Я сто лет не доставала эту дурацкую маску. Спросите остальных — мистера Гудмана, миссис Торн.

— Мистера Гудмана не было в комнате в момент совершения кражи, — пояснил Побджой. — Что же до остальных, то и Алекс Бирнбаум, и Джулиан Эпштейн признают, что вором мог оказаться ребенок. — Инспектор не стал упоминать, что оба признали данную возможность весьма неохотно.

— Во мне почти пять футов, — созналась Хейзл (это явно был для нее болезненный вопрос). — Не так уж много, но для карлика чересчур. Он был действительно маленький, я же сказала...

— Ты иногда говоришь неправду, не так ли? Ты послала нам анонимное письмо о смерти прабабушки. Ведь в нем написана ложь? — На самом деле инспектор так не думал — он лишь хотел вывести Хейзл из равновесия, заставить говорить, добиться признания. — Миссис Карлоу умерла своей смертью; ты просто хотела создать трудности. Может быть, своему отцу? Ты думала, что, если его посадят в тюрьму, он больше не станет обижать твою мать. Так?

— Нет... все не так... он ни при чем.

— И теперь ты снова лжешь. Уверен, вы не хотели ничего дурного. Вы не похищали чашу — вы спасли ее. Собирались вернуть ее законному владельцу.

— Нет...

— Прекратите! — закричала Лили. — Прекратите сейчас же! Я требую присутствия адвоката. Мне все равно, сколько времени это займет. Я больше не позволю вам запугивать девочку. Вам запрещено говорить с ней до прихода адвоката, верно? — спросила Лили.

— Я ничего не сделала, — продолжала настаивать Хейзл. — Я не брала чашу. Натан вам подтвердит...

— Подозреваю, что это была как раз идея Натана, — сказал Побджой, давая девочке возможность выйти сухой из воды. — Он надоумил тебя?

Хейзл одарила инспектора взглядом столь презрительным, что Побджой даже поежился.

— Натан? Да Натан никогда не сделает ничего плохого. Он не такой. И никогда никого не надоумит что-нибудь сделать. Вы дурак. Натан... совсем другой. Он ни за что не станет красть.

«А самое отвратительное, — думал Побджой, временно отступая, — что я ей верю».

Натан снова искал Лесовичка — и опять безрезультатно. Он вернулся домой почти в шесть: Анни ждала его с тревогой и нетерпением.

— Хейзл арестовали, — без предисловий сообщила она.

— Что?

Анни пустилась в сбивчивые объяснения.

— Может, еще не арестовали, но я видела, как их с Лили увезли в полицейской машине. С тобой тоже хотят поговорить. Они думают, что вы взяли Грааль. Если у тебя есть какие-то предположения, где он...

— Ты тоже думаешь, что я его взял? — воскликнул Натан, моментально сообразив, на что намекает Анни.

— Конечно, нет. Хотя если бы мы вернули его, то они наверняка бы все забыли.

— А как же убийство?

— Они сами себя убедили в том, что это был несчастный случай, — объяснила Анни. — Забудь об убийстве. Все дело в чаше... Мне нужно позвонить инспектору. Он сказал, что хочет сразу с тобой увидеться.

— Нет. Мама, прошу тебя. Я смогу достать чашу, если ты дашь мне немного времени. Я почти уверен, что знаю, где ее искать. Карлик отослал ее обратно, в другой мир...

— Обычно миры — большие пространства, — заметила Анни. — Где именно ты станешь искать?

— Прежде чем оказаться здесь, чаша была спрятана в одной пещере — по крайней мере так говорят. Я уверен, что ее вернули туда. Это подходящее место. Если бы я достал ее и вернул в «Сотбис», они бы отпустили Хейзл? Ведь тогда получится, что никакого преступления не было?

— Думаю, это будет зависеть от того, как в «Сотбис» и в семье графа отнесутся к произошедшему, — неуверенно произнесла Анни. — И, разумеется, в полиции. О боже! Ведь если ты вернешь ее, тогда они точно решат, что вы ее взяли.

— Не важно, — отозвался Натан. — Пусть думают, что хотят.

Он уже поднимался по лестнице в свою комнату. Анни крикнула ему вслед:

— Что ты собираешься делать?

— Спать! — донесся сверху ответ сына.

Ему никогда не удавалось спать — или видеть сны — по приказу. Но теперь он должен — просто обязан. Он представил, как Хейзл сидит в комнате с серыми стенами, вжавшись в стул, а безликий полицейский швыряет ей в лицо обвинения. Это была не самая расслабляющая картина. По-

пытки уснуть пока оказывались безуспешны: он должен найти в своем сознании точку, слабое место, трещинку, через которую проскальзывает его присутствие, устремляясь Отсюда Туда. Падающая тьма, испещренная звездами, окруженная вращающимися планетами. Натан мысленно потянулся — не наружу, а внутрь, все время внутрь, глубоко в себя. Мальчику вдруг начало казаться, что в голове у него существуют огромные пространства, словно то, что скрыто внутри, превосходит размерами то, что снаружи. Над расселинами подсознания залегли темные тени, а откуда-то сверху лился яркий белый свет; лучи его устремлялись вниз подобно божественному явлению. И тогда он нашел то, что искал, далеко слева. Натан не понимал, видит он или слышит это нечто, но оно было там, позади глазного яблока, — какой-то чужеродный лоскуток. Он показался мальчику синеватым, хотя оказалось непросто судить наверняка, и полным снежных хлопьев, вспыхивающих и гаснущих, как помехи на телеэкране. Натан изо всех сил мысленно потянулся, стараясь разместить все свое существо внутри, изливая себя в эту каплю иности. И мгновенно — как ему показалось — очутился во сне.

Сначала, должно быть, он спал без сновидений, потому что вынырнул в реальность из краткого мига забытья. Потом Натан понесся вниз по крутящемуся тоннелю, попутно пытаясь определить, проносится он мимо тех же планет и галактик, что и в прошлый раз, — или уже иных. Мальчику пришло в голову, что тоннель похож на некую червоточину — если, конечно, представить, что червоточина может соединять не только различные точки пространства, но и пространства в различных мирах. Мимо промчалась планета, красная от окутавших ее бурлящих газов; под ногами — если таковые имелись у сознания — бушевали бури масштабов целых

континентов, громадные кольца стремительно неслись на него. Вдруг впереди выросла стена — холодная мертвенная поверхность, испещренная кратерами, словно мир покрыла запущенная угревая сыпь. Но и она промелькнула, уйдя в сторону, — и все еще больше ускорилося. Звуки слились в неясный пульсирующий гул, словно далекий вой ветров, хотя Натану почудилось, что, если замедлить движение, можно расслышать в этом шуме музыку. Потом ослепительно вспыхнул свет, заставив мальчика зажмуриться, последовал беззвучный удар: он всем телом столкнулся с атмосферой, местом назначения и собственной сущностью.

Открыв глаза, Натан огляделся. Теперь он почувствовал себя еще более реальным, чем когда-либо прежде, и ощутил эту разницу моментально: как будто его собственный мир был неким сном, а здешний — реален. Натан осознал, что больше не сможет перемещаться с места на место: он застрял. Застрял в самом себе, скованный реальностью. Наверно, он должен был почувствовать ужас, однако мальчик слишком увлекся размышлениями о том, куда угодил.

Натан оказался в какой-то сложной системе сообщающихся круглых комнат. Он сидел на изогнутом диване в самой большой из них; на полу лежал круглый коврик, а вокруг в произвольном порядке были расставлены различные любопытные предметы мебели — тоже круглые, или изогнутые, или каплевидные. В помещении не было внешних окон: свет, как обычно на Эосе, переливался оттенками розового, абрикосового и бирюзового, наполняя ими все вокруг. В соседней комнате стояло некое подобие кровати; еще из одной, отгороженной щитом из рельефного стекла, доносились звуки бурлящей, пузырящейся и плещущей воды. «Похоже на спальню, совмещенную с ванной, — подумал Натан. — И в ванной кто-то есть». На миг едва не возобладал инстинкт

спрятаться — только теперь мальчик уже не мог этого сделать. Теперь Натан находился здесь, реальный и беспомощный.

Он почти не удивился, когда стеклянная загородка отъехала и из ванной вышла Халме.

На ней был свободного покроя халат, по странному совпадению тоже не застегнутый, как и тюремное одеяние Кванжи. Все тело Халме светилось золотистой нежностью и обладало всеми подобающими выпуклостями и ложбинками, а из-под мягкого покрова кожи и плоти не торчали косточки. Натану она показалась похожей на статую в стиле арт-деко, что он как-то видел у Ровены в магазине: неестественно высокая и стройная, удлинённая до неимоверного совершенства. Мальчик судорожно вздохнул, не в силах оторвать взгляд, забыв о смущении: так обычно любуются красотой, но не женственностью.

— Извините, я...

— Кто?.. — Халме запахла халат — чисто машинальным движением. Она тоже не могла оторвать взгляда от Ната-на. Глаза ее, очень темные, посверкивали искрами скрытых цветов. — Кто ты? Как ты сюда попал?

— Меня зовут Натан.

— Ты очень маленький. Какой ты расы — и с какой планеты? Ты беженец? — По ее встревоженному и озабоченному виду Натан понял: она боится заражения, которое переносят беженцы.

— Я человек, — ответил мальчик. — С Земли. Это далеко отсюда: в другой вселенной.

Халме слушала его, не перебивая, и Натан продолжил:

— Я маленький, потому что мне тринадцать лет. Я еще расту. Вообще-то я не такой уж и маленький для своего мира,

там люди ниже. Но я еще подрасту. Для своих тринадцати я высокий.

Ее лицо преобразилось, смягчившись. Потрясение миновало.

— Ты ребенок, — осознала Халме. — Верно? Ты хочешь сказать, что ты ребенок?

Натану вспомнились слова Эрика о том, что здесь дети не рождались много сотен лет. И... еще о том, что Халме безуспешно пыталась зачать, пока магия не сделала ее чрево бесплодным.

— Да, — ответил мальчик.

Халме захлестывали чувства; по лицу словно пробежала рябь, каждый раз меняя его выражение. Она подошла ближе, потянулась и дотронулась до него, коснулась щеки.

— Ты мог бы быть моим сыном. Не так уж ты отличаешься от нас. Лицо у тебя... неправильное. Не той формы. Слишком короткое и широкое, слишком низко вот здесь, — она провела пальцем по его брови, — и все же мне ты кажешься красивым.

Натан отметил про себя, что Халме поверила ему без всяких расспросов, без тени сомнения.

Мальчик смущенно заметил:

— Я тоже думаю, что вы красивая.

— Правда? Всю жизнь люди говорили мне, что я красива. Моя красота живет своей жизнью — жизнью прославленной и легендарной, к которой я не имею отношения. Но ведь ты прибыл из другого мира, где люди выглядят иначе, — из мира детей, и даже ты считаешь меня красивой. Думаю, в первый раз это для меня что-то значит. — Халме улыбнулась, и Натан вдруг осознал, что никогда прежде не видел, чтобы улыбка озаряла ее лицо. — Меня зовут Халме.

— Я знаю, — ответил Натан. — Я видел вас прежде. Сначала я был здесь невидимым, потом стал походить на призрак — сделался как бы прозрачным. А сейчас я реален, как никогда прежде в вашем мире.

— Я чувствовала тебя. Ощущала, как ты наблюдал. Когда мы пошли в лабораторию, ты последовал за нами. Это было несколько месяцев назад. Сколько времени ты здесь провел?

— Я прихожу и ухожу. Во сне. То есть я путешествую сюда во сне. Наверное, в моем мире и время течет иначе: я был с вами в лаборатории вовсе не так давно.

— Откуда ты знаешь наш язык?

— Понятия не имею. Просто знаю, и все. — Во сне Натан говорил легко и свободно, как будто на родном языке.

— Зачем ты пришел ко мне? — спросила Халме.

— Я просто здесь очутился. Я не властен выбирать сам — и ничего не могу поделать. Я лишь куда-то отправляюсь — и в итоге могу оказаться где угодно. Не думаю, что мои перемещения случайны, однако я не понимаю, как они происходят. Я хотел попасть сюда и нашел в своем сознании точку, куда я отправляюсь во сне, — проход. И все же я не представляю, как попал именно в ваши покои. Честное слово. — И добавил: — Я вовсе не хотел помешать вам принимать ванну.

— Ерунда, — отозвалась Халме. — Я уже закончила. В любом случае я рада. Рада, что ты пришел. Если это модель, то она *предопределена*. Мой брат верит в закономерности. Он говорит, что все миры переплетаются, образуя Великую Модель, и если ты обладаешь силой, можно их изменить, обвить вокруг своей воли.

— Ваш брат... Грандир?

— Разумеется, его ты тоже видел. Он будет счастлив встретиться с тобой... — Халме замолчала. Свет в ее глазах померк.

— Я пришел к вам, — сказал Натан.

— Он рассердится, если узнает, что я скрываю от него нечто подобное. Вроде тебя.

— А он... он что, становится жестоким в гневе?

— Нет. — Казалось, вопрос Натана ее удивил. — Грандир никогда не бывает со мной жесток. Он ни за что меня не обидит. Но его гнев... ужасен. Я чувствую его внутри себя, он клубится там, заволакивает все тьмой... Брат отдаляет меня, отрывает от себя. Я не могу перенести этого. Он нужен мне, чтобы было кому любить меня.

В ее признании звучало что-то детское — даже на слух Натана. Он решил не рассказывать Халме, что ее брат уже знает о нем — шпионит за ним через звезду, которая на самом деле вовсе не звезда. Натан не был уверен в том, что Грандир хороший человек, зато точно знал, что правитель безжалостен и могуществен — слишком могуществен, чтобы он, мальчик, мог с ним совладать, а просить у него помощи — значит позволить взять над собой верх. Натан осознавал, что одержать верх должен он сам. К тому же Грандир имел какую-то цель, вынашивал некий план — быть может, уже теперь он изгибал Великую Модель всех миров вокруг себя, подчиняя их. Натан, будучи лишь крошечной частицей этой модели, все же не собирался покоряться.

— Вы можете не рассказывать ему обо мне, — робко предложил он, — если не желаете.

— Он обязательно узнает, — отозвалась Халме. — Он читает мысли.

— Только не ваши, — с неожиданной уверенностью сказал Натан, вспомнив, как Грандир не посмел прикоснуться к Халме у клетки с гномонами, хотя и попросил ее отойти, — до тех пор, пока ни в чем вас не подозревает. Он не станет вторгаться в ваши помыслы. И вам это известно.

— Да-а, — медленно протянула она. — Верно. И все же...

— Мне нужна ваша помощь. Прошу вас! Я должен кое-что осуществить здесь, а вы можете мне помочь. Только вы. Я знаю: потому я и оказался у вас. Как вы сказали, все было *предопределено*.

Халме присела на изогнутый диван и жестом пригласила Натана последовать ее примеру. Она казалась почти решительной и в то же самое время полной сомнений — как человек, пытающийся вести себя храбро вопреки собственной природе.

— Расскажи мне все, — попросила она.

Разумеется, Натан не стал делиться с Халме всем, что знал. И все же он рассказал ей о том, что Санграаль пребывал в его мире, и о том, как сосуд был послан туда для сохранности, потому что неосальванисты и им подобные могли похитить чашу, останься она в этом мире, и сотворить Великое Заклинание, допустив какую-нибудь ошибку. («Великое Заклинание, — заметила она. — О да. Великое Заклинание, чтобы изменить Великую Модель. Я знаю».) Натан объяснил, как в его мире вор похитил чашу и отправил ее назад, а теперь из-за этого власти несправедливо арестовали его подругу. Чтобы выручить ее и обеспечить сохранность самого Грааля, теперь ему необходимо вернуть чашу. Натан старался не вдаваться в сложные объяснения и надеялся, что говорит правду. Более того: некой необъяснимой гранью инстинкта он *чувствовал*, что говорит правду. Натан был уверен, что Кванжи Лей хороший человек, однако ее могли ввести в заблуждение или просто использовать в целях организации, в которой она состояла. Что бы ни говорила тогда Кванжи, мальчик не верил ни в то, что закливание можно

свалить в беспорядочную кучу, ни в то, что его способны применить люди, не имеющие представления о его сути. С тем же успехом сумасшедший мог попытаться создать атомную бомбу в собственном гараже. Стараясь придерживаться этой мысли, Натан вглядывался в лицо Халме: каким-то необъяснимым образом оно казалось выразительным и непроницаемым одновременно — возможно, мальчик просто не знал, что именно оно должно выражать. Вероятно, то был лишь эффект легкой диспропорции, необычных особенностей ее черт. Натан смутно догадывался, что Халме вела напряженную внутреннюю борьбу с собственной природой, слабостью или инертностью, изо всех сил пытаясь стать такой, какой никогда не была.

Наконец она промолвила:

— Я могу помочь тебе. И помогу. Но это очень трудное дело для такого маленького человека. В вашем мире дети часто выполняют подобные задания?

Натану вспомнились прочитанные книги и их герои: Колин и Сьюзен Певенси, Гарри Поттер, Лайра Белакуа и множество других.

— Постоянно, — сказал он.

Весь вечер Анни не находила себе места. Мысли то и дело возвращались к Майклу и их поцелую — обычно в самое неподходящее время, от чего она чувствовала себя неловко и слегка виновато: ведь у нее было много более серьезных поводов для беспокойства. Анни позвонила Бартелми; как всегда, добродушный и невозмутимый, он немного развеял ее опасения.

— Против детей имеются лишь косвенные улики, и без получения признания или новых доказательств полиции бу-

дет нелегко продвинуться в этом направлении. Кроме того, свидетели в своих показаниях однозначно указывают на карлика — а ребята слишком высоки, чтобы подходить под это определение. Мне кажется, что, если чашу удастся вернуть, они замнут дело. Доверься Натану. Ему не занимать ни смелости, ни решительности. К тому же он очень умен, что никогда не помешает. А где он?

— Лег спать, — просто ответила Анни.

— Ясно.

Анни заглянула к сыну около восьми: мальчик спал на боку, полностью одетый, даже в ботинках. Она хотела было снять с него обувь, но передумала, вспомнив, что в сновидениях он носит то же, что и в этом мире. Наверно, ему не понравится скитаться по чужому миру босиком. Анни ограничилась тем, что укрыла сына одеялом и задернула на окне занавески, а потом крадучись вышла, оставив Натана в объятиях сна — что бы там его ни ожидало. Она не стала звонить в полицию, и оттуда никто не беспокоил; впрочем, Побджой, несомненно, объявится утром. Примерно в полдесятого позвонила Лили Бэгот — чтобы сообщить, что их с Хейзл наконец отпустили домой. Девочку ни в чем не обвинили, а адвокат сказал примерно то же самое, что и Бартелми, только не столь миролюбиво. Лили, похоже, уже была на пределе: слезы перемежались со вспышками ярости. На предложение Анни прийти к Бэготам Лили ответила вежливым отказом и, поблагодарив за участие, сообщила, что Хейзл хочет поговорить. В трубке тут же послышался взволнованный голос девочки. Она спрашивала, дома ли Натан.

— Он тут, — ответила Анни. — Только сейчас он не может подойти к телефону. Он... отправился разыскивать Грааль, чтобы вернуть его.

Последовала недолгая пауза.

— Куда отправился? — сразу спросила Хейзл.

— В другой мир. Он... спит. Не бойся. Он не подведет тебя.

— Хорошо, — согласилась Хейзл и положила трубку.

Анни подумала, не позвонить ли Майклу, но никак не могла определиться, что стоит ему рассказать, а что — нет. К тому же на нее внезапно навалилась страшная усталость. Не заходя больше к Натану, Анни легла спать; несмотря на изможденность, сон не спешил приходить. Тревоги ее сосредоточились для разнообразия на другой проблеме — Рианне. Анни лежала в постели, гадая, где же настоящая Рианна — все еще колесит по Грузии или оказалась во власти неких потусторонних чар. Анни сама не заметила, как соскользнула в сон. Рианна явилась ей лежащей на кровати в разрушенном замке, погруженная на бессчетные лета в волшебное оцепенение, и ложе ее окружали кусты роз, образуя живую колючую клетку.

Натан летел верхом на собственном крылоящере, омываемый теплым воздухом ночной пустыни. На мальчике был защитный костюм, раздобытый Халме. Специальный сканер в ее покоях снял с Натана мерки — и всего через час заказанную одежду доставили. Она была без швов, из материала, напоминающего на ощупь металл, и к тому же струящегося, словно шелк; цвет ткани был синий с сероватым отливом — или, наоборот, серый с синеватым. К одеянию прилагались защитные очки, меняющие тон в зависимости от интенсивности света, как «Полароид».

— Тебе понадобится провожатый, — сказала Халме. — Такой, кому я могу доверять.

Натан даже не удивился, когда призванный Халме человек оказался Реймором, хотя прежде мальчику не приходилось видеть их вместе.

— Он охранял меня, — пояснила она, — когда я была совсем юной и, по мнению отца, нуждалась в телохранителе. Отец был всегда непреклонен в своих намерениях, зато Рей был добр. Иногда мы даже вместе смеялись. Он отдаст за меня жизнь, — заключила она: не восхищенно или тщеславно, а как бы походя, словно это была всего лишь банальная констатация факта.

Реймор узнал в Натане призрака, что когда-то сидел за ним на крылоящере, и испытал перед ним некий трепет. Халме заявила, что миссия Натана — страшная тайна.

— Грандир поручил это дело мне ввиду его чрезвычайной важности, — сообщила она. Хотя лицо Реймора скрывала маска, Натан почувствовал его сомнения. Халме тоже. — Он доверяет мне, как никому другому, — добавила она. Похоже, это немного успокоило Реймора.

И вот они взмыли над городом и летели, обгоняя медленные корабли, огибая изогнутые бока громадных зданий, подныривая под арки и поднимаясь над гребнями крыш. Несметные огни — из защищенных окон и высоких дверей, фар и висящих шаров — извивались, ныряли вниз и проносились мимо. Наконец город остался позади, а основные потоки движения распределились по северному и западному направлениям; Натан и Реймор же летели на юго-восток — туда, где не светился ни один огонек.

Несмотря на все свои тревоги, Натан не мог не получать удовольствия от полета. Поначалу, осознавая собственную полную материальность в этом мире, мальчик чувствовал себя верхом на узкой спине рептилии неудобно: ведь если бы он не

удержался, то неминуемо рухнул бы на землю. К тому же Натан сомневался, что сумеет совладать с крылоящером (как-то раз он катался на лошади, и та стойко игнорировала все его попытки управлять поводьями). Впрочем, по всей видимости, зверь с радостью летел за своим товарищем по команде, а лука седла оказалась довольно высокой, чтобы за нее ухватиться. Так что вскоре мальчик приспособился к ныряющему и кружащему полету. Внизу Натану почудились правильные очертания полей и длинные сводчатые постройки вроде теплиц, посверкивающие в свете двух лун (третья луна Эоса вечно запаздывала). По встроенному в шлем передатчику он спросил о них Реймора.

— Большую часть овощных культур мы выращиваем под экранами-фильтрами, — объяснил Реймор. — Редкие растения устойчивы к солнцу. В основном поля заполняет сорная трава и кукушкины слезки. С какой же ты планеты, если там до сих пор выращивают овощи под открытым небом?

— Вы все равно ее не знаете, — отозвался Натан.

Признаки культивации почв иссякли, и дальше потянулась голая пустыня — с перекатывающимися, подобно волнам, песчаными дюнами, бесформенная и непроходимая, изменчивая, как море. Казалось, они летели много часов, почти не разговаривая. Ночь приближалась, и две луны совершали каждая свой путь по небосводу. Наконец над горизонтом показалась третья и последняя — рассеченная темной дугой. Эта луна была краснее остальных, ярко-кровавая, в лучах ее ландшафт застыл, превратившись в каменистую поверхность: сглаженные непогодой гребни рвались вверх сквозь океан песка, древние русла прочертили в холмах глубокие разрезы, в которых притаились тени. Над головой звезды собирались в

соцветия, но их бледный свет не достигал земли: лишь луна господствовала на небе.

— Она называется Астронд, — сказал Реймор. — Красная Луна Безумия. Давным-давно, когда загрязнение впервые коснулось ее, изменив цвет, люди решили, что гуляния при такой луне приносят несчастье.

— И вы этому верите?

— Здесь не очень-то жалуют суеверия.

— И все же вы верите в магию, — возразил Натан, думая про себя, что одно неразрывно связано с другим.

— Мы используем силу. Магия, которую ты имеешь в виду — необузданная, дикая, — осталась в далеком прошлом. Мы приспособили и приручили ее.

— Тогда что же такое заражение?

Реймор ответил не сразу. Крылоящер качнул крыльями, слегка меняя направление, и единый взмах понес путешественников к югу.

— Люди сами породили его, — наконец проговорил Реймор. — Они неверно воспользовались силой, исказив ее во зло. Я бы сказал, что в результате магия нанесла ответный удар. Можно смотреть на вещи именно так. Мы думали, что можем править вселенной, лепить ее по собственному разумению. И мы бы преуспели, если бы не война и желание убивать.

— Почему всегда существуют войны? — спросил Натан. — Ведь если вы достаточно цивилизованны, то наверняка можно обойтись без них.

— Не знаю. Нам не удалось достичь такого уровня развития.

Они все летели и летели. Сероватая бледность над горизонтом на востоке высветила неровную линию гор. Реймор

подсчитал, что до пещеры они доберутся на заре, и Натан старался убедить себя, что показавшаяся горная гряда ему знакома. Его мысли поглотили воспоминания о чудовище, но мальчик надеялся, что в темноте удастся миновать его.

— Мы почти на месте?

— Еще примерно полчаса.

— А как мы проберемся мимо того ящера? Он будет спать?

— Гроккул слышит и чует чужое присутствие даже во сне, — равнодушно отозвался Реймор.

— Он увидит нас, если мы попытаемся проскользнуть мимо? — спросил Натан.

— Он видит то, от чего исходит тепло. Твое тело в глазах гроккула светится в темноте. Впрочем, как и днем. Я буду отвлекать его. Ты должен отправиться в пещеру один.

— Ведь вам грозит страшная опасность, — грустно проговорил Натан. Ему, если не Реймору, было хорошо известно, что вход в пещеру слишком узок для взрослого мужчины.

— Твоя миссия будет опаснее, — ответил Реймор. — Основная цель гроккула — охранять пещеру.

Воцарилось молчание. Натан изо всех сил старался набраться храбрости, но пока не слишком преуспел. Ему казалось, что Хейзл и камера в полицейском участке остались где-то невероятно далеко, а чудовище поджидает совсем близко. Наконец он произнес:

— Спасибо. Я имею в виду, спасибо за то, что помогли мне, рискуя жизнью. Что бы ни случилось. И удачи вам.

— Да пребудет с тобой удача, — отозвался Реймор. Натан знал, что таково традиционное ответное пожелание, и все же смутился еще больше.

Свет рос, охватывая небосвод, окрашивая пустыню в серый цвет. Астронд, который утро застало висющим над горизонтом на западе, все еще источал бледное красноватое сияние. Натану показалось, что он наконец различает поверхность утеса, скрывающего пещеру, и неправильной формы холм с двойным рядом треугольных камней. Внутри у мальчика все непроизвольно подпрыгнуло; он уже мечтал о том, чтобы они летели не так быстро. И все же свет обогнал их. Краешек солнца показался над горами, омыв песчаный пейзаж цветом и тенями. Теперь склон холма очутился почти прямо под путешественниками. Натан попробовал угадать очертания лежащего чудовища — широкую приплюснутую голову и распластанные лапы; ему почудилось, что он различает бугры глаз. В остальном маскировка монстра была столь идеальна, что мальчик едва не поверил в отсутствие ящера. Диких крылоящеров видно не было.

— Натяни поводья! — приказал Реймор и резко нырнул вниз, к скалам.

Видимо, Натан потянул слишком сильно, потому что его рептилия резко забрала влево. Развернувшись, Натан увидел, как Реймор пролетел низко над землей, вернулся, снова пролетел — еще ниже, чем прежде.

— В следующий раз, — предупредил он Натана по переговорнику, — подлетаешь с другой стороны, быстро и низко, спрыгиваешь и бежишь к пещере. Не волнуйся за своего крылоящера: он сам о себе позаботится. Готов?

«Нет», — подумал Натан.

Реймор разогнался и камнем бросился вниз. Натан, замешкавшись, слишком поздно понукнул своего ящера; и тут земля зашевелилась и вздыбилась, с громадной сорокафутовой морды заструился песок. Натан видел, как чудовище

встряхивается, словно проснувшийся вулкан, вздымая облака пыли. Наверняка крылоящер Реймора на миг ослеп, хотя дополнительные веки должны были защитить глаза от повреждения. Натан описал петлю, вернувшись на прежнее место, недоумевая, что делать дальше, и взмах гигантского хвоста застал его врасплох, нанеся косой удар по его крылоящеру. Наездника и его животное бросило в сторону; мальчик едва не упал, в последний момент схватившись за седло и удержавшись. Ящер, более мудрый, чем его наездник, ударил крыльями, набирая высоту, спасаясь от взрывающегося песка и молниеносных движений хвоста. Натан подтянулся и выпрямился в седле, испуганно озираясь в поисках Реймора.

Его провожатый ухитрился избежать чудовища и парил чуть за пределами досягаемости монстра. Синий язык выстрелил, но не достал. Громадная голова раскачивалась, переводя взгляд с Реймора на Натана в ожидании, пока добыча приблизится. Чудовище каким-то образом понимало, что не нужно удаляться от входа в пещеру.

— Простите меня, — сказал Натан. — Я слишком медленно соображал. Испугался...

Как ни удивительно, то, что он находился на волосок от смерти, несколько уменьшило страх. Теперь мальчик сосредоточился и был готов действовать.

— Это естественно, — заметил Реймор. — Я тоже испугался...

— И что нам теперь делать?

— Попробовать снова. На сей раз я скоманую. Не двигайся, пока я не скажу, а потом двигайся, причем очень быстро.

— *На' ка'*, — ответил Натан (что на языке Эоса примерно соответствовало «о'кей»). Он следил за тем, как от-

ступает Реймор, поднимаясь и удаляясь от гроккула. Монстр наблюдал за мужчиной правым глазом, не сводя с Натана левый — пораненный во время их предыдущей встречи. Потом, обрадовавшись, что Рей улетел, чудовище обернулось в поисках другой пищи. Натану понадобилось все его мужество, чтобы не пришпорить крылоящера и не взмыгть вверх. Надеясь, что он находится на достаточном расстоянии от чудовища, Натан ожидал сигнала, на сей раз твердо намереваясь ничего не испортить. Далеко за спиной гроккула Реймор развернулся, выровнялся — и бросился вниз.

Нырок был столь стремителен, что крылья животного со свистом рассекли воздух. С невообразимой для таких размеров быстротой голова дернулась назад.

— Давай! — закричал Реймор.

Натан уже и сам уловил момент. Мальчик устремился прямо к расщелине, ведущей в пещеру, — земля неслась на него, он буквально чувствовал кожей, как над головой творится нечто ужасное, как беззащитно быются оконечности крыльев, как смыкаются челюсти. Натан не смел глянуть вверх. Он покатился прочь из седла, несколько раз перекувыркнувшись, потом поднялся на ноги и бросился к пещере. Сзади раздался сильный удар, вызвавший камнепад; следом послышался вопль. Нечеловеческий вопль. Мальчик прыгнул в темноту; извиваясь, пробрался меж каменных стен; покачиваясь, сделал несколько шагов; потом остановился и повернулся.

Натан знал, что сейчас откроется его взору. Он выглянул из пещеры: широкая голова находилась слишком близко, не давая расслабиться; изо рта чудовища высовывались еще подергивающиеся хвост и сегмент крыла. Реймор исчез. Чудовище тщательно пережевывало какой-то неподдающийся

кусочек. С кашляющим звуком оно вдруг выплюнуло кусок металлизированной ткани, извергнув фонтан крови. Несколько капель долетели до входа в пещеру, забрызгав комбинезон Натана. Мальчик не шевельнулся. Его тошнило от отвращения и ужаса, а больше всего — от сознания собственной вины. Реймор умер за него. Молнией в мозгу мелькнула мысль: Халме ожидала этого и все же сама отдала приказ, только от этого Натану легче не стало. Его крылоящер лежал, раздавленный громадной лапой, пригвожденный к земле метровым когтем. Животное в последний раз судорожно дернуло ногой и замерло. Гроккул прожевал пищу, проглотил и, опустив голову, принялся раскачивать ею туда-сюда, стараясь заглянуть в пещеру. Натан пожалел, что у него при себе нет оружия (желательно ядерного).

— Однажды я тебе покажу, — бессильно пригрозил он.

Мальчик отступил назад, в темноту; потом, сдвинув на лоб очки, достал из внутреннего кармана раздобытый для него Халме фонарь и включил его.

Вместо обычного направленного луча с одного конца лампы образовалась крошечная сфера, которая освещала все вокруг, как свеча, только гораздо ярче. Натан держал фонарь перед собой, наблюдая, как на ребристых стенах пещеры пляшут тени и цветные прожилки расцвечивают скалу, словно водяные знаки.

Через несколько поворотов проход вывел мальчика в главное помещение: свет фонаря выхватил три ниши в дальней стене, несомненно, высеченные рукой человека, пускай грубо. Каждое углубление было забрано металлической решеткой. И все оказались пусты. Но на земле рядом с ними, прислонившись к поверхности камня, лежало нечто — *некто*. Натан узнал ее только потому, что это могла быть лишь она.

Оставшаяся кожа была красной и растрескавшейся и сочилась кровью. Ожог не просто вызвал волдыри: казалось, почти все ее тело покрыто гноем и засыхающими струпьями. Мальчик приблизился к женщине и увидел, что ее глаза открыты и осмысленны. Взгляд Натана заволокло слезами. Он принялся рыться за пазухой в поисках бутылки воды, неосознанно что-то приговаривая. «О Боже! Боже милостивый... простите меня... Я старался вернуться, я хотел вернуться сразу же, но не смог. Я не хотел оставлять вас одну. Я же говорил, что не контролирую свою силу, просто следую туда, куда она ведет меня. Вот выпейте».

Он направил тонкую струйку воды между приоткрытых лохмотьев губ. Держать бутылку и фонарь одновременно оказалось не так легко, и на миг Натан подумал, не дать ли лампу женщине. Однако руки Кванжи судорожно сжимали какой-то предмет, так что мальчику пришлось поставить фонарь на пол. Натану удалось дать ей еще немного воды; горло женщины дрогнуло в глотательном движении.

— Вам нужен врач, — сказал он то, что было и так очевидно, ощущая себя глупым и беспомощным. — Я должен как-то вытащить вас отсюда.

Но его крылоящер был мертв, а гроккул поджидал снаружи; и солнце жгло землю убийственными лучами. Мальчик мог бы настроить свой переговорник, чтобы связаться с Халме, однако та предупредила его, что вызов по дальней связи будет обязательно перехвачен, а Кванжи Лей — сбежавшая из тюрьмы преступница. И все же тюрьма лучше смерти...

— Слишком поздно. — Голос Кванжи превратился в каркающий хриплый шепот. — От этого... нет лекарств. — Она опять сглотнула, по лицу пробежала судорога боли. —

Я знала, что рискую. Лучше уж умереть здесь, вот так... чем жить в Яме.

— Наверно, у вас бред, — пролепетал Натан.

— Уже нет. Нервы в основном... мертвы.

Натан дал Кванжи еще воды, надеясь, что это хоть как-то облегчит ее страдания. Он не знал, чем еще может ей помочь. Женщина продолжала говорить; каждое слово давалось ей с видимым трудом.

— Хорошо... что ты пришел. Ты должен забрать его... забрать. — Кванжи попыталась пошевелить рукой, но, очевидно, движение требовало слишком больших усилий. Натан опустил взгляд и понял, что она держит, — именно этот предмет женщина старалась передать ему. Будь у мальчика побольше времени для раздумий, он бы раньше догадался, что она сжимает в объятиях; но все его мысли были заняты только самой Кванжи. Руки ее лежали, сцепившись на драгоценной добыче. Ей не хватало сил разомкнуть их. Натану пришлось разжимать пальцы Кванжи один за другим.

— Отнеси его, — продолжала она, — к Осске. Он должен знать... Заклинание.

— Кто он? Как мне найти его?

— Мой отец. — Прежде Кванжи не упоминала об отце — лишь о деде. В болезненной судороге, пробежавшей по ее лицу, Натану почудилась попытка улыбнуться. — Он не одобрял... Не важно. Ты отыщешь его во сне.

— Я не уверен в этом, — в отчаянии проговорил Натан. Мальчик должен был забрать Грааль в свой мир, только он не мог сказать ей это теперь, когда она умирала.

— Ты нашел меня, — произнесла она. — Сама судьба ведет тебя.

— А остальные предметы — венец, меч... Где они? Разве им не положено быть здесь?

Она слегка качнула головой — выражая отрицание или недоумение.

— Нашла только... чашу. Решетка была закрыта... я знала слово освобождения. Дедушка... рассказал мне. Думаю, ты... найдешь остальное. Надеюсь... — Голос ее слабел, дыхание затруднялось.

Натан взял Кванжи за руку — и тут же отпустил, боясь причинить еще большую боль. Но женщина сама вернула свою руку в его.

— Избранный, — прошептала она. — Ты... избран, чтобы спасти нас...

Он чувствовал, как Кванжи цепляется за эту мысль — потому что больше ничего не осталось; она придавала смысл последним мгновениям ее жизни. Он не верил в правоту Кванжи, но не смел возражать ей. Больше она не пыталась говорить. Некоторое время — Натан не знал, как долго: быть может, несколько часов, — они просидели молча. «Я жду, когда она умрет», — с ужасом подумал Натан. Но ведь оставить ее умирать одну было бы еще ужаснее. К тому же мальчик понятия не имел, как теперь возвращаться в Аркатрон, не говоря уже о собственном мире. Наверняка отсюда в просевшую часовню в Темном лесу имелся проход, только Натан не представлял, как им воспользоваться. Он не видел решения проблемы, так что предпочел хотя бы временно выбросить ее из головы. Неожиданно ему вспомнился рассказ Анни о том, как она сидела у постели Даниэля, которого мальчик считал своим отцом, а жизнь тонкой струйкой вытекала из него; просто сидела и ждала до конца. Тогда Натан сказал матери: «Наверно, это было ужасно». А она ответила: «Од-

нажды и тебе предстоит сидеть вот так рядом с кем-то — быть может, со мной; а если тебе повезет, то и с тобой в такую минуту рядом кто-нибудь будет. Смерть наполняет смыслом жизнь, и, деля общую участь, мы принимаем ее, смотрим ей в лицо без страха; быть может, перешагнув ее, мы войдем в более широкий мир».

Он ждал, чтобы разделить с Кванжи Лей ее смерть.

На следующее утро Анни проснулась рано: на сознание тяжким грузом давила ответственность. Натан — и полиция... (и где-то на заднем плане — заставившее бешено стучать сердце воспоминание о поцелуе с Майклом). Анни погрузилась в привычные хлопоты: умылась, оделась, заварила чай и поджарила тосты к завтраку; она не торопилась будить Натана — ведь это приблизило бы момент звонка инспектору. Быть может, во сне сын уже отыскал Грааль? Правда, тогда Побджой окончательно утвердится во мнении, что чашу украл мальчик, даже если откажется от предъявления обвинений. Нелепый парадокс! Возвращение чаши означало бы конец преступления, однако в глазах закона оно лишь подтвердило бы его вину. Какое-то время она никак не могла отделаться от этой мысли, хотя понимала, что пустыми тревогами делу не поможешь. Остается всегда стараться поступать правильно и не обращать внимания на то, как на тебя посмотрят другие. Ведь подростков редко серьезно наказывали даже за беспричинный вандализм или бытовые кражи, так что вряд ли к Натану и Хейзл отнесутся сурово, принимая во внимание, что они действовали из благородных побуждений...

Когда Анни очнулась от размышлений, на часах было почти девять. Из комнаты Натана по-прежнему не доноси-

лось ни звука. Она подошла к его двери и постучала, потом позвала и наконец вошла.

Кровать была пуста.

Анни точно знала: Натан не спускался. В ее нынешнем беспокойном состоянии она бы проснулась от легчайшего шороха. Кроме того, он всегда примерно заправлял постель — а сейчас выбившееся одеяло лежало комком, на оставшейся не взбитой подушке сохранился отпечаток головы. «Он бы свернул одеяло, — рассуждала Анни, — и переоделся. И обязательно оставил бы записку». И тут она наконец-то обратила внимание на то, что со стены сорван Знак Агареса.

Анни побежала вниз и схватила трубку телефона.

Бартелми не было. Включился автоответчик, предлагая оставить сообщение; Анни попыталась говорить связно, а не бессмысленно лепетать: «Натан исчез. Как я вам уже говорила, он лег спать рано — чтобы попытаться во сне отыскать Грааль. Из дома он не выходил: я бы услышала. Когда он встает раньше меня, я почти всегда слышу. Постель вся скомкана, как будто он все еще там, но его нет. Знак, который вы для него начертали, раньше висел на стене над кроватью, а теперь сорван. Я не знаю почему. А вдруг он не вернется. Пожалуйста, перезвоните мне. Пожалуйста, перезвоните!»

Положив трубку, она стала ждать, то и дело бросая взгляд на часы; никто не звонил.

К десяти часам Анни потеряла всякое терпение. Ей нужно было выговориться, пойти куда-то, что-нибудь предпринять. Она заперла лавку и пошла в Дом-на-Реке.

Кванжи закрыла глаза — Натан решил было, что она незаметно ускользнула прочь; но вот они распахнулись вновь: прежде налитые кровью, они словно бы прояснились и засияли — или то было лишь в воображении мальчика. Женщина

одарила его взглядом, проникшим в самую глубину, заглянувшим в сознание, в душу; потом вздохнула — едва слышно даже в мертвой тишине пещеры; и взор ее потух. Позднее Натан вспоминал: «Там были люди. Я не видел их, но они там были. Не думаю, что тогда я ощущал их, зато теперь я их помню. Они пришли за ней». А сейчас мальчик остался один.

Натан снова прикрыл Кванжи глаза (он видел, как это делали в телевизионных фильмах) и стал размышлять, не следует ли уложить тело как-нибудь более официально, скрестив руки на груди. Почему-то он не видел в этом действии особой необходимости. Кванжи полулежала, прислонившись к стене пещеры, и казалось, что так ей удобно, пусть даже теперь некому было ощутить этот уют. Потом Натан поднял Грааль и хорошенько рассмотрел его при свете фонаря. Мальчик почти ожидал, что чаша засветится от его прикосновения, как то видение в часовне, или наполнится кровью; однако камень, хотя оттертый до идеального состояния и отполированный до тусклого блеска, отражал лишь свет лампы, падающий на дугу сосуда. Внутри тоже ничего не было. Один-два драгоценных камня поблескивали в завитках узора, словно мигающие глаза затаившегося зверя. И больше ничего. Наверняка, рассудил Натан, гномоны последовали за чашей; он стал прислушиваться в ожидании змеиных голосов, выползающих из теней пещеры, однако ничего не услышал. Мальчик не знал, что, хотя озмоси могут мигрировать из мира в мир, улавливая мозговые волны, Врата — законный проход между состояниями бытия — запретны для них, потому гномоны избегают умирающих и мертвых и никогда не убивают, лишь вселяя страх или безумие. Смерть им враждебна. Но Натан понимал только одно: их рядом не было. Он долго и неотрывно смотрел на Грааль, испытывая благоговение перед его древностью, перед легендарной мощью, которой он обладал, и

силой, по слухам, заключенной в нем; если в глубине камня и жил какой-то дух, то он оказался сокрыт. Наконец мальчик спрятал чашу внутри комбинезона, от чего тот несимметрично вздулся; кромка сосуда больно врезалась в бок. Натан сделал глоток воды — в бутылке почти ничего не осталось — и стал осторожно пробираться к выходу из пещеры.

Даже сквозь защитные очки солнце слепило глаза. Время, похоже, приближалось к полудню: сияние висело прямо над головой, выбеливая синеву неба, ужимая тени до клочков и рытвин на бесцветном ландшафте. Громадная туша гроккула растворилась в окружающем пейзаже, слившись с песком и камнем. Натан знал, что ящер по-прежнему там: он смог различить двойной ряд позвоночных шипов; только почему-то теперь угроза казалась ему почти нереальной. У входа в пещеру валялось несколько лоскутов ткани; пятна крови давно испарились. «Я в ловушке, — подумал Натан. — Даже если я проберусь мимо гроккула, мне не на чем добраться до города — а ведь он в сотнях миль отсюда. Костюм защитит кожу от солнца, но жара прикончит меня прежде, чем я пройду хотя бы милю...» Единственное, что оставалось Натану, — лечь спать и попытаться вернуться домой тем же путем, что он прибыл сюда.

Возвратившись в пещеру, он обследовал ниши, просовывая пальцы между прутьями решеток: камень не дрогнул. Потом Натан подошел к Кванжи и поцеловал ее распухшую руку, запоздало подумав, что стоило сделать это раньше. Мальчик перебрался ближе к выходу и привалился к стене на полу примерно в том же положении, что и Кванжи; закрыв глаза, он принялся искать в сознании портал, который доставил бы его назад. Хотя вскоре Натан нашел то, что искал,

теперь лоскуток необычного цвета сделался темным и непрозрачным, без эффекта рябящего снега. Как будто подходишь к двери, а та заперта, и нет ни ручки, ни ключа: он мысленно стучал по дощечкам, а дверь все не поддавалась. Натан не заметил, как уснул.

Проснулся он все в той же пещере. Снаружи солнце клонилось к закату. Шея затекла от долгого лежания в неудобном положении. Страшно хотелось пить. Мальчик допил остатки воды и встал, потом выбрался сквозь узкое горлышко пещеры и остановился перед входом. Он не мог просто так сидеть и ждать смерти, надо было попытаться хоть что-то предпринять, даже если его попытки не принесут результатов. В любом случае — лучше уж быстро, чем долго и мучительно. Вдруг сила чаши поможет ему...

Так Натан стоял под защитой утеса, по крупицам собирая оставшееся мужество и наблюдая, как солнце медленно сползает по небу вниз, за границу, очерченную горами.

Эрик приноровился ночевать в задней комнате антикварного магазина, охраняя сокровища Ровены. По крайней мере такова была его официальная версия. Несколько раз, получив приглашение, он поднимался обедать или ужинать наверх, хотя в прочее время стеснялся вторгаться в личное пространство миссис Торн. Зато Эрик и Ровена часто вместе завтракали в задней комнате, просматривая утреннюю газету — разумеется, «Телеграф»; он засыпал хозяйку вопросами о Тони Блэре и последствиях войны и о том, как устроен мир.

В тот день Ровена с самого утра взялась за телефон: она обзванивала знакомых, все еще не оставляя надежды напасть на след похищенной чаши. Потерпев очередное разочарова-

ние в беседе с агентом в Оксфорде, миссис Торн пустилась в традиционный обмен любезностями и замечаниями о летней погоде. «Да, в день ограбления у нас тут пронеслась ужасная буря, зато с тех пор дни стоят очень жаркие... Да, неудачно вышло... если бы не погас свет, у вора бы вряд ли получилось... Ей-богу, карлик. Полиция хочет, чтобы я сказала, что видела ребенка, но я-то пока доверяю собственным глазам: тогда это был бы совсем малыш... Убежал в лес. Дети бросились за ним, но карлику удалось улизнуть под дождем. Да, лило, как в сезон тропических дождей. У вас нет? Вам повезло...»

Положив трубку, Ровена поведала:

— У них в Оксфорде не было никакой бури. Везучие! Похоже, она пронеслась только здесь, как будто кто-то ее наколдовал.

— Возможно, — заметил Эрик. — Сила способна на многое. Контролировать погоду — властвовать над умами.

— Ты веришь, да? — спросила у него Ровена. — Иногда тебе почти удается меня убедить. Как-то все это странно. — Она подлила себе в чашку еще чаю, а Эрику — кофе, к которому тот неизменно пристрастился. — Похищение чаши, которую все равно не удастся продать, и непонятная смерть фон Гумбольдта — как теперь выяснилось, по естественным причинам... слишком много всего не вписывается. Всякие мелочи не дают мне покоя... — Ровена замолчала. Потом принесла еще один кофейник. — В том последнем разговоре было что-то, что не совсем...

— Думаете, они лгут? — спросил Эрик.

— Ничего подобного. Просто какая-то фальшь. Мать твою, никак не соображу. Оно где-то там, а я не отыщу, что же не складывается.

— Что это за «мать-твою» такой, которого вы все время поминаете? — поинтересовался Эрик. — Я часто слышу это слово, но не могу уловить его смысл.

— Это бранное слово, — объяснила Ровена. — Люди пользуются им, когда рассержены.

— А что оно означает?

Ровена подробно разъяснила смысл выражения. Похоже, Эрика он сильно удивил.

— В моем мире тоже существуют бранные слова, только совсем другие. Мы пользуемся специальными словами, обозначающими предания, коррупцию, неправду. То, чем люди занимаются в постели, вовсе не зазорно. Я должен пользоваться этим словом?

— Конечно, нет, если оно тебе не по вкусу, — ответила Ровена. — Пользуйся любыми словами, которые тебе нравятся.

Предоставив таким образом Эрику возможность выбора, миссис Торн вернулась к мучившей ее проблеме, яростно сверля взглядом неизвестную точку пространства. Вдруг лицо ее переменялось. «Однако... как странно. С чего бы ему?..» Она взяла трубку и перезвонила в Оксфорд:

— Еще раз извините за беспокойство. Я должна справиться о погоде. Вы уверены, что в тот день дождя не было? И нигде в округе?

Ровена положила трубку и взглянула на Эрика.

— В тот день в окрестностях Оксфорда вообще не было дождя.

Эрик что-то бормотал себе под нос — видимо, подбирал подходящие ругательства.

— Фантазия! — попробовал он. Потом заметил, обращаясь к Ровене: — Я говорил вам, что буря неестественная. Кто-то сотворить плохую погоду.

— Дело в другом. — Еще с минуту Ровена размышляла, потом набрала другой номер. Похоже, никого не было дома.

— Вы расстроены, — заметил Эрик, наблюдая за выражением лица Ровены. Ее озабоченность отразилась и в его чертах. — Кому вы звоните?

— Анни. — Она с видимым усилием постаралась стряхнуть тревожные мысли. — Не обращай внимания. Ничего особенного. Пора открываться. — Продавец взял отгул на день, и Ровена не собиралась тратить время на прояснение мелких несоответствий. Эрик приступил к работе, для начала занявшись полировкой орехового приставного столика, а Ровена решила подумать о чем-нибудь другом.

Через полчаса она снова набрала номер Анни — и опять безуспешно. Позвонила Бартелми и услышала автоответчик. Потом закрыла магазин.

— Пошли, — сказала она Эрику. — Мы едем в Иде. Может быть, я делаю из мухи слона, но сдается мне, что-то здесь не так.

— А что за «слон»? — спросил Эрик, как только они забрались в мини-фургон — излюбленное транспортное средство Ровены. — Он опасен?

— Не знаю. У нас один труп — два, если считать Эффи Карлоу, — и пропавший Грааль, и... Зачем так по-идиотски врать?

— Что врать? — забеспокоился Эрик. — Кто врать? Ровена объяснила.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Комната Синей Бороды

Колдовской огонь поведал Бартелми немногим больше того, что ему уже было известно, и под своей обычной внешней невозмутимостью он ощущал всевозрастающее беспокой-

ство. По некотором размышлении у Бартелми родилась идея: та же, что прежде пришла в голову Натану. «Лесной человек, — объяснял он Гуверу, натягивая сапоги, — старый приятель Натана. Если кто-то что-то и видел, так это он. Нет, тебе со мной нельзя. Ты его напугаешь. Я пойду один».

Некоторое время он блуждал среди деревьев подальше от тропинки, довольно тихо для столь крупного человека. Лишь изредка под ногой щелкала веточка, да едва шелестели опавшие листья. Птицы наблюдали за Бартелми, но не издавали тревожных трелей. На границе Темного леса человек подошел к старому дубу, поваленному грозой много лет назад: теперь от него осталась лишь пустая кора ствола, заселенная колониями насекомых и растений-паразитов, оплетенная зарослями крапивы. Разыскивая Лесовичка, Натан дважды проходил мимо дерева-великана, но не догадался заглянуть внутрь. Бартелми посмотрел внутрь сквозь трещину в коре, чуть отошел назад и присел на склон неподалеку. Там неподвижно и терпеливо он ждал, пока дерево не свыкнется с его присутствием. Через некоторое время Бартелми поднялся на ноги и стал подступать ближе — медленно и совершенно беззвучно. Раздвинув крапиву огрубевшими, привыкшими руками, он расчистил путь к самому сердцу дерева. Сквозь трещину Бартелми разглядел нечто похожее на кучку согнутых веточек, полузарывшуюся в клочки листвы и древесную труху. Существо сидело неподвижно, в оцепенении, повернув удлиненную голову в профиль и глядя на Бартелми одним темным, без белка, глазом.

Вспомнив, как называл лесного жителя Натан, Бартелми тихо позвал:

— Лесовичок?

Если представить, что нечто уже застывшее могло стать еще более застывшим, то Лесовичку это удалось. Бартелми показалось, что у существа перестало биться сердце.

— Я друг Натана, ты же знаешь. Я твой друг. Долгое время мы жили бок о бок, не тревожа друг друга. Я всегда знал о твоём присутствии. И никогда тебя не беспокоил. Я желаю тебе добра, маленький. Не надо меня бояться.

Лесовичок по-прежнему молчал, но Бартелми показалось, что его сердце снова забилося — тоненьким трепещущим стуком, недоступным для человеческого уха.

— Я знаю, ты в беде, — продолжал Бартелми, стараясь говорить очень-очень тихо и мягко. — Я смогу тебе помочь.

Лесовичок подпрыгнул, словно кузнечик, ударившись головой о кору дерева, и забился как можно глубже в дупло, стараясь слиться с древесиной, трухой и тенью. Да только глаза Бартелми давно научились различать тех, кто хочет казаться незаметными.

— Все хорошо, — продолжал успокаивать Бартелми. — Я смогу защитить тебя. Приходи ко мне домой. Можешь некоторое время пожить у меня в саду. Никто не войдет туда без моего разрешения.

Не считая карлика-вора — но с тех пор Бартелми принял все меры предосторожности.

— Оно найдет меня, — наконец проговорил Лесовичок тише, чем самый тихий шепот.

— Не найдет, если ты пойдешь со мной, — сказал Бартелми со сдержанным авторитетом. — Я обладаю силой: ты чувствуешь это. В моем саду ты будешь в безопасности.

— Натан не может помочь, — сказал Лесовичок. — Он искал меня, но я испугался... Он не может помочь. А оно могло отправиться за ним.

— О Натане я позабочусь, — пообещал Бартелми. — Ты шел по лесу за человеком, верно? За человеком в сером. Думаю, ты следил за ним по просьбе Натана. Ты видел, что его убило. Потому теперь боишься.

— Вода, — еще тише прежнего прошелестел Лесовичок, словно боялся, что их подслушает ветер. — Оно выглядело как человек, но состояло из воды. Оно утопило человека своими пальцами. Оно согнало его с дороги и ударило о дерево, а потом утопило.

— Оно видело тебя?

— Видело. Я побежал, а оно бросилось за мной. Я прятался, а оно искало. Потом его позвал другой человек: «Ненуфар».

— Значит, там был еще один человек?

Бартелми быстро пошел обратно в Торнхилл; Лесовичок едва за ним поспевал.

— Не отходи далеко от стен, — предупредил Бартелми, — оставайся в палисаднике. Ничто злое не приблизится к нему. Я прослежу, чтобы пес тебя не донимал.

Похоже, Лесовичок немного успокоился — словно, поведав Бартелми о случившемся, он сбросил с себя тяжкую ношу. Человек, не оглядываясь, вошел в дом, зная, что Лесовичок сам прекрасно обустроится. «Еще один беженец, — с тенью улыбки подумал Бартелми. — Один выезжает, другой въезжает. Интересно, кто следующий?»

Ему было над чем поразмыслить. *Ненуфар* — слово, по-французски означающее «водяная лилия». Но на языке магии оно имело иное значение: «морской цветок» — с множеством ядовитых щупалец, прекрасный и смертоносный. Несомненно, таково было одно из имен неуловимого водяного духа — имя, которым пользовался человек, призывав-

ший его, управляющий им, приказавший убивать. Смертельное сотрудничество в поисках Грааля Лютого Торна... Разумеется, Лесовичок не опознал человека. Однако Бартелми догадывался, о ком идет речь, — и его это не слишком радовало.

Гувер встретил хозяина на кухне повелительным лаем.

— Что такое? — спросил Бартелми.

Пес протрусил в гостиную и снова гавкнул — на мигающий огонек автоответчика. Бартелми отмотал назад сообщение Анни и попробовал перезвонить; никто не ответил.

— Может быть, она уже идет сюда, — вслух подумал он. — Не важно. Главное — сделать для Натана все, что в наших силах. Сейчас Анни сама о себе позаботится.

Солнце спустилось ниже, и тень утеса на песке вытянулась. Натан стоял вблизи каменной стены, собираясь сделать последний отчаянный рывок и раздумывая, в какую сторону бежать. Ведь Кванжи удалось проскользнуть мимо грокула — значит это возможно. Нужно было спросить, как у нее это получилось, какой дорогой шла, запоздало размышляя мальчик. Он обдумывал возможность отправиться в путь, выставив Грааль перед собой, в надежде, что магия обеспечит ему хоть какую-то защиту. В преданиях волшебные предметы при подобных обстоятельствах всегда... проявляли свою силу. Таково было их предназначение. Натан взглянул на чашу при свете дня: в ослепляющих лучах солнца она как будто сжалась, лишилась своего зеленоватого оттенка, витой узор казался почти истертым, а несколько украшающих ее драгоценных камней потускнели, словно простая галька. Мальчик мечтал увидеть, как Грааль начнет излучать священное сияние, обжигающее каждого, кто дотронется до него;

или как из чаши вырвется вспышка молнии и испепелит гроккула. Но сосуд выглядел слишком обычным, слишком похожим на простую чашу, и Натан подумал, что, даже будь у него подобные свойства, чтобы воспользоваться ими, для начала нужны слова заклинания. Мальчик вспомнил, что проносил Грандир в комнате с хрустальными сферами: «*Фиа!*» Ничего не произошло. Он убрал чашу за пазуху и вернулся к изучению местности.

В какой-то момент, когда Натан взглянул на небо, ему показалось, что в глазах пляшут темные пятнышки, — наверное, от очень яркого солнца, поначалу решил он. Однако пятнышки не спешили рассеиваться: они увеличивались и темнели, лениво ловя восходящие потоки, постепенно превращаясь в силуэты с крыльями, стрелчатыми хвостами и заостренными мордами. Дикие крылоящеры! Белый вожак летел первым; остальные были черными или пегими. Одна из рептилий неожиданно нырнула и схватила какую-то мелкую тварь, копошившуюся в песке. «Однажды они уже выручили Кванжи, — подумал Натан. — Может, даже дважды. Вдруг они помогут и мне?» Он ощутил новый прилив надежды; забыв о дремлющем монстре, Натан принялся размахивать руками и кричать им, хотя прекрасно сознавал, что крылоящеры не понимают человеческого языка.

Рептилии продолжали кружить в небе, выискивая на земле добычу, не обращая на человека внимания. Вот двое крылоящеров одновременно спикировали и приземлились на соседние валуны — часть изогнутого позвоночника гроккула; они принялись ссориться, щелкая клювами и ударяя хвостами по земле, — очевидно, не поделили только что пойманную добычу.

Внезапно песок под ними вздрогнул и заструился; Натан предупреждающе вскрикнул; голова чудовища отделилась от пустынного наста и развернулась. Остальные крылоящеры разом бросились вниз; они кидались на монстра, полосую непроницаемую шкуру зубастыми клювами и когтистыми лапами. Несколько мгновений Натан смотрел на них словно завороченный; потом, опомнившись, бросился бежать. Земля сотрясалась под ударами чудовищного хвоста и громадных лап; все внимание гроккула теперь было поглощено крылоящерами. Натан бегом кинулся вниз по склону и прыгнул в пересохшее русло ручья. В этом скудном убежище он перевел дух и оглянулся.

Его исчезновения по-прежнему не замечали. Синий язык гроккула выстреливал, раскручиваясь, словно бечева плети; только стая хорошо знала своего врага и двигалась слишком проворно для него. Натан хотел бы остаться, чтобы поболтать за крылатых рептилий, хотя понимал, что те не смогут серьезно ранить чудовище; но нужно было двигаться дальше. Он сомневался, что сумеет далеко уйти: расстояние до Аркатрона было слишком велико, а у него не осталось ни еды, ни питья. И все же, как знал Натан из программ о природе, ни одна пустыня не может быть совершенно пустынной: кактусы накапливают влагу, и, вероятно, здесь есть насекомые, которыми можно прокормиться — в случае крайнего голода. И наверняка Халме пошлет кого-нибудь на поиски, если он не вернется. Мальчик шел вдоль пересохшего русла, сверяя направление по солнцу и надеясь, что с наступлением темноты луны помогут ему не слишком сбиться с пути.

Дорога спускалась в ложбину, где давно исчезнувшая река когда-то пыталась высечь в камне неглубокую долину; ска-

листые берега скрыли из вида то, что происходило у пещеры. Прохладная тень приняла мальчика в свои объятия. И тут, обогнув излучину реки, Натан обнаружил, что путь ему преградил белый крылоящер; зверь стоял посреди русла, сложив крылья и склонив голову, искоса глядя на человека красным глазом. Пробравшийся в ущелье луч солнца заиграл на неразличимой для глаза чешуе. Натан остановился.

— Спасибо за помощь, — сказал он. Анни всегда подчеркивала чрезвычайную важность учтвого обращения. Натан надеялся, что если не сами слова, то их смысл будет понятен животному.

Крылоящер не сдвинулся с места.

Натан хотел было обойти его или вернуться немного назад и выбраться из ложбины, но в конце концов подумал, что так поступать невежливо. Кроме того, ящер умен: если он намерен найти мальчика, от него не скрыться. Натан подошел ближе. Рептилия была гораздо меньше прирученных собратьев и все же во много раз крупнее мальчика. И еще дикий ящер казался наблюдательнее, стремительнее и осторожнее своих ручных сородичей. В облике его было что-то от дракона. Голова животного повернулась, и он принялся изучать Натана уже другим глазом, этой манерой напомнив мальчику Лесовичка. Тогда человек подошел прямо к зверю и положил руку ему на шею. Плечи опустились, склоняя крылья.

— Ладно, — согласился Натан скорее сам с собой, чем с рептилией. — Полетели.

Мальчик перекинул ногу через спину зверя и уселся верхом впереди плечевых суставов — туда, где у ручных крылоящеров крепилось седло. Держаться было не за что: ни луки, ни поводьев; Натан с ужасом подумал, что придется наде-

яться на собственное чувство равновесия и ухватиться за шею зверя. И тут земля содрогнулась, а кашляющий рык гроккула стал приближаться, все нарастая...

Натан что было сил ухватился за крылоящера; тот захопал крыльями, подняв ветер, встал на дыбы — и почти вертикально взлетел над ложбиной. Широкая голова гроккула вздымалась прямо впереди, устремляясь на них, словно воздушный корабль, разверзнувший громадную утробу с множеством разнокалиберных зубов. Чудовище высунуло язык — мускулистую ленту в фут толщиной; испещренная рытвинами поверхность блестела липкой, как клей, слюной. От смрада, исходящего изо рта с застрявшими в нем частичками прошлых обедов, Натана затошнило. Крылоящер резко повернул; мальчик почувствовал, что соскальзывает, и мертвой хваткой вцепился в бока животного; синий язык со свистом промчался мимо, чуть-чуть промахнувшись; слюна брызнула на костюм. И тут они взмыли вверх, к небесам. Далеко позади остальные крылоящеры издали победный клич, а гроккул взревел, и удары его хвоста подняли в пустыне песчаную бурю.

Натан не сразу осмелился ослабить хватку и попытаться сесть ровнее. Зверь под ним отличался от предыдущего ящера не только отсутствием седла, большей поджаростью и гибкостью; ко всему перечисленному он еще и не привык носить на себе людей, а потому закладывал резкие повороты вправо и влево, не задумываясь о безопасности ездока. Наконец Натану удалось крепко обхватить животное ногами под брюхом ниже плечевых суставов, так что он почувствовал себя достаточно уверенно и выпрямился, хотя был готов при первом серьезном толчке прижаться к шее зверя. Мальчик был слишком поглощен попытками удержаться верхом, чтобы за-

метить, в каком направлении они летят. Когда же он наконец взглянул на положение двух лун — Астронд еще не поднялся, — оказалось, что их путь лежит более или менее правильно. Вероятно, крылоящер знал дорогу. То и дело Натан начинал почти наслаждаться полетом, как прежде, во время патрулирования; но каждый раз рептилия под ним наклонялась то в одну, то в другую сторону, вновь заставляя отчаянно цепляться. Это напоминало поездку на «американских горках», только без крепежа безопасности и на скользком бревне вместо сиденья. К тому же Натана не покидала одна мысль: и Реймор, и Кванжи мертвы — они погибли из-за него. Он не вполне понимал, почему он остался в живых и какая искаженная судьба сделала подобный выбор.

Астронд едва появился, когда мальчик заметил, что вместо песчаных дюн внизу потянулись заброшенные поля, а за горизонтом, окрашивая небо, встало зарево городских огней. Вскоре под ними уже простирались пригороды — беспорядочно разрастающийся лабиринт, украшенный арками и вереницами блестящих пятнышек, словно кто-то играл в «точки» светящейся ручкой. Постепенно здания становились выше, мимо проносились линии окон; воздушные корабли увертывались и подныривали и слепили маяками; только крылоящер ни разу не моргнул. Впереди все выше и выше громоздились башни, сходясь к самой высокой точке в центре, где господствовал единственный шпиль, увенчанный собственными звездами. Натан знал, что именно туда лежит его путь; животное подчинилось движению его ног и повелительному тону. Они кружили у башни, пока мальчик искал подходящую платформу; наконец он выбрал небольшую площадку на крыше вспомогательной башенки: она показалась ему знакомой. «Туда», — скомандовал он, наклоняясь вперед и

указывая в нужном направлении. Ящер почти спикировал — Натан чуть не перелетел через его голову — и резко затормозил на узком «пятачке». Натан кубарем скатился вниз.

Помощника в перчатках, что прежде приносил еду, видно не было, потому мальчик, уверенный, что зверь поймет его, сказал: «Жди. Я что-нибудь тебе принесу». С помощью пароля активировав встроенный в шлем переговорник, он вызвал Халме.

Натан опасался, что его сообщение перехватят; но вот появилась Халме — одна. По ее приказу возник человек с ведром еды. Он побоялся подходить к крылоящеру, который зашипел на него, разинув клюв и выгнув крылья. Натан забрал у человека ведро и сам подошел к своему товарищу, предлагая пищу, внутренне гордый тем, что зверь выделяет его среди остальных, пусть и незаслуженно. Насытившись, крылоящер улетел прочь, стрелой мелькнув между зданиями; лишь огоньки пунктиром освещали его бока, от чего животное становилось то белым, то черным, пока совсем не исчезло из виду.

— Что произошло? — спросила Халме. — Как ты приручил его?

— Я не приручал, — ответил Натан. — Он просто решил помочь. — Как дельфины в сказаниях. Или зверобоги в легендах. Если, конечно, сказания и легенды правдивы.

Халме больше ничего не спрашивала, пока они снова не очутились в ее покоях. Натан снял защитный костюм и стоял, продолжая прижимать к себе чашу, в ожидании ее вопроса о Рейморе. Но она произнесла лишь:

— Наверное, ты голоден.

Халме вышла и вскоре вернулась с подносом еды: выглядело все очень красиво, а вкус имело слабый и искусствен-

ный, как будто его впрыскивали в пищу уже после изготовления. Фрукты были неаппетитными, рыба под зеленоватым крупитчатым соусом, лишь слегка отдающим петрушкой, определенно никогда не видела моря, а темно-желтая гуща не имела ничего общего со сливочным маслом. Натан вежливо ел, поскольку от него этого ожидали, а Халме провожала каждое движение мальчика взором, полным тревоги, и время от времени прикасалась к нему, как бы убеждая себя, что он реален. Грааль стоял на столе, и хотя женщина время от времени бросала на него взгляд, все ее внимание было сосредоточено на ребенке.

— Знаете, Реймор погиб, — наконец произнес Натан; он больше не мог есть. — Его схватил грокуул.

— Не важно.

— Не важно? Он отдал жизнь, он погиб за меня. Вы говорили, что знали его с детства...

— Пожалуйста... не сердись. Я не вынесу твоего разочарования. Рей страшился смерти и одновременно желал ее. Как все мы. Это длится так долго — не жизнь и не смерть, просто ожидание конца, который никак не приходит. Как будто последняя секунда жизни растягивается до бесконечности. Когда чувствуешь нечто подобное, смерть становится желанной — если у тебя достаточно мужества. Я уверена, что Рей погиб как герой.

— Да, — подтвердил Натан. — Он вел себя очень храбро.

— Значит, его смерть была не напрасна. Ему повезло. Для меня и жизнь уже давно потеряла смысл.

И тогда Натан рассказал Халме все, даже о Кванжи Лей, хотя это немного походило на предательство. Но ведь нельзя предать человека, который умер.

— Она была безумна, — сказала Халме; Натану послышалась в ее тоне печаль. — Неосальвационисты не могли сотворить Великое Заклинание. У них нет ни знаний, ни силы. Они лишь разрушили бы модель, и миру настал бы конец; огонь поглотил бы его, не оставив ничего.

— А я думал, вы хотите, чтобы ничего не осталось, — заметил Натан.

— О да, — отозвалась Халме, — но я боюсь смерти, которой желаю. Я не так храбра, как Рей. Или ты. Ты юн годами, моложе всего живущего на нашей планете; и все же ты отважился отправиться в неизвестный мир, чтобы спасти друга, и нашел Грааль, и спасся от гроккула, и убедил дикого крылоящера служить тебе. Если бы легенды были правдивы, ты стал бы героем. — Она повторяла его собственные мысли, и что-то в этом Натана беспокоило. — В легендах говорится, что существовали ангелы, являющиеся в облике детей, существа света и любви. Ангелы и герои. Но меня учили, что все легенды — ложь. Наверно, их стоит остерегаться. Я хочу верить — и не смею. — Халме улыбнулась своей чудесной улыбкой, внезапно осветившей ее лицо. — И все же сегодня ты для меня герой. Мой собственный герой.

«Она просто женщина, — думал Натан, — но она прекрасна. В ее лице легенда впрямь становится былью».

— Сейчас я хочу отправиться домой, — сказал мальчик. — Грааль будет в безопасности в моем мире. Там он и должен оставаться — пока не придет время. Но я не могу вернуться к себе. — Он закатал рукав и показал то место, где стер с руки Знак Агареса. — Я не могу найти дорогу.

— Ты сказал... что видишь сны.

— Больше не вижу. Я здесь, в самом деле здесь. Я спал в пещере — и проснулся в ней же. Проход в моем сознании

закрыт. — Теперь, когда непосредственная опасность для жизни миновала, паника медленно просачивалась в сознание, не давая работать мысли. — Я не знаю, что делать.

— Мы отыщем путь, — пообещала Халме.

В опустевшей книжной лавке в третий раз за утро звонил телефон. Никто не подошел; у Анни не было автоответчика — незачем. На другом конце провода Побджой повесил трубку и мрачно уставился в стол. Магазин уже должен был открыться. Она что, слишком занята? Или вышла? Или Натан сбежал из дома? В последнее верилось с трудом. И тем не менее инспектор ощущал смутное беспокойство. По некотором размышлении он вызвал сержанта Хейл.

— Мы снова едем в Иде. Я должен разобраться с тем делом. Во всяком случае, настолько, насколько это возможно. И будь я проклят, если позволю краже пополнить список нераскрытых преступлений.

Они направились к автопарку.

— Поедем на моей. — И Побджой решительно покатил в направлении деревни.

В Дом-на-Реке Анни впустила уборщица; она объяснила на ломаном английском, что мадам в Лондоне, а мистер Аддисон отправился в Кроуфорд за покупками. В «Сейнбериз», догадалась Анни. Она спросила, долго ли его не будет, но, похоже, эта фраза была выше лингвистических возможностей девушки, и тогда Анни с помощью простых слов и жестов попыталась объяснить, что подождет. Уборщица еще минут двадцать наводила порядок, потом постирала тряпки, вычистила пылесос, взглянула на гостью с явным недоумением и, пожав плечами, ушла. Снова оставшись в доме одна,

Анни задумалась: долго ли еще не будет Майкла? Она прокралась вниз по лестнице, прислушиваясь к малейшему шороху и гадая, действительно ли Рианна в городе. Анни старалась не думать о времени: когда чего-то ждешь, время всегда растягивается. Ей удалось сбежать от ожидания в лавке — только чтобы угодить здесь в ту же ловушку. Она без особой надежды толкнула дверь в башню Рианны: как обычно, та оказалась заперта. Должно быть, ее закрыл дух, а не настоящая Рианна. Майкл заметил бы, если бы его жена перестала заходить в собственные покои. А дух, разумеется, не станет носить с собой ключ — ведь он регулярно обращается в воду. Значит... ключ должен быть где-то поблизости. Анни принялась выдвигать ящики на кухне и в гостиной, потом бросилась в спальню: проверила туалетный столик, порылась в карманах пальто и в паре забытых сумочек. Теперь, когда Анни нашла себе занятие, чтобы скрасить ожидание, она предалась ему с большим энтузиазмом. Потерпев неудачу, она остановилась в раздумьях: нужно было принять во внимание природу духа и неизвестную личность — ведьму или волшебника (Бартелми сказал, что это некто, обладающий Даром), вызвавшего его. Кто-то оставался в тени, незамеченный, возможно, использовавший Эффи Карлоу как шпиона и водяного демона как убийцу; именно ему нужен был Грааль, чтобы открыть Врата между мирами. Наверняка ключ остался у духа — не было необходимости передавать его кому-то еще. А где он станет что-либо прятать?

Прежде чем она успела додумать собственную мысль, ноги понесли ее в ванную. Шкафчики оказались пусты, зато, когда Анни подняла крышку сливного бочка, она увидела ключ: он лежал, поблескивая, на дне под водой. Наверняка тот самый! Человек спрятал бы ключ под камнем или цветочным

горшком, а для морского призрака логичнее было бы поместить его под воду. Анни закатала рукав и выудила находку. Конечно, в башне не могло быть сокрыто ничего особенно важного, и все же...

Анни изо всех сил желала, чтобы Майкла задержался еще. Только не сейчас, ведь она еще ничего не узнала! (Если башня не скрывает никаких зловещих тайн, то она просто положит ключ назад и не станет упоминать о том, что заглядывала туда.)

Анни вернулась к запертой двери, слегка трясущейся ручкой вставила ключ в замочную скважину. Ключ подошел. Повернув его, Анни распахнула дверь.

Она очутилась в комнате, совмещающей в себе элементы кабинета и гостиной, похожей на покои Майкла в другой башне, только в большем беспорядке: стены, увешанные рекламными кадрами из различных фильмов с участием Рианны, зачастую по соседству с куда более именитыми звездами; диванчик с вышитыми подушками; письменный стол, заваленный газетами и журналами, дорогой телевизор с плоским экраном, видео- и музыкальная система... На низком столике стоял открытый серебристый портативный компьютер, рядом — пустая кружка. Книжный шкаф, повторяющий изгиб стены, был заставлен дорогими классическими книгами — как показалось Анни, ни разу не открывавшимися, — и подарочными иллюстрированными изданиями вроде истории костюма, оригами и драгоценностей российской царской семьи. Каким-то непостижимым образом именно эта комната носила хоть какой-то отпечаток личности — пусть довольно наигранной, с весьма предсказуемыми художественными вкусами. Необычным был лишь запах: едва уловимый, сладковатый, тошнотворный, пробирающий до самого нутра. Анни загля-

нула в чашку и увидела, что та заросла мхом; где-то под толщей растительности угадывался ломтик лимона. «Чай с лимоном, — заключила вывод Анни. — Следит за весом». Взгляд ее упал на газеты, лежавшие на письменном столе: все они оказались давнишними. Анни почувствовала, как сердце забилося быстрее, гулко ударяясь о грудную клетку. Назад пути не было. Витая лестница из ажурного, крашеного в белое железа вела в комнату на самом верху. Под ногами поскрипывали ступени. Вонь усиливалась.

Теперь Анни узнала запах. Когда ей было лет десять, она стояла у кровати бабушки, пока жизнь медленно покидала ее; дух еще сопротивлялся, а тело уже умирало. Но этот запах знаком нам всем, вдыхали мы его когда-либо или нет: он в памяти человечества, он столь же стар, как привычка дышать. Страх перед ним — часть формулы жизни. Анни замедлила шаг — и опять пошла быстрее, прикрыв рукой нос и рот.

Лестница привела в спальню, всю декорированную различными оттенками белого: белоснежный ковер, мебель в стиле Барби, кровать под муслиновым пологом. Сквозь ткань виднелась лежащая в постели фигура: темные волосы разместились по подушке, руки лежат поверх покрывала. Зажимая ладонью нос, Анни отдернула занавеску.

«Меня не стошнит, — убеждала себя Анни, — меня не стошнит». Она не вскрикнула. То, что осталось от Рианны Сарду, очевидно, пролежало здесь довольно долгое время. Волосы сохранились: теперь они окаймляли череп-лицо, кое-где тронутый разложением. Глаза и щеки ввалились; на одежде покоились ссохшиеся до кости пальцы. Анни мимолетно вспомнился Даниэль в стерильно белой больничной палате. Не цвета свадебных одежд и чистоты, но цвета смерти, скор-

би и ужаса. Анни хотела отвернуться, но не могла отвести взгляда: она все смотрела и смотрела на это жуткое гниющее создание. Внизу остались фотографии — бледная угловатая красота, более впечатляющая на экране, чем в жизни, аура славы и приверженности хвастливому актерскому ремеслу. А здесь — это. Ужасное и жалкое.

Наконец Анни отошла. Сердце все еще быстро колотилось, но тут раздался звук, заставивший его замереть посреди удара.

Лестница лязгнула.

За секунду целый рой мыслей в мозгу попытался утнеститься. Был ли то Майкл (о бедный, бедный Майкл!) или фальшивая Рианна? Куда спрятаться? Но времени не осталось. Анни оглянулась в поисках оружия; удалось заметить лишь щетку с металлическими зубцами, что лежала на туалетном столике...

Над порогом появилась голова. Майкл.

Анни бросилась в его объятия, всхлипывая, бессвязно бормоча:

— Не смотри... Не смотри... О, Майкл! Мне жаль, так жаль... Я должна была сказать тебе, что она такое на самом деле. Я должна была предупредить тебя...

Его руки скользнули к ее плечам, отталкивая. Анни подняла глаза на Майкла: лицо его было совершенно спокойно. Ни шока, ни ошеломления — лишь спокойствие. Он бросил взгляд на кровать и ее ужасного обитателя, потом перевел его на Анни.

— Ах, боже мой! — сказал он.

Анни отступила назад.

Губы исказила кривоватая улыбка — только теперь это была уже не улыбка, а лишь изгиб. Небрежный беззаботный

вид изменился, словно маска, что сморщивается в попытке приладиться к преобразившемуся лицу под ней. Со странным налетом отрешенности Анни заметила в уголках глаз и на щеках Майкла насмешливые и циничные морщинки, которые когда-то находила столь привлекательными. Ощущение его прикосновения, его губ и рук оставалось с ней с прошлого вечера, согревая в моменты ужаса и омерзения. Теперь оно улетучилось без следа. Анни избавилась от наваждения и ощущала лишь пустоту внутри и жуткий страх.

— Боже, боже мой! Стало быть, ты раскрыла нашу маленькую тайну. Не стоило отпирать Комнату Синей Бороды; насколько я помню, его жене тоже не поздоровилось, или я ошибаюсь? И зачем тебе понадобилось совать свой нос, куда не просят? До сих пор ты была мне очень полезна; жаль будет потерять тебя.

— Ты убил ее, — еле слышно проговорила Анни. Наконец-то у нее в голове начала складываться вся мозаика. Разумеется, он знал о подмене; Майкла единственного из всех нельзя было одурачить. Она, наверное, ослепла или потеряла рассудок, раз не понимала этого.

— О нет, — отозвался Майкл. — Не я. Вообще-то из меня никудышный убийца. Заметь, она была помехой на моем пути. Наши чувства давно остыли.

Анни почувствовала проблеск надежды, в глубине души понимая, что он ложный. Майкл дразнил ее этой надеждой, его насмешливые глаза были тверды и пусты, словно стекло.

— Это была... та тварь?

— Увы. Моя любимая Ненуфар. Порой она чересчур увлекается. Старуха Карлоу призвала ее и не смогла с ней справиться; видимо, в конце концов старая ведьма стала не-

пригодна к использованию. Что же до фон Гумбольдта... Понимаешь, древние духи видят мир чрезвычайно упрощенно. Ненуфар полагала, что, избавившись от него, мы получим Грааль. Я не успел ее остановить. Зато его смерть еще больше замутила воду... Черт побери, в последнее время мне что-то приходят на ум неудачные каламбуры! Тобой она тоже чересчур увлеклась — но тогда я подоспел вовремя. Убийство для Ненуфар — самое простое решение любой проблемы. Она примитивна.

— Но зачем тебе нужен Грааль? — спросила Анни — не столько из любопытства, сколько стремясь заговорить его и потянуть время.

— Грааль нужен всем. Я искал его всю жизнь: видел во снах, жаждал его. А Ланселот, Персиваль, Галахад? Все они, рыцари и герои? Я вполне представляю себя первым или вторым. Разумеется, вся эта религиозная чепуха была обычным враньем: Церковь пыталась подогнать под себя более древнюю истину. Основной смысл Санграаля — сила. Сила выше знания, выше науки; сила, позволяющая перемещаться между мирами. Только подумай, напряги воображение. Даже твой крошечный уютный умишко должен быть способен на мечты, на некое подобие вдохновения. Когда Ненуфар пришла ко мне, я понял, что вместе мы сможем добыть Грааль. С ее помощью я способен завладеть всем.

— А почему же ты не разобрался с ее помощью с Дейвом Бэготом, — наобум ляпнула Анни, — вместо того, чтобы позволить ему расквасить тебе нос?

Она мало-помалу отступала — скорее инстинктивно, чем осмысленно. Майкл не двигался. Он стоял между Анни и лестницей — и другого выхода из комнаты не существовало.

— Представилась великолепная возможность поиграть в героя, — оскалился Майкл. — Изобразить из себя эдакого отважного Галахада. Впрочем, ты и сама не растерялась. Знаешь, мне впрямь жаль, что так вышло. И зачем ты только сунула свой нос... А что, собственно, ты тут делаешь?

— Не важно. — Анни изо всех сил старалась унять дрожь в конечностях, заставить сердце не так бешено колотиться. — Ты хочешь сказать, что я тебе нравлюсь, и жаль, что приходится...

— Господи, нет, разумеется! Просто я был совершенно уверен, что мне удастся выманить у тебя Грааль, не увеличивая гору трупов. Инспектор и так что-то подозревает; он может создать неудобства. Кроме того, ты была нужна мне, чтобы подобраться к Нату поближе. Ненуфар почему-то считает, что он важен. Конечно, когда тебя не станет, я окажусь рядом, чтобы... э-э... разделить его горе. Мы сблизимся.

— Нет! — воскликнула Анни. На мгновение вспышка гнева затмила страх. — Я открою Врата и вернусь, чтобы предупредить его!

Майкл оцепенел.

— Откуда тебе известно о Вратах? У тебя нет Дара.

— А у тебя есть?

— О, я всегда осознавал свою исключительность. Я способен управлять умами других, вершить свою судьбу среди беспомощных, бесцельных, неудачливых. Я учил заклинания по древним книгам; именно потому я изучал историю — чтобы находить подсказки; а во снах ко мне приходил язык Камня, язык силы. Вот в чем красота Дара. Если ты знаешь, что обладаешь им, если пытаешься использовать его — то и он использует тебя. — Похоже, Майкл сам не осознавал в полной мере глубинного смысла собственных слов.

— Он вел тебя сюда, — сказала Анни. — Он гнал тебя...

— Годами образ Торнхилла являлся мне во снах. Когда я наконец нашел его и переехал сюда... — Майкл замолчал, слегка улыбнувшись. Не вполне человеческой улыбкой. — Рианна думала, что в деревне есть свой старомодный шарм. Ха! Ненуфар пришла ко мне по реке, в неизвестно где обретенном обличье нимфы, только глаза ее оставались истинными. Она вся была хлад и голод. — Майкл задрожал от чувственных воспоминаний. — Если ты хоть раз прикоснулся к духу, все остальные, — он окинул взглядом Анни, — лишь женщины.

Анни почувствовала, как все ее существо сжалось. Потом ярость вернулась, согревая ее изнутри.

— Да, — сказала она. — Я лишь женщина. Но я могу открыть Врата. Бартелми рассказывал мне...

— Гудман? Мне следовало догадаться. Я подозревал, что под жиром кроется немножко силы. Так утверждала ведьма Карлоу. Однако Врата открываются лишь раз — во всяком случае, без помощи Грааля. Ты проходишь через них и больше не возвращаешься. Это Высший Закон. К тому же ты слишком восприимчива, чтобы стать призраком.

— Даже Высшие Законы можно нарушить, — возразила Анни. — Однажды я уже прошла сквозь Врата. — Она почувствовала, как уверенность Майкла дала трещину. Нужно было вывести его из равновесия, отвлечь, переключить внимание. — Твоя союзница права насчет Натана. Он... необычный. Его отец из иного мира. Я последовала в мир мертвых за другим человеком и вернулась с ребенком во чреве. Я сделала это однажды, смогу сделать еще раз. Из смерти назад к жизни. Вот мой дар.

Анни лишь отчасти верила тому, что говорит, зато ее слова явно выбили Майкла из колен. Он начал приближаться к ней, отходя все дальше от лестницы. Отступая, Анни уперлась в туалетный столик. Рука ее нащупала щетку для волос — ведь больше ничего подходящего не было.

— Ты не могла этого сделать, — сказал он. Улыбка превратилась в презрительную гримасу — только на сей раз обман не удался: под ней угадывалась нерешительность. — Такой шаг потребовал бы невероятной силы — силы смерти, силы Грааля. А какой силой обладаешь ты?

— Силой любви. Тебе она неведома.

Анни замахнулась и ударила Майкла по лицу усаженной шипами стороной щетки, метясь в глаза. Очки слетели; раздался вопль боли. Мимоходом ударив Майкла по голени, Анни стремглав бросилась к лестнице.

Она слетела вниз по спирали, цепляясь за перила, чтобы не упасть. Пробежав через кабинет Рианны, Анни оказалась в главной части дома. Позади раздался тяжелый глухой удар: Майкл спрыгнул с лестницы.

Анни рывком распахнула входную дверь и побежала по тропинке...

— Можешь не торопиться, — раздался с порога голос Майкла. — Ты никуда не убежишь. — Теперь его тон сделался спокойным, даже слегка заинтересованным.

Оно ждало там, впереди, на тропинке. У духа были волосы и лицо Рианны, только Анни видела, как под кожей переливается вода. И в глазах зияла первобытная тьма морской пучины.

— Этот удар, — заметил Майкл, дотрагиваясь до глаза, — боюсь, лишь напрасная трата сил. Я же говорил, здесь не я убиваю.

* * *

Натан лежал в кровати Халме, сжимая в руках Грааль; свет цветных ламп был притушен. Мальчик рассказал ей о Знаке Агареса и даже попытался его нарисовать, но руна была сложной, и он не смог в точности воспроизвести ее по памяти.

— Она мне знакома, — ответила Халме и принялась просматривать на компьютере файл с магическими символами своего мира, пока не нашла точно такой же. Даже название совпадало. — Возможно, язык и свод правил магии един для всех миров, — беззаботно добавила она.

Халме перерисовала Знак на его руки и лоб темно-лиловыми чернилами, имеющими странный запах — травянистый и химический одновременно.

— А теперь засыпай, — приказала она. — Отправляйся в свое сознание. Найди путь домой.

Халме предложила включить так называемую сонную музыку, но Натан отказался. Он вспомнил, как сорвал Знак со стены в спальне, и решительно отбросил сомнения. Нужно довериться надежде. Прошептав на прощание мальчику «*сим во-кхалир*» (что значило «до свидания»), Халме оставила его одного; Натан лежал, не смыкая глаз, думая, что не уснет никогда в жизни. Он ждал, что Халме поцелует его — с любовью, быть может, по-матерински; он боялся и желал этого, — но она не поцеловала его. А потом Натан вспомнил о масках, о заражении и о сдержанности Грандира и предположил, что люди здесь, видимо, целуются редко — или никогда. Хотя ему еще не доводилось по-настоящему целоваться, отчего-то мир без поцелуев казался необычайно унылым. Натан углубился в юношеские размышления, пытаясь вообразить Халме своего возраста — меньше, изящнее, эдакое

утонченное существо-фэйри с безупречными линиями необычного лица, еще мягкими и не до конца оформившимися. Он мысленно взял Халме за руку и долго смотрел в радужную черноту ее глаз, а потом поцеловал ее в щеку. Сначала она в недоумении чуть-чуть отпрянула, и тогда он поцеловал ее в губы... И тут мечты превратились в сон, и закрутились сами собой, и он скользнул через границу забвения.

Проснулся Натан неожиданно резко, в незнакомом месте. Не в покоях Халме и не в собственной спальне. Мальчик хотел было сесть, когда чья-то рука легла ему на плечо.

— Все в порядке, — сказал Бартелми. — Ты у меня.

Натан очутился в одной из спален Торнхилла. Дядя Барти задвинул шторы, не впуская в комнату свет полуденного солнца. Оглянувшись, Натан увидел, что на стене над кроватью приколот лист со Знаком Агареса. Горелка источала незабываемый аромат приготовленного Бартелми травяного настоя. В руках Натан по-прежнему держал Грааль Лютого Торна.

— Вижу, ты вернул его, — заметил Бартелми. — Молодец. Ты в норме?

— Да. — Во всяком случае, чувствовал Натан себя нормально.

— Хочу услышать все от начала и до конца. Только сперва, полагаю, надо отвести тебя домой. Твоя мама волнуется.

Поднявшись с кровати, Натан обнаружил, что еле-еле держится на ногах. Очевидно, долгое пребывание в ином мире истощило его. Бартелми быстро организовал легкие закуски в виде печенья, сыра, фруктов и кофе, а потом пошел звонить Анни.

— Ее все еще нет, — сообщил он. — Странно. Я полагал, что Анни идет сюда, но ведь она уже давно бы добра-

лась. Разве что общается с полицией... Нужно сейчас же отправляться туда. Гувер!

Натан захватил яблоко и, для верности оперевшись на руку Бартелми, вышел к машине.

Анни не побежала — бежать оказалось некуда. Существо приближалось к ней своеобразной покачивающейся походкой, на его лице угадывалось некое подобие улыбки. «Она не должна быть сильнее меня, — подумала Анни, — и все же она сильнее». Сильнее настоящей Рианны, мощная, словно отлив прибоя, словно натиск волны. Анни была лишь человеком — слабым, бессильным. Она не обладала Даром, ей неоткуда было черпать ресурсы — лишь из себя самой.

Позади раздался голос Майкла:

— Завтра или через пару дней тебя найдут в реке. Еще один трагический несчастный случай. Инспектор, конечно, не поверит и некоторое время будет всюду вынюхивать, но, не обнаружив ни одной улики, он в конце концов уймется. Моих клеток ДНК не найдут, и никакая судмедэкспертиза не в состоянии определить субстанцию, из которой состоит Ненуфар. С точки зрения науки она просто не существует. Видишь ли, именно в этом вся прелесть магии, ее истинная сила. Никто в мире в нее не верит.

«Зато верят в науку, — подумала Анни, — в генетические отпечатки пальцев, а ведь ты — человек...» Резко развернувшись, она подбежала к Майклу и схватила его, стараясь дотянуться и оцарапать короткими ногтями его щеку. Вдоль царапин проступили тонкие красные линии. И тут водяной дух схватил ее и дернул назад, заключив в свои вязкие объятия. Холодная рука скользнула по лицу Анни, чтобы пере-

крыть доступ воздуха в нос и в рот, стремительным потоком ворваться в легкие.

— Теперь на мне следы твоей ДНК! — выкрикнула женщина. — Их не смыть речной водой. Мельчайшие следы будут обнаружены. Я оставила на тебе свою метку, а ты на мне — свою! Пусть она дух; зато ты — нет. Они узнают... Натан узнает... — Тут рука закупорила ей ноздри, запечатала уста. Анни попыталась сделать вдох, но лишь втянула в себя воду. Темнота надвигалась, и теперь уже она не ждала отсрочки. Анни увидела, как, исказившись яростью и страхом, преобразилось лицо Майкла. *Натан узнает...* По крайней мере она добилась хотя бы этого.

— Отпусти! Сейчас же отпусти! *Осс-токлар!*

— Как вы смеете! Немедленно отпустите ее!

Два голоса — один грудной, со странным акцентом, другой чуть выше — раздались одновременно. Оба были знакомы. Дух замер и, вздрогнув, на миг потерял свою плотность. Анни вырвалась из рук, внезапно ставших более текучими, нежели плоть, и привалилась, кашляя и задыхаясь, к чьему-то сильному телу: это оказался Эрик. Ровена надвигалась на Майкла, словно несущий возмездие ангел.

— Я знала, ты что-то замышляешь! Ты сказал, что дождь испортил вам барбекю в Оксфорде — а ведь дождь-то шел только здесь! Ты тоже охотишься за Граалем, да? Это вы с твоей психованной сучкой были в тот вечер в лесу, вы убили фон Гумбольдта! Не знаю, как именно, но это ваших рук дело. — Она набросилась на Рианну. — Стало быть, ты пыталась задушить Анни? Никогда не доверяла вам, актрисулкам. Теперь тебя посадят до конца жизни...

Сбитая с толку, потерявшая уверенность Ненуфар дрогнула. Ее силуэт замерцал, словно сквозь плоть и кожу про-

свечивала солнечная рябь на реке. А потом она повернулась и бросилась бежать: тело ее скользило, едва касаясь земли. Оказавшись возле кустарника, что рос вдоль реки, силуэт истончился, обратившись во влажный завиток тумана; тот, в свою очередь, заструился меж листьев и исчез в реке. Ровена как громом пораженная молча смотрела вслед беглянке, забыв о недавнем приступе гнева. Наконец обретя дар речи, она разразилась бранью.

Воспользовавшись моментом, Майкл бросился в противоположную сторону — к машине, что ждала за домом, припаркованная в тени дерева у его башни. Анни услышала, как щелкнул замок; едва Майкл достиг двери, мигнули фары. Эрик отпустил женщину, чтобы броситься в погоню, но Анни схватила его за куртку, удерживая.

— Нет. Не надо. Смотри!

Из-под дерева надвигалось *нечто*, стремительно окружая машину, размывая и пуская волнами гладкие формы «мерседеса». Оно хлынуло сквозь закрытые окна и в воздухозаборник, заставляя воздух дрожать, как от жары. Майкл вставил ключ в замок зажигания; мотор запнулся и заглох. Со стороны казалось, будто человек борется с пустотой, словно отбиваясь от насекомых. Рот его искривился и широко раскрылся; Майкл схватился за голову и некоторое время пронзительно визжал. Потом он, скособочившись, обмяк на сиденье, лицо его стало расслабленным, лишенным всякого выражения. Легчайшая тень скользнула по его чертам, когда подошла Ровена; лобовое стекло искаженно отразило ее лицо.

— Не ходите туда, — предупредила Анни. — Сюда. У меня есть железо. — В кармане, бесполезный против людей и водяных духов, зато защищающий от гномов, лежал дверной номерок.

— И у меня, — объявил Эрик. — А в машине есть железо?

— Хром. Дерево. Пластик. Он... он что, мертв?

— Не мертв — безумен. Они пожрали его разум. Ничего не осталось.

Неожиданно для себя Анни разрыдалась — то ли от облегчения, то ли по какой-то иной причине; Эрик неловко утешал ее — он еще не привык к физическому контакту. Она изо всех сил постаралась взять себя в руки и вытерла слезы, хотя дрожь внутри никак не унималась. Похоже, гномоны исчезли. Она оглянулась на человека в машине — и торопливо отвернулась.

К тому времени, как прибыл инспектор (в сопровождении Бартелми, Натана и Хейзл), Майкл уже благополучно пускал слюни.

В пять часов вечера все сидели в гостиной Торнхилла; собравшиеся уничтожали съестные припасы Бартелми и пили чай. Тем, кто не за рулем, предлагались более серьезные напитки.

— Так никто и не удосужился объяснить, как вы оказались там почти одновременно, — заметила Анни. Пережив допрос с пристрастием, проведенный Побджоем, и умело обойдя наиболее щекотливые аспекты происшествия, она лишь теперь начинала по-настоящему успокаиваться.

— Очевидно, мы все в одно и то же время беспокоились о тебе, — отозвался Бартелми. — Натан вернулся в целости и сохранности, и я решил сопроводить его домой. Когда тебя не оказалось в лавке, мы, как и Ровена с Эриком, стали расспрашивать людей на Хай-стрит. Ты ведь довольно давно живешь в деревне, Анни, и знаешь, что это такое. В

городе никто бы ничего не заметил, а здесь половина населения знала, куда ты направилась. В какой-то момент к нам присоединилась Хейзл. Потом объявился Побджой. Я очень забеспокоился, когда понял, что ты пошла в Дом-на-Реке. После разговора с Лесовичком я был почти уверен, что за появлением Ненуфар в здешних местах стоит Майкл. Правда, не знаю, каким образом к тому же заключению пришла Ровена...

— Он наврал про погоду в Оксфорде, — объяснила миссис Торн. — Очень глупая ложь. Зачем бы ему это делать, если только он не стремился обеспечить себе алиби? Для грабителя он слишком высок — а значит, замешан в убийстве. Что за тварь разгуливала в образе его жены?

Последовало несколько сбивчивых объяснений.

— Быть может, мы так никогда и не узнаем, что это было на самом деле, — за всех ответил Бартелми. — Ненуфар — такое же «настоящее» имя, как Рианна Сарду. Однако теперь, когда некому призвать ее, она уже не вернется. Разумеется, полиция станет искать ее и ничего не найдет. У них есть давнишний труп и убийца, который зашел слишком далеко, чтобы отстаивать свою невиновность. Так что свои дни он окончит в сумасшедшем доме. Побджой на этом не успокоится — он слишком умен; в конце концов придется ему смириться. Грааль возвращен, так что инспектор не будет настаивать на дальнейшем расследовании обстоятельств кражи; хотя я уверен, что его подозрения насчет вас двоих сохранятся. — Бартелми кивнул Натану и Хейзл.

— А я слышала, как вы сказали ему, что это вы, а не Натан нашли чашу, — возразила Хейзл.

— Я решил, что так будет лучше, — ответил Бартелми. — Впрочем, он мне все равно не поверил.

— Так кто же ее украл? — спросила Ровена. — Кто был тот карлик?

— И мне бы хотелось это знать, — поддержал ее Эрик. — Если он вернуть Грааль в мой мир, значит, у него много силы.

— Вовсе не обязательно, — заметил Бартелми. — Боюсь, ответов на все вопросы я не знаю, так что мы можем лишь строить предположения. Тем не менее в некоторых старинных документах утверждается, что у Джозевия Лютого Торна имелся помощник — некий горбун или карлик...

— Должен быть горбун, — неожиданно заявила Ровена. — Так гласят предания.

— Можно предположить, что хозяин заточил его за какую-то провинность. Он из нелюдей, настоящий гоблин, а не просто низкорослый человек, — иначе бы он не прожил так долго. Так или иначе, он знал, что в заброшенной часовне находится точка перехода, через которую Грааль можно переправить из одного мира в другой...

— А мог бы человек пройти через нее? — перебил Натан. — Извините. Просто мне стало интересно.

— Я бы не стал экспериментировать. Помните: Грааль путешествовал к себе домой, к тому же он предмет неодушевленный, хотя, несомненно, обладающий определенными возможностями. Существует риск того, что живое существо, даже если ему удастся проникнуть через портал, будет просто уничтожено в процессе перемещения.

— А зачем гоблину было возвращать чашу моему народу? — удивился Эрик. — Вдруг он поступил правильно, а мы, наоборот, делаем ошибку, оставляя ее здесь?

— И снова мы не знаем наверняка, — сказал Бартелми. — Быть может, гоблин лишь считал, что действует

правильно. А быть может, мы поступили неверно. Заклинание, способное спасти ваш народ — если оно впрямь существует, — еще не готово. Наверное, до тех самых пор было бы разумнее хранить Грааль здесь, вне досягаемости для тамошних террористов.

— Если только я смогу его вернуть, — уточнила Ровена. — Джулиан опять забирает чашу в «Сотбис» — по распоряжению фон Гумбольдтов.

— Мы должны сделать все, что в наших силах.

Ровена отхлебнула тонизирующего чая.

— Так, значит, я действительно должна поверить во всю эту ерунду — про другие миры, морских духов и прочее?

— Хочешь верь, хочешь не верь, — отозвался Бартелми. — Ты знаешь то, что видела собственными глазами.

— О да, знаю. И не скоро забуду. — Ровена поежилась и потянулась за очередным печеньем. — Что за твари набросились на Майкла? Не то чтобы совершенно невидимые, но...

— Гномоны, — объяснил Эрик. — Они из моего мира. Навлекают безумие. Их отпускает железо.

— Возможно, они охраняли Грааль, — размышлял Бартелми, — хотя на сей раз, похоже, они защищали Анни. Почему, неизвестно.

— Теперь-то все уже кончено, верно? — заметила Ровена. — Пора бы нам узнать правду.

— В жизни все не так просто, — улыбнулся Бартелми озадаченно и чуть грустно.

— Не кончено, — возразил Эрик. — Мой народ до сих пор умирает.

«И не может быть кончено, — думала про себя Хейзл. — Все, кроме меня, успели принять участие в больших приключениях. А я — только в маленьких. Если не считать задержа-

ние — а это не так уж и весело. В конце концов, меня даже толком не арестовали, просто допросили...»

«Не кончено, пока я наконец не перестану видеть сны», — думал Натан. (Ведь Халме тогда сказала ему «*сим во-халир*» — «до встречи».)

«Хотела бы я, чтобы все закончилось, — размышляла Анни, — но — увы. Я не рассказала ему об отце — это часть истории, иначе быть не может; только я не могу. Пусть пройдет хотя бы еще немного времени в невинности, детстве и доверии, прежде чем я разрушу все навсегда».

Все не кончено...

Позже Бартелми сказал ей:

— Наверное, ты сильно расстроена из-за Майкла. Мне жаль. Я знаю, он тебе очень нравился.

— Странно, — отозвалась Анни, — я вовсе не расстроена. Во всяком случае, пока. Как будто когда я увидела его нутро, вся симпатия, все влечение испарились. Может, оттого, что оно было фальшивым от начала и до конца: он был весь фальшь — фальшивое обаяние, фальшивая доблесть; вся его личность оказалась лишь маской, а когда ее сорвали, под ней не осталось ничего достойного любви. Я даже не чувствую себя обманутой — просто слегка ошарашенной. Влюбилась в него, как подросток; Натан, Хейзл, прошу прощения.

— Он оказался очень умен, — согласился Бартелми. — Очевидно, он воздействовал на тебя не одним лишь обаянием. Ведь он умело скрывал свой Дар. Я так и не распознал в Майкле Одаренного, хотя должен был. Наверно, на людях Майкл очень тщательно его подавлял.

— Что ты подразумеваешь под словом «Одаренный»? — заинтересовалась Ровена.

— А как Натану удалось вернуть чашу? — тут же спросил Эрик. — Вот о чем мне бы хотелось послушать.

— В чем истинный смысл вселенной? — Анни достаточно оправилась, чтобы начать озорничать.

Беседуя о том о сем, они засиделись до позднего вечера, и Бартелми, временно оставив обсуждение вопросов (тем более что на некоторые из них никогда не найти ответы), удалился на кухню готовить ужин — чтобы отметить замечательное событие, и исцелить дух, и заполнить паузы там, где нет ответов на вопросы.

ЭПИЛОГ

Раздумья

Месяца четыре спустя инспектор Побджой случайно оказался поблизости от Торнхилла. Вернее сказать, отнюдь не случайно. Он давно собирался нанести этот визит — все откладывал, одновременно мечтая о нем, сгорая от любопытства и... испытывая некую смутную тревогу.

Похоже, появление инспектора Бартелми вовсе не удивило. Постучи в его дверь сама королева — он и ее приветствовал бы все той же спокойной улыбкой и пригласил бы выпить чаю с печеньем...

Инспектора ждали и чай, и печенье — другое, нежели в прошлый приход. На сей раз Бартелми испек особое печенье для зимы — с легким пряным ароматом корицы. Гувер сидел у ног гостя, изучая его с таким видом, что, прими такой же вид свидетель, он сбил бы инспектора с толку; собачья же морда смотрелась вовсе сногшибательно. К счастью для себя, Побджой этого не замечал.

— Насколько я понимаю, вы решили оставить дело о краже, — заметил Бартелми. — Я чрезвычайно рад. Не могу не осознавать, что я был главным подозреваемым. Все случилось в моем доме, я в некотором роде известен как коллекци-

онер — уверен, вы с легкостью доказали бы, что я одержим историей рода Торнов; к тому же мне бы не составило труда подстроить отключение электричества. В конце концов, в тот самый момент меня в комнате не было. Больше никто не мог этого сделать. Я уверен, что вам это приходило в голову.

Выбитый из привычного невозмутимого состояния Побджой во все глаза уставился на хозяина дома. Бартелми был совершенно прав, но подобная версия никогда не приходила ему в голову!

— А потом, когда запахло жареным и стало ясно, что следствие подобралось ко мне слишком близко, я просто подбросил Грааль подходящим людям — и, о счастье! — конец делу. Чрезвычайно любезно с вашей стороны.

— А... а как же карлик? — запинаясь, спросил Побджой.

— Мой пес, — услужливо пояснил Бартелми. — Он отлично выдрессирован.

Задрав ухо, Гувер замахал хвостом и попытался выглядеть одновременно хорошо вышколенным и подло-коварным.

— Как вы понимаете, это вовсе не чистосердечное признание, а лишь гипотеза, — заключил Бартелми. — Угощайтесь рождественским пирогом. Знаю, еще рановато, но ведь невозможно съесть все лакомства за два выходных! Их слишком много. Лучше растянуть удовольствие.

Побджой, который на рождественских праздниках предпочитал работать, поскольку больше ему было некуда податься, молча принялся за кусок пирога.

— А как там бедняга Майкл? — поинтересовался Бартелми.

— Сошел с ума. По крайней мере так говорят. Психиатры утверждают, что некое потрясение практически опусто-

шило его разум. Бóльшую часть времени он ничего не говорит; изредка что-то бессвязно лепечет или тараторит. Почти все — бессмыслица. По словам врачей, ему нужен постоянный уход. Конечно, он мог бы симулировать безумие, чтобы попытаться сбежать, но его соучастница — та женщина, которая выдавала себя за его жену, — по-прежнему где-то скрывается.

— Вы совершенно уверены в его виновности? — спросил Бартелми.

— Я никогда не бываю полностью уверен. Несомненно, это его рук дело, однако кое-что из того, что он говорит... наводит на мысль, что он был одержим желанием заполучить Грааль. Вполне возможно, именно поэтому он переехал в здешние места. К тому же Аддисон оказался психопатом: ему вовсе не нужно было убивать жену — в деле отсутствует всякая денежная подоплека; а развод представлял собой гораздо менее рискованную альтернативу. Мы не знаем, как он убил ее; тело пролежало слишком долго. Мы не имеем представления, как он умудрился утопить фон Гумбольдта посреди леса. Может, принес бутылку воды, вырубил жертву, вылил воду в миску и утопил? Но зачем, объясните, ради Бога? Есть множество более легких способов. Даже наш местный эксперт по психологическому портрету в тупике. Он говорит, что, видимо, у Аддисона имелась некая идея фикс, однако он зашел слишком далеко, чтобы теперь мы могли выяснить, какая именно и почему. Хотя бы со смертью миссис Карлоу все четко и ясно. Предположительно она увидела что-то, что не должна была видеть, и Аддисон с ней разделался. Может, она попыталась шантажировать его, тогда он выманил ее к реке и столкнул. — Инспектор был недоволен. А

как быть с утверждением Хейлз о том, что ее прабабку убили на чердаке?..

— Да, здесь много неопределенности, — заметил Бартелми, — такова природа жизни.

— Однако этот случай... Когда он все же говорит, похоже, он вспоминает реку. Что-то о духе из воды. Наверное, он какой-нибудь нью-эйджевский чудака.

— Серийные убийцы всегда чудаковаты, — вежливо заметил Бартелми, — или мне так кажется?

Побджой не ответил, погруженный в собственные сомнения; с ним случился приступ иронии.

— Он все время повторяет «Ненуфар». Ведь это французское название кувшинки. Ненуфар.

— Быть может, так звали его сообщницу, — предположил Бартелми.

Побджой одарил хозяина долгим взглядом, и лицо его чуть смягчилось.

— Вы знаете, верно? — спросил он. — Ведь вам известна вся правда?

— Знаменитый полицейский напор, как в книгах?

— Я спрашиваю не как полицейский.

— Вы нашли злодея в пьесе, — наконец произнес Бартелми, — что очень важно. Больше он никому не причинит вреда. Пока что это должно вас удовлетворить. И Грааль вернулся туда, где ему следует быть.

— Насколько я слышал, его вернули миссис Торн?

— Совершенно верно. Возможно, остальные фон Гумбольдты пришли к выводу, что он и впрямь проклят. Или же решили, что могут позволить себе подобный благородный жест — ведь они определенно не рассчитывали заработать на чаше большие деньги. Никто так и не смог установить точную дату ее изготовления или материал. Как я понимаю,

Эпштейн посоветовал владельцу не связываться с очередным судом. У них с одним только Бирнбаумом забот полон рот. Кажется, оспариваются несколько живописных полотен и солонка работы Селлини. Да, думаю, что не ошибся: именно солонка. Тяжба займет пару лет.

Побджой пожал плечами. Его это не касалось.

— Пожалуй, мне пора, — заметил он.

— Заходите как-нибудь, — пригласил Бартелми. —

Всегда буду рад вас видеть.

Выйдя на тропинку, Побджой оглянулся: у него возникло любопытное ощущение, что приглашение Бартелми — не просто вежливость. Инспектор хотел вернуться — однажды. Он хотел справиться об Анни. Но ведь Побджой подозревал ее сына, и она никогда не простит ему этого. Быть может, лучше не стоит...

Через несколько дней после Рождества небольшая группа людей собралась у дверей бюро бракосочетаний в Кроуфорде. День выдался холодный, серый и промозглый — едва не шел дождь; хотя собравшиеся подняли воротники и втянули головы в плечи, защищаясь от непогоды, их раскрасневшиеся лица горели радостным ожиданием. Бартелми казался еще более благожелательным, чем обычно; в глаза Анни, разбурявшейся от ледяного ветра, снова вернулись веселые искорки, которых не было несколько месяцев, хотя она и утверждала, что неприятное открытие в отношении Майкла не задело ее. Сбившись в кучку, стояли трое подростков. Натан прибавил в росте почти дюйм — смуглый и привлекательный, он казался старше своих лет; Хейзл куталась от холода в собственные волосы (мать недавно тщетно пыталась уговорить ее постричься); а Джордж не мог найти

себе места и все бубнил, что в возрасте миссис Торн решаться на подобные поступки уже как-то неприлично, хотя, быть может, она делает это за компанию. Присутствовали также пара старых друзей Ровены и — довольно неожиданно — Алекс Бирнбаум. Вскоре прибыла и сама Ровена, в неожиданно модном костюме и старой шляпе, которую Анни украсила для нее фазаньими перьями. Сопровождавший ее Эрик выглядел сногшибательно в пальто из верблюжьей шерсти; оно даже оказалось иноземцу впору. Это был подарок Ровены. К счастью, Эрик не разбирался в ценах на одежду, а потому не представлял, в какую сумму обошлось ей его пальто. Минуту собравшиеся помедлили: люди здоровались, целовались и обнимались. Потом все отправились внутрь.

Вскоре процессия вновь показалась на пороге. Последовала новая порция поцелуев и объятий. Ровена пыталась казаться резкой и практичной, как обычно, — впрочем, безуспешно. Джордж фотографировал всех новым цифровым фотоаппаратом, подаренным родителями на Рождество. Анни «щелкала» древним «Олимпусом», служившим ей верой и правдой уже много-много лет. Потом все расселись в такси и покатались в паб «Счастливый охотник», где ждал грандиозный обед. Принесли шампанское, и на сей раз подросткам разрешили наполнить бокалы.

— Не понимаю, почему бы людям не жениться в любом возрасте, если им хочется? — сказала Хейзел Джорджу, тщательно подбирая слова. Она не хотела, чтобы ее обвинили в излишней романтичности.

— Ну ладно, — сдался Джордж: шампанское примирило его с происходящим. — Если только они ничего не будут делать.

— Удачи, — пожелал Бартелми Ровене. — Куда вы отправитесь... м-м... на медовый месяц?

— Какой еще медовый месяц! — фыркнула Ровена. — Смешно! Просто небольшой отпуск. Думаю, Африка вполне подойдет.

— Ясно. Особенно принимая во внимание, что Эрик якобы оттуда родом.

Ровена окинула его пронизательным взглядом.

— И куда именно?

— В Марокко. У меня в Марракеше живет подруга; мы собираемся ее навестить. Занимается всякой всячиной...

— Удачи, — пожелал Бартелми теперь уже Эрику. — Да пребудет с тобой сила.

Эрик, который открыл для себя рукопожатие, энергично потряс руку Бартелми.

— Теперь, когда он женат на Ровене, правительство его не вышлет, правда? — справилась Анни у Бартелми. — Ну, из-за того, что он находился здесь незаконно?

— Полагаю, нет. Хотя кто знает — с сегодняшними-то правилами да законами! Будем решать проблемы по мере их поступления.

— Как вы думаете, он огорчен тем, что в нашем мире не сможет жить бесконечно?

— Он не сможет *существовать* бесконечно, — поправил Анни Бартелми, — зато он начнет *жить*.

К концу вечеринки, когда Натан поддерживал Джорджа (тому стало плохо в туалете), произошло еще одно событие. Ровена передала Бартелми небольшой сверток.

— Позаботься о нем для меня.

Он кивнул.

— Ты уверена?

— У меня небезопасно. Я хранительница — и все же чаша должна остаться в Торнхилле. Ты знаешь, где именно.

В тот же вечер, вернувшись домой, Бартелми отодвинул потайную панель в дымоходе и спрятал туда сверток — не разворачивая. Он мог определить содержимое на ощупь — краешек бумаги отогнулся; но Бартелми решил, что не стоит прикасаться к чаше без крайней необходимости. Лишь Гувер видел, куда хозяин спрятал Грааль.

Наступил Новый год. Солнце, двигаясь вниз по склону, забралось своими длинными лучами в Темный лес.

Только теперь в нем не было ни души.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хемингуэй Аманда
Нефритовый Грааль
Фантастический роман

Редактор *О. Кутуев*

Художественный редактор *О. Адаскина*

Компьютерная верстка: *Л. Огнева*

Технический редактор *Т. Сафаришвили*

Младший редактор *Н. Дмитриева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Врата между мирами распахнулись — и древняя,
чуждая магия стала проникать в мир людей...

Миф?..

Суеверия?

Нет.

Юноша Натан, выросший в доме загадочного мудреца
и обладающий колдовским даром странствовать
между реальностями, уверен — мир магический
столь же достоверен, сколь и мир наш.

И теперь его «второй родине» грозит смертельная
опасность. Опасность, отвести которую сможет
лишь тот, кто соберет воедино три артефакта
немыслимой магической силы.

Первый из них именуется Нефритовым Граалем...

Бек
Дракона

ISBN 778-5-17-036593-5

